

ИРАНСКАЯ
СКАЗОЧНАЯ
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

ИРАНСКАЯ
СКАЗОЧНАЯ
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Перевод с фарси

МОСКВА
« ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА »
1977

И (Иран)

И77

Перевод

А. ДУНА и Ю. САЛИМОВА

Составление, предисловие и комментарии

И. БРАГИНСКОГО

Оформление художника

А. КОСТИНА

© Издательство «Художественная литература», 1977 г.

И $\frac{70700-216}{028(01)-77}$ 193-77

ОБ «ИРАНСКОЙ СКАЗОЧНОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ»

...В одном из углов базарной площади примостился *киссахан* (рассказчик) со своим немудреным инвентарем: невысокая тахта, на ней взбитая подушка, а на подушке — большая, толстая рукопись в плотном цветастом переплете. Мигом собралась вокруг киссахана толпа приехавших на базар крестьян и ремесленников, завсегдаев подобных *маарака* (зрелищ) и всякого праздношатающегося люда. Все теснились друг к другу, вытягивая вперед головы, чтобы лучше видеть и слышать рассказчика. А он начинал не торопясь, слегка покачиваясь в такт рассказу, время от времени заглядывая в лежащий перед ним раскрытый рукописный фолиант и легким прикосновением пальцев перелистывая страницы. Постепенно голос его становился громче, а сам он приходил в состояние экстаза. Крупные капли пота падали с его лба. Он все чаще энергично жестикулировал, изображая действия героев повествования. Длилось оно долго, вызывая все более живую и бурную реакцию слушающей толпы: это были и восторженные возгласы

одобрения, и скептическое цокание языком, и то шуточные, то осуждающие реплики. Рассказчик, одержимый артист, и слушатели, до крайности возбужденные и напряженные, словно составляли одно целое, слившееся воедино в своих откровенных переживаниях и волнениях с героями повествования, с их чудесными судьбами и невероятными приключениями...

Так рассказывал нам, своим ученикам и почитателям, родоначальник таджикской советской литературы, *устад* (учитель) Садрриддин Айни о посещавшихся им в молодые годы маарака в «благородной Бухаре» — на рубеже XIX и XX веков, о прославленном бухарском киссахане и (что особенно важно для литературоведа) о наличии огромной рукописной книги, содержащей повествовательный репертуар рассказчика.

Но где найти эту книгу, куда она исчезла? На этот вопрос ответить со всей определенностью в 50-е годы нашего века не мог никто, а старого киссахана уже давно не было в живых. «Ищите в рукописохранилищах», — мог лишь посоветовать нам устад С. Айни.

Начались упорные розыски, которые привели к результатам не только положительным, но и в известном смысле даже... неожиданным: книга не только нашлась, но и вызвала некоторые радикальные изменения во взглядах на классическую фарсиязычную (именуемую точнее «персидско-таджикской») литературу, существенную переоценку ее состава.

Что же именно произошло?

Автором этих строк в 1951 году была обнаружена в рукописохранилище Душанбинской публичной библиотеки имени Фирдоуси рукопись (за № 167), представляющая собой «книгу» киссахана, подобную той (а может быть и ту самую), о которой рассказывал С. Айни. Это был аршинного формата, облаченный в цветастый твердый картонный переплет, объемистый фолиант рукописного текста, написанного бухарским *катибом* (переписчиком) мелкой изящной арабской вязью на языке фарси и равного (при пересчете на современные типографские меры) никак не менее ста двадцати — ста пятидесяти печатным листам, набранным петитом. Рукописная книга содержала семь многочастных «романов» и свыше сорока сказочных повестей. Кроме того, поля рукописи были оснащены написанными еще более мелким почерком сотнями анекдотов, коротких притч, всяческих прибауток и т. п. Это

и был переходивший из поколения в поколение киссаханов (профессия киссахана была обычно наследственной) фолиант, содержащий разнообразнейший репертуар бухарского киссахана, исполнявшийся на маарака. Рукописная книга была определена как «Иранская сказочная энциклопедия». Название это с тех пор стало употребляться в работах по иранской филологии (на фарси такие книги назывались «Джаваме-ул-хикаят», примерно: «Полное собрание сказаний»).

Находка рукописи № 167 послужила толчком к розыскам ей подобных рукописей в других рукописохранилищах (в частности, в Ленинграде и Ташкенте) и к изучению многочисленных каталогов фарсиязычных рукописей за рубежом.

Выявилось обстоятельство, на которое еще в конце прошлого века указывал известный немецкий иранист, литературовед и библиограф Герман Эте. В своем очерке о литературе на языке фарси в книге «Компендиум иранской филологии» он писал о том, что начиная с X века в Иране и Средней Азии творилась не только всемирно прославленная классическая поэзия, создатели которой — от Рудаки и Фирдоуси до Хафиза и Джами — широко известны, но существовало также большое количество прозаических произведений художественного, преимущественно сказочного характера, обычно анонимных авторов, и поэтому, а возможно еще и потому, что их затмила блестящая поэзия, оставшихся неизученными и даже незамеченными.

К сожалению, и спустя полвека после Г. Эте многие литературоведы-иранисты продолжали недооценивать эти прозаические произведения. Лишь в последнее десятилетие появляются, преимущественно в Иране и Советском Союзе, исследования, раскрывающие их характер и значение¹.

Описанное Садриддином Айни устное исполнение художественного произведения имеет очень давнюю традицию у иранских народов. Великие поэты-классики обычно сами не читали своих стихов ни на придворных, ни на народных собраниях, это делали сопровождавшие их *равии* (декламаторы). Из средневековых хроник и воспоминаний очевидцев нам известно, что среди ремесленных цехов уже в период раннего средневековья сложился цех рассказчиков.

¹ См., в частности, исследование об иранских сказочных энциклопедиях: Ю. С а л и м о в. Персидско-таджикская повествовательная проза. Душанбе, изд-во «Дониш», 1971 (на тадж. языке).

Если стихи можно было выучить наизусть, запомнить и передавать их канонизированный текст с дословной точностью, то рассказы и повести, с течением времени выраставшие в большие циклы и даже в многочастные «романы», запомнить было невозможно. Известно, что уже с XI—XII веков некоторые из подобных прозаических произведений записывались. Дошли до нас и имена их составителей или переписчиков. Поскольку передавались эти произведения изустно, то, естественно, возникали различные их варианты. Существовали записи целых «сказочных энциклопедий».

Судя по количеству дошедших до нас рукописей, весьма много «энциклопедий» было записано именно в XVII—XIX веках. Они содержат различные варианты и версии тех или иных произведений, в частности, «большие версии» и «малые версии». При этом соотношение разных по объему версий различно: иногда «малая» представляет собою как бы конспект «большой», но иногда «малая версия» — лишь зародыш «большой», составленной более поздним по времени рассказчиком. Почти все без исключения произведения эти анонимны, автор (а он, конечно, существовал!) исходного текста неизвестен. Зато исходные сюжеты и их совокупность науке хорошо знакомы по мировому сказочному фонду. Восходят эти сюжеты и предания часто к глубокой древности; многие заимствованы из древнеиранской литературы (на среднеиранских языках II—VII вв., т. е. до внедрения ислама). Немало сюжетов и тем заимствовано из греческой литературы эпох античности и эллинизма; особенно много — из индийской литературы на санскрите (знаменитая книга басен «Панчатантра», буддийские *джатаки* (жития Будды) и др.); и наконец — из арабских, мусульманских *хадисов* (преданий) и сказаний.

Однако и местные, иранские, сюжеты и заимствованные были переплавлены в горниле народной фантазии. Они «воссоединялись» с другими произведениями народного творчества, с его сюжетами и мотивами самых разных исторических эпох, обрастали возникавшими позже идеями и эпизодами. В конечном счете все эти сказания облачились в иранские (персидские и таджикские) одежды, с каждым новым веком обретавшие иную окраску.

В итоге от исходного произведения многовековой давности зачастую оставались в его более поздней версии, скажем, XVII—XIX веков, только имена главных героев да некое сюжетное ядро. Вокруг этого ядра возникало так много новых

сюжетных комплексов и новелл, что по существу можно говорить уже не столько о «версии», сколько о новом произведении.

Иными словами — перед нами не окаменелая, а вечно развивавшаяся традиция. При анализе последней по времени версии произведения нетрудно обнаружить ее «многослойность», выявить как бы упрятанные в новом произведении архаические элементы произведения исходного.

До настоящего времени найдено около трех десятков «Сказочных энциклопедий», по общему числу содержащихся в них «романов» и повестей во много раз превосходящих рукопись № 167. Весь этот грандиозный сказочно-повествовательный фонд правильно было бы именовать «океаном» — он не только поразительно грандиозен, но и находится в вечном движении.

Знакомство с этим иранским «океаном сказаний» способно вызвать у читателя чувство изумления и восхищения необузданностью фантазии и бескрайностью творческих потенций безымянных составителей. Перед литературоведом же неизбежно возникает проблема: как определить жанр этих произведений, как их классифицировать.

Вполне правомерна дискуссия и научная полемика, возникшая в иранской филологии вокруг этих вопросов, и прежде всего по поводу того, следует ли отнести эти произведения к фольклору или к письменной литературе.

В пользу первого тезиса говорит, в частности, фольклорный характер и источник сюжетного ядра этих произведений. Они бытовали в устном исполнении, на разговорном языке, были анонимны. Поскольку же рассказчики в течение веков изменяли их текст, приспособляясь к вкусу и пожеланиям аудитории, то осуществлялся тот тип коллективного творчества, который характерен именно для фольклора.

В пользу же второго говорит существование письменного текста произведений, гораздо бóльшая стабильность его сравнительно, например, с устным народным сказочным эпосом; наконец, общелитературный, а не диалектный характер разговорного языка киссаханов.

Вместе с тем некоторые исследователи, ссылаясь на «промежуточное» положение этих произведений между фольклором и письменной литературой, предлагали именовать их либо «устной письменностью», либо «письменным фоль-

клором», что, по их мнению, должно было подтвердить их жанровую неопределенность, их парадоксальный синкретизм.

Чтобы ответить по-научному объективно на поставленный вопрос, следует подойти к нему с позиций историзма — исследовать эти произведения в их зарождении и возникновении, их многовековой эволюции и обретении ими того облика, который им присущ в «сказочной энциклопедии».

Выше уже отмечалось, что сюжетное ядро значительной части этих произведений восходит к глубокой древности и к устной традиции. В письменной форме многие из этих произведений развивались особенно интенсивно в городской среде. И как это свойственно городскому устному творчеству вообще, такие произведения впитывали в себя письменнo-литературные элементы, испытывали воздействие классической фарсиязычной поэзии — романтических поэм (таких, как многочисленные вариации на тему «Лейли и Маджнун» и др.), а также любовной лирики (*газелей* Хафиза и др.), мистическо-суфийских преданий о «святых» и творимых ими благодеяниях и чудесах, вбирали в себя различные религиозно-философские элементы. Как известно, XVII—XIX века характеризуются новым после X—XV веков расцветом фарсиязычной поэзии, культивировавшейся именно в городской среде. К этому же периоду относится бурное развитие сказочной литературы. «Сказочные энциклопедии» обретают ту самую завершенную форму, в которой они и дошли до нашего времени.

Исходя из этого факта, а также из общих закономерностей литературного процесса, современная иранская филология склонна рассматривать сказочную литературу не как некую промежуточную форму, а как письменную литературу особого рода. Своеобразие этого особого рода состоит вовсе не в его кажущейся жанровой неопределенности, а во вполне определенно выраженном демократическом, народном характере.

Ведь и в произведениях классиков, выражавших демократическую тенденцию в литературе (в противовес литературе реакционного, консервативного характера), отчетливо прослеживаются фольклорные источники и мотивы. Таково творчество и Фирдоуси, и Хафиза, и других корифеев персидско-таджикской поэзии.

В этой связи уместно вспомнить высказывание Н. Г. Чернышевского: «...известно, что главная сила и Мильтона,

и Шекспира, и Боккачио, и Дантё, и Фирдауси¹, и всех других первостепенных поэтов состояла в том, что они были компиляторы народных преданий»².

Народные истоки сказочных произведений вовсе не являются препятствием для их развития в общелитературном русле. Оставаясь разговорным, становился все более общелитературным их язык; сложились более четкие принципы их композиции: либо сосредоточение множества эпизодов вокруг одного сюжетного стержня — «рамки» (так называемая «обрамленная повесть»), либо широкое применение вставной новеллы или «сказки в сказке». В конечном счете сформировались основные жанровые формы: *дастан* (роман), *кисса* — (повесть), *хикаят* (рассказ) и *латифа* (анекдот). В этих произведениях в отличие от обычных народных сказок герои действуют активно, осмысленно. Поэтому больше уделяется внимания и их душевному миру, психологии.

В сказочных произведениях отчетливо выражена народная тенденция (общечеловеческая мораль, нравственные нормы и народные чаяния и идеи) и народно-гуманистическая концепция личности — личности благородной, мужественной, доброжелательной, человеколюбивой. Эта концепция иногда воплощена в образах справедливого царя или справедливого народного царства типа славянской «Страны Муравии» или таджикского «Золотого кишлака».

Следовательно, совершалась эволюция от первоначального синкретизма, жанровой неопределенности, от «письменного фольклора» к художественному синтезу подлинной литературной прозы.

Именно такими и предстают перед нами собранные в «Сказочной энциклопедии» произведения фантастически-сказочного содержания. Именно своей литературностью они принципиально отличаются от устных народных сказок иранских народов — персов и таджиков, — сказок целиком фольклорного типа, никогда не бытовавших в письменном виде.

С образцами этой прозы и знакомит читателя настоящая книга. Она представляет собой как бы «малую» сказочную энциклопедию. В ней представлены лишь две жанровые формы: роман и пять любовных повестей.

¹ Фирдоуси.

² Н. Г. Чернышевский. Повести в повести. Полн. собр. соч., т. XII. М., Гослитиздат, 1949, с. 137.

«Семь приключений Хатема» являются довольно характерным образцом сказочного романа.

Романом это произведение и ему подобные следует считать, принимая во внимание не только объем, но и в первую очередь такие его существенные особенности, как отражение социальной жизни и общественных конфликтов в широком плане; изображение человеческой личности, ее помыслов и активности; наличие занимательной интриги и разворачивающихся, подобно пружине, сюжетных линий.

Роман создан по рамочному принципу, хорошо известному читателям по «Тысяча и одной ночи», «рамку» которой составляют рассказы Шахразады в течение 1001 ночи, с многочисленными вставными новеллами, «сказками в сказке».

«Рамочная» структура, содержащая в себе большие художественно-фантастические потенции, высоко ценилась, в частности, таким поборником и теоретиком реалистического художественного метода, как Н. Г. Чернышевский. В «Повести в повести», которую мы выше цитировали, он по поводу «Тысяча и одной ночи» замечает, например: «Я в молодости очаровывался сказками «Тысяча и одной ночи», которые...вовсе не «сказки для детей»; много и много раз потом, в мои зрелые лета, и каждый раз с новым очарованием, я перечитывал этот дивный сборник. Я знаю произведения поэзии не менее прекрасные, более прекрасного — не знаю»¹. Одной из основных особенностей, заключенных в «рамочной» поэтике таких сказочных произведений, в их поэтической вдохновенности, является, по характеристике Н. Г. Чернышевского, вовлечение самого читателя в творческий процесс вымысла: «Сущность чистой поэзии состоит именно в том, чтобы возбуждать читающих к соперничеству с автором, делать их самих авторами»².

В меткости такого утверждения великого критика не раз убедятся и читатели представленного в настоящей книге романа о семи необычайных приключениях Хатема.

В океане иранской сказочной прозы насчитывается огромное количество многочастных романов, в которых наличествуют черты рыцарского, исторического, авантюрного, плутовского, семейно-бытового и тому подобных романов.

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XII, с. 130.

² Там же, с. 132.

«Семь приключений Хатема» ближе всего по типу подходят к роману любовно-авантюрному, с отчетливо выраженной гуманистической идеей самоотверженности, воплощенной в главном герое произведения — Хатеме и являющейся стержнем всего романа, подобно тому, как семь приключений Хатема составляют его «рамку».

Кстати сказать, рамка эта числового рода связана со «счастливым числом» — семь. Сходные «числовые рамки» свойственны и многим другим романам этого времени: «Четыре дервиша», «Семь зрелищ», «Десять визирей» и т. п. В них, в отличие от «Тысяча и одной ночи», рамку составляют не рассказы самого героя, а события, связанные с его действиями.

Прототипом героя, давшего имя роману, послужило, как и во многих других сказочных романах, полуисторическое-полулегендарное лицо: арабский (бедуинский) поэт Хатем из племени Тай (V—VI вв.), славившийся своим сказочным гостеприимством, благожелательностью и радушием.

По законам волшебной сказки «простой» поэт «превратился» в сказочного принца, *шахзаде*. Только романтически приподнимаясь над обыденной жизнью и может расцвести народная фантазия. Таково веление сказочной «чистой поэзии» всех времен и народов.

При всей, вызванной бытованием в течение нескольких веков (XV—XIX) «разновременности» отдельных элементов и реалий, свойственных самым различным эпохам, цельность роману придает именно концепция гуманной личности. Таковы характерные черты сказочного романа.

Типичной любовно-романтической *кисса* является повесть о Нушафарин. В отличие от любовно-романтических поэм классического типа (например, Низами, Джами) здесь в центре внимания находится не философская идея, а любовная интрига, переданная путем изображения целой сети приключений и фантастических сюжетных ходов.

В условиях феодального, средневекового режима в Иране и Средней Азии, когда были составлены сказочные письменные произведения, они явились теми подлинно народными книгами, которые служили «лучом света в темном царстве». К ним полностью может быть отнесена характеристика, данная Ф. Энгельсом немецким народным книгам:

«Народная книга призвана развлечь крестьянина, когда он, утомлённый, возвращается вечером со своей тяжелой работы, позабавить его, оживить, заставить его позабыть свой тягостный труд, превратить его каменистое поле в благоухающий сад; она призвана обратить мастерскую ремесленника и жалкий чердак измученного ученика в мир поэзии, в золотой дворец, а его дюжюю красотку представить в виде прекрасной принцессы; но она также призвана... прояснить его нравственное чувство, заставить его осознать свою силу, своё право, свою свободу, пробудить его мужество, его любовь к отечеству»¹.

Сквозь всю фантастику этих иранских народных книг пробивалось также реалистическое начало в литературе. Оно проявлялось не столько в обилии бытовых сцен и реалий или в жизненном правдоподобии, сколько в пронизывающей все произведение народно-гуманистической концепции личности, концепции, вселявшей веру в силу активного действия.

Характерно также, что в отличие от большинства персидско-таджикских устных сказок, в которых действие происходит неизвестно где (обычный зачин: «Было, не было, но случилось так, что...», или «Один был, другого не было...»), подобно русскому: «Жили-были...», «В некоем царстве, в неизвестном государстве...» и т. п.), — в письменной сказочной прозе всегда даны «географические» координаты, а нередко и временные. Хотя вполне реальные географические названия («Алеппо» в Сирии; «Чин и Мачин» — Китайский Туркестан) и не совпадают в сказках с указанными местностями, они все же служат неким правдоподобным ориентиром, определенным реалистическим элементом.

Богата и разнообразна поэтика сказочной литературы: упругий сюжет, динамичность его развития, интересные композиционные приемы, умелое использование повторов и литературных «клише», яркость и поэтичность авторской речи, занимательность изложения, инкорпорирование стихотворных строк. Все это служило воспитанию художественного вкуса у массовых слушателей.

Отмеченные особенности классической сказочной прозы, а также живой, лишенный риторической изощренности язык

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., Госполитиздат, 1956, с. 344.

персонажей вдохновляли иранских писателей XIX—XX веков и определенным образом содействовали реалистическому характеру их творчества, в том числе такого мастера реалистической прозы, как Садек Хедаят.

* * *

Представленные в настоящей книге произведения составляют не более одной десятой «сказочной энциклопедии» бухарского киссахана, а по отношению к иранскому «океану сказаний» — это лишь одна капля. Но знакомство с ней даст возможность читателю ощутить неповторимый «вкус» этого «океана», как говорил (по другому случаю) замечательный дагестанский писатель Эффенди Капиев: «Увы, постигнута, может, одна лишь капля... Но ведь бывает довольно и капли, чтобы ощутить в ней соленый привкус моря»¹.

И. Брагинский

¹ Эффенди Капиев. Избранное. М., Гослитиздат, 1966, с. 21.

*Семь приключений
Хатема*

Начало книги

Сказители старинных дастанов, сладкозвучные соловьи, порхающие в садах прекрасных слов, хранители сокровищниц чудесных преданий — все они рассказывают о том, что некогда написал Мир Ашраф Рамузи о благородном Хатеме в своей книге «Собрание сказаний». Описание жизни Хатема, сына Тая, внука Кахлана, который был сыном Сина, внуком Нахшаба и правнуком Кахтана, начинается с повествования об их праотце Худе.

Рассказывают, что Худ славился богатырской силой. Отец его — бедный дехканин Йеменского царства, прожив всю жизнь в трудах и заботах, покинул сей бранный мир. И помыслил тогда Худ: «Смею ли я, человек богатырской силы и недюжинной смелости, просидеть всю жизнь, подобно пауку, раскинувшему сеть в надежде заполучить в нее какую-нибудь жалкую мошку, и смиренно уповать на чудо?! Сие неразумно!» И, собрав свою родню и друзей, Худ обратился к ним с такими словами:

— Дорогие вы мои! Сердце повелевает мне выйти из повиновения шаху нашему и померяться с ним силой. Если небо изъявит ко мне благосклонность, воссяду я на йеменский престол и употреблю шахскую власть на то, чтобы держава моя стала процветающей и могущественной, подданные мои благоденствовали в счастии и согласии, волк и овца, лев и лиса утоляли бы жажду из одного источника. И буду я тогда славен в Йемене и за его пределами справедливостью своей и мудростью. Что вы мне на это ответите?

Родные и друзья на подвиги его благословили, но при этом сказали:

— Твое стремление ко всеобщему благу весьма похвально, только для этого дела потребуется много денег, ты же человек неимущий и уповать можешь только на то, что тебе повезет и ты отыщешь богатый клад.

Думали они, рядили и порешили наконец отдать ему все имевшееся у них золото. По прошествии семи лет Худ набрал большое войско, оснастил его оружием и стал готовиться к битве с йеменским шахом. Шах же, прознав о том, что сын безвестного дехканина, ставший во главе войска, задумал его сокрушить, страшно вознегодовал и, призвав своих военачальников, приказал им немедля выступить против Худа и во что бы то ни стало одолеть его рать, а голову смутьяна доставить ему, дабы другим неповадно было подобное своеволие.

По шахскому велению военачальники во главе пеших и конных войск тотчас выступили в поход против Худа, и была великая битва, в коей Худ наголову разбил шахское войско. Многие из воинов шаха полегли на поле брани, иные же обратились в бегство. Узнав о неповиновении Худа, йеменский шах пришел в ярость, собрал он неисчислимое войско из пеших, конных и лучников и самолично повел его против Худа. Худ, сохраняя выдержку и хладнокровие, оказал шаху достойное сопротивление и в смелом бою разбил шахское войско наголову, а за стремление к справедливому правлению Аллах благословил его, и Худ воссел на йеменском престоле. Взятый в плен йеменский шах, претерпев муки поражения, по прошествии недолгого времени отбыл в мир иной.

Худ правил столь мудро и справедливо, что снискал приязнь всех своих подданных, ибо во времена его владычества не стало гнета на земле, и друг и недруг, стар и млад благословляли его за щедрость и великодушие, и из одного источника утоляли жажду волк и овца, лев и лиса. И народ Йемена зажил в достатке и благоденствии.

По прошествии нескольких лет послал ему Аллах сына, коего нарекли Кахтаном. Когда же Худ состарился и срок его жизни изошел, сын Кахтан воссел на трон его. И тогда пуще прежнего расцвел Йемен, и даровал Кахтану всевышний сына, коего нарекли Нахшабом. Достигнув возраста мужей, Нахшаб отвернулся от своего отца, всячески противясь всем его достойным деяниям. Разгневался Кахтан на сына, и довелось тому искать прибежища в арабских землях. Когда же Кахтан умер, Нахшаб вернулся в родные края и стал повелителем Йемена, и родился у него первенец, коего нарекли Сином.

Когда Син вырос и, как говорится, познал самого себя, проявился его дурной нрав и разгорелась между Нахшабом и Сином непримиримая вражда. Син изо всех сил старался избавиться от отца, однако это ему не удалось, отец же вознамерился сына казнить, но мать не допустила этого.

Она прятала Сина до той поры, пока Нахшаб не переселился на небеса. И когда это случилось, Син занял трон своего отца и стал шахом Йемена. И тотчас Йеменское царство застояло от непомерного гнета. Вскоре у Сина появился младенец, коего нарекли Кахланом. Был Кахлан добр и терпелив, и, когда разум его окреп, понял он, что неразумно владыке угнетать подданных и разорять государство. Улучив момент, он отстранил отца от власти и заточил его в темницу. Сам же стал управлять государством. По прошествии недолгого времени Аллах даровал Кахлану сына, которого назвали Таем. После смерти отца Тай воссел на шахский трон, и благостным было его правление. Он стяжал славу правителя столь мудрого и справедливого, что не было ему равных во все времена.

Тай подчинил себе все арабские государства, однако добился он этого не столько силой, сколько беспримерной мудростью и справедливостью. Со всех концов своей страны собрал он достойных и мудрых мужей и всегда со вниманием выслушивал их речи. Они же поведали ему и о несравненной красоте дочери некоего Адана.

Тай воспылал к ней страстью и сделал ее своей женой. Вскоре она понесла и в положенный срок родила ему сына с ликом, подобным солнцу. И нарекли того сына Хатемом.

Призвал Тай во дворец прорицателей и звездочетов и повелел им предсказать будущее Хатема. Бросили звездочеты жребий, взглянули на звезды, раскрыли волшебные книги и поведали шаху, что Хатему уготована счастливая судьба, что будут ему подвластны семь государств, что ему суждено совершить много славных подвигов во имя счастья своих друзей и доброе имя его будет славиться до скончания мира. Услышав такие вести, возрадовался Тай великой радостью, щедро одарил мудрецов и звездочетов. Никого не обошел своей милостью. Потом повелел позвать высокородных придворных, приближенных своих и народ всякого звания и милостиво потчевал их обиль-

ными угощениями. Те же возносили молитвы в честь шаха и его сына.

По случаю рождения сына Тай разослал во все концы своих владений многочисленных глашатаев, дабы те оповестили жителей, что младенцы мужского пола, появившиеся на свет в один день с Хатемом, должны быть немедленно доставлены во дворец. По прошествии недолгого времени слуги принесли во дворец шесть тысяч мальчиков, к коим шах приставил шесть тысяч молодых и здоровых кормилиц, и те не мешкая приступили к своим обязанностям. Четырем же самым лучшим и самым красивым из этих кормилиц был поручен Хатем. Но какая бы из кормилиц не подносила грудь к устам Хатема, он ее не брал. Вспоношились приближенные и поторопились к Таю с сообщением, что, дескать, сиятельный младенец отказывается от еды. И повелел шах снова созвать мудрецов и звездочетов, и, когда те явились пред его очи, он изрек:

— О мудрейшие из мудрых! Наш новорожденный не берет грудь ни у одной из кормилиц. В чем тут причина?

Звездочеты и прорицатели раскрыли волшебные книги и ответили:

— О, убежище вселенной! Сын твой вскоре прославится своей небывалой щедростью и добротой и никогда не станет один садиться за трапезу. Для того чтобы он ел, нужно принести всем шести тысячам кормилиц вверенных им младенцев и кормить их одновременно с Хатемом.

Когда шесть тысяч кормилиц принесли в покои Хатема порученных их заботам новорожденных, Хатем охотно стал сосать молоко. И так Хатем рос, и слез не знал, и в одиночку не снедал, и без просыпу не спал. Когда он еще и говорить-то не умел, стоило ему увидеть на улице какого-нибудь бедняка или чужеземца, как он тотчас показывал ручонкой, чтобы тому подали милостыню. В будущем щедрость и доброта неизменно сопутствовали всем его деяниям. Как только Хатему исполнилось четыре года, Тай пригласил

во дворец ученых мужей, дабы те обучили шахзаде, а заодно и шесть тысяч его сверстников всем премудростям науки. Когда же к двенадцати годам он постиг все премудрости науки, стал он с небывалой щедростью и великодушием одаривать бедняков и всех нуждавшихся в его помощи. Вскоре богатая казна, собранная его отцом, основательно оскудела, однако отец души не чаял в Хатемѣ и во всем ему потворствовал.

Ни человека, ни животное Хатем был не способен обидеть, каждого же чужестранца и бедняка, кой пришелся ему по душе, он приводил в свой покой, потчевал всевозможными яствами и услаждал слух его приятной беседой.

И был Хатем ровен и ласков в обращении со всеми, и речь его была сладкозвучна, и сам он был ликом подобен восходящему солнцу. И всякий, кто сподобился лицезреть его красоту, считал себя осчастливленным. И каждому, кому случалась удача поведать Хатему о своих невзгодах, он помогал чем только мог, обиженных же и притесняемых брал под свою защиту. Просящему подаяния он никогда не отказывал, сопровождая проявленную им милость добросердечными напутствиями и пожеланиями. И не было в Йеменском царстве человека, коему бы Хатем чем-нибудь досадил. Вскоре закончилась пора детства, он достиг возраста мужей, и появился у него над губой первый пушок, и стал он лицом во сто крат прекраснее, чем прежде. И молва о его несравненной красоте, благородстве и щедрости дошла до самых отдаленных уголков света.

Рассказ о шахе Хорасана и дочери купца Ходжи Барзаха

Рассказывают, будто некогда в стране Хорасан правил падишах по имени Курданшах, у которого было пять тысяч всадников, пять тысяч пеших воинов и тысяча неотступно за ним следовавших лучников.

Часть своего войска отправил он в чужеземные страны, дабы сделать Хорасан государством могущественным, а самому стяжать славу не имеющего себе равных в благородстве и справедливости.

Жил во времена царствования Курданшаха в Хорасане купец Ходжа Барзах. Слыл он сказочно богатым человеком. Множество преданных ему приказчиков сбывали его товары в заморские страны. Сам же Барзах вел торговлю в Хорасане и был любимцем падишаха. Когда же срок жизни Барзаха истек и он перешел в мир иной, осталась после него единственная наследница-дочь Хуснбану. И была она так прекрасна, что свет, излучаемый ее лицом, затмевал сиянье солнца, слава же о ее несравненной прелести достигла самых отдаленных уголков света.

Умирая, купец Барзах завещал Курданшаху:

— О могущественный падишах! Пришел черед моей душе отправиться в последний путь. Заклинаю тебя! Будь добрым и благодетельным отцом моей ненаглядной девочке! Не жалея для нее ни снисхожденья своего, ни щедрот своих, ибо нет на свете никого, кто был бы ей тебя ближе.

— О благородный Ходжа! — отвечал Курданшах. — Нет причины тебе тревожиться о судьбе малики Хуснбану, ибо я буду лелеять ее во сто крат больше, нежели ты. Твоя дочь отныне станет моей дочерью, и моя благосклонность не покинет ее в этом мире.

Ходжа Барзах обрел покой, вверил свою душу всевышнему, а все свои богатства вместе с Хуснбану — падишаху.

Пятнадцатилетняя Хуснбану слыла девушкой мудрой и прозорливой, и Курданшах, будучи человеком справедливым и благородным, без всякого опасения отдал ей оставленное купцом Барзахом богатство. Между тем огромное состояние нисколько не радовало Хуснбану. После смерти отца ее стали посещать мысли о бренности земного бытия, и она решила посвятить свою жизнь делам богоугодным, дабы не омрачать ее мирскими заботами. Из близких друзей и родных не было у Хуснбану никого, кроме единственной кормилицы-няни, отличавшейся острым умом и недюжинной смекалкой. Позвала однажды к себе няню малика Хуснбану и молвила:

— О верная моя служанка! Не обессудь меня за неразумие, только замыслила я остаться в земной жизни одинокой. Меня же без конца донимают влюбленные юноши. Что посоветуешь ты мне сделать, чтобы оставили они меня в покое?

— О моя ненаглядная, — отвечала ей кормилица, — я придумала одну хитрость, коя может помочь тебе избежать замужества.

— Скажи, матушка, в чем состоит та хитрость и принесет ли она мне успокоение?

И вот что сказала кормилица:

— О чарующая мир малика! Когда кто-нибудь из влюбленных придет тебя сватать, ты скажи, что тот, кто хочет получить тебя в жены, должен ответить на семь вопросов. Если он сумеет на них ответить, значит, так тому и быть, а коли не сумеет, тогда и богатства его и судьба перейдут в твои руки. Вопросы же те весьма мудреные, и вряд ли сыщется человек, способный найти на них правильный ответ.

Первый вопрос:

Кто та любимая, скажи, которую, узрев однажды,
Мы жаждем встретить, но вовек не утолить нам этой жажды?

Второй вопрос:

Какую жертву принести? Что воле волн доверить надо,
Чтобы нашла тебя за то в пустыне вышняя награда?

Третий вопрос:

Как злодеяние назвать того, кто, став рабом желанья,
Причастен к злодеяньям стал и сам погиб от злодеянья?

Четвертый вопрос:

Что справедливое свершить ты должен, чтоб спастись от горя,
Что за удачу небеса тебе пошлют за это вскоре?

Пятый вопрос:

Кто тот, который в жизни смог всего желанного добиться,
И о каких его делах с горы высокой весть домчится?

Шестой вопрос:

Как эту баню назовешь, которую по ветру носит?
Коль ты умен, то угадай да отвечай тому, кто спросит!

Вопрос седьмой:

Одной жемчужиной большой — величиной с яйцо — владею, Другую сможешь ли найти, чтоб схожею была с моею?¹

Несказанно возрадовалась малика Хуснбану, выслушав кормилицу, и, ласково улыбнувшись, сказала:

— О верная моя служанка! Да воздаст тебе всевышний благом за доброту твою!

Озирая однажды окрестности из окна своих покоев, малика Хуснбану заметила вдали дервиша в сопровождении слуг. Облик у дервиша был надменный, поступь — величаявая. Ступни его не касались земли, ибо слуги подкладывали ему под ноги слитки золота и серебра.

— О верная моя служанка, — спросила малика удивленно, — что это за святой шествует столь важно, ступая по золотым и серебряным слиткам?

— О чарующая мир малика, — ответствовала кормилица, — это наделенный божественной благодатью наставник Курданшаха по имени Азрак. Курданшах четыре раза в месяц является к нему на поклон и, одержимый безграничной в него верой, исполняет все, что бы тот ни повелел. Сказывают, будто человек сей ночами вместо сна предается молитвам.

— О верная моя служанка, мне никогда в жизни не приходилось встречать человека, подобного этому. Надо во что бы то ни стало пригласить его к нам во дворец, устроить в его честь пир и щедро одарить. Прежде всего я хочу поклониться ему в ноги.

— О чарующая мир малика, речи твои разумны.

Малика не мешкая приказала своему рабу отправиться навстречу дервишу и пригласить его во дворец. Раб тотчас исполнил повеление малики. Он пошел к дервишу и приветствовал его подобающим образом. Дервиш же, ответив на приветствие, спросил:

¹ Здесь и далее стихи в переводе С. Северцева под редакцией Г. Ярославцева.

— О юноша, чего желаешь ты?

— О благородный отец! — отвечал ему раб. — Моя госпожа — малика Хуснбану — повелела мне тебя просить, чтобы ты осчастливил ее скромную обитель своим приходом.

Дервиш поблагодарил за приглашение и велел передать малике, что ее гостеприимный дом он намерен посетить завтра.

Несказанно возрадовалась малика и повелела приготовить для гостя изысканнейшие яства.

Слуги немедля бросились исполнять ее повеление и настряпали всевозможные угощения отменного вкуса. И еще приготовили для дервиша девять отрезков шелковой ткани. Потом они накрыли семь дастарханов и выставили на них красные чаши, а на семь других дастарханов выставили чаши белые.

Когда миновала темная ночь и яркое солнце озарило мир, долгожданный гость со своей свитой прибыл во дворец малики. На дервише было зеленое платье, поверх платья зеленый же плащ, голова обмотана зеленой чалмой. В руках он держал зеленый посох.

Услышав о прибытии дервиша, малика повелела слугам постелить под ноги почтенному гостю златотканый ковер. И слуги устлали дорогу от ворот дворца до двери приемных покоев малики Хуснбану златоткаными коврами, и дервиш важно прошествовал по ним в зал, где было все приготовлено для торжественной трапезы.

Когда дервиш воссел на курпачах, ему тотчас поднесли богато изукрашенные чаши, обернутые роскошными салфетками. После же слуги внесли изготовленные из золота кувшины и чашу для омовения рук, и дервиш и его свита омыли свои руки. И разостлали перед дервишем темно-зеленый дастархан и устлали его подносами со свежеспеченными лепешками и блюдами со всевозможными угощениями отменного вкуса под золотыми и серебряными крышками.

Омыв руки, дервиш и его слуги воссели за трапезу. И они вкусили от всех тех яств и

поняли, как богат и знатен был купец Барзах. «Столь роскошную утварь, — подивился дервиш, — нельзя узреть у самого падишаха...» И закралась ему в сердце греховная мысль: «Нынешней ночью не худо бы все это добро потихоньку унести».

После пира слуги принесли все для омовения рук. Гости перемигнулись друг с другом, глядя на чаши, и в душе их окрепли нечестивые помыслы.

С наступлением сумерек, вознеся благодарственные молитвы в честь малики, гости отправились восвояси.

Вскоре на землю опустилась ночь, и слуг малики сморил сон. В полночь дервиш со своими приспешниками потихоньку пробрался во дворец и увидел, что вся стража спит непробудным сном, а потому нечестивцам ничто не грозит. Убив нескольких слуг, они сгребли в кучу богатства малики, связали их в узлы и не спеша удалились. Тем временем малика Хуснбану возносила молитвы Аллаху в верхней комнате — на втором этаже — и, узрев оттуда проделки дервиша, уразумела, что он вовсе никакой не святой, а обыкновенный плут и даже злодей.

Наступил рассвет, и обитатели дворца увидели, что несколько слуг малики убиты, а богатая утварь и прочие ценности исчезли. Малика собрала всех своих прислужниц и, придя во дворец Курданшаха, принялась стенать.

— Кто из моих верноподданных пришел искать правосудия? — спросил падишах.

Тут же хаджибы доложили шаху, что жалобщица, ищущая правосудия, — дочь купца Ходжи Барзаха. Однако она отказывается рассказывать что-либо им и согласна поведать обо всем лишь самому падишаху, если получит на то высочайшее соизволение.

Выслушал Курданшах доклад хаджибов и повелел привести малику к нему. Представ пред ясные очи падишаха, малика вознесла хвалы его великодушью и смиренно молвила:

— О благородный отец мой! Да продлится срок твоей жизни и могущество твоего государства. Твоя покорная раба повергает к стопам твоим мольбу о пощаде. Нынешней ночью в мой дворец пробрался вероломный дервиш, коего ты считаешь святым наставником, с сорока приспешниками и, убив моих спящих слуг, похитил множество всякого добра и золотой утвари. Пребывая незамеченной, я созерцала собственными глазами неблагородные поступки сего вероотступника. О великий и справедливый падишах! Отомсти негодяям за слезы одинокой сироты! Накажи гнусных обманщиков за их нечестивые деяния!

Выслушав рассказ Хуснбану, Курданшах пришел в ярость.

— О неразумная! — воскликнул он в сердцах. — Как поворачивается твой язык возводить подобную напраслину на благородного потомка благородных, кой чужд всего мирского?! Как смеешь ты называть его вором, в то время как он никогда не ищет для себя выгод и ведать не ведает цены тем вещам?! Знаешь ли ты, что он самый святой человек на земле!

— О справедливый падишах! Ты заблуждаешься, — ответствовала с низким поклоном малика. — Он не святой, он — истинный дьявол.

Ныне шейхи коварны — заманивают в западни,
Хоть и четки в руках, и в чалмах величавых они.
С виду может казаться, что это дервиши святые,
Но ночами выходят они на дела воровские.

Это четверостишие привело шаха в еще большую ярость, и он приказал:

— Эй, хаджибы и есаулы, тащите эту нечестивую со всеми ее прислужницами на городскую площадь и устройте им публичную порку, а все ее добро отдайте на разграбление! Пусть это послужит предупреждением всякому, кто осмелится клеветать на моего святого наставника!

Хаджибы вознамерились было схватить малику, но тут один из визирей поднялся и, заняв место, отведенное для просителей, молвил:

— О всемогущий падишах! Не забыл ли ты, что малика Хуснбану — единственная дочь Ходжи Барзаха, кой много лет служил тебе верой и правдой и в знак высочайшего доверия препоручил ее твоему попечению? Ты же дал клятву Аллаху лелеять ее. Ныне ты выставляешь ее на позор и осмеяние, презрев и завещание Ходжи Барзаха и собственную клятву. Яви милость в память покойного Барзаха к сей заблудшей, прости ее прегрешения.

— О благородный визирь, — отвечал Курданшах. — Речи твои столь же мудры, сколь добры. Не стану я подвергать нечестивицу наказанию, велю изгнать ее из нашего города, а дворец и все ее имущество отдам на разграбление.

Поникнув головой, малика Хуснбану вместе со своими прислужницами покинула шахский дворец и побрела куда глаза глядят. Выйдя за пределы города, она залилась горючими слезами и на все утешения кормилицы отвечала только одно:

— Чем прогневала я всевышнего, что он ниспослал мне подобные испытанья?

Потом она прочитала стихи:

Что же сделала я? Почему так безжалостно небо ко мне —
Хочет знать, как живу я сегодня, когда со вчера я в огне.
Отдала я всю душу любимому! Разве я знала,
Что меня, как ворону, забросит он в мрачные скалы?
Стал печальным мой жребий, должна я страдать и томиться,
Все померкло вокруг, все безрадостно, будто в темнице.
Оросила слезами я степь, — и от этой печали
Чаши ярких тюльпанов на доньшках черными стали!

По прошествии одного дня и одной ночи пришли малика и кормилица к большому дереву и присели отдохнуть. Мало-помалу их одолел сон. И приснилось малике, будто некий седобородый старец, обратясь к ней, сказал:

— О чарующая мир малика! Не печалься понапрасну! Под деревом, кое служит нынче тебе прибежищем, находятся семь шахских тайников, а в тех тайниках хранятся несметные богатства.

— О старейший, — молвила малика, — я всего лишь слабая женщина, как могу я одна выкопать из земли эти сокровища?

— Не тревожься, малика, — отвечал ей старец, — возьми палку и покопай ею землю, и, если Аллаху будет угодно, ты вскоре достигнешь желаемого. Когда же ты доберешься до тех тайников, не жалея ни серебра, ни золота. Построй на этом месте большой город, и все твои недруги обратятся в прах.

Восстав ото сна, малика разбудила кормилицу и поведала ей о своем сне.

— Сон твой — вещей, — сказала кормилица, — тяжкие дни для нас миновали, и на смену им пришло время благоденствия и покоя.

Взяв палки, принялись они рыхлить под деревом землю. Не прошло и нескольких минут, как палка Хуснбану наткнулась на что-то твердое. Хуснбану принялась разгребать почву и увидела люк, ведущий в подземелье. Когда она подняла люк и спустилась по лестнице вниз, глазам ее предстала большая кладовая, доверху наполненная золотом и драгоценностями. И было подобных этой семь кладовых, и все они были полны несметных богатств. Поверх груды сверкающих камней красовался павлин, изготовленный из одной жемчужины размером в утиное яйцо. Увидев все это, малика возрадовалась великой радостью и обратила ко всемогущему Аллаху свою благодарность.

И сказала ей кормилица:

— Добрые дела никогда не остаются безответными. За щедрость твою и сердечность всевышний одарил тебя богатством несравненно большим, нежели то, которое унес у тебя гнусный дервиш.

— О матушка, ступай в город, собери всех друзей и слуг наших и, прикупив всяких яств, напитков и одежд, веди их сюда. Там же подряди строителей и мастеров и скажи, что им предстоит возвести небывало прекрасный город.

Задумалась кормилица и говорит:

— Как могу я бросить тебя одну? Ведь рядом нет ни живой души!

Вдруг откуда ни возьмись появилась нищая старуха, и они узнали в ней самую старую прислужницу малики. Бросившись в ноги малике Хуснбану, старуха без конца твердила сквозь слезы:

— Сон это или явь?

— Не сон это, матушка, — утешила ее малика. — Великий Аллах может в один миг превратить безродного в шаха, бедного в богатого.

И еще малика сказала:

— О матушка, не терзайся, ибо небо позаботилось о нас и послало нам богатство, коему нет цены. Не мешкая приведи сюда как можно больше всякого свободного люду, да только смотри, чтобы никто не прознал о нашем кладе.

Почтительно склоняясь перед маликой, прислужница отвечала:

— О душа моя, не тревожься — тайны нашей я никому не выдам.

Сказав так, она отправилась в город, где обитал Курданшах, и, проведя в пути несколько дней, увидела перед собой городские ворота. И она зашла в тот город и сделала все, как велела ей малика: купила разных яств, напитков и одежд, собрала преданных малике людей, наняла каменщиков и прочих мастеров и отправилась в обратный путь.

Узрев малику, вернувшиеся к ней слуги возблагодарили небо за ее спасение. Они тотчас установили котлы, начистили кухонную утварь и принялись за приготовление еды. И когда все было готово для трапезы, малика оделила всех угощением, а сверх того еще и щедро вознаградила носильщиков, принесших из города груз. И те обрадовались ее щедрости и охотно согласились остаться у нее на службе.

— Да продлится твоя жизнь, да приумножится твое богатство! Если будет на то твое соизволение, мы с радостью останемся жить здесь. Только позволь нам привезти сюда своих жен и детей.

— Да будет так, — отвечала малика. — А ты, матушка, — сказала она, обратясь к своей корми-

лице, — отправляйся снова в город и приведи мастеров, дабы они немедля приступили к постройке города.

Пришла кормилица в город, отыскала самого искусного строителя и сказала:

— О искуснейший из мастеров! Мой хозяин, щедрый и богатый купец, остановился неподалеку от вашего города. Он задумал воздвигнуть на облюбованном им месте большой и прекрасный город, равного коему нет и не будет во всем свете. Ступай за мной, подрядись к нему на работу и получишь награду столь щедрую, что ты не будешь ни в чем терпеть нужду до конца своих дней.

Выслушав ее речи, мастер послал к малике одного из своих братьев по имени Мамур. Вскорости прибыл Мамур в сопровождении кормилицы к малике Хуснбану, и она одарила его богатыми одеждами. И вот каменщики во главе с искусным Мамуром построили просторный и удобный караван-сарай.

Тщательно осмотрев тот караван-сарай, малика щедро наградила Мамура и его сподручных, после же сказала:

— О Мамур! Я намерена построить на этом месте город и дворец, равных коим не знает мир.

— О чарующая мир малика, — отвечал ей Мамур. — Без соизволения Курданшаха мы не можем взяться за подобное дело. Получи его, и мы немедля возьмемся за работу.

— Правда ваша, — ответствовала им малика Хуснбану. — Ждите здесь, а я не мешкая вернусь.

Малика облачилась в роскошные мужские одежды, опоясалась золотым поясом, украсила коня седлом и сбруей из червонного золота и, нагрузив его мешками с золотом и жемчугом и захватив золотого павлина, в сопровождении парадно одетых слуг отправилась к шаху. По прошествии некоторого времени она достигла города, где жил Курданшах, и вошла в городские ворота.

Горожане, изумленные красотой и роскошью восседавшего на коне юноши, воздев руки к небу,

воскликали: «Да будет благословен Аллах, ниспославший нам подобное чудо». Тем временем малика и ее слуги подъехали ко дворцу Курданшаха и, поклонившись подобающим образом хаджибам, просили доложить шаху об их прибытии. Хаджибы же, потрясенные красотой и обходительностью юного просителя, явили ему свою благосклонность и спросили:

— О юноша, кто ты такой и куда держишь путь?

— Я — молодой купец, совсем недавно стал торговать и вот явился выразить свое почтение справедливейшему из шахов, — отвечала малика Хуснбану.

— О владыка! — молвили те, едва представ перед падишахом. — Некий благородный юноша явился выразить тебе свое почтение. Какова будет твоя воля?

— Приведите его ко мне, — повелел падишах.

Хаджибы, испытав на себе щедрость малики, одарившей их богатыми подарками, вернулись и пригласили ее следовать за ними во внутренние покои дворца.

Представ пред шахские очи, малика склонилась в благоговейном поклоне. Курданшах, узрев красоту и изящество юного гостя, пришел в неописуемое изумление. Малика же выложила перед падишахом все свои многочисленные дары: золото, драгоценные камни и жемчужного павлина. Дивясь богатым подношениям, а пуще того несравненной красоте и изысканным манерам юноши, падишах в великом изумлении молвил:

— О благородный юноша! Кто ты такой и какая счастливая звезда привела тебя в мою обитель?

И малика отвечала так:

— О падишах! Я — сын богатого купца, проживавшего некогда в твоём городе! Дела вынудили его покинуть эти края, и я, твой покорный слуга, родился уже в Иране и зовут меня Хаджи Хасан. Когда я подрос, поплыли мы на корабле в некую заморскую страну. По воле Аллаха, корабль

моего отца затонул, а вместе с ним остались на дне Кульзума и мои родители. Я же спасся и дал зарок вернуться на родину моих предков и остаток жизни своей провести под твоим благословенным владычеством. Вот я и явился к тебе просить милости твоей и покровительства. От родителей осталось мне в наследство несметное богатство. С тем богатством прибыл я в твои славные владения и остановился неподалеку от прекрасной твоей столицы. Если будет на то твое всемилостивейшее соизволение, намерен я воздвигнуть там город для странников и купцов и жить в нем, беспрестанно вознося молитвы за тебя и благословения за доброту и милосердие, оказанные покорному рабу твоему.

Услышав те слова малики, несказанно обрадовался Курданшах и, одарив ее богатыми шахскими одеждами, молвил:

— О благородный юноша! Как я рад, что ты оказался одним из моих подданных! Не печалься, что нет у тебя отца и матери. Я заменю тебе их.

Малика поднялась и, отойдя на место, отведенное для просителей, и склонившись перед падишахом в почтительном поклоне, молвила:

— О милостивый и великодушный господин наш! Я счастлив твоей готовностью заменить мне отца. Не соблаговолишь ли ты наречь меня в честь этого события новым именем?

— О дитя, — отвечал падишах, — да будет отныне твое имя Махиршах: моя приязнь к тебе столь велика, что я не хотел бы расставаться с тобой надолго. Возведи новый город неподалеку от меня, и мы назовем его Хуснабад.

— О отец! — молвила малика Хуснбану. — Смею ли я злоупотреблять твоим радушием! Не пристало мне, ничтожному страннику, селиться рядом с благородным и великим падишахом. Место, избранное мной, хоть и не столь прекрасно, как твое владение, однако мне оно пришлось по душе, и я уповаю на твое согласие. А теперь, если будет на то твоя милость, прикажи

мастерам-строителям отправиться в облюбованное мною место и приняться за дело.

И Курданшах приказал:

— Эй, хаджибы, эй, слуги, соберите всех строителей и каменщиков и отправьте их в распоряжение Махиршаха, дабы строительство Хуснабада началось незамедлительно.

Затем, обратясь к малике, так спросил:

— О прекрасный сын мой! Когда мне выпадет радость лицезреть тебя снова?

— На первых порах я стану навещать твою милость один раз в месяц, ибо до конца возведения города мне должно находиться рядом с мастерами.

— Да будет так! — согласился Курданшах.

Испросив разрешения удалиться и распростившись с падишахом и его приближенными, малика Хуснбану в сопровождении каменщиков и строителей отправилась в обратный путь. Прибыв на место, где ее с нетерпением ждали кормилица и многочисленные слуги, она повелела строителям немедленно приниматься за дело, сама же неотлучно находилась рядом с ними и лишь один раз в месяц, облачившись в одежду юноши, отправлялась навестить Курданшаха.

По прошествии двух лет на месте, принесшем малике Хуснбану неслыханное богатство, славу и счастье, был воздвигнут город, столь прекрасный и благодатный, что добрая молва о нем облетела весь свет, и к нему отовсюду толпами стали валить люди разных сословий и, поселившись в нем, обретали там свое пристанище.

Однажды Курданшах вознамерился посетить дервиша Азрака и, обратясь к малике, сказал:

— О Махиршах! Я собираюсь на поклон к своему наставнику. Если есть на то твое желание, можешь отправиться вместе со мной. Он — знаменитый, несравненный проповедник. Лицезреть его — великое счастье.

Малика же про себя подумала: «Он в не меньшей степени несравненный нечестивец и притворщик, и предпринимать паломничество к человеку

столь подлomu — недостойное дело. Однако, коли падишах велит следовать за ним, придется покориться». Подумав так, она отправилась вместе с падишахом к дервишу.

Когда они прибыли к тому дервишу, то увидели, что он преобразился в муллу, взгромоздив на голову большую чалму с воткнутым в нее мисваком. В руках у него были жемчужные четки, а на плечах необычайного цвета плащ. Душа же была темна, словно похищенная дьяволом ночь.

Курданшах, приблизившись, почтительно приветствовал своего наставника и робко опустился на коврик. Коварный же дервиш подозрительно взглянул на малику и придвинулся поближе к падишаху. Заметив, что Азрак разглядывает его приемного сына, Курданшах подумал, что было бы не лишним сказать о нём своему мудрому наставнику несколько слов. Тут он принялся расхваливать Махиршаха на все лады. Малика же, предавшись печальным раздумьям, призывала на голову коварного дервиша всяческие проклятия и молила Аллаха, чтобы тот явил чудо и заставил дервиша признать в ней свою жертву — дочь прославленного кушца Барзаха, кою падишах повелел подвергнуть позорной порке на площади. Одновременно с этим она взывала о милости всевышнего к визирю, спасшему ее от позора.

Курданшах вознамерился было просить у своего наставника соизволения удалиться к себе во дворец, но тут малика поднялась с места и, прижав руки к груди, молвила:

— О несравненный святой наставник! Не будете ли вы столь великодушны принять приглашение вашего покорного раба?

И коварный дервиш отвечал:

— Ну что ж, скажи нам, где твоя обитель, и мы в скором времени тебя навестим.

— Мое бедное жилище не столь подходяще для гостя, подобного вам. К тому же оно далеко от сих мест. Сказывают, будто пустует дом Ходжи

Барзаха. Мы придадим ему пристойный вид и устроим вашей милости прием там.

— О сын мой, — возрадовался Курданшах, — этот дом я тебе дарю!

«Как можешь ты мне дарить то, что принадлежит мне по праву?» — с грустью подумала малика.

Вскоре Курданшах вместе с маликой Хуснбану покинули обитель дервиша и отправились в обратный путь. Достигнув города, малика распростилась с Курданшахом и отправилась к дому купца Барзаха и, войдя в тот дом, увидела, что там все пришло в запустение. Узрев это запустение, она опечалилась и заплакала. Однако, пересилив себя, позвала слуг и приказала пригласить строителей и каменщиков и починить как можно скорее дом. Тут явились строители и каменщики и починили дом и доложили малике Хуснбану, что дом готов и пригоден для жилья. И дом купца Барзаха обрел прежний вид: был он устлан коврами, изукрашен дорогими тканями, уставлен позлащенной мебелью.

Оглядев все с великим тщанием, малика сказала:

— Эй, слуги, для коварного дервиша приготовьте все точно так, как было в тот его приход. Угощение же подайте в золотых и серебряных чашах.

Слуги тотчас исполнили приказание малики, приготовили все, как следует, и вдобавок выставили золотого павлина. Когда все дела были закончены, малика отправилась во дворец и, поклонившись Курданшаху, спросила, может ли она пригласить святого наставника к себе в гости. Падишах изъявил свое согласие, и, вернувшись в дом Ходжи Барзаха, малика повелела:

— Эй, слуги и приближенные! Ступайте к дервишу и просите его пожаловать к нам в гости. А когда он явится, ведите его во дворец.

Слуги отправились к дервишу и сказали ему:

— О святой старец! Тебя просит пожаловать к нему Махиршах и уповаает, что ты примешь его приглашение благосклонно.

В ответ на эти слова дервиш сказал:

— Передайте своему господину, что завтра он может ждать меня к трапезе.

Когда минула непроглядная ночь и взошло дарующее жизнь солнце, шейх со своими приспешниками прибыл к дому Ходжи Барзаха. Малика Хуснбану повелела от ворот до покоев устлать дорогу красивейшими коврами, самого же дервиша встретить с почестями, кои ему оказывает падишах. Усадив его на самое почетное место, малика-Махиршах возложила к его стопам несколько драгоценных камней и золотого павлина.

Коварный дервиш, благословив дом хозяина, отверг, однако, эти дары, показывая тем самым, что мирские радости ему чужды. Сам же, обратясь к малике, сказал:

— О добросердечный Махиршах, грешно нам, дервишам, предаваться мирским забавам. Золото и серебро — не про нашу честь. Пусть ими потешаются люди других сословий.

Однако малика все те дары не убрала, а поставила их неподалеку от гостей, дабы алчность нечестивцев разгоралась все сильнее и сильнее. И коварный дервиш, глядя на эти дары малики, сказал своим приспешникам:

— Богатства Махиршаха столь велики, что нынешней ночью не худо бы их унести. На сей раз нам повезло куда больше, чем в прежний.

Глядя на коварного дервиша, малика Хуснбану ликовала. «Подлый вероотступник, — думала она, — все эти богатства служат приманкой для тебя и тебе подобных. Стоит вам только клюнуть на нее, как на шее вашей затянется петля и вы обнаружите перед падишахом и его подданными свое позорное нутро. И уж тут вам не миновать достойного возмездия!»

Вскоре в золотых и серебряных чашах появились прекраснейшие яства, на драгоценных подносах различные фрукты. Потом слуги внесли золотые кувшины и чаши для омовения рук, и гости приступили к трапезе. Сам дервиш ел мало, ибо

все его помыслы были заняты коварной затеей. Слуги же заглатывали все не стесняясь, потому что знали, что им предстоит трудное дело, в коем потребуются немалые силы. Заметив, что дервиш не прикасается к еде, малика Хуснбану сказала:

— О святой наставник, отведай хоть немного ради твоего покорного раба.

И святой обманщик ответил ей так:

— О любезный Махиршах! Пищи я почти не потребляю и твоих угощений отведаю только в знак признательности за щедрость твою и гостеприимство.

По окончании трапезы дервиш, вознеся хвалы всевышнему и простившись с маликой, вместе со своими слугами отправился в обратный путь.

— О друзья мои, — сказал он своим приспешникам. — Нынешней ночью мы должны пойти в дом купца Барзаха и унести оттуда все богатства Махиршаха.

— О великий наставник! Помыслы наши сродни твоим. Мы готовы приступить к делу — не хватает нам только твоего благословения.

Теперь оставим на время дервиша и вернемся к малике Хуснбану. Поняв, что коварный дервиш со своими приспешниками наверняка придет за поживой, она позвала своих слуг и сказала:

— Этой ночью в дом купца Барзаха пожалуют воры. Не убирайте ни золотую утварь, ни жемчуга. Ворота и двери оставьте открытыми, дабы воры смогли легко проникнуть во внутренние покои. Сами же схоронитесь в разных углах да помалкивайте. Как увидите, что те вероотступники унесли все из дома и отошли на почтительное расстояние, догоните их, схватите и крепко-накрепко свяжите. Затем поднимите шум, тогда прибегут жители города и стражники и собственными глазами узрят грязные проделки сих нечестивцев.

— Слушаем и повинемся! — отвечали слуги.

После этого малика взялась за перо и написала письмо кутвалу:

«О кутвал, нынешней ночью некие бродяги и вероотступники проникнут в дом купца Барзаха, дабы похитить богатую утварь, жемчуга и золото, принадлежащие мне, Махиршаху. Посему прошу тебя быть со своими людьми настороже и караулить тот дом».

Прочитав письмо малики Хуснбану, кутвал немало подивился прозорливости Махиршаха, отправился в дом купца Барзаха и после приветствия молвил:

— О Махиршах! Поверь мне, ни один вор не осмелится войти в сей дом с подобным намерением. Все, что тебе донесли, не соответствует истине, поэтому волноваться тебе неразумно.

Однако Махиршах возразил:

— Дело содержит один секрет. Я открою его тебе. Только дай клятву, что до поры ты никому не скажешь ни слова, придет время, и все узнают этот секрет.

— Слушаю и повинуюсь! — воскликнул кутвал, а Махиршах продолжал:

— Давай сделаем так: ты спрячешься поодаль, нескольких же ночных караульщиков отрядишь сюда, дабы они были наготове. Когда поднимется кутерьма — явись немедля сам.

— О справедливый Махиршах! — отвечал ему кутвал. — Не тревожься. Твой покорный слуга во что бы то ни стало схватит подлых негодяев.

Потом малика одарила кутвала богатым халатом и попрощалась с ним.

Кутвал исполнил просьбу Махиршаха и направил стражников в дом купца Барзаха. И они пришли в тот дом и вместе со слугами Махиршаха стали наблюдать.

В полночь дервиш в сопровождении своих приспешников вошел в дом Ходжи Барзаха. Слуги и караульщики замерли на своих местах. Когда нечестивцы, тщательно оглядев дом, убедились, что слуги спят, дервиш сказал:

— Как складно все получилось. Эти неразумные и во сне не увидят, что мы сейчас сотворим.

И он подал знак собирать золотую утварь, драгоценности и ковры, и, когда те собрали все и, взвалив на плечи, покинули дом, стражники сразу же бросились за ними вдогонку и схватили коварного дервиша со всеми его приспешниками. При этом они подняли шум столь великий, что все горожане пробудились ото сна и тотчас выбежали на улицу.

Вскоре пришел сам кутвал и, увидев нечестивого дервиша и подлость, им сотворенную, приказал:

— Эй, слуги! Зажгите факелы!

Слуги тотчас зажгли факелы, и стало светло, как днем. Стражники же, связав вероотступников, притащили их к Махиршаху, то есть к малике. Малика приняла приветствие стражников и, гневно взглянув на дервиша, повелела:

— Держите сих злодеев связанными, пока не доставим их к падишаху.

И, уже обращаясь к своим слугам, прибавила:

— Проследите, чтобы никто не сбежал — завтра Аллах воздаст им за все содеянное. — И счастливая оттого, что враг ее повержен, спокойно уснула.

На следующее утро Курданшах призвал кутвала во дворец и спросил его, что за шум был ночью.

— В полночь, — отвечал ему кутвал, — в дом купца Барзаха пробрались злодеи и унесли все добро Махиршаха. Меня же известили обо всем заранее. Поэтому мне удалось схватить злодеев и привести к Махиршаху. Однако Махиршах повелел доставить их к тебе, о мудрейший, вместе со всем ими украденным. Ныне они находятся здесь, и, если будет на то твое высочайшее соизволение, я немедля их к тебе приведу.

Как раз во время этого разговора появился Махиршах.

— О сын мой, — обратился к нему падишах, — говорят, этой ночью в твой дом пробрались воры?

— Да продлится срок твоей жизни и твоего владычества, — молвила малика. — Слава Аллаху, при этом позорном деле присутствовал кутвал. Пусть этих нечестивцев приведут к тебе, дабы ты мог взглянуть на их лица.

Падишах повелел доставить воров во внутренние покои дворца, и вскоре они предстали пред шахские очи. Однако Курданшах не сразу уразумел, кто виновники содеянного.

Когда они подошли поближе и падишах разглядел их более тщательно, то пришел в великое изумление. Он узнал в ворах мюридов. В главном же из них, на шее у коего висел золотой павлин, — своего обожаемого наставника — дервиша Азрака.

— О сын мой! — молвил он, повернувшись к Махиршаху. — Неужто сей презренный есть наш муршид?

— Может, он, а может, и не он, — отвечала малика. — Случаются люди столь схожие между собой, что их не различишь.

Оглядев воров, у каждого из коих за плечами висели краденые вещи, и узнав всех их в лицо, падишах испытал и неловкость и раскаяние. Уронив голову на грудь, он предался тяжким раздумьям. После же, обратясь к малике Хуснбану, спросил:

— Что это за штука висит на шее у коварного дервиша?

Сняв золотого павлина с шеи дервиша, кутвал подал его Курданшаху.

— Дорогой отец, — молвила малика, — этот павлин — пара тому, коего твой покорный раб некогда уже тебе показывал.

Курданшаха одолела страшная ярость, и он приказал, чтобы все украденные вещи у воров отобрали и проверили, что содержится у них в поясах. И хаджибы развязали те пояса и увидели в них разные воровские принадлежности и усыпляющие снадобья.

Унесенное дервишем добро падишах возвратил Махиршаху и повелел коварного дервиша и его приспешников со связанными руками провести по всему городу, после же всех их забросать камнями.

Услышав такие слова, малика пошла на место, отведенное для просителей, и, прижав руки к груди, молвила:

— О справедливый и могущественный падишах! Да будет тебе известно, что твой названный сын Махиршах — не кто иной, как дочь купца Ходжи Барзаха, изгнанная тобой с позором из-за этого подлого вероотступника.

Поведав падишаху от начала до конца свою печальную историю, малика сказала:

— Дорогой отец! Прошу тебя все похищенное у меня прежде вернуть мне немедленно, дабы мое добро не служило нечестивцам утехой на том свете.

Падишах, прикусив от изумления палец, молчал. После же он похвалил малику за мудрость, ум и прозорливость и раскаялся в своем легковерии к дервишу.

— Эй, хаджибы, — повелел он. — Ступайте в обиталище того нечестивца, отыщите все вещи малики и верните их ей!

Хаджибы, сказав «слушаем и повинуемся», пошли в обиталище дервиша и, собрав награбленное им добро, вернули его истинной владелице.

Дервиша, коего именовали Азраком, и его приспешников повели по улицам, тем самым приумножив его посрамление. После же всех предали повешению. Так «благочестивый» муршид расстался с сим миром и взамен рая угодил прямиком в ад.

Курданшах же, взяв малику за руку, проводил ее в харам и, обратясь к своим женам, молвил:

— О жены и служанки! Сию девушку я почитаю своей дочерью. Устройте в ее честь большой пир.

И те ответствовали:

— Слушаем и повинуемся!

Курданшах попросил малику еще раз поведать ее историю.

Малика встала со своего места и, вознеся падишаху звонкоголосые хвалы, рассказала обо всем, что с ней приключилось, в конце же добавила:

— Уповая на милость твою, о великодушный падишах, решаюсь я пригласить тебя и всех твоих приближенных в город, мною воздвигнутый, дабы ты осчастливил его своим посещением и тем самым еще больше прославил меня в глазах моих горожан. Я же весь путь ваш усыплю жемчугом и драгоценностями.

Курданшах обещал прибыть тотчас по получении приглашения малики. Испросив разрешения удалиться, малика возвратилась в Хуснабад и стала готовиться к приезду Курданшаха. Украсив и город и пригороды подобающим образом, она направила к падишаху своего посланца с просьбой пожаловать к ней в гости. Собрав своих визирей и придворных, падишах отправился в город Хуснабад. Узнав о приближении падишаха, малика Хуснбану поторопилась ему навстречу. Слугам же своим она повелела устлать дорогу от ворот дворца на целый фарсанг пути златотканой материей. Падишах и его свита достигли дворца малики и воссели на роскошных коврах. Гости вознесли Аллаху молитву о продлении счастливых дней малики Хуснбану и приумножении ее богатства. «Хвала мудрости и благородству малики!» Вскоре слуги малики разостлали богатый дастархан, на коем красовались великолепные чаши и подносы с разными яствами. Протянув руку к тем яствам, падишах приступил к трапезе, и тут же все прочие последовали его примеру.

Потом малика поднялась со своего места и, указав на огромный кованный сундук, молвила:

— О справедливый шах, прикажи своим слугам все драгоценности, коими усыпано твое подножие, и сверх того клад, находящийся в сем сундуке, унести к тебе во дворец.

Курданшах улыбнулся малике Хуснбану и, обратясь к главному визирю, повелел:

— Прими все эти драгоценности и отправь в нашу казну.

Визирь тут же подошел к сундуку и поднял крышку того сундука и, заглянув внутрь, застыл

в великом изумлении: все золото, серебро и драгоценности у него на глазах превратились в змей, скорпионов и прочих гадов. Визирь бросился в ноги шаху и молвил:

— О великий падишах, щедрые дары прельстительной малики превратились в чудовища, кои свирепо на нас зашипели. Каково будет твое высочайшее повеление?

— Оставьте все это на прежнем месте! — отвечал падишах и, обратясь к малике Хуснбану, добавил:

— О благородная малика, не печалься. Все, что ныне произошло, указывает на безмерную милость к тебе Аллаха. Клад сей не простой, а чудесный. Одна лишь ты можешь владеть им. Мы же на него не заримся, ты вольна поступать с ним по своему разумению.

— О падишах, — взмолилась, преклонив колена, малика. — Если будет на то твое соизволение, я раздам все это богатство нищим и бедным скитальцам.

— Да будет по-твоему! — отвечал Курданшах.

Семь дней и семь ночей провел падишах со своей свитой во дворце малики Хуснбану, предаваясь пирам и веселью, а потом, весьма довольный оказанными ему почестями, покинул гостеприимный Хуснабад. По прошествии нескольких дней он прибыл в свой город. С того времени малика четыре раза в месяц являлась к Курданшаху на поклон, и тот принимал ее с превеликой любезностью и почтением. В городе Хуснабаде, как нам уже известно, малика построила большой и красивый караван-сарай, служивший пристанищем для приезжих и скитальцев. И всех она кормила и потчевала, а в честь прославленных гостей задавала пиры, нищих же щедро оделяла золотом и серебром. Молва о гостеприимстве малики и ее беспредельной щедрости достигла самых отдаленных уголков света. Мало-помалу всему миру стало известно, что в государстве Хорасан, неподалеку от шахской столицы, мудрая и прекрасная дочь кунца Барзаха малика Хуснбану воз-

двигла великолепный город Хуснабад, что стала она названной дочерью шаха Хорасана — Курданшаха, замуж идти не собирается, а посвятила свою жизнь добрым деяниям, и всякий, изведавший на себе ее благодеяние, никогда больше не испытывает нужды, столь велики ее щедрость и гостеприимство. Куда бы ни доходила весть о чудесном граде Хуснабаде, она вызывала у людей неистребимое стремление воочию увидеть малику.

Рассказывают, будто во времена падишаха Курданшаха правил городом Хорезмом падишах Мунаввар и был у него двадцатидвухлетний сын неопикуемой красоты по имени Мунир.

Шахзаде Мунир, прослышав о прельстительности и благородстве малики Хуснбану, воспылал к ней великой любовью и, желая лицезреть ее красоту, призвал к себе придворного живописца, искусного мастера, коему не было равных в Хорезме, и сказал:

— Послушай, друг. В государстве Хорасан, неподалеку от шахской столицы, есть город, именуемый Хуснабадом, и живет в том городе девушка, прекрасная ликом и благородная душой. Сказывают, будто является она приемной дочерью падишаха Курданшаха. Город же Хуснабад воздвигала сама. Не согласишься ли ты отправиться туда и написать портрет сей красавицы?

— Слушаюсь и повинуюсь.

В скором времени, получив от шахзаде Мунира деньги на дорогу, живописец отправился в Хорасан.

Три месяца провел живописец в пути и наконец, достигнув города Хуснабада, поселился в прославленном караван-сарае. Прислуга немедля принесла ему различные яства и усладительные напитки.

Так, ублажаемый слугами малики, провел он несколько дней в отдохновении, а потом собрался с духом и отправился во дворец. Представ пред

ясные очи малики Хуснбану, живописец, склоняясь в почтительном поклоне, молвил:

— О чарующая мир малика! Позволь мне посвятить оставшуюся жизнь служению тебе.

— В каком деле ты искусен? — спросила малика.

— Я — живописец, — ответил тот, — даже луну, сокрытую тучами, я способен изобразить правдиво.

— Ну что ж. Коли мастерство твое столь велико, оставайся у нас. Мы станем тебя почитать и выполнять все твои желания.

По прошествии нескольких дней малике захотелось, чтобы живописец написал ее портрет. Однако она не решалась открывать ему свое лицо и долго пребывала в неведении, как ей поступить. В один благоприятный момент позвала малика живописца и, спрятавшись за занавесом, молвила:

— Ты хвалился, что можешь написать луну, сокрытую тучами. А сумеешь ли ты изобразить меня, не видя моего лица?

И живописец ответил так:

— Сумею, госпожа моя! Если ты соизволишь подняться на крышу и глядеться оттуда в таз с водой, стоящий на земле, то я выполню твою просьбу.

Малика согласилась, и живописец сделал набросок по ее отражению в воде. После же, прийдя в мастерскую, по тому наброску он написал два великолепных портрета. Получив один из тех портретов, посланный ей живописцем, она повелела принести ей зеркало и, поставив перед собой портрет и зеркало, принялась сличать свое отражение в зеркале с изображением на портрете. И как ни тщательно делала она это, различия не находила и вынуждена была признать, что портрет написан с большим мастерством. В благодарность за старания малика одарила живописца богатыми дарами, а он вознес благодарственную молитву Аллаху и просил у него ниспослать благословение щедрой и благородной своей покровительнице. По прошествии нескольких дней живописец спохва-

тился: «Ведь я явился сюда по поручению шахзаде. Пора мне возвращаться домой». Придя к малике Хуснбану, живописец сказал:

— О луноликая малика! Если будет на то твое соизволение, я вернусь домой и привезу сюда свою семью.

— Ступай, — отвечала ему малика, — да постарайся вернуться побыстрей.

Покинув гостеприимный город малики, живописец отправился в Хорезм. Он шел без отдыха и через три месяца прибыл во дворец шахзаде Мунира, который с нетерпением ждал его возвращения.

— О живописец, — обратился к нему шахзаде, — привез ли ты портрет прельстительной малики?

Живописец достал из-за пазухи портрет и вручил его шахзаде. Увидев столь несравненную красоту, шахзаде вскрикнул и лишился чувств. Слуги стали окуривать его алоэ и имбирем, и вскоре он опамятовался и решил тотчас отправиться в Хуснабад. Не испросив согласия своих высокопоставленных родителей, шахзаде Мунир облачился в одежду каландара и покинул Хорезм. Одолев долгий и томительный путь, пришел он в город Хуснабад и остановился в караван-сарае малики. И тотчас слуги принесли ему угощения отменного вкуса, и он отведал тех яств и, утолив голод, лег почивать. Когда же темная ночь сменилась благоуханным утром, слуги малики доставили слиток червонного золота и, положив его перед шахзаде Муниром, сказали:

— О шах каландаров! Сей дар посылает тебе наш высокочтимый хозяин, дабы, взяв его, ты не терпел в пути лишений.

В ответ на эти слова шахзаде изъявил свою благодарность, однако золото принять отказался. Слуги тотчас доложили малике Хуснбану о том, что некий странный каландар отверг ее благодеяние. Малика же, немало тому подивясь, велела немедленно привести его во дворец.

Услышав приказание малики, хаджибы тотчас бросились его выполнять, и вскоре шахзаде Мунир

предстал пред ее ясные очи. Взглянув на Мунира, малика Хуснбану сразу узрела, что лицо его излучает шахское сияние, и, сокрывшись за занавесом, сказала:

— Послушай, человек, прикидывающийся каландром, почему ты облачился в домотканые одежды, если не дорожишь золотом?

— О лунолика! — молвил Мунир. — Зачем мне золото? У меня самого достаточно богатств, но я не задумываясь бросил все, дабы узреть тебя. Я — шахзаде Хорезма.

— Что же понуждает тебя выдавать себя за нищего? Шахзаде Хорезма в нашем городе не менее желанен, нежели бедный каландар.

— О царица красоты! Когда я увидел твой портрет, я стал подобен безумцу.

Мне любовь пленила сердце, завладела всей душою,
Жизнь свою готов отдать я за свидание с тобою,
Но на милосердьи божье не теряю упования —
Буду ждать, что ниспошлет он исполнение желанья.

Любовь к тебе заставила меня забыть обо всех мирских благах. Тебе я вверяю и счастье свое и жизнь. Ты же вольна решить: казнить меня или миловать.

Малика погрузилась в глубокое раздумье, а потом подняла голову и сказала:

— О неразумный юноша! Оставь свои надежды и не терзай себя понапрасну. Стань ты даже ветром, тебе все равно не удастся коснуться моих следов. Снискать мою любовь куда труднее, нежели ты мыслишь.

— О малика! Даже смерть не заставит меня отказаться от своей любви.

— Коли ты столь упрям в своих намерениях, согласишься на мои условия. Но помни! Не исполнишь их, придется тебе навсегда забыть мое имя.

— Повинуюсь тебе, малика, ибо другого мне не дано.

— О шахзаде! Я загадаю тебе семь загадок, кои ты должен разгадать. Дело это трудное, свер-

шив же его, ты не только достигнешь желаемого, но и прославишь имя свое.

Вот первая загадка:

Кто та любимая, скажи, которую, узрев однажды,
Мы жаждем встретить, но вовек не утолить нам
этой жажды?

Ты должен найти человека, коему принадлежат сии слова, и узнать истинный их смысл. После же вернешься ко мне, я загадаю вторую загадку.

— А где обитает человек, которого я должен найти?

— Если бы мне это было ведомо, я бы не стала спрашивать тебя.

Объятый великим отчаянием, шахзаде уронил голову на грудь.

Узрев его смятение, малика Хуснбану молвила:

— О шахзаде, эта загадка одна из легких. Если же ты струсил с самого начала, стоит ли тешить себя несбыточными надеждами?

Шахзаде сказал:

В миг расставанья с тобой любой волосочек твой
Становится острым копьем, любая ресничка — стрелой.
Как жить без тебя я смогу, если в разлуке с тобой
Тесней, чем ушко игольное, кажется мир земной?

— О красавица малика! Надежды призрачные слаще утраченных. С надеждой в сердце и смерть не страшна.

— Эй, хаджибы, — рассердилась малика. — Гоните этого пустослова из нашего города.

Хаджибы вознамерились было исполнить приказание малики Хуснбану, однако шахзаде Мунир сказал:

Милая! Клинком разлуки ты мне грудь не рассекай,
Нить сердечной дружбы нашей так легко не обрывай.
Если ты меня не хочешь погубить в сетях любви,
Хоть за край своей одежды мне держаться позволяй.

— О госпожа моего сердца! Молва о твоей мудрости и благородстве у всех на устах. Почему

же меня лишаешь ты своей благосклонности? Уж не оттого ли, что я попал в любовные сети? Дай срок, и я докажу, что достоин твоей любви.

— И сколько же придется мне ждать обещанного?

— Всего год.

— Ладно, — согласилась малика и повелела слугам выдать шахзаде Муниру золотой слиток.

Покинув дворец малики, шахзаде Мунир, обливаясь слезами, горько сетовал на свою несчастную судьбу

Отрезало нить своего сострадания небо,
Душе беспощадные шлет испытания небо.
Начало мучений пришло иль конец моей жизни?
За что посылает мне эти терзания небо?

Много богатых и знатных юношей приезжали в Хуснабад со всех концов света в надежде обрести благосклонность прославленной малики Хуснбану и добиться ее руки. И, отправившись разгадывать загадку малики, до сей поры еще никто из них назад не вернулся. Однако это не устрасило шахзаде Мунира. Любовь его была глубока и искренна, и, укрепив свое сердце мужеством, он отправился в неведомые страны, надеясь одолеть неодолимое. По прошествии некоторого времени он оказался в Йемене. Устроившись под раскидистым деревом и глядя в безоблачное небо, он взывал к милости всевышнего, дабы тот помог ему снести выпавшие на его долю испытания:

Муки жизни беспощадной, боль любви неразделенной —
Как спина твоя выносит эти тяжести, влюбленный?
Не хватает мне терпенья, чтобы внять словам рассудка,
Не хватает мне рассудка, чтоб ушел я прочь, спасенный!

Волею судьбы дорога привела сюда же и Хатема. Увидел Хатем прекрасного юношу, озаренного шахским сиянием, из глаз коего градом катились горькие слезы, и стенания того юноши разбередили душу Хатема, и он проникся к нему состраданием и сказал:

— О юноша, поведай мне свою печаль. Может быть, я сумею тебе помочь.

Отер шахзаде Мунир слезы и увидел перед собой стройного юношу с лицом, подобным утреннему солнцу, облаченного в шахские одежды, сплошь изукрашенные драгоценными камнями, восседающего на арабском скакуне.

И молвил Мунир:

— О благородный юноша. О страданиях, подобных моим, словами не скажешь.

— Утешь печаль свою и смятение души, — отвечал ему Хатем, — ибо нет на свете горя безысходного. Поведай мне, что у тебя на сердце, и, может быть, с помощью Аллаха нам с тобой удастся преодолеть трудности. Если тебе нужны деньги, я одарю тебя богатством, и ты не будешь ни в чем знать нужды. Если же тебя гложет безответная любовь, я помогу тебе обрести взаимность и соединиться с возлюбленной.

— О великодушный юноша! Да воздаст тебе всевышний за доброту твою! — Шахзаде Мунир достал из-за пазухи портрет малики Хуснбану и показал его Хатему.

— Вот та, которая повергла меня в пучину горя и страданий, — молвил он.

Взглянув на изображение малики, Хатем пришел в великое изумление, ибо никогда доселе не случилось ему лицезреть столь дивной красавицы.

— О юноша, успокойся, я не покину тебя в беде! Только расскажи мне свою печальную историю.

— Да будет тебе известно, — молвил Мунир, — сам я — шахзаде Хорезма и до сей поры жил во дворце своих сиятельных родителей, пребывая в мире и благоденствии. Однако покой мой нарушила молва о прельстительнейшей из красавиц, к тому же мудрой и прозорливой. И ум мой улетучился, и, презрев весь свет, я устремился к ней. Вскоре я предстал пред ее светлые очи и поведал ей о своей любви. Она мне отвечала, что снискать ее любовь я могу, лишь отгадав семь трудных загадок. Выслушав первую из них,

я уразумел, что найти на нее ответ — дело несбыточное, и сие повергло меня в беспросветное уныние.

Хатем немало подивился рассказу Мунира, и привел его к себе во дворец, и обрядил в шахские одежды, и они три дня и три ночи предавались пирам и веселью. На четвертый же день Хатем сказал:

— О шахзаде, пора нам отправляться в дорогу. Только добыв ответы на загадки малики, ты получишь ее в жены.

— Воля твоя, благородный юноша, — отвечал Мунир.

Хатем не мешкая позвал слуг и сказал:

— Нынче я покину дворец и отбуду в дальние края, где ждет меня неотложное дело. Вам же повелеваю заботиться о бедных и чужестранцах, щедро одаривать их, дабы они были избавлены от всех нужд.

— Слушаем и повинемся, — отвечали слуги.

Вскоре Хатем и Мунир покинули Йемен и пошли в сторону Хорасана. После многих дней пути, оставив позади города и страны, достигли они города Хуснабада. Увидев у дворцовых ворот двух странников, слуги тотчас донесли об этом малике Хуснбану, та же повелела привести их немедленно к ней. Когда Хатем и Мунир предстали перед маликой, она увидела, что оба они излучают шахское сияние, оба одеты в шахские одежды. И малика спросила:

— О прекрасные юноши, что привело вас в эти края?

— О прельстительная малика, — отвечал ей Хатем. — Молва о твоей несравненной красоте и добром нраве достигла наших пределов, и, снедаемые нетерпением, мы пришли сюда, чтобы убедиться, так ли это. Не будешь ли ты милостива хоть на одно мгновение открыть нам свой прекрасный лик?

В ответ на эти слова малика усмехнулась:

— О наивные юноши! Какая же девушка станет показывать свое лицо постороннему? Чем заслужили вы подобное снисхождение?

Испытав неловкость после этих слов малики, Хатем погрузился в глубокое раздумье, а потом сказал:

— О благородная малика! Ты имеешь обыкновение загадывать странникам семь загадок. Может быть, ответив на них, мы сможем заслужить твое благорасположение? Если будет на то твое соизволение, пригласи высокородных горожан и при них обещай, в случае нашей удачи, признать себя побежденной.

— Я согласна, — отвечала малика Хуснбану и немедля повелела хаджибам позвать всех знатных людей города во дворец. Когда же все они были в сборе, малика объявила, что готова руку и сердце свое даровать тому, кто разгадает ее загадку. Успокоенный Хатем, обратясь к малике, попросил:

— А теперь загадывай свою первую загадку. И малика сказала:

Кто та любимая, скажи, которую, узрев однажды,
Мы жаждем встретить, но вовек не утолить нам этой
жажды? —

и добавила:

— О храбрые юноши! Кроме того, вы должны найти человека, коему принадлежат сии слова, и узнать истинный их смысл. Только тогда я загадаю вам вторую загадку.

Приключение первое

Покинув дворец малики, Хатем и Мунир вернулись в караван-сарай, но Хатем отправился в путь один, оставив своего друга в Хуснабаде. По прошествии нескольких дней он увидел газель с двумя детенышами. За ней гнался голодный волк. Хатем заслонил ее от волка и гневно сказал:

— Как можешь ты, кровожадный хищник, зариться на жизнь кормящей матери?!

Остановился волк и спрашивает:

— Уж не Хатем ли ты, человек?

— Откуда тебе ведомо, как меня зовут? — удивился тот.

— Я узнал тебя, дружище, по великодушию и милосердию, коими наделил тебя Аллах, — отвечал волк. — Среди живых существ мира один ты славишься столь великолепными достоинствами. Ныне же ты лишаешь меня добычи, но что ты можешь предложить мне взамен?

— А что бы ты пожелал съесть?

— Любимая еда волков — мясо!

— Ну что ж, — сказал Хатем, — выбирай, какая часть моего тела тебе больше всего по вкусу.

— Я предпочитаю ляжку, — воскликнул волк.

Хатем тут же отрезал у себя часть ляжки и бросил ее волку. Насытившись, волк облизнулся и спросил:

— Что побудило тебя, Хатем, оставить йеменский трон и вступить на путь, столь трудный и опасный?

И Хатем ответил так:

— Я повстречал шахзаде Хорезма, сердце коего снедает любовь к малике Хуснбану. Однако малика объявила, что отдаст свою руку только тому, кто сможет разгадать семь ее загадок. Вот я и решил помочь шахзаде и отправился искать ответы на загадки. Первая загадка малики Хуснбану такова:

Кто та любимая, скажи, которую, узрев однажды,
Мы жаждем встретить, но вовек не утолить нам этой
жажды?

Не ведомо ли тебе, где можно найти того, кому принадлежат эти слова?

— Далеко-далеко, — отвечал волк, — в пустыне Хувайда живет человек, который с утра до ночи твердит сии слова.

— Послушай, волк, — встрепенулся Хатем, — а в каком краю находится эта пустыня?

— Ступай прямо, — принялся объяснять волк. — Как дойдешь до развилки двух дорог, иди вправо.

Распростились газель и волк с Хатемом и разошлись в разные стороны.

Пройдя лишь небольшую часть пути, Хатем ощутил в ноге мучительную боль, с трудом добрался до дерева и лег. А под тем деревом находилось обиталище шакалов. Вернулись шакалы с охоты, увидели человека, лицо коего было озарено сияньем, подобным солнечному ореолу, и шакалиха так сказала своему мужу:

— Муж мой, придется нам менять нору. Уж коли в наших краях появился человек — добра не жди.

— Эх, жена-жена! — отвечал шакал. — Разве ты не знаешь, кто этот человек?

— Откуда же мне знать? — удивилась шакалиха.

— Это йеменский шахзаде Хатем ибн-Тай, — пояснил шакал.

— А откуда ты узнал, что это он?

— Я слышал от мудрейших, будто в благоприятное время и сулящий удачу день к нам пожалует шахзаде Хатем ибн-Тай.

— Чем славен сей шахзаде, что день его прибытия ты называешь благоприятным и сулящим удачу? — подивилась шакалиха.

И шакал объяснил:

— Хатем, милая, славен тем, что посвятил себя служению истине. С тщанием вникает он в дела людей, и нет ему равного в щедрости и милосердии.

И еще спросила шакалиха:

— Что за беда приключилась с ним в пути, почему у него из ноги течет кровь?

Тут шакал поведал шакалихе историю про газель, ее детенышей и голодного волка, и он рассказал, как великодушный Хатем не пощадил себя, чтобы спасти жизнь газели.

— Милосердие этого человека поистине не знает границ! — воскликнула шакалиха. — Как бы нам исцелить его от недуга и помочь достигнуть пустыни Хувайда?

— Милая жена, — отвечал шакал. — Залечить раны Хатема можно, только приложив к ним мозг волшебной птицы-пери. Голова у той птицы чело-

вечья, а туловище павлинье. Обитает она далеко-далеко от наших мест, в лесной чаще Мазандерана. Молоко птицы-пери пьянит и веселит, и всякий, отведавший его, тут же принимается плясать и лицедействовать. Однако же найти путь к той птице куда труднее, чем добраться до пустыни Хувайда.

— Как же нам быть? — сокрушенно сказала шакалиха, — где сыскать существо, способное добыть сие чудесное снадобье?

— Если ты берешься в течение семи дней и семи ночей выхаживать Хатема, я готов отправиться в Мазандеран.

Возрадовалась шакалиха:

— Ступай, ступай, я сделаю все, что ты велишь.

Хатем же слышал разговор шакалов сквозь забытье и мысленно вверил им свою судьбу,

По прошествии семи дней и семи ночей, оставив позади много дорог, шакал достиг Мазандерана и увидел под одним из деревьев птицу-пери. Шакал потихоньку подкрался к ней, свернул ей голову и не мешкая отправился в обратный путь. Между тем шакалиха выхаживала Хатема, словно родное дитя, днем и ночью охраняла его покой.

Минуло еще семь дней и семь ночей, и шакал вернулся домой. Он вручил голову птицы-пери шакалихе. Та разгрызла ее зубами, коснулась кончиком своего языка птичьего мозга и смазала им раны Хатема. И к нему немедля вернулось здоровье.

— О благородные шакалы! — сказал, открывая глаза, Хатем, — чем могу я отблагодарить вас за хлопоты? Одно лишь меня печалит, безвинно погибла птица-пери.

— О Хатем, — утешил его шакал, — волею Аллаха одни существа призваны быть источником благополучия других.

— Как же я уйду, не поблагодарив вас за доброту? — молвил Хатем. — Скажите, чем могу я быть вам полезен?

— Неподалеку отсюда, — отвечал шакал, — на расстоянии шести фарсангов пути, в глубокой пещере, поселились дикие хищники. Они пожирают наше потомство, а мы не в силах их одолеть. Если тебе удастся избавить нас от подлых тварей — это будет для нас наибольшей наградой.

— Покажите мне эту пещеру, и я постараюсь отвести от вас сию беду.

Проводили шакалы Хатема к обиталищу хищников, но когда он заглянул в пещеру, то увидел, что там никого нет. Он спрятался за большим камнем и стал терпеливо ждать. По прошествии некоторого времени хищники вернулись и, обнаружив Хатема, грозно прорычали:

— О рожденный человеком, брось свою затею — ступай, откуда пришел, не то мы разорвем тебя на части.

— Глупые вы, глупые, — отвечал им Хатем, — никогда никому я не делаю зла. Я пришел сюда, чтобы отвести беду от шакалов, и хочу вам дать добрый совет: убирайтесь-ка вы отсюда подобру-поздорову.

— Как смеешь ты говорить подобные нелепости — станем ли мы бросать обжитое место!

И Хатем сказал:

— Разве Аллах дал вам право пожирать его творенья? Ведь шакалы, так же как и вы, созданы Аллахом.

— О рожденный человеком, — взъярились хищники. — По всему видано, ты пришел к нам не с доброй вестью. Неужели эти трусливые шакалы возымеют наглость затеять с нами бой?

— Нет у меня черных помыслов, — продолжал урезонивать их Хатем. — А явился я к вам с поучением и советом: откажитесь от привычки поедать детенышей шакалов.

— Если ты, о человек, будешь стоять на своем, мы съедим тебя заодно с теми детенышами, — сказали хищники.

— Будьте благоразумны, — терпеливо повторил Хатем, — поклонитесь перед лицом всемогу-

щего Аллаха, что больше не станете творить гнусности, и тогда он пошлет вам другую пищу.

Хищники возмутились:

— О рожденный человеком, никогда этому не бывать!

Тут терпению Хатема пришел конец. Понял он, что хищники не поступят по справедливости. Встал он со своего места, вскочил на самца-хищника да придавил его так, что передние лапы того подкосились, он рухнул на землю и распростерся под Хатемом. Хатем привязал шнуром лапы хищника к его шее. Подобным же образом он расправился и с самкой. И подумал тогда Хатем: «До сей поры я не причинил зла ни единому живому существу, однако нынче мне пришлось это сделать. Как поступить с этими неблагодарными дальше? Придется лишить их зубов и когтей».

И Хатем выдернул у хищников зубы и когти.

— Как же мы станем жить дальше, — причитали хищники, — как будем добывать себе пропитание?

— Нет в том моей вины, — отвечал Хатем, — вы сами вынудили меня поступить подобным образом.

Между тем в разговор вступили шакалы.

— Уж ладно, хищники, — сказали они, — мы раздобудем для вас пищу.

Распростившись с шакалами, Хатем отправился дальше.

— Как мог ты отпустить Хатема одного в столь опасный путь? — всполошилась шакалица. — Ступай вместе с ним, проводи его до пустыни Хувайда.

Догнал шакал Хатема и говорит:

— О великодушный Хатем. Тебе предстоит тяжелая дорога, и негоже мне оставлять тебя одного.

Однако Хатем не согласился с ним и сказал так:

— Твоя доброта ко мне весьма похвальна, но не могу я принять от тебя подобную жертву. Если желаешь доставить мне удовольствие —

возвращайся назад к своим детенышам, а мне только укажи дорогу.

— В пустыню Хувайда есть два пути: короткий и длинный. Пойдешь коротким — тебя постигнет множество невзгод и бедствий, пойдешь длинным — умрешь от жажды среди бескрайних песков пустыни.

— На все воля Аллаха, — отвечал Хатем. — Укажи мне короткий путь — быть может, судьба смилостивится надо мной.

— Если ты тверд в своем намерении, — сказал шакал, — иди до развилки четырех дорог, затем свернешь вправо и попадешь в пустыню Хувайда.

Попрощался Хатем с шакалами и двинулся в путь. И шел Хатем целый месяц, и вышел к развилке четырех дорог, и пошел дальше, и еще через несколько дней вышел он к огромному полю, и увидел, что там бродят стадами медведи. А были то превратившиеся в медведей пери, и один из них отправился к шаху — владыке всех пери и сказал:

— О могущественный повелитель! В наших местах появился человек с красивым лицом и приятным обхождением, по всему видано, высокого рождения.

— Приведите этого человека ко мне, — повелел шах пери.

Отправились слуги шаха к Хатему и передали ему шахский приказ. Когда Хатем предстал перед шахские очи, шах пери взглянул на сияние, подобно солнечным лучам обрамлявшее его прекрасное лицо, и ласково спросил:

— О рожденный человеком, кто ты такой и откуда пришел?

— О могущественный шах пери! — отвечал Хатем. — Зовут меня Хатем. Я — шахзаде Йемена.

Тогда шах сказал:

— О достославный! Добро пожаловать. Мир и свет несешь ты нам.

И он повелел слугам принести всяких яств и фруктов. И слуги принесли то, что повелел шах, и поставили перед Хатемом. И Хатем вкусил от

тех прекрасных яств, а потом сотворил благодарственную молитву. Тут шах пери повел такую речь:

— О Хатем, есть у меня дочь, достигшая брачного возраста. Не желаешь ли ты взять ее в жены и остаться жить в нашем краю?

Задумался Хатем, услышав такие речи.

— О чем задумался, о Хатем? — спросил шах. — Умерь печаль свою.

— О высокочтимый шах, — молвил Хатем, — вы — пери, а я — человек. Можем ли мы жить вместе?

— В вожделении пери подобны людям. Не гнушайся моего предложения. Дочь моя прекрасна ликом и ласкова душой — вряд ли ты сыщешь более достойную жену.

И шах повелел слугам привести дочь. По прошествии недолгого времени явилась девушка, станкой был строен, словно тополь, и гибок, словно зеленая ветвь; лицо, подобное луне, излучало сияние, затмевающее солнце. И всякий, устремивший на нее свой взор, лишался сил и покоя.

Взглянул на нее Хатем, и сердце его затрепетало, словно птица.

— О шах! Нищий неровня господину.

— Будет тебе лукавить, Хатем! И поступь твоя, и лицо, и осанка являют твое высокое рождение.

Хатем задумчиво молвил:

Кто обрек меня на мученья, кто меня поразил бедой? Ведь несчастье причиной было, что покинул я край родной. Хоть и верю, что в край любимый возвращусь я когда-нибудь, Но сейчас я покинут счастьем, осужден на скитальческий путь.

И в сердце своем помыслил: «Вот беда. Меня привели сюда мучения шахзаде Мунира, и он с нетерпением ждет моего возвращения». И еще он подумал: «Уж коли есть на то воля Аллаха — придется ей покориться».

Узрев нерешительность Хатема, шах пери разгневался:

— Неблагодарный! Если ты не желаешь мне повиноваться, я велю держать тебя закованным

в цепи до наступления Судного дня. Эй, слуги, — крикнул он, — заключите этого человека в колодки и посадите в ущелье на цепь!

Пери немедленно схватили Хатема и улетели. Они принесли его в ущелье, руки его сковали цепями, ноги забили в колодки, а вход в ущелье завалили огромным камнем. По прошествии недели, когда Хатема стали одолевать голод и жажда, послал к нему шах визиря и нескольких пери.

— О несравненный Хатем, — молвили они, — не разумнее ли тебе принять предложение нашего шаха? Твоя строптивость может стоить тебе жизни.

Хатем не проронил ни слова. Тогда посланцы вернулись во дворец и доложили шаху, что, мол, толку они не добились никакого.

— Ну что ж, — отвечал шах. — Коли ему жизнь не дорога, пусть медлит.

По прошествии еще одной недели явились стражники, охранявшие Хатема, и сказали шаху, что тот вот-вот отдаст душу Аллаху.

— Ступайте и приведите этого человека ко мне! — приказал шах.

Когда Хатем предстал перед шахские очи, шах пери увидел, что он и вправду подобен скелету.

— Долго ли станешь ты противиться моей воле? — спросил шах.

Хатем не знал, что ответить, лишь склонил на грудь голову.

— Эй, слуги, — повелел шах, — принесите какой-нибудь еды.

Слуги не мешкая поставили перед Хатемом разные кушанья, и Хатем их отведал и утолил мучивший его голод. После смело взглянул на шаха и молвил:

— О господин мой, владыка вселенной! Милость твоя поистине безмерна, только совесть повелевает мне следовать своим путем.

Услышав эти слова, шах разгневался пуще прежнего и повелел слугам схватить Хатема и отнести в ущелье. Снова заковали Хатема в цепи

и колодки и, не дав ему опамятоваться, унесли прочь.

Оставшись наедине, Хатем вспомнил такие стихи:

Я этими пери пленен, я попался в их сеть,
Но честью клянусь, что совсем не боюсь умереть.
А если всевышний к душе благосклонен моей,
Пусть мне, шахзаде, посылает он счастье скорей!
Ужели Аллах так желает свой гнев показать,
Что хочет меня, человека, с животным связать?
Но в чем виноват я? Будь милостив, о всеблагой:
От этих мучений избавь справедливой рукой.
Прошу, помоги мне вернуться на прерванный путь,
Чтоб цели своей поскорее я смог досягнуть!..

Прочитав сии строки, объятый тоской и печалью, Хатем уснул. И привиделся ему во сне седобородый старец.

— О Хатем, — молвил он, — почему ты ослушался шаха пери?

— О почтенный старец! — отвечал Хатем. — Мог ли я поступить иначе? Ведь если я женюсь на его дочери, я свершу несправедное деяние.

— Ты ошибаешься, Хатем. Судьба сия — предначертание Аллаха. Не противься ей, а не то бесславно закончишь свои дни в этом ущелье. Подчиняясь же воле шаха пери, одолеешь трудности и достигнешь желаемого.

Хатем в тревоге пробудился ото сна, однако перед ним никого не было.

По прошествии еще двух недель Хатем по велению шаха был снова доставлен во дворец. Усадив его на почетное место, шах вернулся к прежнему разговору.

— О могущественный шах, — отвечал ему Хатем, — я готов принять твое предложение, однако прошу тебя, чтоб ни одна из пери не приходила в мое жилище.

— Да будет так! — отвечал шах.

Кликнув слуг, он повелел пригласить визирей, витязей и ученых, сам же взял Хатема за руку и возвел его на трон. Явились знатные и мудрые

мужи, и каждый воссел на положенное ему место. Тут в зале появились танцовщицы, услаждая слух присутствующих, заиграли музыканты, запели сладкоголосые певцы. Когда же веселье пошло на убыль, шах пери поднялся с места и объявил гостям о женитьбе Хатема на царевне-пери. Приблизившись к царевне, Хатем увидел, что лицо ее подобно восходящему солнцу, стан — строен, словно тополь, и свет, излучаемый ею, разгоняет тьму. И ум его исчез, и любовь завладела им. Тут приготовили им роскошное брачное ложе, подобно коему не было доселе ни у одного шаха, ни у одного эмира. Хатем взял царевну за руку и повел ее из пиршественного зала. Шах же принес для молодых различные фрукты и повелел своим слугам отправить их в опочивальню.

В радости и любовных утехх провели молодые шесть месяцев. По прошествии этого срока Хатем словно пробудился ото сна и вспомнил, что дело, приведшее его в страну пери, забыто им ради наслаждений. И на память ему пришли стихи:

Я в ласковых объятьях сплю шахини-пери молодой,
Я позабыл о всех делах, мне уготованных судьбой.
А друг, хорезмский шахзаде, лишился помощи моей, —
Быть может, зря прождав меня, погибнет он во цвете дней!

Хатем прочел эти стихи и сказал:

— О душа моя! Я пустился в столь трудный путь ради счастья одного юноши. Однако срок прошел большой, а я ничего не сделал для него. Он же ждет меня с нетерпением. Окажи милость, отпусти меня на несколько дней и уговори отца своего не противиться этому. Тогда я смогу исполнить свое обещание.

— А кто сей юноша, — спросила царевна-пери, — и что ты должен для него сделать?

Хатем рассказал ей подробно о любви шахзаде Мунира к малике Хуснбану, и сердце пери смягчилось. Она немедля отправилась к отцу и сказала:

— О любезный отец, давай отпустим Хатема на несколько дней.

— Это в твоей власти, свет очей моих, — отвечал ей отец.

Несказанно возрадовался Хатем и стал не мешкая собираться в путь. Напоследок царевна-пери дала ему волшебное ожерелье и молвила:

— Возьми это ожерелье и держи всегда при себе; оно обладает чудесной силой и может пригодиться тебе в пути.

— О прекрасная! — молвил Хатем. — В чем чудесная сила сего ожерелья?

Девушка поведала ему о чудесной силе ожерелья, и, распроставшись с любимой супругой, Хатем в сопровождении приближенных шаха пери устремился на поиски Хувайды.

Оставив позади много путей и дорог, приближенные шаха пери проводили Хатема до определенного места и распрощались с ним.

По прошествии долгого времени Хатема одолевала сильная усталость, и он решил отдохнуть. Сел он на землю и предался грустным размышлениям. День клонился к закату, Хатем изнемогал от голода и жажды, а рассчитывать было не на что. Вдруг появился перед ним человек с лицом, прикрытым маской. В руках он держал кувшин с водой и несколько лепешек. Поставил все это перед Хатемом и исчез. Утолив голод, Хатем испил из того кувшина воды и снова двинулся в путь. Вскоре ему привиделось, будто лежит вдали огромный дракон, и его охватил страх. Дракон сделал глубокий вдох, и Хатем не заметил, как очутился нос к носу с ним. После дракон сделал еще один вдох, и Хатем оказался у него в брюхе. Целых три дня просидел Хатем в брюхе дракона как ни в чем не бывало: он держал во рту волшебное ожерелье царевны-пери, которое уберегло его от палящего жара. Между тем дракон, испытывая мучительную боль, думал: «Странная пища мне попалась! Все катается да перекачивается в желудке, никак не переварится». Наконец не выдержал дракон и выплюнул Хатема. И Хатем,

оказавшись на воле, снова отправился в путь. По прошествии некоторого времени достиг он прибрежных песков и увидел реку, на берегу которой сидело некое странное существо с рыбьим хвостом и человеческой головой.

Хатем в недоумении остановился. Тем временем странное существо протянуло руку, схватило Хатема и, стиснув его, словно жалкого птенца, увлекло на дно реки, в свои владенья. Там странное существо усадило Хатема на прекрасный ковер и стало домогаться его любви. Хатем страшно боялся человека-рыбы, но та неотступно находилась при нем. По прошествии семи дней и семи ночей Хатем сказал:

— Меня привели сюда дела одного юноши, и ты должна отпустить меня на волю. Только тогда, когда ты вернешь меня на сушу, я соглашусь разделить с тобой ложе.

Рыба-человек отвечала ему согласием, однако просила повременить четыре дня.

Хатему ничего не оставалось, как согласиться, а через четыре дня и четыре ночи она вынесла его на берег реки, и, простившись с ней, Хатем снова отправился в путь. Оставив позади много путей и дорог, достиг Хатем подножия некоей горы. Он взобрался на вершину той горы и увидел, что там произрастают не только кипарисы и тополя, но и всякие диковинные деревья. И на всех этих деревьях распевали соловьи, горлинки и другие сладкоголосые птицы. В песнях же своих они восхваляли обитающего здесь старца. Между деревьями на возвышении стояла большая, нарядно убранная суфа. Хатем поднялся на эту суфу, уселся на ней и стал озираться по сторонам. Вскоре его сморил сон. А пока он спал, явился благообразный седобородый старец, владыка тамошних мест, и, узрев спящего луноликого юношу, озаренного шахским сиянием, немало подивился. Дабы не потревожить сон гостя, старец молча уселся у него в головах и стал ждать, когда тот проснется. По прошествии некоторого времени Хатем открыл глаза и нежданно-

негаданно увидел перед собой седобородого старца. Смешавшись, он вскочил на ноги, отвесил старцу почтительный поклон и молча воззрился на него.

— О юноша, — обратился к нему старец, — как тебя зовут? Откуда и куда ты держишь путь?

— О почтенный, — отвечал ему тот. — Зовут меня Хатем, прибыл я из Хуснабада, а путь держу в пустыню Хувайда.

— Эта дорога не из простых, — отвечал старец, сокрушенно покачав головой. — Разве нет у тебя друзей, которые предостерегли бы тебя от столь опрометчивого намерения?

— У меня нет другого выхода. Я пришел сюда по делам одного юноши.

И Хатем поведал старцу историю шахзаде Мунира и рассказал о семи загадках малики Хуснбану.

— О мужественный Хатем, — воскликнул старец, — твои доброта и упорство столь велики, что непременно приведут тебя к пустыне Хувайда. Однако помни: из пустыни Хувайда никто еще не возвращался, и дабы не постигла тебя та же участь, выслушай внимательно мои наставления. По прошествии длительного времени ты выйдешь на берег большого озера. Там к тебе явится некая нищая, коя доставит тебя в таинственное место, где обитает множество соблазнительных красавиц. Однако ты не поддавайся их чарам. Пуще прочих остерегайся самой прекрасной, солнцеликой, сверкающей подобно звезде на ночном небе, ибо она таит в себе великую опасность. Даже в помыслах не поддавайся ее чарам. Как только она подойдет к тебе, ты одной рукой прикрой глаза, а другой возьми ее за руку, и она немедля доставит тебя в пустыню Хувайда.

Пока старец говорил сии речи, перед ними появился богатый дастархан, сплошь уставленный великолепными яствами. Хатем вкусил от тех яств и, утолив голод, расположился на ночлег. С наступлением утра Хатем пришел к мудрому старцу и попросил соизволения удалиться.

Итак, простившись со старцем, отправился Хатем на поиски пустыни Хувайда. По прошествии нескольких дней, оставив позади много путей и дорог, Хатем достиг большого озера. На берегу того озера произрастали огромные деревья, вершины коих упирались в небо, а на ветвях шелестели невиданной красоты листья. Только Хатем вознамерился было отдохнуть, как из озера вышла луноликая красавица и, взяв его за руку, увлекла за собой. Устрашившись, Хатем закрыл глаза. Вдруг его ноги коснулись чего-то твердого, и он с удивлением обнаружил, что находится в прекрасном саду, среди благоухающих цветов. Красавица тотчас оставила Хатема и куда-то исчезла. Хатем же принялся оглядываться по сторонам. Вдруг его взору предстали сказочной красоты женщины. Они начали к нему ластиться, и каждая норовила привлечь его к себе. Тут Хатему вспомнились наставления старца, и, подумав, что это и есть заколдованное место, о коем тот говорил, Хатем решил во что бы то ни стало следовать его советам. Тем временем обольстительницы унесли Хатема в роскошный дворец, где стены были украшены жемчугом и золотом и увешаны портретами тех обольстительниц. Обойдя дворец, Хатем забрел в просторный зал, посреди коего увидел возвышение, покрытое шахскими коврами, а на возвышении — украшенный изумрудами, жемчугами и алмазами трон. Подведя Хатема к трону, обольстительницы тотчас исчезли, они устремились к стене с портретами и слились с ними. Хатем немало подивился, наблюдая все это, а в сердце своем помыслил: «Чудное какое-то колдовство». Потом он воссел на трон, и тотчас же послышался странный скрип. Испугавшись, что может сломаться спинка трона, Хатем перешел на правую сторону возвышения. Между тем по прошествии некоторого времени странный скрип повторился. Тут изображения обольстительниц ожили, и красавицы с кокетливыми ужимками стали приближаться к Хатему. И они приблизились к Хатему и остановились перед ним, и Хатем

почувствовал, что теряет над собой власть. Ему захотелось отбросить покрывало с лица самой прекрасной из красавиц, но, вспомнив наставления старца, он подумал: «Если я не устою перед соблазном, то, пожалуй, мне никогда не удастся покинуть это заколдованное место». Так, терзаемый печальными думами, провел здесь Хатем три дня и три ночи. И с наступлением каждой ночи сами собой зажигались свечи, невесть откуда появлялись танцоры и музыканты и до глубокой ночи его развлекали. И стоило только зазвучать музыке, как ожившие изображения присоединялись ко всеобщему веселью. Самая же прекрасная из них, стоя у трона, с улыбкой взирала на Хатема. Луноликие красавицы без конца подносили изысканные яства. И хотя Хатем вкушал много этих яств, однако насытиться не мог, и это его очень удивило. И он помыслил в сердце своем: «Если Аллаху будет угодно продержать меня среди сих наслаждений еще сто лет, я не удовольствуюсь этим, ибо, не достигнув цели, не обрету покоя». Помыслив так, взял он руку прекраснейших из прекрасных, и та, немного отойдя от трона, так толкнула Хатема в грудь ногой, что он отлетел прочь. И вдруг Хатем увидел, что нет ни того сада, ни тех красавиц, — все исчезло. А сам он находится в пустыне, коей не видать ни конца ни края. Поначалу Хатему показалось, будто это какой-то мираж. Однако, пройдя немного вперед, он услышал некий голос:

Кто та любимая, скажи, которую, узрев однажды,
Мы жаждем встретить, но вовек не утолить нам этой
жажды?

И Хатем поспешил на звук того голоса. Семь дней и семь ночей провел он в пути, а к исходу восьмого дня достиг некоего места, где увидел седобородого старца. Старец сидел с мокрым от слез лицом и время от времени повторял то самое двустипшие. Подойдя ближе, Хатем согнулся в почтительном поклоне. Старец же, ответив на приветствие, спросил:

— О юноша, что привело тебя в столь страшные места?

— О глубокочтимый! Мне непременно нужно увидеть человека, беспрестанно говорящего одни и те же слова, и узнать смысл тех слов.

И Хатем поведал старцу историю шахзаде Мунира и малики Хуснбану.

Тогда старец усадил Хатема рядом с собой, и перед ними тотчас появилась лепешка и кувшин воды. И они отведали той лепешки, и, запив ее чистой водой, старец сказал:

— Однажды в молодости увидел я ту красавицу, и до глубокой старости живет в моей памяти ее облик, и душа жаждет лицезреть ее снова.

Тут старец тяжело вздохнул, из глаз у него полились слезы, и он опять, словно молитву, стал повторять:

Кто та любимая, скажи, которую, узрев однажды,
Мы жаждем встретить, но вовек не утолить нам этой
жажды?

«Вот истинный влюбленный!» — подумал Хатем и, взяв старца за руку, ласково молвил:

— О благородный старец! Будешь ли ты счастлив, увидев снова свою возлюбленную?

— О юноша! — вздохнул старец. — Ты говоришь о невозможном.

— Пойдем со мной, и я приведу тебя к той красавице.

По прошествии нескольких дней старец и Хатем вышли к волшебному озеру. Тут Хатем, усадив старца на берегу, молвил:

— О благородный старец! Умерь печаль свою и смятение души! Скоро ты вновь увидишь свою возлюбленную, только на сей раз тебе надлежит быть поосторожнее. Если ты поднимешь покрывало и узришь ее лицо, ты снова окажешься в пустыне Хувайда и тебя уже никто не сможет вызволить оттуда. А сейчас из воды выйдет прекрасноликая женщина, и она возьмет тебя за руку и станет обольщать, однако ты не поддавайся соблазну.

Как только Хатем вымолвил сии слова, появилась та самая красавица, и взяла она старца за руку и увлекла его на дно волшебного озера.

По прошествии нескольких дней, направляясь в Хуснабад, Хатем пришел к мудрому старцу. Завидев Хатема, старец несказанно обрадовался и ласково молвил:

— Да воздаст тебе Аллах благом за твою сердечность и великодушие! Только благодаря доброте и мужеству ты смог вернуться целым и невредимым из той страшной пустыни!

После же приступили они к трапезе, и были угощения старца столь изысканны и обильны, что Хатем немало порадовался подобному гостеприимству. Через день Хатем попросил у старца соизволения удалиться, простился с ним подобающим образом и отправился дальше. Вскоре он достиг берега реки, где встретился с рыбой-человеком. Оставив позади много путей и дорог, он вышел к песчаной пустыне, в коей обитали пери. Пери прослышали о возвращении Хатема, поспешили ему навстречу и с большими почестями препроводили к своему шаху. Когда Хатем пришел к шаху, там его окружили радушием и лаской, воздали ему всяческие почести, осыпали золотом и жемчугом. Несказанно обрадовался шах возвращению зятя, заключил его в объятия и велел позвать царевну-пери. Тридцать дней и тридцать ночей провел Хатем с царевной-пери в любовных утехах, после же, испросив соизволения шаха-пери и жены, отправился дальше. По пути он навестил своих друзей-шакалов, справился о жите-бытье хищников и, распростившись с ними, направил свои стопы к городу Хуснабаду. Оставив позади много путей и дорог, достиг он наконец города Хуснабада и в караван-сараяе встретился с шахзаде Муниром.

Завидев Хатема, шахзаде облобызал перед ним землю, однако Хатем, подняв его, сказал:

— Умерь свои тревоги и успокой сердце: я знаю ответ на загадку малики.

Малике тут же доложили о возвращении Хатема, и она повелела отправить ему изысканное угощение. Хатем с шахзаде Муниром принялись за трапезу и, насытившись, вознесли молитву всевышнему.

Поутру явились слуги малики и пригласили Хатема во дворец. Хатем отправился с ними во дворец, и пришел, и, отвесив малике низкий поклон, смиренно сказал:

— О прекраснеликая! Я принес ответ на твою первую загадку.

— Поведай мне, о юноша, как тебе удалось его сыскать.

Хатем сказал:

— О красавица малика! Придя в пустыню Хувайда, я встретил старца, кой некогда увидел в заколдованном месте луноликую девушку. Он полюбил ее всей душой и только вознамерился было ей об этом сказать, как вдруг очутился в пустыне Хувайда. Всю жизнь провел он там в тоске по любимой и, мечтая встретить ее снова, читал те стихи.

Тут Хатем поведал прекрасной малике о всех своих приключениях. Выслушав рассказ Хатема, малика похвалила его за смелость и долготерпение, а кормилица еще добавила:

— О малика, все, что сказал Хатем, — чистейшая правда.

После этого малика повелела слугам ублажать Хатема как самого дорогого гостя, потчевать его самыми редкими блюдами. И слуги не мешкая принялись выполнять повеление малики. А когда Хатем насладился гостеприимством малики, он обратился к ней с такими словами:

— О малика, я отгадал твою первую загадку, теперь я готов выслушать вторую.

— Не торопись, — отвечала малика. — Тебе следует хорошенько отдохнуть, прежде чем ты приступишь к разгадыванию второй загадки.

Выслушав сказанные маликой слова, Хатем направился в караван-сарай. Три дня и три ночи предавались Хатем и Мунир отдыху, а потом Хатем снова пошел к малике и, придя к ней, сказал:

— Прекраснейшая малика, не соблаговолишь ли ты загадать мне свою вторую загадку?

И малика сказала:

— Некто над воротами своего дома написал:

Какую жертву принести? Что воле волн доверить надо,
Чтобы нашла тебя за то в пустыне вышняя награда?

Ты должен отгадать, что означают сии слова и кому они принадлежат.

Приключение второе

Узнав вторую загадку малики, Хатем вернулся в караван-сарай и, простившись с шахзаде Муниром, отправился в путь. По прошествии нескольких дней он достиг большого дерева и уселся в его тени отдохнуть. Вдруг ему послышался возглас, подобный мучительному стону. Сердце Хатема взволновалось, и он пошел искать, откуда доносится стон. Вскоре он увидел луноликого юношу с мокрым от слез лицом. Подошел к юноше Хатем и спросил:

— О юноша, что так сильно тебя печалит?

— О добрый странник, — отвечал ему юноша, — грусть моя тяжела и безмерна, и нет на земле человека, способного ее унять.

— Не расскажешь ли ты мне свою историю, может быть, я сумею тебе помочь?

— О благородный странник, в четырех фарсангах пути отсюда находится город, и в городе том живет купец по имени Харис, у коего есть прельстительная и ласковая дочь. В один из благоприятных дней я отправился туда торговать и по пути на базар забрел на улицу, где обитает Харис. Взглянув на окно его дома, я узрел девушку столь прекрасную, что свет померк в моих глазах. С той поры я лишился покоя, и любовь завладела моим сердцем. На вопрос, кто сия девушка, подобная луне в ночь новолуния, мне отвечали, что это дочь купца Хариса, достигшая брачной поры. Услышав такие слова, я не мешкая отправился к ее отцу просить, чтобы он отдал мне ее в жены.

— Дочь моя столь умна и рассудительна, — отвечал мне ее отец, — что свою судьбу способна решить сама.

Тогда я пошел к той девушке и сказал, что меня снедает страсть и любовное томленье и что я молю ее остановить свой взор на мне.

Выслушав мои речи, девушка молвила:

— О благородный юноша! Ведомы ли тебе мои условия: я стану женой того, кто исполнит три мои повеления. Тот же, кто с ними не справится, должен отдать мне все свое богатство.

Я не раздумывая принял ее условия, однако дело мое не движется, я беспомощно блуждаю по пустыне и не знаю, чем все это кончится.

— Умерь печаль свою и смятение души, — утешил его Хатем, — скажи мне, что повелела тебе исполнить та лунолика.

— Первое — разгадать секрет таинственной пещеры, которая находится здесь, неподалеку от города. Второе — узнать, что означают слова «О, я не выполнил того, что принесло бы мне

отдохновение, а людям добро» и кому они принадлежат. Третье — добыть волшебное ожерелье пери.

И еще сказал молодой купец:

Та, кому печаль излил бы, где моя луна, о где?

Я — как лист осенний, желтый, — где моя весна, о где?

Говорят, коль друг страдает, поспешит к нему подруга.

Мы в разлуке, — где же встреча с милой суждена, о где!

— Не печалься, юноша, — утешил его Хатем, — я пойду в тот город и соединю тебя с любимой.

— Ты ошибаешься, великодушный Хатем, — грустно молвил молодой купец, — дело это нелегкое. Тысячи достойных и благородных юношей лишились жизни, добиваясь любви дочери Хариса. Берегись, не то и тебя постигнет та же участь.

— Ну что ж, — отвечал ему Хатем. — Чужое счастье я готов добыть ценой собственной жизни. Однако обо мне не тревожься. Пойдем вместе к твоей возлюбленной — может, что-нибудь у нас да получится.

По прошествии некоторого времени они достигли города, и вошли в тот город, и направились к дому купца Хариса. Прикинувшись нищими странниками, встали они у дверей и попросили доложить девушке о своем приходе. Слуги доложили молодой хозяйке, что пришли, мол, двое людей, именующих себя странниками, однако лица их озарены шахским сиянием. Девушка повелела тотчас пустить Хатема и его спутника в дом и, укрывшись за завесой, спросила:

— О странники, какое дело привело вас ко мне и чем я могу быть вам полезна?

— О прельстительнейшая из красавиц! — молвил Хатем. — Пригласи сюда знатных и мудрых мужей и повтори при них свои условия. Я готов исполнить твои повеления, однако ты должна обещать, что коли я выполню их, то смогу передать право жениться на тебе другому юноше.

Дочь купца Хариса согласилась. Она пригласила знатных и мудрых мужей и оповестила их о своем договоре с Хатемом.

— А теперь, о прекрасная, скажи, каково твое первое повеление.

— Вот оно, — сказала дочь купца Хариса. — Неподалеку от нашего города есть таинственная пещера. Ты должен пойти в эту пещеру и разгадать ее тайну:

— Слушаюсь и повинуюсь, — отвечал Хатем.

И девушка приказала своим слугам проводить Хатема к той пещере и указать ему вход в нее. А как только он войдет в пещеру, воротиться назад.

Когда Хатема привели к пещере и когда он в нее вошел, он увидел, что нет ей ни конца ни края. Шел он, шел и по прошествии нескольких дней увидел во тьме луч света. Пошел он на тот свет и вышел к большой пустыне. Стал он пробираться по пустыне и еще через несколько дней пришел к чистому и прохладному ручью. И подумал Хатем: «Питьевая вода у меня кончилась, и Аллах привел меня к этому источнику».

Подумав так, он присел отдохнуть. Достал чашу из красного жемчуга, зачерпнул немного воды и, покрошив в нее лепешку, принялся за трапезу. Подкрепившись скудным завтраком и закусив зернами миндаля, Хатем отправился дальше. Оставив позади много путей и дорог, он увидел высокие-высокие стены с железными воротами, а за теми стенами несказанной красоты дворец. Вошел он в эти ворота, проник во дворец и увидел в нем много залов, айванов и опочивален.

Не успел он подивиться тому, что не попалось ему ни одной живой души, как откуда ни возьмись налетели дивы. Они схватили Хатема и хотели его съесть, однако старший из них сказал:

— О дивы! Спору нет — человечье мясо очень вкусно, однако, если прознает о нашей проделке шах, нам несдобровать: он рассвирепеет и всех нас изничтожит. Оставим же путника в покое.

Дивы согласились и отпустили Хатема, и он пошел дальше. По прошествии некоторого времени Хатем увидел еще более прекрасный дворец,

и он подумал: «Может быть, здесь живут человеческие существа». Однако и тут обитали дивы и, подобно своим сородичам, вознамерились было его съесть. Однако один из них, самый рассудительный, сказал:

— О дивы, этого человека нам лучше подарить шаху. И шаха и его дочь одолела хворь, и до сей поры никто не сумел вернуть им здоровья. Сотни людей пытались им помочь, но не смогли и стали пленниками шаха. Если сие удастся этому страннику, то шах и нас, пожалуй, не обойдет своими милостями.

— О мудрейший, — возразил ему другой див. — Многих рожденных людьми приводили мы к нашему шаху, однако их беспомощность лишь навлекала на наши головы его недовольство.

— О жестокие! — сказал мудрый див. — Если шах узнает, что вы съели человека, то уничтожит и вас и ваше потомство.

После долгих пререканий дивы отпустили Хатема. Возрадовался Хатем своему избавлению и подумал: «Так вот где погибли юноши, влюбленные в дочь купца Хариса!» Пошел Хатем дальше, однако путь его был недолог: его снова схватили какие-то дивы и отнесли к главному диву. Хатем увидел, что тот сидит грустный и печальный.

— О мудрый див, — обратился к нему Хатем, — в чем причина твоей печали?

— О рожденный человеком, — отвечал ему тот, — у моей жены издавна болят глаза, и до сей поры никому не удалось ее излечить.

— Веди меня к ней, — сказал Хатем.

Главный див привел Хатема к жене и сказал:

— Вот моя жена.

И Хатем увидел женщину ростом с минарет; рот у нее был словно пещера, руки подобны ветвям чинары, лицо же было сродни покрытому сажей котлу — чернее темной ночи. И помыслил Хатем в сердце своем: «Вот так красавица». А потом сказал:

— О великий див! Я согласен вернуть здоровье твоей жене, но за это ты должен доставить меня к своему шаху.

— О благородный юноша, — возрадовался див, — я готов поклясться именем мудрого Сулеймана, что выполню твою просьбу.

Хатем не мешкая достал волшебное ожерелье, смочил его водой и приложил к глазам жены дива. Та тотчас почувствовала облегчение, затем, удивленно взглянув на Хатема, сказала:

— Вот чудо. Здоровье вернулось ко мне.

— О юноша! Среди людей и пери я не знаю равного тебе по мудрости: ты — лучший из исцелителей. — И он повелел слугам подать отменнейшие яства.

И Хатем, вкусив от тех яств, утолил голод и по прошествии некоторого времени сказал:

— О предводитель дивов! Дело сделано — теперь выполняй свое обещание.

Див не мешкая встал со своего места, и они вместе с Хатемом отправились в путь. Вскоре они прибыли во дворец шаха по имени Фуркасшах. В то самое время шах восседал на усыпанном драгоценными камнями троне, а слева и справа от него расположились его приближенные. Стража доложила шаху, что явился главный див одной местности в сопровождении какого-то человека. И Фуркасшах повелел привести их к нему. Когда Хатем с дивом предстали пред шахские очи, главный див сказал:

— О могущественный шах! Человек сей мудр и искусен во врачевании. Он без труда вернул моей жене зрение. Не желаешь ли ты изведать на себе силу его дара?

Возрадовался шах и повелел казначеям обрядить главного дива в шахские одежды, Хатема же ласково поманил к себе и жалобно сказал:

— О рожденный человеком, уже долгое время не переваривается пища в моем желудке, и я испытываю от этого страшные мучения. Если ты исцелишь меня от хвори, я осыплю тебя милостями и избавлю от мирских забот.

— О мудрейший! — спросил Хатем. — Кто находится рядом с тобой во время трапезы?

— Мои приближенные, — ответил шах.

— Прикажи своим слугам принести сюда еду.

В ответ на приказание шаха слуги тотчас же принесли всевозможные яства, каждое из коих было завернуто в отдельный дастархан. Хатем попросил развернуть один дастархан и показать еду всем, кто здесь был. Потом он велел прикрыть то блюдо, а после откинуть все дастарханы разом. Когда все это было сделано, шах и его придворные не поверили своим глазам: еда, открытая первой, сплошь была усыпана червями.

— Друзья мои! — обратился шах к придворным. — То ли чудо свершилось, то ли оно мне привиделось! Что вы можете мне ответить?

И придворные ответили:

— Мы видим то же, что и ты, о мудрейший! Только как сие могло приключиться?

— Тут все дело в дурном глазе. У тебя, о шах, среди приближенных есть злые завистники. Их берет зависть, что ты ешь изысканные яства, и стоит им только взглянуть на пищу, как она тотчас покрывается червями. Если хочешь, чтобы тебя покинула хворь, — либо ешь наедине, либо потребляй пищу, кою едят простые смертные.

При сем Хатем велел шаху вместо воды пить анисовую настойку. Шах выполнил наставления Хатема и полностью излечился от болезней. И тогда сказал он Хатему:

— О рожденный человеком, можешь требовать от меня, чего твоей душе угодно.

И Хатем вот что ответил шаху:

— У тебя в заточении находятся несколько сынов человеческих, моих братьев. Прошу тебя — отпусти их на волю.

Шах немедленно приказал всех пленников освободить. А когда их освободили и они предстали взору Хатема, сердце у него защемило от боли: они были подобны скелетам.

— О братья мои! — молвил Хатем. — Как вы попали в плен к дивам?

— Мы — жертвы дочери купца Хариса, — ответили те.

— И вы станете снова искать ее благорасположения? — воскликнул Хатем.

— Разумеется, нет. Мы вернемся домой!

Долгое время врачевал их Хатем и выхаживал, а когда они обрели прежний вид, вручил он им слиток золота и сказал:

— Теперь идите домой: с этим слитком вам не страшен никакой див.

— В добрый путь! — молвил шах и, обратясь к Хатему, добавил: — О мудрейший из людей! Уж коли я доверился тебе, не желаешь ли ты помочь мне еще в одной беде?

— А какая у тебя беда? — спросил Хатем.

— Есть у меня луноликая дочь, — молвил шах, — она совсем юная, однако уже страдает каким-то тяжким недугом, не ест, не пьет и день ото дня худеет.

— Покажи мне твою дочь.

Шах повел Хатема на женскую половину дома. И увидел Хатем «луноликую» дочь шаха: ростом с минарет, рот будто пещера, руки подобны ветвям чинары, тело покрыто ослиной шкурой, ноги же кривые, словно арка. Страшилище несусветное, да и только!

— Принесите воду и кусок черного сахара, — повелел Хатем.

Хатем достал волшебное ожерелье, окунул его в воду. Потом растворил в воде черный сахар и подал напиток девушке. Девушка залпом выпила напиток, и по прошествии некоторого времени у нее началось сильное расстройство желудка, и вместе с испражнениями из нее вышли все хвори, и стала она есть и пить!

Возрадовался шах и сказал:

— Не знаю, как благодарить тебя! Оставайся с нами. Мы будем любить тебя и жаловать, будем во всем тебе угождать.

Хатем же так ему ответил:

— О благородный шах! Я не могу и помыслить о том, чтобы остаться у вас. На сей случай нашими мудрецами сложены стихи:

Обычно в небесах летает птица с птицей —
Голубка с голубем, а сокол с соколицей.
Но ежели судьба свела со львом барана,
Им стать сердечными друзьями было б странно.

Здесь нет возможности мне больше оставаться —
Ведь людям с дивами не следует общаться.
Я истину познать, придя сюда, сумел,
И мнится, все уже преграды одолел!

И продолжал:

— Я пришел в эту пещеру, чтобы разгадать ее тайну. Теперь мне это удалось, и я должен немедленно возвращаться назад.

— О казначей, — повелел Фуркасшах, — открой двери моей сокровищницы и дай этому человеку все, чего он пожелает.

Казначей не мешкая повел Хатема в сокровищницу шаха и насыпал ему в суму золота, жемчугов и алмазов.

Хатем почтительно молвил:

— О высокочтимый шах! Милость твоя мне бесконечно дорога, но дары сии обременительны. Как сумею я их унести?

Шах призвал нескольких слуг и повелел им доставить Хатема к пределам людских владений и непременно принести письмо от Хатема, подтверждающее его благополучное прибытие, чтобы он, шах, не тревожился. Слуги исполнили волю шаха, и вскоре Хатем оказался у входа в ту самую пещеру, секрет коей должен был разгадать.

Между тем слуги дочери купца Хариса время от времени приходили к пещере узнать, не вернулся ли Хатем. В один из благоприятных дней они увидели появившегося из пещеры Хатема в обществе дивов. Устрашились слуги и собрались было бежать. Тут Хатем их окликнул, успокоил и, вручив суму с дарами шаха, велел следо-

вать за ним в город. Сам же достал бумагу и написал шаху дивов письмо, в коем уведомлял о своем благополучном прибытии на землю людей.

Слуги проводили Хатема в караван-сарай, а сами поторопились к дочери купца Хариса.

— О прекрасноликая госпожа, — доложили они, — Хатем вернулся из пещеры цел и невредим в сопровождении дивов и с богатыми дарами. Ныне же он находится в караван-сараяе. И богатые дары шаха дивов он преподнес молодому купцу.

— Эй, слуги, — повелела она, — ступайте немедленно в караван-сарай и приведите Хатема ко мне.

Когда Хатем в сопровождении молодого купца предстал перед девушкой, он поведал ей обо всех своих приключениях, и девушка пришла в неописуемый восторг.

— О благородный юноша! — воскликнула она. — Нет тебе равного в великодушии и мужестве.

И Хатем молвил:

— Теперь, о малика, скажи мне, каково твое второе повеление?

И девушка отвечала:

— Второе повеление не легче первого. Каждую ночь с четверга на пятницу я слышу вещий голос: «О, я не выполнил того, что принесло бы мне отдохновение, а людям добро!» Тебе надлежит выяснить, кому принадлежит тот голос и в чем смысл тех печальных слов.

Хатем поблагодарил девушку, отвел сына купца в караван-сарай, а сам вихрем умчался, готовый выполнить второе повеление красавицы.

Странствуя, достиг Хатем дерева, верхушкой упиравшегося в небо, и присел под деревом отдохнуть. Когда же день сменился ночью, Хатем услышал печальный голос: «О, я не выполнил того, что принесло бы мне отдохновение, а людям добро!» Услышав сии слова, Хатем сорвался

с места и устремился в ту сторону, откуда доносился голос. Шел он день, шел ночь, и еще день, и еще ночь, а в ночь с четверга на пятницу услышал тот же голос. Хатем исходил всю округу, однако никого не приметил. И тогда помыслил Хатем в сердце своем: «Где могу я найти того, кто столь жалобно сетует на невзгоды?» И он снова отправился в путь и по прошествии недолгого времени пришел в одно селение и решил там дожидаться ночи с четверга на пятницу. Когда же наступила ночь с четверга на пятницу, Хатем услышал тот же голос. И стало Хатему ясно, что неведомый голос слышится только в ночь с четверга на пятницу. И он снова отправился туда, откуда доносился печальный голос. По прошествии нескольких дней достиг он другого селения. Остановился там, и все произошло так, как в прежние ночи, и целый месяц шел он на звук этого голоса, и набрел на одно селение, и увидел, что жители его, собравшись вместе, громко рыдали. Хатем спросил их:

— О друзья, что повергло вас в столь глубокую печаль?

И собравшиеся так ему отвечали:

— О юноша, сразу видно, что ты пришлый и тебе неведома наша беда. Вот уже много лет подряд в ночь с четверга на пятницу здесь появляется некое чудовище и съедает кого-нибудь из жителей нашего селения. Нынче наступил черед миршаба нашего селения принести в жертву чудовищу своего сына. Вот почему мы страдаем.

Хатем попросил отвести его к миршабу. И, придя к миршабу, сказал ему так:

— О владыка! Не страшись ты того чудовища, а расскажи лучше, каково оно с виду, и я приму смерть вместо твоего сына.

Миршаб решил, что ласковые речи пришлого юноши вызваны желанием утешить его, и, смахнув со щеки слезу, сказал:

— О великодушный юноша! Да воздаст тебе Аллах благом за доброту твою и благородство!

Однако стоит тебе только увидеть это чудовище, как добрые помыслы тотчас же тебя покинут.

— О миршаб, — молвил Хатем, — не считай меня пустословом. Смысл жизни я вижу лишь в том, чтобы помогать ближним.

— Не сердись на меня, юноша. В сем печальном деле я не нашел помощи даже у самых близких и преданных мне людей. Делать нечего: моя беда — мне ее и расхлебывать. Остается лишь покориться судьбе — иного выхода нет и не будет.

— Отчего же не будет? — возразил Хатем. — Нарисуй мне портрет того чудовища, а потом подумаем, как быть.

Ему тут же нарисовали чудовище, а Хатем посмотрел и сразу его узнал.

— Чудовище это зовут Халука, оно сделано из железа. Поэтому его не сечет меч. Если вы исполните все, как я велю, то, волею Аллаха, от него избавитесь.

Возрадовались жители селения и обещали Хатему во всем быть послушными.

— Приведите ко мне зеркальщика! — попросил Хатем.

Когда зеркальщик явился, Хатем повелел ему изготовить зеркало в сто газов длиной и сто газов шириной. Затем этим зеркалом перегородили дорогу, по которой чудовище обычно приходило в селение. Когда же было все исполнено, Хатем сказал:

— А теперь ступайте по домам и ждите. Тот из вас, кто менее труслив, может остаться со мной.

— Я останусь с тобой, благородный Хатем, — объявил сын миршаба.

И еще он сказал:

— О правоверные мусульмане! Как можете вы оставить столь великодушного юношу один на один со страшным чудовищем! Вправе ли вы воздать за добро безучастностью?!

Горячими речами сын миршаба убедил жителей селения, и они остались с Хатемом. Миновал четверг, и в ночь на пятницу, как обычно, раздался рев приближающегося чудовища. Жители

деревни, оставшиеся с Хатемом, содрогнулись от страха.

— Не страшитесь, друзья, — сказал Хатем, — ныне вы освободитесь от этого чудовища навсегда.

Вскоре показалось и само чудовище, подобное огромной глыбе, и невозможно было узреть, где у него руки, а где ноги. В углах его пасти пузырилась пена, сама же пасть извергала пламя и клубы черного дыма. При виде чудовища одни в панике бросились бежать, иные же, устранившись, попадали на землю. Тем временем чудовище подходило все ближе и ближе. Хатем осветил зеркало ярким пламенем факела, и чудовище, увидев свое отражение, в ужасе отпрянуло назад. Оно так взревело, что земля заходила ходуном. Потом от натуги чудовище разлетелось на части. Когда обитатели селения опамятавались, то увидели, что чудовища словно и не бывало на свете, а увидев это, бросились к Хатему и вознамерились было одарить его золотом и жемчугами, однако от щедрых даров юноша отказался.

— О друзья мои, — молвил Хатем, — это чудовище звали Халукой, и уничтожить его могло лишь его собственное изображение. Благосклонность же к вам я изъясил не из корыстных побуждений, и дороги мне не дары, а покой ваш и счастье.

Удивились жители и спросили:

— О благородный юноша! Какими судьбами попал ты в наши края?

— Меня привело к вам одно важное дело, — отвечал Хатем. — Каждую ночь с четверга на пятницу слышится мне голос, коий твердит: «О, я не выполнил того, что принесло бы мне отдохновение, а людям добро!» Более тридцати дней и тридцати ночей провел я в поисках разгадки сей тайны, однако покуда мои усилия не увенчались успехом.

Как раз в это время снова раздался печальный голос, и Хатем устремился на его зов. Шел он месяц, шел другой и достиг высокого дерева, упиравшегося своей верхушкой в небо. А неподалеку

от того дерева увидел Хатем кладбище. Сел он под деревом и задремал. Среди ночи его разбудил какой-то шум. Он осмотрелся по сторонам и увидел восставших из могил луноликих людей в нарядном облачении, восседающих на богатых коврах. В стороне от них на голой земле сидел неопрятного вида человек, в лохмотьях, коий непрестанно стенал и плакал.

Перед луноликими и нарядными мужами стояли богатейшие яства, и они вкушали от тех яств. Тому же несчастному не перепало и крошки, и, печально вздыхая, он скорбно причитал: «О, я не выполнил того, что принесло бы мне отдохновение, а людям добро».

Когда Хатем все это увидел, он возрадовался и подумал: «Это и есть голос, который мне слышался все время». Вдруг один из восседавших на богатом ковре сказал:

— О друзья, нынешней ночью Аллах послал нам гостя. Пусть же разделит он с нами трапезу.

Он встал с места и приблизился к Хатему и, взяв его за руку, подвел к сидящим. И Хатем увидел дастархан с райской пищей, и протянул руку, и стал есть. А несчастный по-прежнему все плакал и стенал. Подивился Хатем и спросил:

— О благородные мужи! Почему вы, восседая на богатых коврах, вкушаете райскую пищу, в то время как тот несчастный сидит на голой земле и обливается слезами?

— О добрый юноша, — ответили те, — пусть он сам тебе все расскажет.

— Не посвятишь ли ты меня в свою историю? — спросил Хатем несчастного. — Может быть, я сумею тебе помочь?

И несчастный сказал:

— О юноша, некогда я был богатым и знатным кушом, и эти благородные мужи находились у меня в услужении. В те времена меня звали Юсуфом. Все мои слуги оказывали людям благодеяния, оделяли голодных пищей, раздетых — одеждой, нуждающихся ссужали деньгами. Я же всегда укорял их за расточительность и всячески пытался

сдержатъ ихъ благие порывы. Въ отвѣтъ на мои попреки они говорили: «За покровительство бѣднымъ Аллахъ воздастъ намъ сторицей. Благо, нами содеянное, сослужитъ намъ добрую службу и въ этой жизни и въ будущей, да къ тому же отзовется на нашихъ детяхъ. Твоя же скарѣдность не принесетъ радости ни тебѣ, ни твоимъ наследникамъ. По нашему разумению, лучше тебѣ отдавать хоть малую толику своихъ богатствъ людямъ». Ихъ поученія пробуждали во мнѣ злость и усугубляли алчность. Пуще прежнего я пристрастился къ наживѣ и из-за своей скупости обделялъ не только чужихъ, но и близкихъ. Однажды я снарядилъ караванъ верблюдовъ и вместе со своими слугами отправился въ Хорезмъ. Когда мы достигли этихъ мѣстъ, на насъ напали разбойники, отняли все наши товары, людей же убили. Поначалу они хотѣли бросить наши тела непогребенными. Однако одинъ изъ нихъ, болѣе совѣстливый, чемъ другіе, сказалъ: «Мы погубили невинныхъ, отняли у нихъ все богатство, надо ихъ хотя бы похоронить». Такъ они и поступили, потомъ сразу же удалились. И слуги мои оказались правы. За ихъ добрые дѣла въ короткой мирской жизни Аллахъ воздалъ имъ вечнымъ блаженствомъ. Я же за скарѣдность обреченъ на бесконечныя муки. Къ тому же нынѣ бедствуютъ и мои наследники, ибо по жадности своей я утаилъ отъ нихъ мѣсто, гдѣ зарыты мои богатства. И со дня моей гибели я взываю къ Аллаху, дабы онъ сотворилъ чудо и вернулъ все сокрытое мною людямъ.

— О несчастный! — молвилъ Хатемъ. — Если такимъ путемъ ты можешь избавиться отъ мукъ, я готовъ исполнить твою волю.

И человекъ этотъ сказалъ:

— Да благословитъ тебя Аллахъ, юноша! Да воздастъ онъ тебѣ благомъ за доброту сердца твоего! Если ты твердъ въ своемъ намереніи, то знай, что я желаю все свое добро разделить на четыре части. Три изъ нихъ отдай хворымъ и бѣднымъ, четвертую же — моимъ наследникамъ. И если они поделятъ то добро между собой поровну, имъ хватитъ его на семь поколѣній.

Дождавшись рассвета, когда покойники сокрылись в своих могилах, Хатем отправился в страну Чин. Оставив позади много путей и дорог, увидел он человека, коий набирал из колодца воду. Хатем подошел к нему и хотел было попросить напиться, но тут из колодца появился дракон и утащил того человека в колодец.

— Ты что, негодный, делаешь! — воскликнул Хатем. — В чем провинился сей несчастный? — А в сердце своем помыслил: «Ведь у него небось и жена, и дети дожидаются, что он принесет им воду. Им и в голову не приходит, что с ним приключилась беда. Надо освободить этого человека».

Подумав так, Хатем не мешкая бросился в колодец, однако ноги его коснулись сухого дна. Постоял Хатем, осмотрелся по сторонам. Видит, и вовсе это не колодец, а большой, прекрасный сад, где произрастают разнообразные деревья с сочными спелыми плодами. Посреди же того сада высится нарядный дворец, достигающий самого неба. Однако дракона нигде не было. Хатем направился к тому дворцу, и когда он вошел в пиршественный зал, то увидел, что весь пол устлан богатыми коврами, посредине на изукрашенном жемчугом и золотом троне спит рослый мужчина, а чуть поодаль лежит страшный див. Оглядевшись по сторонам, Хатем узрел того самого дракона, который уволок несчастного в колодец. Бросив свою жертву, дракон кинулся к Хатему.

Хатем же устремился тому навстречу и со страшной силой стал разрывать ему пасть. Дракон взвыл от боли так, что все вокруг задрожало, и от его страшного воя проснулся див. Проснувшись же, вскричал:

— Эй, рожденный человеком! Как смеешь ты обижать дорогого моего дракона?

— Молчи, проклятый! — отвечал ему Хатем. — Я не отпущу этого мерзкого дракона, пока он не освободит из неволи моего брата!

· Всполошился див.

— Берегись! — сказал он, обращаясь к дракону. — Этот человек способен разрушить все колдовские чары! Смотри, чтобы он не проведал, что у тебя внутри.

Услышав эти слова, Хатем широко раскрыл пасть дракона и юркнул внутрь. И он очутился в животе дракона и принялся расхаживать там, и вдруг послышался ему какой-то таинственный голос: «О храбрый пленник! Распори ножом бугор, какой увидишь рядом с собой, и ты тотчас освободишься от злого волшебства». Так Хатем и поступил. Он нащупал в животе дракона какой-то диковинный шар и вснорол его ножом. И тут же все смешалось вокруг, и Хатем очутился в воде. Сделав глубокий вдох, он опустился на дно. Когда же он коснулся ногами твердой почвы, то открыл глаза и увидел, что нет перед ним ни сада, ни дворца, что куда-то исчезли дракон и див. А стоит он в пустыне, коей нет ни конца ни края. И земля вокруг него устлана умершими и умирающими людьми. И среди живых Хатем увидел человека, которого унес дракон.

Приблизился к нему Хатем и спрашивает:

— О несчастный, как угодил ты в эту пустыню?

— О брат, — отвечал тот, — я брал из колодца воду, вдруг оттуда вылез дракон и уволок меня с собой.

Умирающие, которые еще не утратили дар речи, сказали:

— Все мы оказались здесь по милости дракона. А ныне и тебя постигла такая же участь.

— Радуйтесь, о братья, — молвил Хатем, — я уничтожил злого чародея. Теперь вы свободны!

— О благородный юноша! Да воздаст тебе Аллах за храбрость и доброту твою! Ты избавил нас от мук голода и жажды, и, не появившись ты здесь, мы погибли бы, подобно нашим собратьям по несчастью.

Сотворив еще одно доброе дело, Хатем продолжал свой путь. По прошествии нескольких дней дошел он до большого города и только вознамерился было войти в городские ворота, как

стражи схватили его и поволокли невесть куда. Удивился Хатем и спросил:

— О стражи, в чем моя вина и куда вы меня ведете?

— О пришелец, — отвечал страж, — у падишаха нашего города есть одна-единственная дочь. Каждого путника, пожаловавшего в наши края, мы отводим к ней, и она задает ему несколько вопросов. Если тот путник сумеет ответить на все ее вопросы, то его освободят, если же не сумеет — худо ему придется.

— Как смеете вы мучить безвинных людсй?

— Мы только слуги своей госпожи и выполняем ее волю.

Когда они пришли в шахский дворец, Хатем отвесил шаху почтительный поклон. Шах же, ответив ему подобающим образом, спросил:

— О луноликий юноша! Кто ты такой, откуда пожаловал и куда держишь путь?

— О могущественный шах, — отвечал Хатем, — я падишах Йемена. Зовут меня Хатем, а путь держу в страну Чин. Не будешь ли ты милостив мне пояснить, что у вас за обычай мучить странников? По моему разумению чужестранцев следует встречать добром и лаской, ибо они понесут добрую молву о вас из страны в страну и таким образом прославят ваше благородство и могущество.

— О юноша! — скорбно молвил шах. — На нас обрушилось несчастье. Некогда я слыл милосердным и щедрым правителем, и за доброту мою и справедливость город наш нарекли Адилабадом. Ныне же Аллах послал мне дочь, беспощадную и жестокую, и за черные ее деяния стали называть наш город Бидадгараном. Вот как я расплачиваюсь за грехи моей дочери.

Хатем погрузился в тяжкие раздумья, потом поднял голову и молвил:

— О шах! Кто велит тебе терпеть столь низменное коварство! Некогда стяжал ты и великую славу и необоримое могущество, ныне же пришла в упадок твоя страна.

— Способен ли родитель убить собственное дитя? Как могу я это сделать? Разве ты не слышал, что говорят великие мужи:

Если в прах превратится ребенок твой,
Этот прах для очей твоих станет сурьмой.

— О благородный юноша, — взмолился шах, — взгляни на нее сам и скажи, как мне с ней поступить.

Когда слуги привели Хатема к дочери шаха, она узрела его несравненную красоту и обходительность, тотчас облачилась в богатые одежды, украсила себя драгоценностями и, воссев на роскошном троне, повелела:

— Эй, слуги, подведите этого странника ко мне!

Приблизившись к трону, Хатем увидел прельстительную девушку, лицо коей, словно полная луна, излучало дивное сияние, и несравненная ее красота приводила в любовный трепет всякого, кто имел счастье ее лицезреть. Однако в облике ее не было ни доброты, ни девичьей стыдливости. Хатем поклонился ей подобающим образом и почтительно остановился у подножья трона.

— О юный странник, — молвила дочь шаха, — при виде твоей красоты в сердце моем возгорелся любовный пламень!

И она взяла Хатема за руку и усадила его на трон, сама же примостилась рядом на золотом курси и, обратясь к своей кормилице, сказала:

— О матушка, много прекрасных юношей побывало у нас, но ни один не пришелся мне по нраву. Этот же пленил мою душу, ибо лицо его излучает шахское сияние и весь его облик царственный. Жаль, что и его ждет печальная участь.

— О юная моя госпожа! — отвечала кормилица. — Что заставляет тебя всем чинить зло? Зачем ты губишь безвинных людей? Как можно пресечь твои злые деяния? Может быть, сей, достойный твоего благоволения, юноша сумеет ответить на твои вопросы.

— О каких злых деяниях шахской дочери говоришь ты? — спросил Хатем, обратясь к кормилице.

— О юноша, — отвечала та, — каждый раз с наступлением полночи этой девушкой овладевает безумие. Она начинает биться головой о стену и несет нечто несусветное. Во время приступа безумия желающим получить ее руку странникам она задает три вопроса. Те же не могут на них ответить и по ее приказу лишаются жизни. Более мне ничего неизвестно, ибо меня при том не бывает.

Хатем горестно вздохнул:

— Делать нечего, придется дожидаться полночи. Там будет видно, ждет ли меня достойная жизнь или бесславная смерть.

В ответ на приглашение малики отведать изысканные яства, Хатем сказал:

— Эй, слуги, уберите все эти яства. Меня обуревают страх и неизвестность, а мысли о еде не идут на ум. Главное сейчас — во что бы то ни стало выжить, все же прочее — потом.

Когда наступила полночь и все слуги разошлись по своим местам, а дочь шаха осталась наедине с Хатемом, она стала метаться из угла в угол и выкрикивать нечто несусветное, а потом, успокоившись, обратилась к Хатему с такими словами:

— О юный странник, зачем ты пожаловал сюда: разве тебе не дорога жизнь? Слушай мои вопросы и постарайся на них ответить, не то придется тебе отдать свою душу Аллаху.

— О творящая зло, я готов выслушать твои вопросы.

Девушка спросила:

— Где обретается капля, из коей зарождается живая особь?

— Эта капля суть семя человеческое, и обретается она в человеке.

— Какой сладкий фрукт пребывает среди людей и постоянно служит им утешением?

— Тот сладкий фрукт — дети. В них и утехи и надежды людские.

— Что на свете никого не минует?

— Смерть, ибо в том проявляется воля Аллаха.

Услышав ответы Хатема, девушка погрузилась в раздумье. По прошествии некоторого времени ее начала тряссти лихорадка, и она упала на ковер. И тотчас на середину зала выползла огромная черная змея и бросилась на Хатема. Хатем понял, что змея хочет его ужалить, и взял в рот ожерелье пери и устремился навстречу той змее. Схватив змею за шею, он стал изо всех сил душить ее. Мало-помалу змея ослабла, а потом, обессиленная, распласталась на полу. Хатем свернул ее в клубок, спрятал в золотой сосуд и зарыл в углу зала и как ни в чем не бывало снова уселся на троне.

Когда миновала полночь, шахская дочь опаматовалась и, закрывшись покрывалом, молвила:

— О юноша! Как ты сюда попал и почему сидишь на троне?

— О творящая зло, — отвечал Хатем, — разве ты забыла? Ведь вчера вечером ты усадила меня на трон, сама же примостилась рядом на золотом курси и сказала, что любишь меня и не можешь без меня жить. Твоя кормилица и слуги тому свидетели. Ныне же сокрыла от меня свое лицо.

Шахская дочь испугалась речей Хатема и стала громко звать кормилицу.

Когда же явилась кормилица и увидела радостно улыбающегося Хатема и стыдливо поникшую дочь шаха, она догадалась, что Хатем разрушил злые чары, коими была околдована девушка, и несказанно обрадовалась этому.

Между тем дочь шаха строго спросила кормилицу:

— О матушка, как удалось этому юноше уцелеть?

— О душа моя, — отвечала кормилица. — Сей мудрый и благородный юноша избавил тебя от безумия и погасил сжигавшее твою душу пламя злобы, тем самым очистив ее от греховных помыс-

лов. Теперь, слава Аллаху, никому из влюбленных в тебя странников не грозят ни смерть, ни мученья. Скажи мне, дитя, что с тобой было?

— О матушка, правду обо мне может тебе поведать сей юноша. Я же чувствую, что избавилась от злых чар и ко мне вернулись доброта и застенчивость.

— О мудрый юноша, — сказала кормилица, обратясь к Хатему, — расскажи мне, что произошло нынешней ночью, как тебе удалось освободить нашу малику от безумия?

— О кормилица, — молвил Хатем, — об этом я могу поведать одному только шаху.

Приближенные тут же доложили шаху, что пришлый юноша освободил его дочь от злых чар и что вернулись к ней доброта и застенчивость. Однако обо всем происшедшем нынешней ночью тот юноша согласен рассказать только шаху и никому иному. Услышав эти слова, шах возрадовался великой радостью и поспешил к своей дочери. Увидев, что та сидит, сокрывшись за завесой, шах возблагодарил Аллаха и, обратясь к Хатему, сказал:

— О благословенный юноша, как удалось тебе уцелеть и что сделал ты, чтобы избавить мою дочь от злой напасти?

Тут Хатем поведал шаху и о том, как девушкой овладело безумие, и о том, как ответил он ей на вопросы, и о черной змее, и об исцелении малики. А напоследок сказал:

— Твоя дочь, шах, находилась во власти злого джинна. Он полюбил ее и, являясь к ней в облике змеи, понуждал изводить всех влюбленных в нее юношей.

— А теперь поведай мне, кто ты родом и кто твои предки? — обратился к Хатему шах.

И сказал Хатем:

— Имя мое Хатем ибн-Тай, я шахзаде Йемена. — И добавил: — Отныне твоя дочь обрела здоровье, а город — покой.

— О великий йеменец. Некогда я дал обет, что человеку, коий избавит мою дочь от злых чар,

я отдам ее в жены. Если малика пришлась тебе по сердцу, я готов сдержать свое слово.

Хатем почтительно склонился перед шахом и сказал, что с радостью принимает его предложение. Повелел шах украсить город, двор и пиршественный зал богатыми коврами, и молодых соединили брачными узами. Когда же свадебные торжества закончились, Хатем остался в покоях своей молодой жены, и они предавались блаженству в течение трех месяцев. По прошествии трех месяцев Хатем поведал ей всю свою историю и, рассказав о любви шахзаде Мунира к малике Хуснбану и о том, что путь его лежит ныне в страну Чин, просил на время его отпустить. На прощанье Хатем сказал:

— О лунолика! Если мне суждено остаться живым, то, закончив все дела, я вернусь, и мы станем наслаждаться радостью жизни. В противном случае дознавайся обо мне у меня на родине в Йемене. Вот тебе талисман, в коем перечислены мои предки до седьмого колена. Храни его и, если у нас родится сын, надень этот талисман ему на руку и нареки его Хуррамшахом.

С этими словами Хатем отправился в странствие. Оставив позади много путей и дорог, он достиг страны Чин и, ступив на ее землю, спросил, где находится квартал торговцев. Придя в тот квартал, он отыскал дом купца Юсуфа и просил позвать его внуков. Услышав, что Хатем прибыл из дальних краев и принес им поклон от их деда Юсуфа, они стали смеяться.

— Не напился ли ты, брат, какого-нибудь дурманящего напитка? — спросили они. — Со времени гибели нашего деда прошло столько лет, что сейчас уже доживают свой век его потомки из второго и третьего колена, как же ты можешь принести нам от него весть?

— Мне понятно ваше неверие в истинность моих слов, — сказал Хатем, — ибо до сей поры никому не удавалось получить вести от усопшего. Один Аллах волен вернуть к жизни мертвого и лишить ее живого. Однако если бы ваш дед не

рассказал мне о вас, то откуда мог бы я знать, что вы живете на свете и обитаете именно здесь?!

И еще добавил:

— У меня есть доказательства, кои развеют ваши сомнения.

— Мы готовы тебя выслушать, — отвечали они.

И Хатем поведал им следующее:

— О братья, купец Юсуф сказал мне, что под полом маленькой комнатки, где он некогда обитал, зарыт никому неведомый клад, и там много золота и драгоценностей. Он поручил мне вырыть тот клад и разделить его на четыре части. Одну часть отдать вам, остальные же раздать бедным и хворым. Этим, сказал мне Юсуф, он хочет искупить свои земные грехи и списать благорасположение Аллаха в потустороннем мире.

После этого Хатем поведал потомкам Юсуфа о тяжких муках и горьких сожалениях их деда.

— Теперь мы тебе верим, однако можем ли мы распорядиться кладом, не имея на то соизволения шаха?

Отвели они Хатема к владыке Чина. Шах немало подивился рассказанному и возжаждал увидеть все своими глазами. Когда шах со свитой прибыл в дом купца Юсуфа, внуки Юсуфа отвели их в вышеуказанную комнату и принялись копать. Вскоре они увидели, что под полом находится обширная кладовая и столько в ней золота и драгоценностей, что ни в сказке сказать ни пером описать. Выполнив волю купца Юсуфа и испросив разрешения шаха, Хатем распростился со всеми и пустился в обратный путь. По прошествии некоторого времени Хатем достиг города Адилабада и, придя во дворец, узнал, что у него родился сын, коего нарекли Хуррамшахом. Три месяца оставался Хатем с любимой женой и сыном, после же простился с ними и, испросив разрешения шаха, отправился дальше.

Оставив позади много путей и дорог, достиг он кладбища, где был похоронен купец Юсуф. В ночь с четверга на пятницу все покойники восстали из могил и, рассевшись на крытом коврами

помосте, приступили к трапезе. Хатем увидел, что купец Юсуф сидит вместе со всеми, как равный среди равных, и спросил:

— О Юсуф! Доволен ли ты ныне своей судьбой?

— О благородный юноша, — отвечал ему купец, — да ниспошлет тебе Аллах свое милосердие. Ты избавил меня от мук ада, и отныне я больше не сетую на свою участь. Жаль только — не делал я добра людям при жизни.

С наступлением рассвета мертвецы вновь сокрылись в могилах, а Хатем отправился в Хуснабад. По прошествии нескольких дней достиг он некой пустыни, где повстречалась ему одна старуха. Едва завидев Хатема, она стала просить у него милостыню. Хатем же, не раздумывая, отдал ей алмазный перстень. Решив, что старуха удовольствовалась этим, он хотел пройти мимо, однако та подняла такой крик, что задрожали земля и небо, ходуном заходили вода и горы, и Хатема тотчас окружили сыновья старухи — сущие разбойники. Тыча пальцем в Хатема, старуха сказала:

— Хватайте этого негодяя, он, должно быть, очень богат.

Услышав приказание матери, сыновья бросили на Хатема аркан и, держа его на привязи, привели к тому месту, где находился колодец, приносящий несчастья. Здесь они раздели Хатема, отняли у него вещи, нанесли ему несколько ударов ножом, а потом бросили в колодец. От сильного ушиба Хатем потерял сознание, а когда опамятовался, то возрадовался несказанно, ибо шапка на голове его уцелела, а под ней по-прежнему хранилось волшебное ожерелье пери. Смочив ожерелье слюной, он потер его о дно колодца, после же прикоснулся им к своим ранам, и они тотчас зарубцевались. И помыслил Хатем в сердце своем: «Вот неразумные существа! Что проку им в моей смерти? Стоило им только попросить у меня золота и драгоценностей, я одарил бы их столь щедро, что они были бы на всю жизнь избавлены от мирских забот. Хорошо бы когда-нибудь по-

встречаться с ними снова. Может быть, мне удалось бы сделать для них что-нибудь доброе». Вскоре Хатема одолел сон. Во сне ему явился благообразный старец и молвил:

— Не печалься, Хатем, твое появление здесь предначертано судьбой. Под тем местом, где ты лежишь, зарыт бесценный клад. Возьми его себе, ведь для сотворения добра тебе приходится отдавать свое золото и драгоценности.

— О великий старец! — отвечал ему Хатем. — Я всегда за все благодарен Аллаху и безропотно покоряюсь его воле. Если же для счастья другого нужны не только мои богатства, но даже моя голова, я готов пожертвовать собственной жизнью.

Когда Хатем проснулся, перед ним никого не было. С наступлением рассвета в колодец заглянули два человека и крикнули:

— Эй, Хатем, ты здесь?

— Здесь, — отвечал Хатем.

Они протянули ему руки и вытащили из колодца. Затем они помогли ему достать со дна клад, а когда Хатем вознамерился было поделиться с ними тем кладом, они наотрез отказались и, простившись с ним, скрылись из виду. Хатем же постоял-постоял и, взяв немного золота, пошел дальше. По прошествии некоторого времени он увидел ту самую старуху, коей отдал свой алмазный перстень. Она по-прежнему сидела у обочины дороги и просила подаяния. Хатем зачерпнул из кармана пригоршню золота и высыпал ей на колени. Старуха завопила истошным голосом. Тут же появились ее сыновья и, не узнав Хатема, спросили:

— О юноша, куда ты держишь путь?

— О братья, — отвечал им Хатем, — я хочу сказать вам одну вещь, только готовы ли вы меня выслушать?

— Говори! — воскликнули они.

— Если вы мне дадите клятву, что больше не станете воровать и грабить, я одарю вас таким богатством, коего хватит на целых семь поколений.

— Сперва покажи нам те богатства, после же требуй с нас клятву.

Хатем не мешкая повел их к тому месту, где был зарыт клад, и, увидев тот клад, грабители возрадовались и поклялись именем Аллаха всемогущего и милосердного покинуть навеки путь грабежа и насилия и начать жизнь праведную и непогрешимую.

Взяв маленькую котомку золота для своих нужд, Хатем оставил им клад, сам же отправился дальше. Вдруг видит — тащится по дороге, едва волоча ноги, тощий шелудивый пес. «Наверное, бедняга отстал от каравана и заблудился в пустыне». Когда пес поравнялся с Хатемом, тот взял его на руки и пошел искать колодец, чтобы напоить пса водой. Вскоре Хатем вышел к небольшому селению, жители коего встретили его весьма радушно. Они тотчас принесли ячменную лепешку и пахтанье и стали потчевать проголодавшегося Хатема. Однако Хатем есть не стал, а покормил тем угощением несчастного пса. Утолив голод, пес повеселел и стал к нему ластиться. Хатем погладил его по голове, по шее, и вдруг рука его коснулась чего-то твердого, напоминающего рог, а приглядевшись, Хатем увидел, что в голове у пса торчит большой гвоздь. Хатем немедленно выдернул тот гвоздь. Пес завертелся волчком и на глазах у жителей селения превратился в рослого красивого юношу.

— О юноша, — сказал Хатем, — что приключилось с тобой? Кто ты такой и откуда родом?

Склонившись в почтительном поклоне, юноша молвил:

— О великодушный спаситель! Ты выручил из беды человека неимущего и безвестного. Некогда отец мой был богатым и знатным купцом города Шахри Шур. Когда я достиг возраста мужей, отец меня женил и вскоре, оставив мне все свое богатство, покинул сей бренный мир. Поначалу я жил безбедно, время проводил в пирах и наслаждениях. Однако вскоре мои деньги почти полностью иссякли, и я решил продолжить занятие отца. Мало-

помалу дела мои наладились, и, вернувшись после трудов праведных домой, я мог спокойно отдыхать и наслаждаться домашним уютом. Я души не чаял в жене, и для меня долго оставалось тайной, что она давно уже отдала свое сердце моему рабу-эфиопу и тот ждет случая от меня избавиться. Однажды, когда я спал, он забил мне в голову волшебный гвоздь, и, пробудившись, я увидел себя в облике пса. Снедаемый печалью, проклиная горькую свою судьбу, я подался из родного дома куда глаза глядят. Дни и ночи маялся я по чужим дворам в поисках еды, однако истинные псы, узнав во мне чужака, дружно набрасывались на меня, и я, весь истерзанный и израненный, едва успевал унести ноги. И я стал искать уединения и направил свои стопы в пустыню, и всемогущий Аллах ниспослал мне тебя, о великодушный спаситель. Дальше ж ты сам знаешь, что было.

Выслушав рассказ юноши, Хатем погрузился в глубокое раздумье, а по прошествии некоторого времени поднял голову и сказал:

— О юноша, сохрани этот гвоздь, он поможет тебе одолеть всех твоих врагов. Когда ты вернешься домой, забей его в голову своей жене или эфиопу, и это будет им воздаянием за зло, которое они тебе причинили. Я же пойду вместе с тобой, ибо в городе Шахри Шур живет дочь одного купца и есть у меня к ней дело.

Оставив позади много путей и дорог, они достигли города Шахри Шура. Когда спасенный юноша пришел с Хатемом к себе домой, прибежали слуги и бросились ему в ноги.

— О хозяин, — сказали они, — все это время мы о тебе тревожились. Ведь ты ушел и не подавал о себе никакой вести.

Юноша просил их до времени никому не рассказывать о его возвращении и велел принести остро отточенный меч. Слуги тотчас принесли ему меч, и, прихватив с собой волшебный гвоздь, юноша отправился на женскую половину. Спросив у служанок, где их госпожа, он узнал, что его жена,

находясь в своих покоях, предается любовным утехам с рабом-эфиопом.

Когда юноша вошел в опочивальню жены, он действительно увидел ее в объятиях того раба. Юноша не мешкая забил в голову жены волшебный гвоздь. Она завертелась на месте, словно юла, и тотчас превратилась в собаку. Затем он ударил раба мечом по шее и отсек ему голову, и голова та отекочила, словно мяч, и выкатилась на середину комнаты. Подойдя к Хатему, юноша взял его за руку, усадил на возвышение для почетных гостей и подвел к нему превратившуюся в собаку жену. Хатем же изъявил к ней благосклонность и выдернул из ее головы волшебный гвоздь, и она снова обернулась женщиной. Посрамленная жена пала перед мужем на колени и повергла к его стопам мольбы о прощении. По прошествии нескольких дней, кои провел Хатем, окруженный почетом и вниманием в доме спасенного им юноши, он простился с гостеприимными хозяевами и отправился в караван-сарай к молодому купцу, влюбленному в дочь Хариса. Молодой купец, с нетерпением ожидавший Хатема, едва увидев его, восхищенно сказал:

— О благородный Хатем! Дочь купца Хариса больше не слышит жалобных стонов в ночь с четверга на пятницу. Неужели тебе удалось разгадать и эту тайну?

— Ты прав. Я открыл секрет тех стенаний и готов поведать об этом твоей возлюбленной.

И они пошли в дом купца Хариса, и пришли туда, и Хатем рассказал девушке о своих приключениях, и она сказала:

— Ты исполнил второе мое повеление. Теперь тебе осталось исполнить третье.

— А в чем суть третьего повеления? — спросил Хатем.

Девушка ответила:

— Ты должен принести мне волшебное ожерелье пери.

Выйдя из покоев дочери купца Хариса, Хатем вернулся в караван-сарай и, простившись с влюб-

ленным юношей, отправился в путь. По прошествии нескольких дней он подошел к большому дереву и, усевшись под ним, предался глубокому раздумью. Тут его осенила счастливая мысль, и он решил идти к шаху дивов и узнать у него, где можно сыскать волшебное ожерелье пери. И он отправился в сторону пещеры. Когда он добрался до той пещеры и вошел в нее и спустя неделю достиг пустыни, то дальше последовал знакомой тропой и вскоре оказался в селении дивов.

Узнав о появлении Хатема, дивы возрадовались великой радостью и, воздав ему всяческие почести, доложили о его приходе Фуркасшаху. Тот не мешкая прибыл со всей своей свитой и, сердечно обняв Хатема, стал его расспрашивать о здоровье и делах. Когда рассвело, дивы взяли Хатема на руки и в сопровождении Фуркасшаха полетели во дворец. Тут его с почетом усадили на шахский трон, стали потчевать всевозможными яствами. Покончив с трапезой, Фуркасшах обратился к Хатему с таким вопросом:

— О наш великий друг! Какое дело привело тебя снова в наши края?

— О могущественный шах! — сказал Хатем. — Мне необходимо достать волшебное ожерелье пери, а я ведать не ведаю, где его искать.

Шах сокрушенно покачал головой и погрузился в раздумье.

Хатем же спросил:

— О шах, что повергло тебя в столь глубокое сомнение?

— О брат мой, получить волшебное ожерелье пери — дело нелегкое. Ожерелье то находится в руках Махпери.

— Я уповаю на то, что Аллах, благодаря милости коего я добрался до твоих владений, поможет мне и заполучить сие волшебное ожерелье. Теперь же дело за мной и Махпери.

— Выбрось эту мысль из головы, ибо затея сия смерти подобна.

— Я не могу отступить от своего слова, — сказал Хатем, — ведь от этого зависит счастье моего юного друга.

Тут Фуркасах понял, что намерение Хатема твердо, и вынужден был приказать нескольким дивам доставить его к обиталищу Махпери. Тотчас несколько дивов подняли Хатема в воздух и по прошествии месяца доставили его к обители Махпери. И дивы сказали:

— О великий Хатем! Ступай к той горе и поднимись на нее. За ней находятся владения Махпери. Мы же не смеем там появляться.

Сказав эти слова, простились дивы с Хатемом и отправились в обратный путь. Оставив позади много дорог, Хатем достиг подножья горы, вершина которой упиралась в небо. Он запрокинул голову и стал разглядывать ту вершину, и увидел там нескольких пери. Когда они поняли, что Хатем намерен взобраться на гору, они ему так сказали:

— Попытки рожденного человеком достигнуть наших пределов тщетны.

Пери тотчас спустились к подножью горы и, схватив Хатема, понесли его на вершину. Надев на него колодки и обмотав толстой веревкой, они принялись со всех сторон его разглядывать.

— Откуда ты и кто привел тебя в эти места, недостойный?

— Меня привел сюда всемогущий Аллах, — отвечал им Хатем, — иду же я из города Шахри Шур.

— Дело ясное! — воскликнули пери. — Тебя прислала дочь купца Хариса: уж очень ей охота заполучить ожерелье Махпери.

И помыслил Хатем в сердце своем: «Если я признаюсь, что пришел за ожерельем, они, чего доброго, погубят меня. Уж лучше буду молчать». И Хатем ничего им не ответил. Между тем пери, заподозрив недоброе, решили предать его огню. Они притащили огромную охапку хвороста и, обложив им Хатема со всех сторон, подожгли хворост. Хатем же взял в рот ожерелье пери, и огонь

ему не был страшен. Увидав, что пламя достигает верхушек самых высоких деревьев, пери успокоились и ушли. По прошествии трех дней они обнаружили, что Хатем цел и невредим. Тогда пери обрушили на него огромную скалу. Прележав три дня под той скалой, Хатем выбрался оттуда как ни в чем не бывало. Тут пери разгневались и бросили его в реку Кульзум, и Хатем тут же угодил в пасть кита. Когда он понял, что попал в беду, и устранился, что не сумеет из нее выбраться, стал он бегать по чреву кита, топтать его печень и сердце, давить кишки. Не в силах терпеть мучительную боль, кит подплыл к берегу и выплюнул Хатема, а тот, подобный мертвецу, упал в прибрежную грязь. По прошествии некоторого времени Хатем опаматовался, попробовал встать на ноги, однако его одолели бессилие и голод, и он продолжал лежать на песке, беспомощно озираясь по сторонам. Вдруг откуда ни возьмись появились пери.

— О юноша, как ты попал в наши места? — спросили они.

— По воле милосердного Аллаха я угодил в реку, — отвечал Хатем. — Потом меня проглотил кит, во чреве коего я провел семь дней и семь ночей. Ныне же выбрался я на берег, только силы меня покинули. Если есть у вас хоть капля сострадания, избавьте меня от мук голода.

— Подобные дела нам возбраняются, — сказали пери. — Наш шах повелел всякого рожденного человеком или дивом, кой проникнет в его владения, убивать на месте, и мы не смеем его послушаться.

И пери вознамерились было растерзать Хатема, но одна из них сжалилась.

— Ведь этот несчастный, — сказала она, — по происхождению выше нас: он принадлежит к человеческому роду. Давайте сначала его выходим, а потом отведем к Махпери.

Во время этого разговора случайно появился один из слуг Хуснапери, дочери Муншапери, одного из приближенных Махпери. Когда слуга

увидел Хатема, он пришел в восхищение и, поспешив к своей госпоже, сказал:

— О красавица мира, в наши края попал человек, озаренный шахским сиянием, с ликом, подобным восходящему солнцу. Его захватили в плен пери, охраняющие реку Кульзум.

Услышав столь волнующую весть, Хуснапери несказанно обрадовалась, ибо издавна мечтала увидеть человека.

И она обратилась к слугам с такими словами:

— Верные мои прислужники! Как бы мне на него взглянуть?

— О озаряющая мир, — отвечали они, — стоит тебе выйти на дорогу, и ты его увидишь.

— Но мне запрещают выходить из дому.

— А ты попроси у родителей соизволения отправиться на охоту, и под этим предлогом покинешь свои покои.

Оставив позади много путей и дорог, по прошествии трех дней Хуснапери достигла реки Кульзум и увидела на берегу ее огромное войско. Хуснапери тотчас направила туда одного из слуг и повелела узнать, кто они такие. Воротившись назад, слуга доложил, что это стражники, охраняющие реку Кульзум, что они окружили одного юношу необычайной красоты и намереваются вести его к Махпери. Услышав столь лестную похвалу юноше, Хуснапери пуще прежнего возжелала увидеть Хатема.

— Как же мне повидать этого луноликого? — спросила она.

— О чарующая мир, — отвечали пери, — когда наступит ночь, все стражники отойдут ко сну, и мы попытаемся этого юношу похитить.

Обрадовалась Хуснапери и отправилась в обратный путь. Устроив в одном фарсанге от своего сада привал, она решила дожидаться ночи. Миновал день, а когда ночь накрыла своим покрывалом землю, Хуснапери повелела слугам немедленно отправиться на реку Кульзум и во что бы то ни стало доставить Хатема к ней. Самые ловкие из слуг тотчас бросились исполнять ее повеление. По-

летев между небом и землей, они достигли берега реки и увидели, что все стражники бодрствуют.

Слуги спрятались неподалеку и стали выжидать. Стоило только стражникам погрузиться в сон, как слуги приблизились к Хатему, дали ему понюхать снотворное снадобье, и он тут же уснул, словно мертвый. Они тотчас завернули его в палас и отправились к Хуснапери. Взглянув на озаренного шахским сиянием, с ликом, подобным восходящему солнцу Хатема, Хуснапери ощутила боль, словно грудь ее насквозь пронзила стрела, и упала без памяти. Слуги тотчас дали ей понюхать ароматное зелье, и, когда она опаматовалась, сказала:

— Поднесите это зелье юноше, может быть, оно и ему поможет.

Открыв глаза, Хатем увидел, что находится в роскошном саду в окружении прекрасных пери.

— Кто вы такие, и как оказался я в столь сказочном месте?

— Это сад моей матери, — отвечала Хуснапери. — Когда до меня дошла весть о твоём прибытии, мною овладела мечта во что бы то ни стало тебя увидеть. Вот мы тебя и вызволили из неволи и принесли сюда.

— Напрасно вы так поступили, — с горечью заметил Хатем, — ваше своеволие может дорого мне обойтись. Ведь у меня есть здесь неотложное дело.

— Какое такое дело? — заинтересовалась Хуснапери.

— О красавица, я должен во что бы то ни стало завладеть ожерельем Махпери.

Хуснапери покачала головой и сказала:

— О юноша, достать сие ожерелье — несбыточная мечта. Я же, едва завидев тебя, почувствовала, что в сердце моем возгорелся любовный пламень. Если ты согласен предаться со мной любовным утехам, я сама для тебя все сделаю.

— Как же тебе это удастся? — удивился Хатем.

— Доверься мне и не тревожься.

Хатем остался у Хуснапери, и они дни и ночи проводили в веселье и наслаждениях.

Оставим пока влюбленных в саду и вернемся к пери, охраняющим реку Кульзум. Пробудившись ото сна, они увидели, что Хатем исчез, сильно всполошились, обшарили весь берег реки Кульзум, однако не обнаружили никаких следов. Долго думали они, что могло с ним приключиться и в конце концов порешили, что какая-то пери, увидев Хатема, пленилась его красотой и увела его к себе.

— Что делать? — сокрушались пери. — Как схорониться от шахского гнева? Если шах узнает, что пленник исчез, нам несдобровать!

— Убежим куда-нибудь, — сказали одни, — авось шахский гнев нас минует.

— Бежать нам негоже, — возразили им другие, — надо обшарить весь свет; должен же он где-нибудь отыскаться.

И с этими словами пери отправились на поиски Хатема.

Между тем Махпери, коей было известно, что пери-хранители реки Кульзум взяли в плен рожденного человеком, разгневалась.

— Эй, слуги, — обратилась она к своим придворным, — долго ли будете вы меня морочить? Почему не доставили человека во дворец? Ступайте и вызнайτε, чья в том вина.

Одна из пери немедля полетела к реке Кульзум.

— Что сделали вы с тем человеком? — спросила она стражников.

— Некоторое время тому назад мы отправили его к шаху.

По возвращении во дворец пери, посланная на реку Кульзум, обо всем увиденном и услышанном доложила владычице Махпери.

Махпери взъярилась пуще прежнего.

— Эй, слуги! — закричала она. — Ступайте без промедления на поиски пропавшего. А заодно приведите и пери, его похитивших.

— Слушаем и повинемся, — отвечали слуги Махпери и, поднявшись над землей, полетели.

На обратном пути, обыскав все уголки света и пролетая над садом Муншапери, слышали они звуки чарующей музыки и сладкозвучных песен. Взглянув вниз, они увидели его дочь Хуснапери в объятиях излучающего шахское сияние луноликого юноши. Прильнув друг к другу, опьяненные страстью, они медленно прогуливались по саду, направляясь в сторону пустыни.

— О несчастные, — сказали они, обратясь к служанкам Хуснапери, — мы нашли на берегу Кульзума человека и должны были доставить его к нашей владычице, однако ваша малика похитила его у нас, унесла к себе и теперь в своем саду предается с ним любовным утехам. Непослушание Хуснапери, когда о нем прознает наша светлейшая владычица, может накликать на вас большую беду. Приведите немедленно того человека к нам.

Слуги Хуснапери поспешили к малике и сказали:

— О прекраснейшая госпожа! Пери, у коих мы похитили человека, выследили его и требуют, чтобы он по повелению Махпери отправился с ними в шахский дворец. Если же мы воспротивимся высочайшему приказу, они грозятся подвергнуть нас страшной каре и полному истреблению.

Услышала эти слова Хуснапери и в гневе воскликнула:

— Эй, хаджибы, убейте негодных, кои явились, чтобы разрушить мое счастье.

Хаджибы немедленно схватили мечи и палицы и кинулись на посланцев. Те в панике бежали. Только одна из них замешкалась, и ее так избili, что она, словно мертвая, рухнула на землю.

Хуснапери же, решив, что душа ее вознеслась к Аллаху, приказала:

— Эй, слуги, труп этой негодницы выбросьте вон из сада!

Так слуги и поступили. По прошествии некоторого времени избитая пери опамятовалась и, увидев, что ее никто не сторожит, отправилась в шахский дворец. Прибежав с плачем и воплями

в покои Махпери, она повергла к ее стопам мольбы о заступничестве.

— О несчастная, — обратилась к ней Махпери. — Кто сотворил с тобой такое злое дело? Почему ты посурьмила себе лицо?

— О святая из святых! — отвечала пери. — Строптивая дочь Муншапери осмелилась воспротивиться твоему приказу да к тому же вот что со мной сотворила.

— А в чем состоит неповиновение Хуснапери?

— О шахиня, я одна из тех пери, кои, пленив рожденного человеком, намеревались отвести его к тебе. По дороге слуги Хуснапери украли у нас того человека. Мы тотчас устремились на поиски пропавшего и увидели его в саду Хуснапери. Я просила ей передать, чтобы она немедля освободила того человека, ибо ему надлежит быть доставленным к владычице. В ответ на эти слова она повелела избить твоих слуг и выкинуть из сада. Теперь все зависит от твоей воли.

Выслушав рассказ пери, Махпери разгневалась и приказала:

— О Мухайяпери! Возьми тридцатитысячное войско, снаряди его подобающим образом и захвати Муншапери с его женами, и детьми, и всеми слугами в плен. Вместе с ними захвати того человека, а потом всех вместе доставь ко мне.

Мухайяпери тотчас бросилась выполнять приказание шахини. По прошествии нескольких дней, оставив позади много путей и дорог, достигло войско Мухайяпери владений Муншапери.

Увидев огромное войско, Муншапери утрашился и, утрашившись, подумал: «Чем я навлек на себя немилость владычицы?» Выйдя навстречу Мухайяпери, Муншапери приветствовал пери подобающим образом и спросил:

— О Мухайяпери, что привело тебя в мои края?

— О Муншапери, — отвечала Мухайяпери, — твоя дочь похитила у стражников, охраняющих реку Кульзум, человека, самих же стражников повелела наказать.

— О Мухайяпери, мне о том ничего не ведомо. Позволь мне отлучиться к жене и узнать, чем провинилась наша дочь.

Придя в покои жены, Муншапери спросил:

— О неблагоприятная, где обретается ныне наша дочь?

— С того дня, как она отпросилась у нас на охоту, — отвечала ему жена, — минуло уже три месяца. Однако она до сей поры не воротилась.

Разгневался Муншапери и закричал:

— Да будет тебе ведомо, что твоя дочь нас опозорила. Она выкрала у стражников, охраняющих реку Кульзум, человека, чем навлекла на нас гнев владычицы Махпери.

Услышав эти слова, мать Хуснапери опечалилась и поспешила в сад. Когда же она пришла в сад, она увидела свою дочь, опьяненную страстью в объятьях Хатема.

— Эй, негодница, опозорившая своих родителей! Из-за учиненной тобой подлости владычица наша наслала на нас тридцатитысячное войско.

Хуснапери чуть было не лишилась жизни от страха. Но потом взяла Хатема за руку и последовала за матерью.

А Мухайяпери предложила Муншапери с женой, их дочери и Хатему быстро собраться в дорогу и вместе с ними отправилась в обратный путь.

По прошествии некоторого времени прибыли они в шахский дворец, и, представ перед Махпери, Мухайяпери сказала:

— Несравненная владычица, я здесь вместе с провинившимися.

— Быстрее ведите их сюда! — повелела Махпери.

Когда слуги привели к ней Муншапери, он склонился перед ней и застыл в ожидании. После же так сказал:

— О творящая милости, о украшение Земли нашей! Твой покорный раб ничего не знал о случившемся. Воля твоя для меня — закон, я готов понести подобающее своей вине наказание. И я, и моя

жена, и дочь, и все наши приближенные вверяем свою судьбу твоей милости, и нет у нас иного замысла, как немедля исполнить все, что ты нам повелишь. Все наши богатства также в твоей власти.

— О Муншапери, — сказала великодушная Махпери, — я прощаю тебе грехи и прегрешения твоих людей.

И она приказала:

— Приведите сюда того человека!

Когда Хатем вошел в покои Махпери, она взглянула на него и обмерла от восторга. Он был озарен шахским сиянием, лицо же его было подобно восходящему солнцу. И помыслила Махпери в сердце своем: «Теперь я понимаю дочь Муншапери! Трудно не лишиться разума при виде подобного юноши». Подумав так, она попросила Хатема приблизиться к ней и, усадив его рядом с собой, спросила:

— О рожденный человеком, какими судьбами тебя занесло в нашу страну? Поведай мне о своих приключениях.

— Я слышал от Фуркасшаха о твоём благородстве и о чудесах твоей страны, — отвечал Хатем, — и не мог пересилить желания увидеть все своими глазами.

— А кто доставил тебя в наши края? — спросила Махпери.

— Слуги Фуркасшаха.

И еще спросила она:

— О человек, не знаешь ли ты самого сведущего во врачевании лекаря среди рожденных людьми?

— Разве среди пери нет достойных лекарей? — осведомился он. — Что за надобность владычице пери прибегать к помощи людей?

— Благородство и таланты свойственны лишь человеческому роду, и среди живых существ самыми разумными Аллах сотворил людей. Ведь только человек обладает способностью укрощать пери и дивов.

— О владычица, какая печаль тебя гнетет? Зачем тебе понадобился лекарь?

— О человек, — отвечала Махпери, — Аллах послал мне много богатств и наделил необычайным могуществом. Сын же у меня только один, и нет ему равных по красоте и разуму. Однако его одолевает тяжкий недуг: у него слезятся глаза, и из-за тех слез он ничего не видит.

— О благородная владычица, я берусь исцелить шахзаде.

— О рожденный человеком, — возрадовалась Махпери, — я одарю тебя за это щедрыми дарами.

— Не нужны мне никакие дары. Я согласен вернуть твоему сыну здоровье, если ты исполнишь одну мою просьбу.

Махпери коснулась руки Хатема и молвила:

— Исполню, клянусь в том. Если же я свое слово нарушу, пусть обратит меня Аллах в сатану.

Когда день пришел на смену ночи, в шахские покои привели шахзаде, и он воссел на троне.

Хатем не мешкая достал ожерелье пери, смочил его собственной слюной и потер им глаза шахзаде. По прошествии одного дня на глазах шахзаде высохли слезы, однако зрение к нему не вернулось.

— О благодетель, — взмолилась Махпери, — слезы уже не застилают глаза шахзаде, но почему же он по-прежнему ничего не видит?

Подумал Хатем и сказал:

— О великодушная, далеко отсюда, в стране тьмы растет светоисточающее дерево нуррез. Одной капли сока этого дерева, закапанной в глаза шахзаде, достаточно, чтобы он прозрел.

— Пери, — обратилась Махпери к своим приближенным, — имеется ли среди вас кто-нибудь, способный отважиться на поиски дерева нуррез?

Пери, понурив головы, молчали.

— О владычица, — молвила одна из них, — труден и долог путь в страну тьмы. Лютые звери и дивы охраняют то драгоценное дерево. Вряд ли мы, слабые создания, сумеем их одолеть. Даже один запах, источаемый дивами, способен любую из нас повергнуть в небытие.

Хуснапери нерешительно приблизилась к трону и, обратясь к Махпери, почтительно сказала:

— О великодушная госпожа наша! Можешь ли ты простить мне мою провинность?! Если будет на то твое соизволение, я отправлюсь за соком дерева, дающего свет, однако в награду прошу тебя отдать мне этого прекрасного юношу.

— Я готова простить тебе все прегрешения и наградить сказочными богатствами, только подарить этого юношу не могу, ибо он принадлежит не мне и волен сам распорядиться своей судьбой.

— О благородная владычица, — молвил Хатем. — Велико мужество Хуснапери и благостен ее порыв, однако не плати за то моей свободой. Необходимые дела повелевают мне вернуться в родные края.

— Я не прошу тебя оставаться со мной навечно, — сказала Хуснапери, — побудь у нас недолгое время, покуда я утолю свою страсть. После же покажешь мне, где твое обиталище и дашь клятву, что, когда явлюсь я к тебе, ты не откажешь мне в любви.

Хатему ничего не оставалось, как согласиться.

— Я согласен, Хуснапери. А теперь выполняй свое обещание.

Сопровождаемая семью тысячами пери, Хуснапери отправилась в страну тьмы. Мало-помалу все пери, опасаясь встречи с дивами, оставили ее в одиночестве, и она сорок дней и сорок ночей летела между небом и землей.

По прошествии сорока дней и сорока ночей она достигла страны тьмы и увидела там огромное дерево, упирающееся верхушкой в небо, с ветвей коего падали на землю капли драгоценного снадобья. Достав сосуд, который хранился у нее на груди, она наполнила его снадобьем и полетела назад.

Тем временем див Халкас, охранявший светоисточающее дерево нуррез, увидев, что Хуснапери набрала соку, проворно снарядил двенадцатитысячное войско и бросился за ней в погоню.

Однако им не удалось настигнуть Хуснапери. Потеряв ее из виду, дивы прошли четыре фарсанга пути, но так ни с чем и вернулись в страну тьмы.

Через сорок дней и сорок ночей Хуснапери благополучно достигла дворца Махпери и поставила перед ней сосуд с соком нурреза. А когда она поведала ей и Хатему о своих приключениях, Махпери осыпала ее похвалами и ласками, целебное же снадобье передала Хатему и велела приступить к врачеванию шахзаде. Обмакнув ожерелье пери в тот сок, Хатем потер им глаза больного и наложил на них темную повязку. Когда по прошествии семи дней повязку сняли, оказалось, что глаза шахзаде чисты, словно у новорожденного, и зрение к нему вернулось.

Счастливый шахзаде тотчас припал к стопам родителей и облобызал перед ними землю.

Махпери возрадовалась великой радостью и в честь исцеления шахзаде повелела украсить город. Потом она позвала всех своих верноподданных и устроила пышный пир, коего никто никогда не видывал. Сорок дней и сорок ночей длилось торжество в честь Хатема, и всем придворным был дан строжайший приказ, паче появятся в стране люди, беречь их и опекать тщательно и выполнять малейшее их желание. Многими дорогими подарками, золотом, жемчугом и прочими драгоценностями одарила Махпери Хатема, вознося хвалы его мудрости и вежеству.

— О щедрая владычица! — сказал Хатем. — Милость твоя мне бесконечно дорога, дары же столь многочисленны, что не по силам мне их на себе нести. Вели слугам своим доставить их вместе со мной во владения Фуркасшаха.

И Махпери приказала слугам проводить Хатема вместе с поднесенными ему дарами во владения Фуркасшаха. И слуги ей отвечали:

— Слушаем и повинемся!

А Хатем продолжал:

— Всем этим богатством ты меня одарила по своей щедрости и доброте душевной, но помнишь

ли ты о своем обещании, если я исцелю твоего сына, выполнить одну мою просьбу?

— Говори, чего ты желаешь, и я все исполню.

— Дай мне волшебное ожерелье, которое ты столь тщательно хранишь.

Удивилась Махпери, призадумалась, а потом подняла голову и спросила:

— Не дочь ли купца Хариса послала тебя за тем ожерельем?

— Она, — отвечал Хатем. — Я обещал ей добыть его и должен сдержать свое слово.

Махпери молча достала ожерелье и вручила его Хатему.

— Возьми его, только знай, что дочери купца Хариса мы все равно его не оставим.

— Воля твоя, любезная владычица, — продолжал Хатем, — прошу тебя об одном — оставь это ожерелье дочери купца Хариса до той поры, пока влюбленный в нее молодой купец не станет ее мужем.

Тут Хатем поведал о безнадежной любви молодого купца и своем твердом намерении во что бы то ни стало ему помочь.

Услышав такие слова, Махпери до крайности удивилась:

— Я думала, ты стараешься для своей возлюбленной!

— Моя возлюбленная обитает в других краях, — отвечал Хатем.

— О благородный, как зовут тебя? — спросила Махпери.

— Меня зовут Хатем ибн-Тай. Я — шахзаде Йемена.

Услышав имя Хатема, Махпери стала просить у него прощения за то, что не оказывала ему достойных почестей.

Когда Хатем надел ожерелье на руку, он сразу же увидел, где покоятся все наземные и подземные сокровища.

Вскоре Хатем испросил у Махпери соизволения удалиться и в сопровождении ее со всей свитой и Хуснапери отправился в путь. Проводив Хатема

до третьего привала, Махпери воротилась назад, слугам же своим повелела взвалить себе на спину все дарованные Хатему богатства — золото, жемчуга и другие драгоценности — и следовать за ним до пределов владений Фуркасшаха. На границе же владений, перед тем как пуститься в обратный путь, взять у Хатема письмо, подтверждающее, что он пребывает в полном благополучии.

По прошествии некоторого времени Хатем вместе с Хуснапери и слугами, оставив позади много путей и дорог, приблизился к владениям Муншапери.

Целых три месяца провел Хатем в покоях Хуснапери, предаваясь всевозможным забавам и любовным утехам, на исходе же третьего месяца Хатем испросил у Хуснапери соизволения покинуть дворец и в сопровождении возлюбленной и ее служанок отправился в путь. Проводив Хатема до пределов владений Фуркасшаха, Хуснапери, опечаленная разлукой с ним, воротилась назад.

Узнав о прибытии Хатема, Фуркасшах со всей своей свитой вышел ему навстречу, сопроводил его в город и оказал ему торжественный прием.

По прошествии некоторого времени Хатем испросил у шаха соизволения удалиться, и Фуркасшах тотчас повелел своим приближенным дивам доставить его в Шахри Шур, возвратясь же, принести от него письмо о благополучном прибытии.

И дивы сказали:

— Слушаем и повинемся!

Оставив позади много путей и дорог, дивы принесли Хатема вместе со всем его богатством к выходу из пещеры.

Хатем, достав перо и бумагу, написал подтверждение о благополучном прибытии и вручил его дивам, и те, тепло распростившись с ним, отправились в свои владения.

Хатем, взяв все свое богатство, пришел в караван-сарай и нашел там молодого купца — а звали его Наим — ожидающим. Едва завидев Хатема,

Наим вскочил с места и бросился ему в ноги. Хатем обнял и облобызал купца Наима и, успокоив его, молвил:

— О друг мой. Вот и кончилось твое ожидание. Теперь ты можешь жениться на своей возлюбленной. Все это богатство — золото и жемчуг — я дарю тебе.

Наим несказанно возрадовался и радостному известию и полученному богатству, Хатем же по прошествии ночи отправился в дом купца Хариса. Когда слуги доложили девушке о прибытии Хатема, та пригласила его в свои покои и, сокрывшись за завесой, стала расспрашивать о его делах.

Хатем подробно поведал ей о своих приключениях. А потом, сняв с руки ожерелье, положил его перед девушкой и спросил:

— О сжигающая сердца, чего еще тебе нужно?

И девушка сказала:

— Ты исполнил все мои повеления, и теперь я по праву принадлежу тебе. Можешь распоряжаться моей судьбой по своему усмотрению: ты волен жениться на мне сам либо передать это право другому.

Тут позвали купца Хариса, попросили его соизволения на свадьбу дочери и после недолгих приготовлений пышно отпраздновали ее. Так сбылась мечта купца Наима, и он взошел со своей молодой женой на брачное ложе.

Между тем, когда истекло десять дней, волшебное ожерелье, данное Хатемом дочери купца Хариса, исчезло, и она горько заплакала.

— О чем ты печалишься, девушка? Зачем тебе нужно то ожерелье? — удивился Хатем. — Ведь золота и жемчугов, которые я дал твоему мужу, с избытком хватит семи поколениям твоих потомков. Ступай взгляни на те богатства и отринь свою печаль.

И слуги тотчас принесли все драгоценности и положили их перед дочерью Хариса.

Она же, увидев, что даже семь поколений ее потомков не смогут потратить всех тех богатств, перестала плакать.

Так, устроив судьбу купца Наима, Хатем распрощился с молодыми и отправился искать ответ на загадку Хуснбану. Много дней и много ночей провел он в пути и достиг одной реки, на берегу которой стоял огромный и великолепный дворец. На арке у входа в тот дворец большими буквами было написано:

Какую жертву принести? Что воле волн доверить надо,
Чтобы нашла тебя за то в пустыне вышняя награда?

Увидев как раз тот самый бейт, который ему нужен, Хатем благословил небо и молвил:

— Слава Аллаху, я достиг желаемого. — Потом, приблизившись к воротам дворца, постучал в них. На его стук тотчас же явились несколько слуг и спросили:

— Кто ты такой, откуда пришел и кто тебе здесь нужен?

— У меня дело к вашему хозяину, — отвечал Хатем.

Слуги немедленно доложили своему хозяину, что-де явился из дальних стран луноликий, излучающий шахское сияние юноша и просит высочайшего соизволения войти во дворец.

— Пригласите его, — повелел хозяин.

Когда слуги ввели Хатема во внутренние покои дворца, то на богато убранном ложе он узрел благообразного старца. Хатем склонился перед старцем в почтительном поклоне, тот ответил ему подобающим образом и, поднявшись со своего места, обнял. После усадил его на ложе подле себя, затем, обратясь к слугам, повелел:

— Принесите угощение!

Слуги тотчас принесли всевозможные яства, и старец вместе с Хатемом приступили к трапезе. После трапезы старец спросил:

— О юноша, кто ты такой и куда держишь путь?

— О отец! — молвил Хатем. — Я Хатем ибн-Тай, шахзаде Йемена. Волею судьбы попал я

в страну Хорасан, в коей проживает дочь почившего купца Ходжи Барзаха по имени Хуснбану, славящаяся несравненной красотой и безграничной щедростью.

И Хатем поведал старцу историю Хуснбану и шахзаде Мунира и рассказал ему о своих приключениях и данном шахзаде обещании отыскать ответы на загадки малики.

— О благородный отец! Один из ответов содержится, по моему мнению, в бейте, коий написан над аркой, ведущей в твой дворец.

— Какой же из бейтов привлек твое внимание? — спросил старец.

— А вот какой:

Какую жертву принести? Что воле волн доверить надо,
Чтобы нашла тебя за то в пустыне вышняя награда?

Не соблаговолишь ли ты объяснить мне, о благородный отец, суть того любопытного бейта.

— Для того чтобы объяснить суть того любопытного бейта, — молвил старец, — я должен поведать тебе всю свою историю. Да будет тебе известно, Хатем, что значительную часть своей жизни был я разбойником. Встречая на дорогах купцов и странников, я силой отбирал у них нажитое праведным трудом богатство, сам же, вымаливая у Аллаха прощения, каждый раз бросал в реку две лешки и, глядя, как рыбы их поедают, думал: «Ведь этот хлеб я пожертвовал во имя Аллаха, а чем он воздаст мне за мои благодеяния?» Однажды я тяжело занемог, и душа моя готова была покинуть тело. В это время явились муваккалы и вознамерились было унести меня в ад. Однако внезапно невесть откуда взялись ангелоподобные юноши и подхватили меня под руки и, отгеснив муваккалов, сказали:

— Как смеете вы посягать на сего праведника?! Его место — в раю.

Когда же мы достигли врат рая, перед нами возник некий благородный человек и сказал:

— О юноши, рано вы привели сюда этого смертного. Ведь ему еще жить на свете сто лет. Ступайте за другим, срок коего уже изошел, а этого уведите назад.

— О юноши, — спросил я между тем, — кто вы такие и за что избавили меня от ада?

— Мы — ангелы, вскормленные на твоих лепешках, и решили за добро воздать тебе добром.

Когда я опамятовался и здоровье ко мне вернулось, я вознес хвалу всемогущему Аллаху и, обратив к нему мольбу о прощении, дал зарок посвятить оставшуюся жизнь делам добродетельным. С того дня я принялся возводить сей дворец, на арке коего написал этот бейт. Каждому из нас суждено рано или поздно отбыть в мир иной. И за содеянное нами в жизни Аллах воздаст нам по заслугам после смерти.

Три дня и три ночи гостил Хатем у старца. А когда минули три дня, Хатем испросил у него разрешения покинуть его гостеприимный дом и, простившись, отправился дальше. Оставив позади много путей и дорог, достиг он города Хуснабада и в караван-сараяе нашел шахзаде Мунира ожидающим.

Минул день и настала ночь, а Хатем все рассказывал и рассказывал шахзаде о своих приключениях. Утром же, когда дарующее миру тепло и свет солнце прогнало мрак, пришли слуги Хуснбану и проводили Хатема во дворец.

Сокрывшись за занавесом, малика ответила на поклон Хатема ласковым приветствием и повелела слугам принести угощение. Слуги тотчас поставили перед Хатемом разные кушанья, и, утолив голод, он поведал малике о чудесном и диковинном, что повстречалось ему на пути.

И, наконец, истолковал ей смысл бейта, написанного над аркой у входа во дворец благородного старца.

Малика похвалила Хатема, кормилица же ее сказала:

— Юноша сей подобен ангелу, и все сказанное им соответствует истине.

— Отдохни у нас, — пригласила малика, — а когда тебя покинет усталость, я задам тебе третью загадку.

Выйдя от малики, Хатем пошел в караван-сарай и, увидев там шахзаде, сказал:

— О добрый шахзаде! Умерь свою печаль! С помощью Аллаха я приближу день, когда мечта твоя осуществится.

По прошествии нескольких дней Хатем отправился во дворец.

— О благородная малика, — молвил он, обратясь к Хуснбану. — Не будешь ли ты любезна задать мне свою третью загадку?

И малика сказала:

Как злодеяние назвать того, кто, став рабом желанья,
Причастен к злодеяньям стал и сам погиб от злодеянья?

Что означает сей бейт?

Приключение третье

Испросив разрешения малики, Хатем отправился на поиски пустыни Хумра. Путь в ту пустыню был ему неведом, брел он наугад, и никто из встречных не мог ему помочь.

По прошествии тридцати дней и тридцати ночей достиг он наконец подножья высокой горы, упирающейся вершиной в небо. С вершины же той горы слышался терзающий душу голос:

Приди, о приди, нет силы томиться с тобой в разлуке,
Вдвоем мы уже одолели немало тоски и муки.
Приди, исцели мою душу, по-прежнему друга любя, —
Лишь горе со мной осталось, нет радости без тебя.

Мало-помалу взобрался Хатем на ту вершину и увидел стоящего под деревом исхудавшего и обессиленного прекрасноликого юношу, коий обеими руками держался за ветви и, покачиваясь из стороны в сторону, смежив веки, голосом, исподненным безысходной тоски, читал стихи.

Хатем приблизился к нему и спросил:

— О юноша, поведай мне причину своего горя.

Юноша ничего не ответил, будто и не слышал вопроса Хатема.

— О юноша, — снова обратился к нему Хатем. — Почему ты столь непочтителен к человеку, проявляющему к тебе участие?

Юноша приоткрыл на миг глаза, взглянул на Хатема, однако ничего не сказал ему в ответ и снова предался стенаниям.

— О юноша, — сказал Хатем, коснувшись его руки. — Может быть, твои уши утратили способность слышать? Ведь уже трижды повторил я свой вопрос, а ответа на него так и не получил.

На сей раз юноша взглянул на Хатема и жалобно молвил:

— О благородный, зачем тебе понадобилось беречь мои раны? Оставь меня наедине с моим горем и ступай своей дорогой.

— Не из праздного любопытства обратил я к тебе свой вопрос, — отвечал Хатем. — Поведай мне свои печали — может быть, я сумею тебе помочь.

И юноша сказал:

— О неведомый странник! Много прохожих, подобно тебе, проявляло ко мне участие, однако каждого одолевают свои заботы, и, покинув меня, он тотчас забывает о данных мне обещаниях. Чем же ты лучше других!

Хатем снова повторил:

— Во имя всевышнего, сотворившего и тебя и меня, поведай мне свою беду, дабы не терзался я, что не пытался тебе помочь.

- О благородный, если ты тверд в своем намерении, садись рядом со мной и слушай. История моя такова. Был я некогда преуспевающим в делах купцом и однажды проезжал со своим караваном мимо этой горы. И охватило меня неодолимое желание увидеть вершину горы, и когда я достиг этого дерева, то увидел под ним девушку с лицом, излучающим сияние, подобное солнечному, нежную и пленительную. И тотчас стрела любви пронзила мое сердце; потрясенный, я упал на землю, и мир сокрылся от моих глаз.

Зачем мой взор тебя увидел! С тех пор горит душа во мне. Уж лучше бы глаза ослепли, чем день и ночь страдать в огне!

По прошествии некоторого времени я опаматовался и, открыв глаза, увидел, что лунолика, положив мою голову к себе на колени, смачивает мое лицо ароматной жидкостью. От заботы ее еще во сто крат сильнее воспламенилось мое сердце, и, приподнявшись, я спросил:

- О воспламеняющая сердце, как попала ты на вершину сей горы?

- О юноша, — ответила она, — да будет тебе известно, что я — пери, а эта вершина — моя обитель. Я давно мечтала о любви человека и сегодня повстречала тебя.

Узнав о страсти, сжигающей сердце пери, я тотчас позабыл о своих делах и, бросив караван с товарами на произвол судьбы, предался любовным утехам. По прошествии нескольких дней я почувствовал, что не в силах расстаться со своей возлюбленной, и, обратясь к ней, сказал:

- О ненаглядная моя! Зачем нам уединяться в этой томительной пустыне? Давай спустимся в обиталище людей и будем жить среди них.

И возлюбленная отвечала:

- Я охотно пойду за тобой хоть на край света, только мне нужно испросить соизволения родителей.

- А скоро ли ты вернешься? — спросил я ее.

— Я вернусь по прошествии одной недели. Ты же дожидайся меня, не уходи с этого места, здесь я тебя и отыщу.

— Хорошо, — согласился я и, проводив ее в дорогу, предался грустным мыслям. С того времени прошло не семь дней, а целых семь лет. Жизнь моя стала подобна каторге. Ожидание томительно и бесплодно. Однако покинуть сие место я не могу, ибо все еще питаю надежду на ее возвращение. Отправиться по ее следам, пытаться ее разыскать не хватает у меня ни решимости, ни сил. Ведь я питаюсь одними листьями этого дерева, воду же беру из горного родника. И маюсь я, словно неприкаянный: и до неба далеко — и на земле тошно. Кто же может мне помочь?

— О несчастный юноша, как тебя зовут? — спросил Хатем.

Юноша отвечал:

— Зовут меня Тамим Хорезми.

И еще спросил Хатем:

— А не сказала ли тебе та пери свое имя, из какого она рода и где обитает?

— О благородный, — молвил Тамим Хорезми, — зовут ее Алканпери, и она из рода Алкан. А вот где обитает — не знаю, но когда она уходила, я заметил, что она направилась в правую сторону.

Как черное донце в тюльпане, скрывается в сердце тоска, — Могу ли бродить лугами, коль радость моя далека?

Хатем сказал:

— О юноша, поверь в мои благие намерения — не считай меня пустословом. Я свою жизнь и свое богатство решил употребить на благо людям. Сейчас я отправлюсь на поиски твоей возлюбленной, ты же оставайся на месте и дожидайся моего возвращения.

Простившись с Тамимом Хорезми, Хатем пошел в ту сторону, куда некогда удалилась Алканпери. По прошествии некоторого времени он достиг вершины другой горы и увидел там много высоких деревьев, а под теми деревьями богато

убранную суфу. Он подошел к той суфе и сел на нее. Немного отдышавшись, он достал из дорожной сумы остатки лепешки и, утолив голод, заснул сладким сном.

С наступлением сумерек появились четыре луноликие пери и, обнаружив спящего на суфе человека, уселись у его изголовья и молча уставились на его прекрасное лицо. Через несколько часов Хатем пробудился от сна и, увидев прекрасных пери, изумленно на них воззрися. После же почтительно приветствовал их, и они ответили ему подобающим образом, а потом спросили:

— О рожденный человеком, как удалось тебе добраться сюда, какое дело привело тебя в наши края?

— О красавицы, — отвечал им Хатем, — добрался я сюда с помощью Аллаха, а путь держу к горе Алкан в поисках Алканпери.

— Алканпери, — сказали пери, — дочь шаха пери, обитающего на горе Алкан. А какое у тебя к ней дело?

И Хатем рассказал им следующее:

— О красавицы, Алканпери пленила сердце Тамима Хорезми. Отлучившись к своим родителям, она обещала вскоре вернуться, однако с той поры минуло уже семь лет, а она так и не возвратилась.

Удивились пери.

— Как мог человек поверить столь необычному обещанию? Только лишившись рассудка, можно решиться на поиски Алканпери. Даже если бы у тебя впереди была тысяча жизней, все их ты загубил бы на этом исполненном опасностей пути.

Услышав такие речи, Хатем почувствовал стеснение в груди.

— О повелевающие миром, — молвил он, — нет у меня иного выхода! Я обнадежил несчастного, и какие бы опасности ни подстерегали меня в пути, я готов их одолеть, ибо не случалось еще мне нарушить данное кому-либо слово.

— Ну что ж, — отвечали пери, — если ты тверд в своем намерении, мы готовы показать тебе дорогу к горе Алкан, однако несколько дней ты должен провести с нами.

Хатем согласился.

Пять дней и пять ночей предавался Хатем забавам и наслаждениям с прекрасными пери, а потом сказал:

— О пери, не покажете ли вы мне дорогу к горе Алкан?

Вскоре пери вместе с Хатемом отправились в путь, и продолжался их путь семь дней и семь ночей. По прошествии же семи дней и семи ночей достигли они некоего места и сказали:

— О рожденный человеком, теперь разреши нам вернуться, ибо здесь кончаются наши владения, и дальше нам идти нельзя. Ты же ступай по дороге, никуда не сворачивая, а когда минет несколько дней, ты достигнешь подножья горы, это и будет гора Алкан.

Хатем, распроставшись с пери, пошел дальше и, пройдя некоторое расстояние, достиг развилки двух дорог. Он остановился в нерешительности, раздумывая, куда идти дальше. Когда же миновала полночь, Хатем услышал со стороны пустыни громкие стенания и подумал: «Уж раз я дал обет творить добро — выбора у меня нет. Я должен пойти туда, где нужна моя помощь».

И он пошел в ту сторону, откуда доносился печальный голос. На пятые сутки он увидел прекрасного юношу, по лицу которого градом катились слезы. Поглядев с сочувствием на того юношу, Хатем спросил:

— О юноша, почему ты так горько плачешь?

Однако юноша ничего не ответил и принялся стенать пуще прежнего.

— Что случилось, юноша? В чем причина твоей печали? — спросил еще раз Хатем.

— О благородный, — отвечал юноша, — что проку тебе узнать о моей беде! Не так давно был я воином. Однажды, идя из города, я сбился с пути. Волею судьбы я попал в прекраснейшее

место и решил там отдохнуть. Спросив у повстречавшегося мне человека, где я обретаюсь и кто властелин сего края, я узнал, что правит тем краем колдун по имени Мусаххар. Устрашившись, я счел за разумное поскорее удалиться и зашагал прочь. Шел я, шел и пришел в огромный цветущий сад. И меня одолело безудержное желание оглядеть тот сад. Углубившись в его чащу, я увидел много прекрасных пери и понял, что сад — их обиталище, а поняв это, не мешкая повернул назад.

Вдруг одна из пери заприметила меня и сказала:

— О рожденный человеком, зачем ты уходишь, оставайся с нами.

Взглянул я на нее и утратил дар речи и тотчас понял, что, убегая от маленькой струйки воды, угодил под желоб водяной мельницы. По прошествии некоторого времени, когда я опамятовался, она взяла меня за руку и, усадив рядом с собой на ложе, стала всячески завлекать в свои сети. Я же, глядя на нее неотрывно, понял, что пришелся ей по душе. В это время появился ее отец. Увидев нас рядом, он воспылал гневом и, схватив ее за горло, вознамерился бросить оземь, но девушка взмолилась:

— О отец, чем я заслужила твою немилость? Нет на мне вины!

Отец нехотя отпустил дочь, кормилица же молодой пери, которая все это видела, вступилась за нее:

— О господин мой! Разве могу я допустить, чтобы с твоей дочерью поступили дурно — ведь это всех нас покроет позором. Однако же дело обстоит не так-то просто — есть о чем и подумать.

Услышав такие слова, отец девушки удивился:

— Что ты имеешь в виду?

— Пришло время, — отвечала кормилица, — и твоя дочь созрела для замужества. Лицо же сего юноши отмечено достоинством и благородством, однако его робость не позволяет ему признаться, что он желает взять ее в жены. Приглядишься к нему

получше и ты увидишь, что лучшего жениха для неё не сыскать.

— Я соглашусь на это только в том случае, если он выполнит три моих требования, — сказал отец и, призвав всех своих приближенных, объявил:

— Прежде чем сей юноша будет признан женихом моей дочери, ему надлежит выполнить три мои требования: первое — добыть самку и самца птиц-пери, второе — принести мне ожерелье красной змеи, третье — залезть в котел с кипящим маслом.

Томимый страстью и снедаемый любовью, я, не задумываясь, согласился выполнить требования ее отца. В поисках обещанного я отправился в эту пустыню и нахожусь здесь уже два года, однако дело мое нисколько не продвинулось, и ныне, объятый отчаянием, я уповаю лишь на милость всемогущего Аллаха.

Поведав Хатему свою печальную историю, он заговорил стихами:

Не сам я изранил себя, а глаза чаровщицы:
Пронзили мне сердце жестокие стрелы-ресницы.
Волшебным кокетством ее я сражен, — и отныне
Должно мое сердце скитаться по этой пустыне.

И сказал Хатем:

— Успокой свое сердце и отринь печаль. Я постараюсь сделать все возможное, чтобы ты соединился со своей возлюбленной. — Про себя же подумал: «Птицы-пери обитают только в пустыне Мазандеран. Волей-неволей придется мне свернуть с пути».

И, простившись с плачущим юношей, Хатем отправился в сторону Мазандерана.

С наступлением ночи достиг он большого города. Стены города упирались в самое небо, вдоль же тех стен был вырыт глубокий ров. Войдя в ворота, Хатем увидел огромный костер и сидящих вокруг него горожан.

Хатем приблизился к ним и спросил:

— О друзья, зачем разожгли вы этот костёр?

— О юноша, — отвечали те, — мы спасаемся от злого колдуна, коий пуще всего страшится огня. Он повадился ходить в наш город и чинит нам всякие обиды и бедствия.

— А как выглядит тот колдун? — спросил Хатем.

И когда ему рассказали, он тут же уразумел, о ком идет речь.

— Колдун сей по имени Сахмнак, о восьми ногах и семи головах, — сказал Хатем. — Посредине у него огромная слоновья голова с тремя глазами, а вокруг нее — еще шесть голов, похожих на львиные.

И еще он сказал.

— О люди, успокойте ваши сердца. Нынешней ночью я избавлю вас от злого колдуна. Только для этого мне нужна острая стрела и тугой лук.

Горожане тут же принесли ему острую стрелу и тугой лук, и Хатем, притаившись за городской стеной, стал дожидаться ночи. Когда сгустилась тьма и миновала полночь, вдали показался страшный колдун Сахмнак. Подойдя к городским воротам, колдун принялся метаться из стороны в сторону, оглушая окрестности ревом слона и рыком шести львов. Люди так обеспамятовали от страха, что стали дрожать, подобно каплям ртути.

Тем временем Хатем метко прицелился, натянул тетиву и пустил стрелу прямо в средний глаз колдуна. Тот издал страшный вопль и свалился на землю. И от этого его вопля содрогнулась земля, и склонились к ней деревья, и задрожали дома, словно листья в осеннюю пору. По прошествии некоторого времени колдун поднялся и помялся в пустыню.

Тогда Хатем вернулся в город и сказал горожанам, что с колдуном покончено.

— О юноша, как смог ты один справиться с этим страшилищем? — недоверчиво спросили они.

— О люди, — отвечал им Хатем, — если вы мне не верите, ложитесь спать на крышах домов,

и поутру, когда ночь пройдет спокойно, вы убедитесь, что я не солгал.

Так горожане и поступили. Притаившись на крышах домов, они с тревогой дожидались появления колдуна. А на рассвете пошли к Хатему и облобызали перед ним землю, и щедро одарили его золотом и драгоценными камнями. Хатем взял часть тех даров себе, остальное же роздал сырым и нищим. Затем, простившись с благодарными горожанами, направился в сторону Мазандерана. Выйдя на дорогу, он увидел двух сцепившихся змеев — черного и белого. Он подошел поближе и стал наблюдать за схваткой. Однако ни один из них не мог одолеть другого.

— Змеи, из-за чего вы повздорили? — спросил Хатем.

И белый змей сказал:

— О рожденный человеком, этот змей лишил жизни моего отца, и я хочу воздать ему должное.

Однако черный, обратясь к белому, возразил:

— Что же в том диковинного? Ведь белые змеи предназначены служить мне пищей. Я сейчас и тебя съем.

— О черный змей, — вступился за белого Хатем, — отпусти его, и я найду способ утолить твой голод.

Услышав эти слова Хатема, змеи тотчас утихомирились.

После же черный змей сказал:

— О рожденный человеком, о каком способе ты говоришь? Мне попросту хочется есть, и если ты дашь мне кусок своего тела, я буду вполне доволен и отпущу белого змея.

— Какую же часть моего тела ты считаешь самой лакомой? — спросил Хатем.

— Щеку, — отвечал черный змей.

Хатем извлек из-за пояса нож и вознамерился было отрезать кусок щеки, однако черный змей взволнованно воскликнул:

— Остановись, о благородный! Все это наши выдумки, дабы испытать твою щедрость и милосердие.

— О непонятные существа, откройте мне свою тайну, — молвил Хатем в великом изумлении.

— О юноша, — сказал черный змей, — оба мы из одного племени. Я полюбил сестру белого змея, однако и он, и его отец воспротивились нашему счастью. Нынче отец мне не помеха, ибо с ним я расквитался. Мне осталось убить этого неразумного, и тогда я сумею жениться на его сестре.

— Как же так? Ведь вы дети одного племени, почему ты не отдаешь свою сестру в жены черному змею? — спросил Хатем белого.

— О Хатем! Он утаил от тебя истину, — отвечал тот. — У него тоже есть сестра, пусть он разрешит ей выйти за меня замуж, тогда и я соглашусь с ним породниться.

— Что же тут мудреного? Отдайте друг другу своих сестер, и между вами воцарится мир.

— Мой отец жив, — сказал черный змей, — и без его позволения я не могу ничего поделаться.

— Веди меня к своему отцу, я постараюсь его уговорить.

Черный змей и Хатем не мешкая отправились в путь. Оставив позади много дорог, достигли они большого города. Черный змей остановился и сказал:

— О благородный, спроси у горожан, как тебе пройти к махалле, в коей обитает мой отец. Ты ступай туда, а я явлюсь немного погодя.

— Хорошо, — согласился Хатем и, расставшись с черным змеем, отправился дальше. По пути он узнал, что отца черного змея зовут Хурджинн и что он является шахом джиннов.

Когда Хатем предстал пред шахские очи Хурджинна, тот спросил:

— О рожденный человеком, какое дело привело тебя в наши края?

— О великий шах, я пришел к тебе с добрым делом! — отвечал Хатем.

И шах сказал:

— Джинны и человек испокон веков враждуют, и ты способен причинить нам только зло.

— Ты пребываешь в заблуждении, о шах! Я пришел к тебе с чистым сердцем.

— Говори, зачем пришел? — повелел Хурджинн.

— О шах, у тебя есть сын. Скажи, дорожишь ты им или нет?

Хурджинн отвечал:

— У меня один-единственный сын, и без него я не мыслю себе жизни.

— О шах! Коли так — послушай моего совета, а не то твоего сына когда-нибудь убьют.

Хурджинн взволновался, схватил Хатема за руку и, усадив рядом с собой, сказал:

— О рожденный человеком, да будут благословенны твои отец и мать, и да воздаст тебе Аллах благом за заботу о моем сыне! А теперь поведай мне, в чем таится опасность, грозящая моему сыну?

— О шах, — отвечал ему Хатем, — твой сын убил отца одного джинна, и тот хочет в отместку убить твоего сына. Они чуть было не прикончили друг друга, да я вовремя их остановил. Послушай моего совета: отдай свою дочь замуж за сына убитого, своего же сына жени на сестре того. И между ними воцарится мир. Если же ты этого не сделаешь, то вражда между ними никогда не прекратится, и тогда добра не жди.

Хурджинну совет Хатема пришелся по сердцу, он от души его поблагодарил и, повелев тотчас собрать всех приближенных, сделал все так, как сказал Хатем.

После же Хурджинн спросил:

— О рожденный человеком, чем я могу тебя вознаградить за доброе дело?

— О шах, — отвечал Хатем. — За доброе дело мне воздаст Аллах, ибо никто не способен так оценить благодеяние, как он, всемогущий и справедливый.

— О благородный! Яви мне свою благосклонность: прими от меня в дар посох и ожерелье. Может быть, с их помощью и я сослужу тебе добрую службу. Посох сей способен заменить

страннику коня. Ожерелье же имеет много чудесных свойств: первое из них состоит в том, что владельцу ожерелья не страшен змеиный яд; второе — в том, что он не горит в огне; третье — в том, что не тонет в воде; четвертое же свойство ожерелья в том, что оно хранит от чар злых волшебников и коварства людей; и, наконец, — если ожерелье положить на воду, оно становится мостом, по которому можно свободно перейти через реку. Но это еще не все. Самым большим его достоинством является то, что оно оберегает его обладателя от яда красной змеи. Если тебе в пути попадутся змеи красная или белая, черная или зеленая, возьми сие ожерелье в рот, и тогда ни одна из этих змей не посмеет к тебе приблизиться. Помимо всего этого, стоит тебе взять ожерелье в рот, как ты тотчас перестанешь испытывать жажду.

Поблагодарив Хурджинна за дары и испросив его соизволения, Хатем отправился в сторону Мазандерана. По прошествии некоторого времени он вышел на берег огромной реки, оглашающей всю пустыню ревом своих волн, и стал искать места, где бы можно было переправиться на другую сторону, да так и не нашел.

Вдруг он вспомнил о посохе и ожерелье Хурджинна.

Взяв волшебное ожерелье, он положил его на волны реки и по нему, словно по мосту, добрался до ее середины. И в то время, когда он достиг середины реки, из воды вынырнул огромный кит и проглотил Хатема вместе с ожерельем и посохом. Проплыв семь фарсангов пути, кит выплюнул Хатема и сказал:

— О рожденный человеком, я доставил тебя сюда потому, что у меня есть к тебе одно важное дело.

— Какое же дело у тебя ко мне?

— Испокон веков это место было моим обиталищем, — молвил кит. — Однако бесчестный кит по имени Саратан отнял его у меня силой. Прогони отсюда этого негодяя, верни мне мои владения!

— Разве ты сам не можешь одолеть своего врага? — спросил Хатем.

— Ему ничего не стоит меня уничтожить. У него торчат два страшных зуба, коими он способен перекусить меня пополам. Повремени немного, Саратан отправился за добычей и вот-вот должен вернуться.

Тем временем появился кит Саратан, а тот, который искал у Хатема защиты, поспешно скрылся. Хатем взглянул на Саратана и увидел, что у него два зуба действительно подобны ножницам, голова же словно минарет, достигающий неба. И он способен своими зубами стереть в порошок даже железную гору. И подумал Хатем: «Да, тот кит был прав». Тревогу и страх ощутил он в сердце своем и вознес молитву Аллаху, прося помочь ему одолеть странное чудовище.

Едва завидев Хатема, кит Саратан разинул пасть и устремился прямо на него, однако Хатем протянул посох Хурджинна, и кит остановился как вкопанный. Тогда Хатем, обратясь к нему, сказал:

— О бесчестное существо. По какому праву ты прогнал извечного хозяина сего места из его обиталища?

— О великий, — отвечал Саратан. — У нас с ним одинаковые права на это место, почему же я должен отступиться?

— О неблагодарный! Все мы — суть создания одного творца. И разве допустит он, справедливый и великодушный, чтобы одно существо обижало другое? Неужели ты не страшишься гнева всевышнего, лишая подобного себе родного крова?

— Хорошо, — сказал Саратан, — сейчас, повинаясь тебе, я уступлю своему противнику. Но когда ты оставишь нас один на один, я могу ему отомстить, и уж некому будет за него вступиться.

— Эх, Саратан, ну и вредный же ты, ну и злопамятный! Тебе и милость и гнев Аллаха нипочем. Внемли по-хорошему моим уговорам, не то я стукну тебя этим посохом, и ты отправишься в ад.

Взъярился Саратан и грозно зашипел:

— Ни за что не уступлю! — Потом бросился на Хатема и хотел схватить его своими острыми зубами, однако Хатем успел его опередить и так грохнул его по голове посохом Хурджинна, что звук от этого удара достиг звездного неба, кит же Саратан, сраженный, пошел ко дну.

О шах, всех подданных привыкший обижать,
Насилью твоему конца доколе ждать?
Зачем нужна тебе такая власть, ответь, —
Чем быть обидчиком, не лучше ль умереть?¹

Как только кит — владелец этого места увидел, что Саратан не может больше его преследовать, он вознамерился ринуться на дно и там его избить. Однако Хатем не дал и Саратана в обиду.

— Эй, несмышленный, что теперь тебе до него, ведь он больше сюда никогда не вернется. Если же ты его тронешь, — не избежать тебе моего гнева.

Вернув киту его владения, Хатем уселся на посох Хурджинна, поднялся со дна реки на поверхность и, выйдя на берег, направился в сторону Мазандерана.

Притомившись в пути, уселся он под высоким раскидистым деревом, достал еду из дорожной сумы и подкрепился. После же стал думать, как ему заполучить самку и самца птиц-пери.

Как раз в это время птицы-пери, возвращаясь с поля, увидели под деревом, на коем они обитали, Хатема. И спросила одна из них:

— Это что за человек появился в наших краях?

Другая же ей ответила:

— Разве ты не знаешь? Этот человек прославился на весь свет своей добротой.

— А вдруг ты ошибаешься? Не лучше ли нам где-нибудь притаиться? — молвила третья.

— Да нет! Хатем — юноша достойный и благородный, и мы непременно должны его почитать.

¹ Строки из произведения Саади.

После этого все птицы вышли из убежища и предстали перед Хатемом.

И Хатем, вглядываясь в обличье каждой из них, с удивлением думал: «Поистине велика сила всевышнего, если он способен создать птицу с оперением ярким, как у павлина, и с головой пери».

Тем временем благородные птицы держали совет.

— Достоянейший Хатем, — говорили они, — ради блага других постоянно обрекает себя на трудности и лишения. Вот и сейчас один юноша полюбил дочь колдуна Мусаххара, и колдун требует от влюбленного самку и самца птиц-пери.

Потом одна из них, обратясь к Хатему, спросила:

— О Хатем, тебя привело к нам какое-нибудь дело?

— Да, — отвечал Хатем, — если самка и самец из вашего рода согласятся следовать за мной в обителище колдуна Мусаххара, то я буду считать себя счастливейшим из смертных, ибо тем самым помогу влюбленному юноше обрести счастье.

Выслушав Хатема, птицы сказали:

— Мы не вправе отказать великодушному Хатему! Однако взрослым птицам-пери трудно будет привыкнуть к новой жизни. Дадим этому благородному юноше пару птенцов, и они быстро освоятся, и люди станут растить их, словно свои чада.

И, вручив Хатему птенцов, птицы-пери пожелали ему доброго пути. Хатем же возблагодарил их за щедрость, спрятал птенцов за пазуху и отправился к колдуну Мусаххару.

Оставив позади много путей и дорог, по прошествии некоторого времени прибыл Хатем во владения колдуна Мусаххара. Увидев его, влюбленный юноша облобызал перед ним землю и стал просить Хатема немедля идти к колдуну.

Однако Хатем сказал ему так:

— Возьми, о брат, птенцов-пери и ступай сам. Я же явлюсь после.

Вняв совету Хатема, юноша взял птенцов и пошел к Мусаххару. Мусаххар подозрительно взглянул на него и сказал:

— Тут дело нечисто! Признайся, кто добыл этих птенцов?

— О великий, — отвечал тот, — этих птенцов добыл один человек по имени Хатем. — И он рассказал Мусаххару о приключениях Хатема.

Выслушал Мусаххар рассказ юноши и приказал:

— А теперь принеси мне ожерелье красной змеи.

— О великий, — взмолился юноша. — Прежде чем я пушусь в путь, полный лишений и опасностей, позволь хоть раз взглянуть на лик твоей дочери. Один всевышний ведает, что мне суждено: то ли вернуться, то ли почью в муках и неизвестности, не достигнув цели.

Услышав такие слова, Мусаххар приказал:

— Эй, слуги! Приведите мою дочь, дабы она пробудила в несчастном вдохновение отправиться в далекий путь. Да придаст ему сие свидание силу и утешение!

Придя к девушке, слуги сообщили ей волю отца.

Девушка тотчас распахнула окошко своей комнаты, выглянула на улицу, отыскав глазами юношу, ласково молвила:

— О торопись! Я жду тебя.

Юноша взглянул на нее и едва не лишился чувств. После же, очнувшись, тяжело вздохнул и сказал:

— О Аллах! Так мне и не довелось на нее взглядеться.

— Уж очень ты нетерпелив, — укорил его Мусаххар, — исполни, что тебе велено, а после гляди, сколько заблагорассудится.

Испросив у Мусаххара соизволения удалиться, юноша не мешкая отправился к Хатему и подробно поведал ему обо всем.

— О влюбленный, — утешил его Хатем. — Умерь свою печаль. С помощью Аллаха я добуду

ожерелье красной змеи, и тогда час твоего блаженства приблизится.

Вызнав у Мусаххара, что земля красных змей находится в окрестностях горы Каф, Хатем простился с юношей и отправился в путь.

Итак, путь Хатема лежал к горе Каф.

Оставив позади много дорог, присел Хатем под раскидистым деревом отдохнуть и, когда огляделся по сторонам, вдруг увидел огромного семицветного скорпиона, быстро ползущего в сторону пустыни.

«Такого страшилища мне нигде и никогда не доводилось видеть!— удивленно подумал Хатем.— Я должен непременно узнать, что он здесь делает и где его обиталище». Подумав так, Хатем устремился вслед за скорпионом. Когда день сменился вечером, добрались они до некоего селения, и скорпион схоронился под большим плоским камнем.

Хатем же остановился неподалеку и стал ждать, что будет дальше.

Между тем жители того селения, увидев луноликого чужестранца, верные гостеприимным обычаям своей страны, тотчас принесли различные кушанья и поставили их перед Хатемом.

А с наступлением ночи все они разбрелись по домам.

Хатем же, оставшись один, уселся на земле и произнес бейт:

Догорел закат, и люди отдыхать идут домой,—
Есть ли дом, где я, бездомный, отыскать смогу покой?

Тем временем на площади, неподалеку от того места, где устроился Хатем, жители селения привязали свой домашний скот и сами расположились на ночлег тут же. В полночь огромный скорпион выполз из-под камня и направился к тому месту, где был привязан скот, и принялся его истреблять. Он по очереди вскакивал на спину каждой скотине и убивал ее своим смертоносным жалом. Распра-

вившись таким образом со скотом, он принялся за людей, и вскоре все они были мертвы. А скорпион опять спрятался под камень.

Когда Хатем увидел содеянное скорпионом зло, им овладело уныние. И помыслил он в сердце своем: «Видать, такова воля всемогущего Аллаха!» На рассвете пришли жители селения и увидели, что весь их скот и люди, которые сторожили его, отбыли в мир иной, тела же их источают такое зловоние, что сама земля противится их принять.

Насмерть перепуганные, они поддались великому смятению, решив, что всевышний неведомо за что наслал на них кару.

Тогда к ним обратился Хатем с такими словами:

— О друзья! Беда та приключилась ночью. Из-под плоского камня выполз огромный, размером с курицу, скорпион. Он-то и погубил и скот и спавших рядом людей.

Не успел Хатем окончить свой рассказ, как скорпион снова выполз из-под камня и бросился на говорящих. И те в великом изумлении застыли на месте. Между тем скорпион ужалил одного из старейших, душа коего тотчас вознеслась на небеса, а сам пополз в сторону пустыни.

Хатем, не задерживаясь, отправился за ним. Весь день он шел по скорпионову следу и с наступлением сумерек достиг некоего города. Скорпион на глазах у Хатема обернулся большим черным змеем и тотчас уполз в нору. «Что за тайна кроется тут, почему скорпион изменил свое обличье?» — подумал Хатем и решил набраться терпения и ждать.

Когда миновала полночь, змей выполз из норы и направился в сторону города. Хатем шел за ним, не отставая ни на шаг. Долго полз змей и, добравшись до городской стены, достиг, наконец, шахского дворца. Проникнув в опочивальню шаха, змей вполз на шахское ложе, ужалил спящего шаха и немедля скрылся из виду.

Приблизившись к дому визиря, Хатем увидел, что змей заполз в тот дом, ужалил сына визиря и вернулся в свою нору.

Поутру пробудившиеся ото сна горожане проведали о смерти шаха и сына визиря. Вскоре тревожная весть облетела весь город, и неудержимый страх охватил его жителей. Змей же тем временем покинул свою нору и пополз дальше. А Хатем снова пошел за ним.

По прошествии некоторого времени достигли они берега реки. Тут змей обернулся львом и притаился в лесу за деревьями. Минула ночь, и на смену ей пришел день. Рано поутру люди привели на водопой скотину. Вдруг из лесной чащи выскочил лев, задрал нескольких животных, а заодно и людей и тотчас умчался.

Немного погодя лев обернулся луноликой юной девушкой. Девушка та уселась под раскидистым деревом и принялась плакать. Подивившись чудесному превращению, Хатем подумал: «Да прославится всемогущий Аллах, коий способен творить подобные чудеса!»

Тем временем мимо дерева проезжали двое всадников. Увидели они плачущую девушку и спросили:

— О красавица, о чем ты горюешь?

— О юноши! — отечала девушка. — Был у меня молодой муж, и мы вышли с ним из дому и направились к родственникам. Когда же мы достигли этого места, со стороны пустыни выскочил большой лев и задушил моего мужа. Я укрылась на этом дереве и нежданно-негаданно уцелела. Ныне я пребываю в полной растерянности. Что мне делать?

Один из всадников ласково молвил:

— О красавица, мы родные братья, останови свой выбор на любом из нас.

— Я могу согласиться на это только при условии, что у вас нет жен, что я буду свободна от домашних хлопот и еще — что вы не станете меня обижать, — отвечала девушка.

— О юная красавица, — обратился к ней старший из братьев. — Я согласен на все твои условия.

И девушка стала его женой. Тот же, возрадовавшись, усадил ее позади себя на коня, и они отправились домой. По прошествии некоторого времени девушка, обратясь к мужу, сказала:

— О дорогой! Меня одолевает страшная жажда! Разыщи где-нибудь хоть каплю воды.

Муж спешил и, поручив молодую жену заботам младшего брата, уехал на поиски источника.

Едва он скрылся из виду, как молодая жена стала донимать младшего брата:

— Сердце мое истомилось по твоей любви, сделай доброе дело — утоли мое желание.

— Отныне, став женой старшего брата, ты считаешься мне матерью, — отвечал тот, — как смеешь ты ко мне обращаться со столь недостойными речами! Видать, сатана совращает тебя с пути истинного.

— Если ты не согласишься меня утешить, — пригрозила ему девушка, — я скажу мужу, будто ты зарился на мою честь.

— Воля твоя, говори, что хочешь. Я же пакостить брату не стану.

Вскоре вернулся старший брат с кувшином воды. Девушка, завидев его, стала с криком рвать на себе волосы.

— Что случилось? — подивился тот.

— О малодушный, — запричитала девушка, — твой недостойный брат пытался сделать со мной недоброе дело, я с трудом дождалась твоего возвращения.

Разгневавшись, старший брат сказал:

— Эй, недостойный! Как мог ты так низко поступить со своим родным братом?

— О брат, эта женщина оклеветала меня! Она, видно, задумала нас посорить. Не верь ей!

Услышав такие речи, старший брат взъярился пуще прежнего и, выхватив из ножен меч, так ударил младшего по голове, что рассек ее надвое. Но младший успел угодить ему ножом в сердце, и оба они упали замертво. Глядя на кровавое зрелище, объятый великим страхом, Хатем подумал. «О Аллах, неужто тебе любо все это?»

Не успел он так подумать, как юная девушка обернулась лазутчиком, и тот лазутчик отправился дальше. Хатем же последовал за ним. «Кому еще несет сей бессердечный несчастье?» — сокрушался он.

По прошествии некоторого времени достиг лазутчик селения, жители коего тотчас преградили ему дорогу. Они вознамерились было схватить его, однако он разбросал смельчаков в разные стороны и снова направился в пустыню.

Вскоре Хатем увидел, как тот лазутчик обернулся глубоким старцем. Выйдя из терпения, Хатем схватил его за рукав и грозно сказал:

— О презирающий волю Аллаха! Как смеешь ты низвергать то, что создано его могуществом? Кто позволил тебе чинить зло живым существам? Покайся, не то я расправлюсь с тобой за все содеянное.

— О Хатем, — отвечал ему старец, — отпусти меня, ибо спешу я по неотложному делу.

Удивился Хатем:

— О хитрый старец, откуда тебе ведомо, что меня зовут Хатемом?

— Я знаю не только тебя, но и всех твоих предков до седьмого колена. Я не презрел волю Аллаха — я свершаю ее. Придет твой черед, и ты на себе испытаешь все это. Ныне же пусть каждый из нас занимается своим делом.

— Раз ты сведущ в моем прошлом, то можешь предсказать и мое будущее. Не скажешь ли, как сложится моя судьба дальше?

— О Хатем, — отвечал ему старец. — Я тот — кто несет смерть всему живому. Сначала ты повстречал меня в обличье семицветного скорпиона, коим я стал по воле Аллаха. Причиной гибели шаха и сына визиря был укус змея, коим я обернулся тоже по воле Аллаха. По воле же Аллаха смерть приходит к каждому в разных обличьях, и все живые существа по-разному отбывают в мир иной.

— О старец, в каком же обличье явится моя смерть?

— О Хатем, когда ты достигнешь ста пятидесяти лет, ты низвергнешься с большой высоты, и из носа у тебя потечет кровь, и душа твоя покинет тело. Ныне ты еще молод, и предстоит тебе путь долгий и подвижнический, и ты с того пути не сходи — неси добро всему живому.

Услышав такие слова, Хатем склонился в благодарственной молитве Аллаху. Когда же он поднял голову, смерть в обличье старца куда-то исчезла, и Хатем снова направился в сторону горы Каф.

Много месяцев бродил Хатем по городам и селеньям, еще дольше блуждал он по пустыне судьбы. Губы его запеклись от жажды, он обесспелел от вечного голода и метался из стороны в сторону, не ведая, куда податься.

Наконец, сжалился над ним Аллах, и он достиг черной земли, обиталища черных змей. Как только на землю спустились сумерки, Хатема со всех сторон окружили черные змеи, готовые броситься на него.

Хатем же, вспомнив о посохе Хурджинна, тотчас воткнул его в землю, а сам сел рядом. Змеи окружили Хатема плотным кольцом и злобно зашипели, протягивая к нему головы, однако тронуть его не посмели. Так прошла первая ночь. С наступлением утра змеи уползли в свои норы. На следующую ночь змеи снова окружили Хатема, однако страх перед посохом Хурджинна опять заставил их уйти ни с чем. На рассвете Хатем покинул черную землю и по прошествии нескольких дней пути достиг белой земли, белизной своей подобной куриному яйцу.

Побывав на белой земле, отправился он на зеленую землю. И змеи той зеленой земли, учуяв дух Хатема, окружили его плотным кольцом и со злобным шипением тянулись к нему, стараясь ужалить. Одолев змей зеленой земли, последовал Хатем к красной земле. И когда он достиг красной земли, то увидел, что цветом она подобна алой

крови, и стоило Хатему ступить на нее, как ноги его сплошь покрылись волдырями и ожогами.

Томимый жаждой и голодом, Хатем не мог больше идти и в сердце своем помыслил: «Видно, пришла моя смерть, и никуда мне отсюда не уйти. Однако лучше принять смерть, нежели нарушить свое слово». Подумав так, он обрел новые силы и, преодолевая боль и муки голода, пошел дальше. Так он прошел еще фарсанг пути. В конце же того фарсанга, обессиленный, свалился на землю без чувств. И сразу же привиделся ему некий старец, кой взял Хатема за руку и, подняв с земли, молвил:

— О Хатем, ты совсем позабыл о чудодейственной силе ожерелья Хурджинна. Обратись к нему, и оно облегчит твои муки.

Хатем тотчас взял ожерелье в рот, и оно сразу утолило его жажду, и он спросил старца:

— О великий, что делает жар сей пустыни столь несносным?

— О Хатем, — отвечал ему старец. — Землю сей пустыни напоила своим ядом красная змея. До ее появления земля здесь была благодатной и цветущей.

Испросив у старца соизволения удалиться, Хатем отправился дальше. Оставив позади много путей и дорог, увидел он свернувшуюся клубком красную змею, огромную как гора, с головой похожей на купол, с шеей в сто пятнадцать газов длины. Из разинутой пасти той змеи вырывались языки яркого пламени, источающего невыносимый жар, испепеляющий все живое. Хатем тотчас воткнул в землю посох Хурджинна, уселся рядом, и красная змея, подобно прочим змеям, не осмелилась к нему приблизиться.

Направив на Хатема свою чудесную силу и изведав в том деле неудачу, змея волей-неволей должна была отступить. По прошествии ночи, когда лучи солнца озарили тот позабытый Аллахом край, Хатем узрел в пасти красной змеи огромный красный шар, схватил посох Хурджинна и описал им вокруг своей головы кольцо. Красная

змея испугалась посоха, тотчас стала корчиться в судорогах и, выплюнув красный шар, уползла в свое логово. Вглядевшись в тот шар, увидел Хатем, что это и есть ожерелье красной змеи. Он вознамерился было взять ожерелье в руки, но от него исходил сильный жар.

С большой осторожностью он замотал ожерелье в свою чалму, и тотчас расцвел весь край, и земля его снова стала благодатной и плодоносной.

Одним из свойств того ожерелья была способность оживлять все вокруг, и, покуда красная змея таила его в своей пасти, цветущие сады превратились в пустыню.

По прошествии долгого времени Хатем вернулся к влюбленному юноше и нашел его ожидающим. Едва завидев его, юноша облобызал перед ним землю, Хатем же, вручив ему ожерелье красной змеи, сказал:

— Ступай к Мусаххару и отдай ему это ожерелье.

— О Хатем, — взмолился юноша, — пойдем к Мусаххару вместе, не то он усомнится в его истинности.

Придя к колдуну, Хатем положил перед ним ожерелье.

Мусаххар искоса взглянул на ожерелье и с сомнением сказал:

— Не худо бы проверить, то ли это ожерелье, за коим я посылал.

— Воля твоя, — отвечал ему юноша, — поступай так, как велит тебе сердце.

Мусаххар не мешкая испытал волшебные свойства ожерелья и, убедившись, что его не обхитрили, обратился к юноше с такими словами:

— О юноша, осталось еще одно условие, и выполнить его можешь только ты один.

— Приказывай, я готов, — отвечал влюбленный юноша.

— О юноша, теперь ты должен залезть в котел с кипящим маслом.

Юноша тревожно взглянул на Хатема,

— О Мусаххар! Тогда мне не видать твоей дочери!

— Готовь свой котел с маслом! — решительно сказал Хатем.

Мусаххар повелел своим слугам принести огромный кувшин масла, вылить то масло в железный котел и шесть дней непрерывно жечь под котлом огонь, дабы в масле мог во мгновение ока расплавиться даже камень. Услышав это, влюбленный юноша от испуга стал желтым, подобно шафрану, и, приблизившись к Хатему, спросил:

— Ради чего я стану принимать эти муки? Они сулят мне не счастье, а смерть.

— О юноша, не тревожься, — успокоил его Хатем. — Я дам тебе ожерелье пери, возьми его в рот и смело лезь в котел с маслом. Волею Аллаха ты останешься жив и невредим.

Взяв то ожерелье, подошел юноша к котлу с кипящим маслом и тотчас в страхе отпрянул назад. Потом, пересилив страх, снова приблизился к котлу, однако залезть в него не решился.

— Чего ты медлишь? — воскликнул Хатем. — Блаженство любви само нейдет. Его можно достичь только ценой чрезмерных усилий. И если любовь принесет тебе гибель, то это навеки тебя прославит. Истинно влюбленного подобные испытания не страшат, а, напротив, придают ему силы!

Взглянув на Хатема, юноша заметил, что тот знаками велит ему лезть в котел. Тогда, набравшись духу, он взял в рот ожерелье и, зажмурив глаза, нырнул в кипящее масло. Погрузившись на дно котла, помыслил он в великом изумлении: «И будто вовсе я не в котле с кипящим маслом, а в хаузе зимой».

Колдун же увидел, что юноша цел и невредим, что не берут его ни огонь, ни кипящее масло, и охватили его тревожные мысли.

— Эй, юноша, вылезай, — повелел он.

Увидев влюбленного юношу целым и невредимым, Мусаххар вознамерился было навести на

него новое колдовство и, повернувшись к нему, стал читать какие-то заклинания.

— Эй, бесчестный, — вознегодовал Хатем, — чего тебе еще нужно? Все, что ты приказал, добрый юноша исполнил. Да будет тебе известно, что сей юноша является обладателем другого волшебного ожерелья, кое способно колдовство твое обернуть против тебя самого.

Услышав такие слова, колдун устрасился и, подозвав к себе влюбленного юношу, ласково молвил:

— Ну что ж, ты заслужил право взять мою дочь в жены. Да сбудется воля всемогущего Аллаха!

— Теперь приготовьте все к свадьбе! — повелел Хатем.

Поселив Хатема и юношу в своем дворце, Мусахар устроил пышную и богатую свадьбу, никогда доселе не виданную в тех краях.

После же того, как брачный союз дочери Мусахарра и влюбленного юноши был скреплен особой бумагой, молодые супруги удалились в опочивальню и, взойдя на брачное ложе, предались любовным утехам.

Простившись с юношей и его молодой женой, Хатем отправился к горе Алкан. Оставив позади много путей и дорог, по проществе нескольких дней он достиг ее подножья. Тут, снедаемый голодом и жаждой, он уселся на землю и принялся за трапезу. Вдруг Хатем увидел нескольких пери, направлявшихся к пещере. Он немедленно устремился вслед за ними, однако пещера та была столь узка, что ему пришлось пробираться по ней ползком. «Куда же девались пери?» — удивился Хатем, потеряв их из виду. Вскоре он очутился в большом цветущем саду, и взору его предстал прекрасный дворец, достигающий вершиной самих звезд. Когда же он приблизился к тому дворцу, навстречу ему выскочили пери.

— О рожденный человеком, — обратились они к Хатему, — кто привел тебя сюда?

— О красавицы! — отвечал Хатем. — Меня привел сюда тот, кто и меня и вас создал. Не скажете ли вы, как называется ваша гора и кому принадлежит сей сад?

— Гора наша называется Алкан, и властвует здесь Алканпери, мы же ее прислужницы. Скоро она появится, и тебе не следует попадаться ей на глаза, ибо ты безвинно можешь погибнуть. Послушай нашего совета — возвращайся, откуда пришел.

— Меня не страшат ваши предостережения. Для счастья другого я готов пожертвовать собственной жизнью. Привело меня сюда дело, и я не отступлюсь, куда не добьюсь своего.

Услышав такие слова, пери возликовали и, приблизившись к Хатему, молвили:

— Славный юноша! Да воздаст Аллах злом тому, кто делает дурное доброму человеку! Если в тебе столь велико желание увидеть малику Алканпери, мы укроем тебя в уголке сада, и ты сможешь лицезреть ее сквозь щель в ограде.

— Я верю вашим благим намерениям, — отвечал Хатем, — и готов вам подчиниться.

Вскоре ворота сада распахнулись, и в окружении приближенных появилась Алканпери. Она подошла к своему трону и воссела на нем. Тем временем прислужницы-пери увели Хатема в условленное место и указали щель в ограде.

Когда Хатем, прильнув к той щели, узрел подобное восходящему солнцу лицо Алканпери, сияние, исходившее от того лица, повергло его в небытие, он лишился чувств и упал, словно мертвый. По прошествии некоторого времени он опаматовался и вознес хвалу красоте Алканпери, и настолько был он потрясен ее красотой, что забыл о деле, его к ней приведшем.

С наступлением ночи, когда все вокруг погрузилось в сон, явился к Хатему седобородый старец и, взяв его за руку, молвил:

— Что привело тебя в эти края? На помощь твою уповает страждущий юноша, ты ведь обещал вернуть ему счастье.

Хатем раскрыл глаза, однако никого перед собой не увидел.

Рано поутру в саду появились прислужницы-пери, и, обратясь к ним, Хатем сказал:

— О красавицы, ведите меня к малике, дабы передал я ей весть от влюбленного юноши.

Когда слуги в точности пересказали малике Алканпери слова Хатема, она тотчас подумала: «Не тот ли это юноша, коего я покинула семь лет назад?»

Подумав так, малика повелела слугам связать рожденного человеком юношу и привести его к ней.

Слуги не мешкая исполнили повеление Алканпери, и когда Хатем предстал пред ее ясные очи, малика, приказав слугам освободить его от пут, приблизилась к нему и, взяв его за руку, подвела к трону и усадила рядом с собой. После же спросила:

— О юноша, откуда ты пожаловал и как тебя зовут?

— О красавица, — отвечал Хатем, — пришел я из Йемена, а зовут меня Хатем ибн-Тай ибн-Кахлан.

Малика поднялась со своего места и, отвесив Хатему низкий поклон, молвила:

— О Хатем, из уст великих мудрецов слышала я, будто должен появиться в наших краях рожденный человеком по имени Хатем, коему на роду написано вершить благие дела.

И еще добавила:

— О Хатем, да будет благословен твой приход, принесший благородство в мою скромную обитель.

Усадив Хатема на шахском троне, малика Алканпери повелела подать изысканнейшие яства. И, вкушая от тех яств, вели они беседу о различных чудесах и о дивах, с коими довелось ему повстречаться в пути.

И учтиво спросила у него малика:

— О юноша, что привело тебя в наши края?

— О прельстительная малика! Молва о красоте твоей и мудрости достигла самых отдаленных уголков земли. Однако более всего ты славись своим благородным обхождением. Да восславит за то тебя Аллах, а моя хвала всегда на устах и в сердце моем.

Сказал так Хатем и стал читать стихи:

В целом мире нет пери, подобной тебе, чаровница,
Сстройный стан — словно тополь, а взор добротой лучится.
Мы тобой пленены, — ты не только красою сияешь,
Но на истинный путь и других чаровниц наставляешь.

— О малика, — продолжал Хатем, — я, твой покорный раб, направлялся в пустыню Хумра. По дороге, на вершине горы увидел я стоящего под деревом прекрасноликого юношу, исхудавшего и обессиленного, кой обеими руками держался за ветви и, покачиваясь из стороны в сторону, смежив веки, голосом, исполненным безысходной тоски, читал бейт:

Приди же ко мне, приди! Разлуку терпеть нет силы.
Тоска у меня в груди, и дни без тебя постылы.

И так горячи были его слезы, что от тех слез плавились камни.

Приблизившись, я обратился к тому несчастному: «О юноша, поведай мне причину своего горя!» Однако юноша ничего не отвечал, будто не слышал моих слов. «О юноша, — обратился я к нему снова, — почему ты столь непочтителен к человеку, проявляющему к тебе участие?»

Я продолжал свои расспросы, и тогда юноша сказал:

«Целых семь лет нахожусь я на вершине сей горы, страдаемый бесплодной любовью. Многие, подобно тебе, спрашивали меня о причине моих страданий. Однако всех одолевают свои заботы, и, покинув меня, они забывали о данных мне обещаниях. Чем же ты лучше других? Разве способен ты принести мне облегчение? Какой прок

рассказывать о моем горе тому, кто ничем не может мне помочь?»

Однако мало-помалу он внял моим просьбам и поведал мне свою печальную историю, и тогда я дал ему клятву разыскать тебя, о лунолика, и устроить счастье Тамима Хорезми. Теперь скажи мне, что побудило тебя поступить с ним столь недостойным образом? Ведь ты обещала следовать за ним хоть на край света!

— Воротясь домой, я тотчас позабыла об этом юноше. Из почтения к тебе я готова его повидать, однако стать его женой не могу, ибо он мне неровня.

— Ведь были же вы некогда вместе, и тогда ты считала его достойным себя. Отчего же ныне ты к нему переменилась? О малика, если ты отвергнешь его любовь, я презрю твои заботы обо мне и на глазах у тебя погибну от голода и жажды. И смерть моя будет на твоей совести. — Сказав так, Хатем прочитал бейт:

Не веди себя так, чтобы юноша умер, отвергнут тобой,
Ведь еще молода ты — твой путь только начат земной.

Малика пришла в смятение и тотчас повелела привести несчастного юношу.

По прошествии трех дней и трех ночей привели слуги того юношу. Однако малика оставалась непреклонна. Дабы помочь несчастному, Хатем, улегшись под деревом, семь дней отказывался от еды и питья, силы уже совсем было покинули его. Но вот однажды услышал он во сне таинственный голос: «Не верь посулам коварной Алканпери. Многие юноши расстались с жизнью из-за неразделенной любви к ней. Не сдержит она своего слова. Опустит волшебное ожерелье пери в сосуд с водой и дай испить той воды сначала юноше, а потом малике Алканпери».

Поутру Хатем попросил малику явить свой пленительный лик возлюбленному, и малика согласилась. Однако едва тот взглянул на нее, как тут же впал в беспамятство, а когда по прошествии трех дней и ночей очнулся, не мог отвести

от нее глаз. Малика же оставалась к нему безучастной.

Тогда Хатем опустил в сосуд с водой ожерелье пери и дал юноше испить той воды. Юноше вода пришлась по вкусу, и малике тоже захотелось ее отведать. И Хатем подал ей сосуд. Она взяла его из рук Хатема и допила все до последней капли. И в сердце ее пробудились любовь и томление.

— Верни этому несчастному свое расположение, — обратился к ней Хатем. — Долго ли станешь ты мучить его своей холодностью?

— О Хатем, — молвила малика. — Отныне моя душа исполнена страсти к благородному юноше. Соединиться же с ним я могу лишь с благословения отца.

— Хорошо, — сказал Хатем. — Зови отца, может быть, мне удастся его уговорить.

Устроив большой пир, малика пригласила своих родителей и усадила их рядом с Хатемом. И когда отец малики принялся расспрашивать Хатема о его делах, Хатем с надлежащим уважением рассказал ему все подробности своих исполненных диковин и чудес приключений.

Почтенный же отец Алканпери благословил Хатема за его добрые деяния и, призвав всех простых пери и всю знать, устроил пышную свадьбу Алканпери и Тамима Хорезми. Когда свадебные торжества закончились, молодые удалились в покои для новобрачных, и, возведя Алканпери на брачное ложе, Тамим погрузился в блаженство.

Уладив дела Тамима Хорезми, Хатем простился с пери и снова отправился в путь.

По прошествии некоторого времени до слуха его донесся печальный голос:

Как злодеяние назвать того, кто, став рабом желанья,

Причастен к злодеяньям стал и сам погиб от злодеянья?

Хатем тотчас устремился на тот голос и вскоре увидел дерево высотой до небес, на ветвях коего висела большая клеть, а в той клетке сидел седобородый старец. И седобородый старец, сидя в клети, висевшей на ветвях высокого дерева, читал тот бейт.

Обратясь к старцу, Хатем спросил:

— О старец! В чем кроется твоя тайна? Кто посадил тебя в клеть и внушил тебе подобные речи?

— О юноша! — отвечал ему старец. — Участь моя и печальна и горька, однако я сам тому виной. Если ты дашь клятву, выслушав мою историю, помочь мне в беде, то я немедленно тебе о ней поведаю. Ну, а коли нет на то твоего согласия — иди своим путем.

Хатем сказал:

— О старец, как же могу я, видя твое несчастье, покинуть тебя на произвол судьбы?! Клянусь Аллахом всемогущим и единым сделать для тебя все, что ты повелишь!

— Тогда слушай, о юноша. Происхожу я из семьи богатого купца, зовут же меня Хумра. Когда я достиг возраста мужей, мой отец воздвиг для меня город, а сам отправился в далекое путешествие по торговым делам. Я же, легкомысленный и непутевый, пока отца не было, развеял по ветру все его богатство и стал нищим. Тем временем отец мой в пути занемог и переселился в мир иной. Тщетно пытался я отыскать клад, схороненный невесть где моим разумным и бережливым отцом, и по прошествии недолгого времени повстречал одного юношу, кой изъявил согласие мне в том помочь. Однако при сем сказал:

— Клад тот зарыт в таком месте, что тебе его никогда не найти. Мне же ведом секрет отыскания кладов. Если ты согласишься выделить мне четвертую долю, я готов тотчас приступить к делу.

Я, не раздумывая, привел того юношу к себе домой, и он, одному ему ведомым способом, нашел тайник, в коем хранились несметные богатства. Завладев теми богатствами, я отрекся от своего обещания и в ответ на домогательства юноши, надавав ему тумачков, прогнал прочь.

По прошествии двенадцати дней юноша вернулся назад и просил меня позабыть о нашей

размолвке и взять его в услужение, дабы он своим тщанием и преданностью мог вернуть мое благорасположение. Возрадовавшись, что таким легким способом мне удается усмирить врага, я внял его словам и оставил его при себе. И вот в один благоприятный день, обратясь ко мне, юноша молвил:

— Уж не принимаешь ли ты меня за нищего скитальца? Да будет тебе известно, что я наделен чудесной прозорливостью, умею распознавать, где зарыты клады.

— Не можешь ли ты обучить этому искусству меня? — спросил я.

— Нет ничего проще. Надо добыть волшебную сурьму и натереть ею глаза. И ты тотчас обретешь такую способность.

— Где же можно найти ту сурьму? Помогни мне в этом, — попросил я.

— Хорошо, — согласился юноша.

Не мешкая мы отправились на поиски волшебной сурьмы. По прошествии долгого времени в месте пустынном и безлюдном увидели мы большое дерево и уселись под ним отдохнуть. Мой приятель сунул руку за пазуху и достал оттуда пакетик с сурьмой. Как только он потер той сурьмой мои глаза, я тут же ослеп.

— О брат, за что ты причинил мне такое зло? — возроптал я.

— Такова участь всякого, кто поступает недостойно с другими. Если ты хочешь, чтобы глаза твои прозрели, ты должен залезть в эту клеть и, словно ворон, кричать беспрестанно:

Как злодеяние назвать того, кто, став рабом желанья,
Причастен к злодеяньям стал и сам погиб от злодеянья?

Сказав так, он посадил меня в клеть, клеть же повесил на этом дереве и собрался было уйти.

— О юноша! Как ответишь ты перед Аллахом за несправедное деяние? — воскликнул я, и юноша сказал:

— Некогда, обманув меня, ты нарушил клятву, данную Аллаху, и ныне он воздаст тебе за вероломство.

— Прими мое покаяние, и я сдержу свое слово, — взмолился я.

— Сделанного не воротить, — молвил юноша. — Отныне тебе суждено сидеть в этой клети. Со временем сюда явится некий юноша, кой принесет тебе из пустыни снадобье, способное исцелить тебя от слепоты.

— И давно ты здесь обретаешься? — спросил Хатем.

— Ведать не ведаю, — отвечал старец.

— Как же добывал ты себе пропитание? — поинтересовался Хатем.

И старец объяснил:

— Мое пропитание посылал мне творец.

— О несчастный, — сказал Хатем. — Утешь свою душу и умерь печаль.

И Хатем отправился в путь и по прошествии некоторого времени принес из пустыни снадобье и потер им глаза старца. И тогда глаза старца прозрели, и он снова увидел мир.

Исцелив старца, Хатем отправился в обратный путь. Оставив позади много путей и дорог, достиг он города Хуснабада и, придя в караван-сарай, застал там шахзаде и, поведав ему о своих приключениях, велел собираться во дворец малики Хуснбану.

Узнав о возвращении Хатема, малика Хуснбану приказала тотчас доставить его во дворец. Сокрывшись за занавесом, она молвила:

— О Хатем, поведай мне подробно о своих приключениях.

Хатем не мешкая сообщил малике обо всем им увиденном и содеянном.

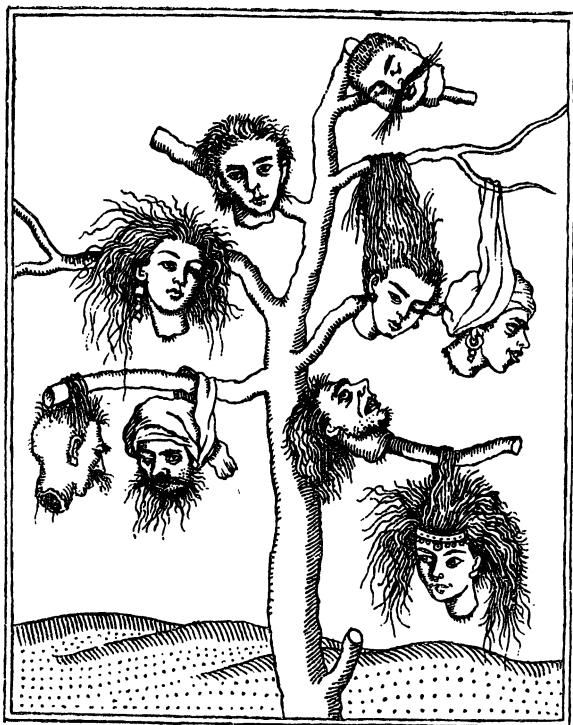
— Все тобою сказанное — истинная правда. — Голос малики звучал одобрительно.

— О лунолика малика, — обратился к ней Хатем, — не будешь ли ты добра загадать мне свою четвертую загадку, дабы я мог немедля отправиться на поиски ответа?

— О Хатем, — отвечала ему малика. — Некто над входом в свой дом написал: «Мир и благополучие всегда сопутствуют тому, кто говорит правду».

Что справедливое свершить ты должен, чтоб спасись от горя,
Что за удачу небеса тебе пошлют за это вскоре?

Тебе, Хатем, надлежит узнать, что означают эти слова и кто именно испытал на себе в награду за справедливое деяние сии блага, ниспосланные всевышним.

Приключение четвертое

Покинув дворец малики, Хатем направился в сторону пустыни. По прошествии некоторого времени достиг он высокой горы, у подножья которой находилось небольшое озерко. Вода в том озерке бурлила, и цветом она была подобна крови. И подумал Хатем: «Никогда еще не видывал я такого дива!» Подумав так, он пошел вдоль берега озерка и увидел высокое-высокое дерево, достигающее вершиной неба. Ствол этого дерева был сплошь покрыт струйками крови,

стекающими в озеро, а ветви увешаны человеческими головами.

Стал Хатем разглядывать эти головы, и ему померещилось, будто те ответили ему улыбкой. На одной ветви дерева увидел он голову женщины столь прекрасную, что сердце его возгорелось небывалой любовью, в душу же закралась горькая печаль. «За что казнили такую красавицу? — подивился Хатем. — Что кроется за всем этим? Надо мне побыть здесь денек-другой, быть может, удастся узнать тайну кровавого дерева».

День провел он в печальных раздумьях, а с наступлением ночи увидел, что все головы упали с ветвей в озеро и пошли ко дну. Вскоре из воды показалась прекрасноликая возлюбленная Хатема. Она вышла на островок, что находился посередине озера, и воссела на шахский трон. Следом за ней появились ее приближенные и прислужницы, головы коих тоже воссоединились с телом, заняли подобающие им места и предались веселью и забавам. Объятый великим трепетом, молча взирал Хатем на чудесное превращение. Когда миновала полночь, служанки таинственной красавицы принесли Хатему угощения и сказали:

— О незнакомец, отведай сих яств, их прислала тебе наша малика.

— Кто вы такие? — спросил Хатем. — И как зовут вашу малику?

— А зачем тебе это знать? — в свою очередь спросили служанки.

Хатем же стоял на своем.

— Покуда вы не ответите на мой вопрос, я не прикоснусь к вашему угощению.

Слуги отправились к малике и обо всем ей доложили.

И малика так распорядилась:

— Ступайте к этому неразумному и передайте, чтобы он сначала поел, только после этого я открою ему свое имя.

— О юный незнакомец, — сообщили они, возвратясь к Хатему, — малика откроет тебе свое имя после того, как ты отведаешь ее угощений.

Хатем поел и, утолив голод, снова подступил к служанкам с расспросами:

— Теперь скажите мне имя вашей малики.

— О юноша, — ответила одна из служанок, — мы скажем тебе это завтра.

Хатем хотел было схватить ее за руку, однако она ловко вывернулась и вместе с прочими нырнула в воду.

Прошла ночь, рассеяв тьму и мрак, солнце озарило мир своим сиянием. Красавица и ее прислужницы исчезли в озере. По прошествии некоторого времени все повторилось сызнова: головы очутились на ветвях и в ответ на изумленные взоры Хатема посылали ему насмешливые улыбки. С наступлением ночи головы снова упали с ветвей в озеро и пошли ко дну.

Вскоре из воды показалась прекрасноликая возлюбленная Хатема. Она вышла на островок и воссела на шахский трон, а все ее прислужницы заняли подобающие им места.

«Нынче, — подумал Хатем, — я должен непременно раскрыть их тайну».

В полночь прислужницы принесли всевозможные яства отменного вкуса, и красавица вместе со своей свитой принялась за трапезу с великим шумом и весельем, а затем повелела отнести угощенье Хатему.

— О таинственные красавицы, — молвил, обратясь к ним, Хатем. — Вы обещали сказать мне, кто вы такие и как зовут вашу госпожу.

— Отведай сих яств, и тогда мы удовлетворим твое любопытство.

— Ну уж нет! — отвечал Хатем. — Нынче вы меня не проведете! — Он снова попытался схватить одну из прислужниц за руку, однако та, ловко ускользнув от него, вместе с другими скрылась под водой.

Хатем, утратив благоразумие, ринулся вслед за ней, и, когда ноги его коснулись дна, он открыл глаза и увидел, что и озеро, и дерево, и красавицы исчезли и он находится в пустыне. И когда Хатем понял, что еще больше отдалился от своей цели,

печали его вернулись и умножились и стал он подобен безумцу. Семь дней и семь ночей провел Хатем без сна и пищи, к исходу же седьмой ночи появился перед ним вездесущий и милосердный пророк Ходжа Хизр. Узрев его, Хатем тотчас бросился ему в ноги, однако тот, подняв Хатема с земли, ласково молвил:

— О славный юноша! Что привело тебя в Пустыню зависти и колдовства?

— О великий, — отвечал ему Хатем, — шел я по одному делу, достиг некоего места, и предстало моим глазам нечто удивительное... — И он рассказал Хизру обо всем увиденном.

— О Хатем! И то озеро, и то дерево заколдованы, и ныне тебя от них отделяет четыреста фарсангов пути.

Услышав такие слова, Хатем принялся горько сетовать на свою несчастную судьбу и, обливаясь горячими слезами, сказал:

— О почтенный Хизр, должно быть, срок моей жизни изошел и мне суждено бесславно погибнуть в этой пустыне.

Спросил Хатема Хизр:

— А каковы твои желания?

— Я хотел бы снова оказаться возле того озера, — отвечал Хатем.

— Тогда закрой глаза и держись за мой посох, — повелел Хизр.

Хатем тотчас зажмурил глаза, взял в руки священный посох Хизра и по прошествии некоторого времени обнаружил, что снова находится на берегу волшебного озера. И снова им овладело любопытство, и, глядя на висящие на ветвях головы, он решил влезть на дерево и снять голову прекраснейшей малики. Однако, едва он коснулся ствола волшебного дерева, как обе его руки приклеились к тому стволу, и Хатем с трудом оторвал их. Он еще раз взялся за ствол, и на сей раз ему удалось добраться до середины дерева, но тут послышался какой-то странный скрип, ствол дерева раздвинулся и стал втягивать Хатема внутрь. Хатем изо всех сил старался высвободиться, однако волшеб-

ная сила дерева была столь велика, что вскоре снаружи осталась только его голова. Утратив всякую надежду на спасение, Хатем безучастно взглянул вниз и увидел неподалеку от себя Ходжу Хизра.

И сказал ему Хизр:

— О юноша! Разве тебе надоела жизнь? Зачем ты обрекаешь себя на подобные муки?

Сказав так, Хизр — да будет благословенно имя его — ударил своим священным посохом по стволу, и дерево тотчас стало мягким, словно воск, и Хизр потянул Хатема за руку и вызволил его из западни. По прошествии некоторого времени Хатем опамятовался и, посмотрев на вершину дерева, где висела голова луноликой малики, залился горячими слезами.

— О Хатем! Почему тебя тревожит судьба этих голов? Ведь ты не в силах освободить их от злых чар!

— О великий Хизр, — отвечал Хатем. — Сердце мое пленила прельстительная малика, голова коей находится на вершине дерева, и она во что бы то ни стало должна принадлежать мне.

— О Хатем, — воскликнул Хизр, — да будет тебе известно, что девушка, завладевшая твоей душой, является дочерью колдуна Сама из рода Ахмар. Все прочие — ее прислужницы. Сам же колдун со своей женой обитают в ста фарсангах пути отсюда, на горе Ахмар.

— О великий, — взмолился Хатем, — скажи, чем провинилась дочь колдуна Ахмара, что он поступил с ней столь жестоко?

И Хизр рассказал ему следующее:

— О Хатем! Некогда дочь Ахмара, обратясь к отцу, молвила: «Дорогой отец! Я достигла брачного возраста. Не выдашь ли ты меня замуж?» Услышав такие слова, колдун Ахмар пришел в неопишемую ярость и с помощью волшебства сделал с ней то, что ты видишь. Он денно и ночью следит за тем, чтобы оставалось все так, как он задумал, и тебе трудно будет, пока он жив, жениться на его дочери.

Уронив голову на грудь, Хатем сказал:

— О великий, теперь мне ясно, что смерть моя неизбежна, ибо я не мыслю себе жизни без моей прекрасной возлюбленной.

И Хизр на это ответил так:

— Ты ошибаешься, Хатем. Судьбой тебе предназначена долгая жизнь. Однако только ты можешь решить — вступать тебе на сей исполненный тревог и опасностей путь или нет. И если ты тверд в своем намерении — решайся.

— О великий, — не задумываясь ответил Хатем. — Жизнь без малики лишена для меня всякого смысла.

Не сверну с пути — к желанной цели я шагать и дальше буду
смело:

Или я соединюсь с любимой, или пусть душа покинет тело.
А когда умру я от страданий, на мою могилу приходи:
Может быть, увидишь пепел сердца, что сгорело у меня
в груди¹.

Задумался Хизр, а потом сказал:

— Не одолеть тебе колдуна Ахмара.

— Если это невозможно, я готов свою участь уподобить участи моей прекрасной возлюбленной, дабы всегда быть с нею рядом.

— А ты не пожалеешь о содеянном? — снова спросил Хизр.

— Другого мне не дано. Таково предначертание всемогущего Аллаха.

Выслушав сии речи, Хизр ударил своим посохом по стволу дерева, и голова Хатема тотчас отделилась от тела и повисла на ветвях. Тело же погрузилось в воду.

— Бедный юноша! И его околдовали злые чары, — тяжело вздохнули головы.

С наступлением ночи головы упали в воду и пошли ко дну. По прошествии некоторого времени на остров вышла прекраснотелая малика и воссела на шахский трон. Все ее приближенные заняли отведенные для них места. Один лишь Хатем, сложив руки на груди, стоял поодаль, не

¹ Эти два бейта заимствованы из газели Хафиза.

спуская глаз со своей возлюбленной. В полночь, когда слуги принесли различные яства и поставили их перед маликой, малика приблизилась к Хатему и, подведя его к трону, усадила рядом с собой. После трапезы малика и Хатем предались любовным утехам. А когда наступил день, все головы снова повисли на ветвях дерева.

Так шли за днями дни, и в судьбе Хатема ничего не менялось. Однако вездесущий и милосердный Хизр вновь появился у волшебного дерева. Сняв своим священным посохом голову Хатема, он произнес таинственное заклинание и возвратил Хатему его прежний облик.

— О Хатем! — молвил он. — Что проку обречь себя на бесплодные мучения? Ведь колдун Ахмар еще молод и силен, и дожидаться, пока изойдет его век, неразумно.

— Коли так, — сказал Хатем, — я уничтожу и его самого и его чары и освобожу мою возлюбленную от страшного заклятья.

— Расправиться с Ахмаром — дело не простое, — продолжал Хизр, — без моей помощи тебе с ним не совладать. Следуй точно моим наставлениям, и тогда ты добьешься желаемого.

Хатем бросился Хизру в ноги и, облобызав перед ним землю, сказал:

— О благородный спаситель! Клянусь Аллахом, что без твоего ведома и шагу не ступлю.

— Да будет так. Я обучу тебя заклинаниям, однако, произнося их, ты должен выполнять все в точности, как я тебе велю. — И, научив Хатема заклинаниям и объяснив, что надо делать, произнося их, Хизр исчез.

Хатем же отправился к горе Ахмар.

По прошествии долгого времени достиг он подножья какой-то горы и увидел, что она вся поросла яркими тюльпанами. Хатем поднялся на вершину и вознамерился было идти дальше, однако ноги его беспомощно топтались на месте. «Что за диво? — изумился Хатем. — Какая колдовская сила завладела мной?» Подумал так Хатем и понял, что это и есть гора Ахмар.

И он тотчас произнес известное ему заклинание, и колдовская сила отступила, и он отправился дальше и увидел горный родник. Только он приблизился к тому роднику и вознамерился было омыться холодной водой, как его окружили странные звери, готовые ринуться на него в любую минуту. Однако Хатем припомнил нужное заклинание, и хищники отступили и разбежались кто куда.

Между тем колдуну Саму Ахмару издавна было известно, что со временем в его владениях появится смелый и решительный юноша по имени Хатем, кой призван разрушить его злые чары, а самого его лишить жизни.

Обратясь к книге предсказаний, колдун Ахмар узнал, что Хатем уже пришел и находится неподалеку от горного родника. «Что привело этого смутьяна в наши пределы?» — недоумевал он. Заглянув снова в книгу предсказаний, Ахмар прочел в ней, что Хатем полюбил его дочь и явился с намерением его убить и, прибегнув к заклинаниям, коим обучил его пророк Хизр, разрушить его злые чары.

Ахмар не мешкая стал делать все возможное, дабы обезопасить себя от заклинаний Хатема. По прошествии некоторого времени он подослал к Хатему нескольких служанок, обратив их в красавиц-пери, и главной среди них назначил обращенную в свою дочь — малику Зарринпуш. Приблизившись к Хатему, обращенная в малику протянула ему кувшин с вином, и, как только он отведал того вина, мир сокрылся от его глаз. Тогда мнимая малика, приняв образ черного дива, связала руки и ноги Хатема и отнесла его к колдуну Ахмару.

Взглянув на Хатема, колдун изрек:

— Ничего не скажешь — пригожий юноша. Убивать подобного, по правде говоря, жаль. Только делать нечего: не я его, так он меня порешит. — И он приказал слугам бросить Хатема

в огненный колодец. Когда Хатем оказался на дне того колодца, он взял в рот ожерелье пери, и огонь тотчас от него отступил. Ахмар снова обратился к книге предсказаний и, узнав, что Хатем остался в живых, потому что держит во рту ожерелье пери, решил во что бы то ни стало это ожерелье заполучить.

— Приведите Хатема, — повелел он. Сам же подумал: «Если отнять у Хатема ожерелье пери силой, то оно утратит волшебные свойства. Надо сделать так, чтобы он отдал его по доброй воле». И колдун приказал слугам бросить Хатема возле огненного колодца и, обернувшись красавицами-пери, попытаться заполучить у него волшебное ожерелье.

Так они и поступили. Вскоре со стороны сада к Хатему приблизились несколько прекраснотеликих пери, и обращенная в малику Зарринпуш, выйдя вперед, молвила:

— О мой любимый! Какое счастье, что ты остался цел и невредим. Мой злой отец, увидев меня рядом с тобой, повелел черному диву бросить тебя в огненный колодец. Однако Аллах внял моим молитвам и спас тебя от пламени. Ныне, дабы не навлечь гнев моего отца, я буду любоваться тобой издали.

Сказав это, она присела в отдалении, однако Хатем протянул к ней руку и попросил ее подойти поближе.

— Скажи, Хатем, сколь сильна твоя любовь ко мне? — спросила малика.

— О любимая! — отвечал Хатем. — Я люблю тебя больше жизни!

— А согласишься ли ты отдать мне одну вещь? — снова спросила мнимая малика.

— Не только вещи, но и души своей я для тебя не пожалею, — не задумываясь ответил Хатем.

Тогда пери, принявшая облик малики, сказала:

— Я слышала, есть у тебя волшебное ожерелье. Дай его мне, и мой отец разрешит нам соединиться.

Хатем вознамерился было вручить маликѣ ожерелье пери, как вдруг послышался гневный голос пророка Хизра:

— О неразумный! Не выпускай ожерелья из рук, не то не быть тебе в живых!

— Кто ты, — вскричал Хатем, — и по какому праву помыкаешь мною?

— Я тот, — отвечал таинственный голос, — кто научил тебя всесильным заклинаниям. Да будет тебе известно, что под обликом малики скрывается черный див. Малика Зарринпуш заколдована своим отцом — Самом Ахмаром. Ты должен действовать, а волшебное ожерелье пери никогда никому не отдавай. Читай беспрестанно заклинанья, кои способны извести злого Ахмара. Да поможет тебе Аллах в деле твоём, — сказал Хизр и тотчас сам предстал перед Хатемом.

Бросившись ему в ноги, Хатем поверг к стопам Хизра слова любви и благодарности. Затем он совершил омовение родниковой водой и принялся читать всесильные заклинания. И слуги Ахмара, обращенные в красавиц-пери, затряслись, словно в лихорадке, застучали зубами. После же они вспыхнули, словно хворост, и на глазах у Хатема превратились в пепел.

Внезапно Хатема сморил сон. И ему приснилось, будто колдун Ахмар отправился к дьяволу и пожаловался, что Хатем, прочитав всесильное заклинание, разрушил его злые чары.

И дьявол сделал так, что Хатему почудилось во сне, будто он находится в объятиях красавицы Зарринпуш, и, когда Хатем пробудился ото сна, он, не совершив омовения, не мог читать всесильные заклинания.

Между тем колдун Ахмар не унимался. Он наслал на Хатема огромного дива, и, увидев того дива, Хатем подумал:

«Ведь я после сна еще не совершил омовения, и мне Аллахом не дозволено читать заклинания. Теперь Ахмар легко меня одолеет».

Тем временем огромный див, схватив Хатема за руку, притащил его к колдуну Ахмару, и тот

приказал надеть на руки и ноги Хатема колодки, придавить его огромным камнем и так его оставить до той поры, пока он не запросит пощады и добровольно отдаст волшебное ожерелье пери. Так пролежал Хатем семь дней и семь ночей. На исходе седьмой ночи слуги Ахмара спросили:

— Эй, строптивый! Не надумал ли ты отдать свое ожерелье?

Хатем молчал.

— Слышишь ты нас? Давай ожерелье, и мы избавим тебя от мук. Неужто ожерелье тебе дороже жизни?

— Ступайте к Саму Ахмару, — отвечал Хатем, — и передайте, что он получит мое ожерелье только в том случае, если отдаст мне свою дочь.

Вознегодовал Ахмар, услышав такие слова. Приблизился он к Хатему и с ненавистью сказал:

— Ну что ж — воля твоя. Ты сам накликаешь на себя беду. Эй, слуги, — повелел он, — бейте его, забрасывайте камнями!

Слуги тотчас принялись швырять в Хатема камнями, однако те пролетали мимо, так и не задев его. Вскоре вокруг Хатема выросла целая гора из камней, и все думали, что Хатем уже мертв. Однако Сам Ахмар знал силу волшебного ожерелья и понимал, что Хатем жив и невредим. И он повелел слугам откопать Хатема, дабы те убедились в его правоте. Когда же слуги убедились в правоте Сама Ахмара, они стали с еще большим усердием швырять камни в несчастного. И гора сделалась вдвое выше прежней, однако Хатем по-прежнему был цел. Тогда его снова придавили большим камнем, Ахмар же тем временем продолжал вершить злое колдовство.

По прошествии некоторого времени, обратясь к слугам Ахмара, Хатем сказал:

— Никакие ваши козни мне не страшны, ибо волшебное ожерелье спасло меня и от огненного колодца и от камней. Никакое колдовство злого Ахмара не возьмет того, кто владеет этим ожерельем, но не всякому, вознамерившемуся извести

Сама Ахмара и завладеть его царством, оно поможет. Я готов отдать волшебное ожерелье тому, кто доставит меня к роднику.

— Не нужно нам твое ожерелье! — отвечали слуги Ахмара.

Лишь один из них, сидевший поблизости от Хатема, хитро подмигнул ему и шепнул, что с наступлением ночи придет ему на помощь.

Когда миновала полночь и слуги, караулившие Хатема, заснули, один из них потихоньку приблизился к Хатему и сказал:

— О юноша, поклянись, что сдержишь свое слово, и я готов отнести тебя к роднику.

— Как же ты один вызволишь меня из-под этого огромного камня? — засомневался Хатем.

— Не волнуйся, — отвечал тот, — я подниму его с помощью колдовства.

Он тотчас принялся читать заклинание, и невесть откуда появились два черных дива и легко откинули тот камень. Хатем поднялся с места и вместе со своим избавителем, коего именовали Сармаком, отправился к роднику. Когда они пришли к роднику, Хатем совершил омовение и, обратясь к Сармаку, сказал:

— Чем могу я тебе воздать за твою услугу?

— Отдай мне волшебное ожерелье. Я ведь поступил противно воле Ахмара и должен опасаться его мести.

Хатем стал его успокаивать:

— О друг, не тревожься. Коли на то будет благосклонность Аллаха, я убью Ахмара, а тебя сделаю властелином его шахства.

— Не нужно мне шахство. Я хочу получить твое ожерелье.

— О неразумный, — сказал Хатем. — Для чего тебе мое ожерелье? Оно мне дорого как память друга, и я не могу с ним расстаться.

— Я хочу получить его для Сама Ахмара.

— Если бы ты просил его для какого-нибудь доброго дела, я бы тебе его отдал. Но что побуждает тебя поступиться им ради этого злого колдуна?

— Наш творец — великий колдун, коий является наставником самого Сама Ахмара, и никого могущественнее и выше его нет на свете!

— Эй, негодный, — возмутился Хатем, — как смеешь ты считать творцом того, кто сам сотворен Аллахом!

— Теперь мне ясно, — сказал Сармак, — что по доброй воле ты ожерелья не отдашь. Сейчас я утоплю тебя в этом роднике, и тогда все равно ожерелье станет моим.

— Мне ведомо заклинание, — отвечал Хатем, — с помощью которого я могу тебя извести. Однако ты выручил меня из беды, и я не хочу платить злом за добро. Потерпи немного — я назначу тебя шахом страны колдунов.

Тут Хатем стал читать всесильное заклинание, и Сармак затрясся, словно в лихорадке, и сломя голову умчался прочь. Вернувшись к своим приспешникам, он улегся рядом с ними и как ни в чем не бывало заснул.

С наступлением утра слуги Ахмара, пробудившись ото сна, увидели, что Хатем исчез. В страхе и отчаянии стали они посыпать свои головы пеплом, а затем, придя к Ахмару, сообщили ему печальную весть.

Эта весть повергла Ахмара в отчаяние. Обратившись к книге предсказаний, он узнал, что Хатема вызволил из-под камня Сармак.

— О неверный! — в ярости вскричал Ахмар. — Ты подарил свою жизнь Хатему, ибо отныне обречен на гибель!

Испугавшись гнева Ахмара, Сармак подумал-подумал и решил, что лучше ему вернуться к Хатему и просить его заступничества.

И он пришел к Хатему и поведал ему обо всем случившемся, и Хатем сказал:

— Успокойся, Сармак, я тебя не покину в беде.

Между тем Сам Ахмар, увидев, что Сармак от него убежал, стал читать заклинание, дабы его извести.

— О Хатем, я горю! — закричал Сармак, устранившись.

Хатем тотчас произнес свое всеильное заклинание, и колдовское пламя Ахмара отступило.

— О благородный Хатем! — молвил, согнувшись в почтительном поклоне, Сармак. — Отныне моя судьба в твоих руках, ибо ты уберег меня от мести Ахмара.

— Пойдем со мной в обиталище Ахмара. Я постараюсь его изгнать и возвести тебя на шахский трон.

Узнав о приближении Хатема, Сам Ахмар со своей свитой поспешно оставил город. Под действием заклинаний, посылаемых им в адрес Хатема, над городом разразилась страшная гроза. От сверкания молний и раскатов грома все сотрясалось вокруг.

— О Хатем, — сказал Сармак, — все эти страсти наслал на нас колдун Ахмар. Берегись!

Хатем тотчас принялся читать свое всеильное заклинание, и стрелы молнии обратились в сторону злого колдуна. Тогда Ахмар волею своего могущества сделал так, что обломилась вершина горы, дабы раздавить Хатема.

Однако Сармак следил за кознями злого колдуна и предупреждал о них Хатема. Тот же, обратив заклинание на Ахмара, расколол вершину. Осколки обрушились на головы приспешников Ахмара и погребли их под собой. Между тем камень, предназначенный для Ахмара, пролетел мимо, не задев его. Едва завидев, что Хатем к нему приближается, он стал читать заклинание, коим наслал на Хатема четырех драконов. Тут Хатем повернул их в сторону Ахмара, и тот едва унес ноги. А тем временем драконы уничтожили еще множество слуг колдуна.

Так все злые чары Ахмара, направленные на Хатема, оборачивались против него самого. В конце концов из двенадцати тысяч приспешников Ахмара в живых осталось только три тысячи. Пришли они к Саму Ахмару и сказали:

— О предводитель! Хатем — великий и неустрашимый колдун. По нашему разумению, лучше оставить его в покое.

— Презренные трусы! — заорал Ахмар. — Так-то вы платите мне за мою доброту! Ведь очень скоро этот безумец окажется в моих руках!

— Этому никогда не бывать! — отвечали они и, не слушая более уговоров Ахмара, стали разбегаться в разные стороны.

Увидел Ахмар, что ему с ними не совладать, и принялся читать новое заклинание, коим превратил их в деревья. Оставшись в одиночестве, он подумал, что и вправду Хатема не берет никакое колдовство, и, подумав так, улетел.

— Куда девался Ахмар? — спросил у Сармака Хатем.

— Он отправился к Камаллаку — великому колдуну, своему наставнику, — отвечал тот.

— Значит, с ним все еще не покончено. Но я не успокоюсь, покуда Ахмар не угодит в мои руки.

— Ныне Ахмара можно найти только у великого колдуна, ибо в других местах ему делать нечего.

— А далеко обитает великий колдун?

— Далеко-далеко на горе. Камаллак сам сотворил и гору, и небосвод над ней, на коем светятся созданные им и луна, и солнце, и звезды. Город же, воздвигнутый на той горе, велик, и живет в нем тридцать тысяч колдунов, — пояснил Сармак и, помолчав, добавил: — Отныне я утратил веру в чудодейственную силу Ахмара. Твои заклинания всесильны, и колдунам тебя не одолеть. Прошу тебя — прими меня в услужение, я стану следовать за тобой повсюду.

— Скажи, а куда подевались все люди Ахмара? — спросил Хатем.

— Всех своих приближенных за непослушание он обратил в деревья, и сия печальная участь суждена им до самого Судного дня. Если ты сумеешь расколдовать их, то они, подобно мне, станут твоими верными слугами.

— Принеси пиалу с водой, — повелел Хатем Сармаку.

Когда Сармак принес пиалу с водой, Хатем прочел над ней заклинание и, возвратив ее Сармаку, сказал:

— Окропи этой водой все деревья.

И Сармак окропил волшебной водой заколдованных слуг Ахмара, и они тотчас ожили.

— А где Ахмар? — спросили они у Сармака.

— Он обратил вас в деревья, сам же скрылся, — сказал Сармак. — Наверное, отправился за подмогой к своему наставнику — колдуну Камаллаку. Поведайте нам, что испытывали вы, пребывая в облике деревьев.

— Мы одеревенели, — отвечали те, — и не было у нас сил двигаться, и все наше тело затекло и испытывало тяжкие-претяжкие муки. Да будет благословен юноша, освободивший нас от злых чар Ахмара. Если он пожелает, мы готовы служить ему верой и правдой. — И они бросились в ноги Хатему и, облобызав перед ним землю, не уставали воздавать ему звонкоголосые хвалы.

По прошествии некоторого времени они сказали:

— О наш господин! Каковы ныне твои помыслы? Почему ты столь неустанно преследуешь колдуна Ахмара?

И Хатем рассказал следующее:

— Не так давно в Пустыне зависти и колдовства увидел я дочь Сама Ахмара малику Зарринпуш, и сердце мое вспылало любовью к ней. Много мук и страданий довелось мне пережить, разыскивая ее. Однако злой Ахмар пустил в ход все свое колдовское могущество, дабы нас разлучить, а меня извести. Ныне я решил во что бы то ни стало его изловить и вынудить отдать мне свою дочь.

— О Хатем! Да будет ведомо тебе, что его наставник Камаллак — великий колдун, и одолеть его еще труднее, нежели Ахмара.

— О братья, я никого не неволю. Если хотите, пойдемте со мной, не желаете — оставайтесь здесь. А уж как мне поступать — я и сам знаю.

— О благородный Хатем. Ты выручил нас из беды, и преданность наша тебе не имеет предела. Мы не покинем тебя ни в радости, ни в горе. Если ты сумеешь отвратить злые чары Камаллака и Ахмара — сие будет нашей общей удачей, если же нет — мы готовы принять смерть вместе с тобой.

— Коли так, собирайтесь в путь, — повелел Хатем.

И прежние приспешники Ахмара вместе с Хатемом отправились к горе, где обитал Камаллак. Шли они без отдыха много дней и увидели наконец прекрасное озеро. Снедаемые жаждой, они принялись жадно пить воду, вода же мало-помалу их затапливала.

Увидев, что вода уже поднялась по пояс, Хатем удивленно воскликнул:

— О друзья, что с нами происходит?

Однако те оставались безмолвными.

Хатем тотчас догадался, что тут не обошлось без колдовства Ахмара. И он начал читать все-ильное заклинание, и вода постепенно стала убывать, и вскоре все околдованные снова обрели дар речи.

Затем Хатем решил, что озеро освободилось от злых чар Ахмара, и повелел одному из своих спутников напиться из того озера. Убедившись в своей правоте, Хатем позволил всем испить воды и искупаться, и столь бодрыми и отдохнувшими почувствовали они себя, что решимость их удесятерилась.

И они сказали Хатему:

— О доблестный Хатем! Ныне ты убедишься, что мы способны на чудеса, о коих Ахмар и не подозревал.

Сказав так, они снова двинулись в путь.

Узнав из книги предсказаний об их приближении, Ахмар тотчас прибежал к Камаллаку.

— Что случилось, Ахмар? — спросил Камаллак. — Какая беда привела тебя ко мне?

— О наставник, — отвечал Ахмар, — в мои владения пришел человек по имени Хатем. Он

развевал все мои злые чары, убил большинство моих подданных, остальных же обратил в своих слуг.

Взъярился Камаллак и закричал:

— Подлый негодяй! Не тревожься, Ахмар, я захвачу его и приведу к тебе.

И Камаллак принялся читать заклинание, дабы отвести Хатема от своего обиталища. И тотчас же вокруг его города выросла высоченная стена, на которой бушевали языки пламени.

Когда же по прошествии пяти дней Хатем достиг горы, где обитал Камаллак, и увидел огромную огненную стену, он направил против пламени свое заклинание, и пламя тотчас исчезло.

И слуги немедля донесли Камаллаку, что у подножья горы стоит некий юноша, разрушивший огненную стену.

Тогда Камаллак прибегнул к другому заклинанию, и на прищельцев хлынула огромная река, грозя обрушить на них свои бурные волны.

— О господин, берегись, — закричали, утрашившись, спутники Хатема, — на нас мчится заколдованная река!

Хатем тотчас прочел свое заклинание, и бурная река направилась в сторону Камаллака.

Камаллак же, увидев, что его колдовство обернулось против него, прочел заклинание, и река вовсе исчезла.

— О великий наставник, — сказал Ахмар, — Хатем сейчас будет здесь.

Камаллак немедля низверг на головы противников огромные каменные глыбы. Хатем же устроил так, что камни падали, не причиняя им никакого вреда. А так как падали эти камни весь день и всю ночь, то образовалась целая стена из камней, и она загородила от них гору Камаллака. Когда же волею Хатема каменная стена исчезла, оказалось, что нет ни горы Камаллака, ни самого хозяина.

И тогда слуги Хатема сказали:

— О Хатем, Камаллак сделал свою гору невидимой.

По прошествии трех дней Хатем преодолел волшебство Камаллака, гора возникла вновь, и, увидев, что Хатем уже достиг вершины, слуги Камаллака всполошились:

— О властелин! Тот юноша поднялся на нашу гору!

Поняв, что ему не одолеть Хатема, Камаллак создал огромный небосвод и, вознесшись на него, укрылся там вместе со всеми своими приближенными.

Между тем Хатем проник через городские ворота в город и увидел, что там наготовлено много разнообразных яств, и тотчас вместе со своими друзьями принялся за трапезу.

И у каждого, кто прикоснулся к этой еде, хлынула носом кровь.

И Хатем понял, что все угощения заколдованы Камаллаком. Он прочитал свое всеильное заклинание, расколдовал яства, и друзья Хатема смогли утолить голод.

— А где же созданный Камаллаком небосвод? — спросил немного погодя Хатем.

— Взгляни наверх, — отвечали ему друзья. — Все эти плывущие в вышине облака и есть созданный Камаллаком небосвод.

И Хатем снова совершил омовение и опять прочел заклинание. И небосвод Камаллака тут же распался на части, все его приспешники свалились с неба на землю и возвернули свои души всемогущему Аллаху, кой отправил их в ад.

Камаллак и Ахмар пустили в ход свои чары и куда-то бесследно исчезли.

Хатем же, увидев, что нет их среди низвергнутых, бросился за ними в погоню и, прибегнув к всеильному заклинанию, сжег Камаллака дотла.

А Сама Ахмара сбросил с высокой горы, и тот превратился в прах.

Хатем вознес Аллаху благодарственную молитву, и все его друзья кинулись ему в ноги, славя его доброту и могущество. И, оборотясь к Сармаку, Хатем сказал:

— Послушай, Сармак. Я назначаю тебя шахом сей стороны. Однако обещай, что ты не станешь чинить зла рабам Аллаха, а будешь править столь мудро и справедливо, что снискаешь приязнь своих верноподданных.

— А вы, — сказал он друзьям, — должны служить Сармаку верой и правдой и быть покорны каждому его слову.

— Слушаем и повинуемся! — отвечали те.

И еще сказал Хатем:

— А теперь я отправляюсь в страну малики Зарринпуш.

— О господин, мы готовы следовать за тобой.

— Нет, друзья, оставьте меня одного.

— О благородный, твоя воля для нас закон.

Простившись с Сармаком и его подданными, Хатем покинул гору Камаллака. По прошествии нескольких дней он достиг того места, где некогда было волшебное озерко и на берегу росло волшебное дерево. Оглядевшись по сторонам, он увидел, что озерко исчезло, а на его месте выросло большое селение, огражденное красивой стеклянной стеной. Волшебное же дерево оставалось на прежнем месте, однако оно покрылось пышной зеленой листвой. На страже у городских ворот стояли красавицы, головы коих некогда висели на ветвях.

Увидев Хатема, они спросили:

— Кто ты такой и откуда к нам пожаловал?

— Я тот юноша, — отвечал Хатем, — который в былые времена по собственной воле делил с вами печальную судьбу. Ступайте к малике Зарринпуш и передайте ей мой поклон. У меня есть для нее много добрых вестей.

Одна из прислужниц немедленно пошла к малике и сказала, что в их селение вернулся прекраснотелый юноша и просит напомнить о нем малике Зарринпуш.

Малика погрузилась в глубокое раздумье, а потом, подняв голову, повелела:

— Пойди к нему и узнай, где ныне мой отец.

— Я сам поведаю обо всем малике, — отвечал Хатем на вопрос прислужницы.

И малика приказала привести Хатема в ее покои.

Когда Хатем взглянул на свою прельстительную возлюбленную, в глазах у него помутилось, и он упал без чувств. После же, опамятававшись, увидел, что малика стоит у его изголовья.

Сердце Хатема радостно забилося, и он подумал: «Любит меня, раз обо мне тревожится».

Когда к Хатему вернулось сознание, малика воссела на трон и повелела слугам принести для него золотой курси.

Хатем уселся неподалеку от трона на золотом курси, и малика, обратясь к нему, ласково молвила:

— А теперь, о благородный, поведай нам о своих приключениях.

И Хатем тотчас рассказал малике обо всем, что приключилось с ним и с отцом малики, Самом Ахмаром, и в заключение сказал:

— О чарующая мир малика, все эти муки и страдания я принял для того, чтобы снискать твое благорасположение. Да пребудет мое, плененное тобою сердце в завитках твоих благоухающих волос! В этом — все мечты и чаяния твоего покорного раба.

— О наша госпожа! — сказали слуги малики. — Хатем претерпел из-за тебя столько мук и страданий, что ты не можешь остаться безучастной к его мольбам. Ведь отныне не существует преграды, возбраняющей тебе стать женой возлюбленного тобой человека, ибо твой жестокий отец, покинув сей мир, отправился в преисподнюю.

Услышав такие слова, малика встала с трона и, придя на женскую половину, сокрыла лицо свое кисеей.

Хатем несказанно возрадовался, ибо сие означало, что малика Зарринпуш изъявила согласие стать его женой. И тотчас были принесены всевозможные угощения отменного вкуса, и началось

всеобщее веселье. А на седьмой день свадебного пира, по обычаю отцов и дедов, Хатема и малику провозгласили мужем и женой.

Так сбылась мечта Хатема и малики Зарринпуш.

Однако недолго предавались молодые любовным наслаждениям. Среди забав и утех Хатем вспомнил о шахзаде Мунире и, встревоженный, покинул брачное ложе.

Удивилась малика и с грустью подумала: «Чем не угодила я ему? Почему именно сейчас, когда судьба нас соединила, он хочет меня покинуть? Может быть, другая завладела его сердцем?»

Чем ближе мгновение соединенья влюбленных,
Тем жарче пылает огонь их сердец раскаленных.

Но Хатем понял тревогу своей возлюбленной и, шадя ее покой, тотчас поведал ей обо всем, что было связано с шахзаде Муниром и маликой Хуснбану.

— О пленяющая сердце, — молвил он, — умерь печаль свою и смятение души! Нет у меня никаких дурных помыслов. Я пришел в ваши края по делу шахзаде Мунира и ныне вспомнил, что он давным-давно ждет моего возвращения. Мне удалось добыть ответы на три вопроса Хуснбану, а ответ на четвертый таится в окрестностях Кульзума.

— Как же я останусь без тебя? — принялась роптать малика.

— О любимая, — утешал ее Хатем, — я отвезу тебя в свои родные края и вверю попечению моих родителей, а после отправлюсь дальше.

Семь дней и семь ночей снаряжались они в путь. Хатем проводил малику и ее луноликих прислужниц до Йемена, сам же, простившись с ними, отправился дальше.

* * *

По прошествии нескольких дней, оставив позади много путей и дорог, достиг он окрестностей Кульзума и спросил у людей, кому принадлежит

изречение: «Мир и благополучие всегда сопутствуют тому, кто говорит правду».

— В трех фарсангах пути отсюда, — отвечали люди, — находится крепость Курм, и обитает в ней некий благочестивый старец. На воротах же той крепости написаны сии слова.

Выслушал их Хатем и пошел по указанному пути. Вскоре он пришел к крепости Курм и увидел, что на воротах ее написано:

«Мир и благополучие всегда сопутствуют тому, кто говорит правду».

Что справедливое свершить ты должен, чтоб спастись от горя, Что за удачу небеса тебе пошлют за это вскоре?

Придя во внутренние покои дворца, Хатем застал благородного старца восседающим на шахском троне. Едва завидев его, Хатем согнулся в почтительном поклоне, а тот ответил ему подобающим образом и, поднявшись со своего места, пошел навстречу Хатему, обнял его и усадил рядом с собой. И спросил у него старец:

— О сын мой! Кто ты такой и что привело тебя в столь отдаленные края, куда испокон веков не ступала нога чужестранца?

Хатем тотчас поведал ему о своих приключениях и о шахзаде Мунире, и благородный старец благословил Хатема за его добрые дела.

— О благородный отец! — молвил Хатем. — Слышал я, будто жизнь твоя была нелегкой и ты обитаешь в сем городе со времени его основания. Отчего же у тебя нет ни единого седого волоса?

— Ты ошибаешься, юноша. Город сей воздвигнут семьсот лет тому назад, мой же возраст намного больше. А история моя такова. В юности я увлекался азартными играми, проводил за ними дни и ночи. Однажды я спустил все, что у меня было, и, предавшись отчаянию, решил кого-нибудь ограбить. С наступлением темноты я вышел из дому, однако меня тут же одолели сомнения. «Что пользы грабить бедных, — подумал я, — и грех на душу возьму, и толку не добьюсь. Уж лучше сразу нацелиться на богатства шаха».

Приблизившись к шахскому дворцу, я закинул на стену веревочную лестницу, поднялся по ней вверх и очутился в покоях шахской дочери. На богато убранном ложе мирно спала прекрасная малика, а неподалеку от нее — ее прислужницы. На шее у малики красовалась огромная сверкающая жемчужина. Я потихоньку снял с нее эту жемчужину и никем не замеченный покинул шахский дворец. Вскоро я увидел нескольких грабителей, деливших между собой добычу. Заметив меня, они всполошились и стали допытываться, кто я такой.

Я подумал, что лучше мне не таиться, и сказал им всю правду. И только они захотели отнять у меня жемчужину, как вдруг раздался оглушительный окрик, коего они до смерти испугались и, побросав все уворованное, разбежались в разные стороны. Я же растерянно стоял на месте.

Тут появился некий человек и спросил:

— Кто ты такой? Поведай мне свою историю.

И я рассказал ему все, как было, и этот человек сказал:

— За то, что ты не сокрыл от меня истину, я тебя отпускаю. Только послушай моего совета: брось игру в карты — не то тебя ждет беда. Если же ты внемлешь моим наставлениям, то во здравии и благоденствии проживешь еще семьсот лет.

Я возблагодарил моего спасителя и дал обет немедленно покончить со своим прошлым.

Взяв брошенные грабителями вещи, я привез их домой, продал их и на вырученные деньги воздвиг этот дворец. Соседи мои — недруги и завистники, тотчас донесли миршабу, что, мол, был я человеком нищим и разбогатеть мог только нечестным путем.

Когда меня привели к миршабу, он спросил:

— Откуда взялось у тебя подобное богатство?

Я чистосердечно признался ему во всех своих прегрешениях и рассказал о встрече со спасителем. Выслушав мою историю, миршаб немало удивился и проводил меня к шаху, где я слово в слово

повторил свой рассказ и поверг к стопам владыки мольбу о прощении.

— Честность и отвага твои поистине велики! — молвил шах. — Никогда доселе не доводилось мне встречать человека, столь правдивого и бесстрашного.

Шах изъявил ко мне благосклонность и повелел отпустить. Вот уже сотни лет живу я во здравии и благоденствии, и с той поры на моих воротах красуются слова: «Мир и благополучие всегда сопутствуют тому, кто говорит правду». И в жизни я положил себе за правило никогда не отступать от истины.

Несколько дней провел Хатем у гостеприимного хозяина. После же, поблагодарив за заботу и радушие и испросив его соизволения, отправился в пустыню. По пути ему вспомнилась малика Зарринпуш, и, снедаемый тоской по любимой, решил он ее навестить.

Неподалеку от Йемена Хатема стала одолевать нестерпимая жажда, и он отправился к роднику, намереваясь испить воды. Подошел он к роднику и тут увидел самку и самца бутемар, кои вели между собой разговор.

— О дорогой, — сказала самка, — как можешь ты оставить меня в одиночестве ради какого-то постороннего дела? Не огорчай меня — откажись от своей затеи.

— О неразумная, — отвечал ей самец, — и не пытайся меня отговаривать. Благородное дело для меня превыше всего на свете. Ты же толкуешь так, словно в тебя вселился сатанинский дух. Лучше послушай одну притчу.

Жил-был в некоем городе молодой шах. Отправился он однажды на охоту, только охота его не удалась, да к тому же он отстал от своей свиты и затерялся в пустыне. Грустный и опечаленный ехал он наугад и вдруг увидел прекрасный сад, в коем высился великолепный дворец, а неподалеку от того дворца находился большой пруд. Шах притомился в дороге и прилег на берегу отдохнуть. Погрузив руку в воду, он наткнулся на

толстую цепь. Потянул за нее и вытащил кованый сундук, к ручке которого был привязан ключ. Когда шах отпер сундук, взору его предстала молодая луноликая красавица.

— О юноша, — молвила она, взглянув на удивленного шаха. — Не пугайся. Я такой же человек, как и ты.

Сказав это, она вышла из сундука и направилась к своему дворцу. По прошествии некоторого времени она вернулась с кувшином вина и кебабом. Усадив шаха рядом с собой, она принялась его угощать.

Когда шах понял, что он никогда не видывал ей равных по красоте и прелести, он обвинил ее стан рукой, привлек к себе и принялся осыпать ее лицо поцелуями. Насладившись же любовью прелестительной красавицы, шах опамятовался и, сняв с пальца перстень, украшенный дорогим алмазом, протянул его своей возлюбленной.

— О красавица, — молвил он. — Меня привела к тебе добрая судьба. Я охотился здесь со своими приближенными, отстал от них и заблудился в пустыне. Ныне я отправлюсь на их поиски. Пусть мой перстень останется у тебя в залог того, что я вскоре вернусь.

Услышав слова шаха, красавица рассмеялась, достала бумажный сверток и высыпала из него множество драгоценных перстней.

— О шах, — сказала, обратясь к нему, красавица. — Муж мой служит сборщиком пошлин и с утра до позднего вечера не бывает дома. А так как он очень ревнив, то прячет меня в этот сундук. В нашем дворце побывали чуть ли не семьсот шахов, эмиров и купцов. И каждый из них предавался со мной любовным утехам, и все они, подобно тебе, в знак благодарности дарили мне по перстню. Однако же и перстни тоже забываются.

Выслушал шах ее речи, снова посадил ее в сундук, запер на замок и опустил в воду. Сам же не мешкая отправился в путь. По прошествии некоторого времени он вернулся домой, воссел на свой трон и распорядился немедленно отпустить всех

стражей своего дворца по домам, а всех женщин предоставил воле Аллаха.

Узнав об этом, визири всполошились.

— О шах, — спросили они, — в чем провинилась стража? За что ты прогнал ее из дворца?

Шах поведал им обо всем, что приключилось с ним, и, выслушав его, визири молвили:

— О повелитель! В том, что ты нам рассказал, содержится лишь доля истины. Ибо даже если женщины неисправимо грешны, стража являет собой свидетельство силы и могущества властелина.

Согласившись со своими визирями, шах тотчас же вернул хаджибов.

— Женская половина живых существ, — продолжал самец-бутемар, — испокон веков таит в себе обман и коварство. Даже исполненный благих намерений Хатем, коий ради счастья шахзаде Мунира претерпел столько мучений, поддался чарам малики Зарринпуш и свернул с пути праведного.

Когда Хатем услышал эти слова, он решительно поднялся с места и направился в Хуснабад.

Оставив позади много путей и дорог, пришел он во дворец малики Хуснбану, и та его спросила:

— О Хатем! Долго же ты на сей раз был в странствиях! Добыл ли ты ответ на мою загадку? Расскажи обо всем, что с тобой приключилось.

И когда Хатем поведал малике Хуснбану о своих приключениях и о том, как он попал в крепость Курм, и о благородном старце, коему давно минуло семьсот лет, и о его благочестивой жизни, малика ласково молвила:

— О Хатем, ты сказал мне сущую правду, — и тотчас повелела подать ему прекраснейшие угощения.

Слуги принесли разные кушанья и поставили их перед Хатемом, и Хатем спросил:

— О лунолика я малика! Не позволишь ли ты мне взять эти яства в караван-сарай, дабы я смог разделить трапезу с шахзаде Муниром?

По приказанию малики слуги исполнили просьбу Хатема, и, сидя за одним дастарханом с шахзаде Муниром, Хатем рассказал ему о своих приключениях.

По прошествии семи дней и семи ночей Хатем снова пришел к малике Хуснбану и сказал:

— О лунолика! Не будешь ли ты милостива загадать мне свою пятую загадку?

— Слушай, Хатем! Сказывают, будто есть на свете говорящая гора. Где она находится и что изрекает? Ты должен узнать об этом все доподлинно.

Выйдя от малики Хуснбану, Хатем вернулся в караван-сарай и нашел шахзаде Мунира ожидающим.

— Друг мой, — сказал он, обращаясь к Муниру. — Я снова отправляюсь в путь. Если волею Аллаха я добуду ответ на пятый вопрос, то вскоре вернусь. Если же нет, не поминай меня лихом,

Приключение пятое

Долго шел Хатем и по прошествии некоторого времени достиг пределов некоего города. И спросил он у повстречавшихся ему жителей, не знают ли они, где находится говорящая гора.

— Мы никогда не слышали о такой горе, — отвечали они.

Отправился Хатем дальше. И каждому встречному задавал он все тот же вопрос. Однако о говорящей горе никто ничего не знал.

Проведя в пути целый месяц, попал Хатем в один город, обитатели коего собрались на небольшой площади.

— О друзья, — спросил их Хатем, — что привело вас всех сюда?

— Умер один из наших жителей, — пояснили они. — А обычай нашего края таков: тело покойного выносится на эту площадь, и мы, обитатели города, разместившись неподалеку от него, восседаем за трапезу и предаемся ей до той поры, пока появится какой-нибудь странник. После же того, как странник разделит с нами трапезу, мы можем хоронить умершего. На сей раз нам повезло — благодаря тебе дожидаться нам пришлось недолго.

— А если никто не придет, что вы станете делать?

— Тогда мужчины нашего города должны шесть месяцев поститься, а после этого им надлежит устроить угощение для всех горожан и на могиле покойника одарить бедняков и нищих.

С этими словами они положили покойника посреди площади, уселись вокруг него и стали дружно его оплакивать, выражая тем свою скорбь и уважение к умершему. Затем, разместившись на огромной суфе, стали вкушать различные яства. После же, совершив омовение, облачились в нарядные одежды и с большими почестями отнесли покойника к месту погребения. Воротясь с кладбища, жители города сказали Хатему:

— О юный странник, не согласишься ли ты быть нашим гостем еще несколько дней?

— Охотно, — отвечал им Хатем.

Они тотчас устроили для Хатема богатое и удобное жилище и проводили его туда, а спустя некоторое время привели к нему двух красивых женщин и сказали:

— О юноша, так повелевает наш обычай.

«Какие удивительные обычаи у этих людей», — подумал Хатем. По прошествии семи дней и семи ночей женщины те рассказали, будто

юный странник столь чист и безгрешен, что не проявил к ним никакого интереса.

Когда о сих добродетелях Хатема донесли шаху, тот пригласил его во дворец и, усадив рядом с собой на троне, сказал:

— О благочестивый юноша! Оставайся жить в нашем городе. У меня есть дочь, достигшая брачного возраста, и я готов отдать ее тебе в жены.

— О любезный шах, — отвечал Хатем, склонясь в почтительном поклоне. — Могу ли я позволить себе изувечить жизнь твоей дочери, связав ее с моей нелегкой судьбой? Ведь твой покорный раб должен во что бы то ни стало найти говорящую гору Нида. Вот уже семь месяцев странствую я в поисках этой горы и пока не встретил никого, кто бы хоть что-нибудь о ней знал.

Старый шах призадумался, а потом, обратясь к Хатему, сказал:

— Сын мой! Я прожил на свете много лет, и кое-что мне довелось слышать о горе Нида. Это высокая гора, южная сторона коей заколдована. Силой волшебства там воздвигнут большой город, и никто из жителей этого города не умирает своей смертью, и ходят слухи, будто каждого, кто намеревается достигнуть той горы, ждет в пути много трудностей и бед. Решишься ли ты после того, что я тебе рассказал, продолжать свои поиски?

— О шах! В сем деле я уповаю на милость Аллаха. Ведь помог же он мне добраться до ваших мест!

И шах сказал:

— Каждый, кто, подобно тебе, тверд в своем намерении, непременно добьется своего.

Шах повелел слугам принести в дар Хатему много золота, и, когда слуги то золото принесли, Хатем взял ровно столько, сколько ему нужно было на дорожные расходы, а остальное роздал беднякам и нищим.

Испросив соизволения шаха, Хатем простился и отправился дальше. Шел он, шел и пришел к большому городу, возле которого против обык-

новения не было кладбища. Обрадовался Хатем. «Наверное, это тот самый город, о котором мне сказывал шах», — подумал он.

— О юный странник, — спросили его жители города, — что привело тебя в наши края? Куда ты держишь путь?

— Я — из города Хуснабада и направляюсь к горе Нида, — отвечал Хатем.

И тогда жители города так сказали ему:

— Ты не сможешь достичь этой горы, ибо на пути к ней ждут тебя тысячи всяких трудностей и бед.

— Аллах милостив, — отвечал им Хатем. — Он поможет рабу своему добиться желаемого.

— Проведи эту ночь у нас, отдохни, а завтра поступай, как тебе угодно.

Хатем послушал их совета. Случилось так, что как раз этой ночью заболел какой-то человек. По существующему обычаю родственники его зарезали, а его мясо поделили между всеми жителями. Хозяин дома, где заночевал Хатем, сварил это мясо и, уложив его на большое блюдо, принес Хатему.

— О гость, осчастлививший мой дом своим посещением, тебе повезло: я добыл очень вкусное мясо. Должно быть, ты отроду такого не пробовал. Оно нам достается не часто.

— Что это за такое редкостное мясо? — спросил Хатем.

— Это мясо человечесь.

Удивился Хатем: «Выходит, жители этого города — людоеды».

— Неужто вы питаетесь человечиною? — вскричал он. — Странный обычай — есть себе подобных.

— О юноша! — смутился тот. — Не возводи на нас напраслину. Мы — не людоеды. Не подумай, что мы готовы прирезать любого странника, дабы заполучить его мясо. У нас бытует обычай убивать лишь больных.

— Зверский обычай! — возмутился Хатем. — Ведь многие из ваших жертв могли бы и выздороветь. Сколько же жизней людских загу-

били вы понапрасну! Не стану я пользоваться вашим гостеприимством.

Хатем тотчас собрался и отправился в путь. Шел он всю ночь, и вскоре его одолел сильный голод. Тогда он убил птицу, сварил ее и, насытившись, сел отдохнуть. Вдруг видит — из лесу к нему направляется лев.

Хатем бросил ему кусок птицы, лев проглотил его и снова ушел в чащу леса, а Хатем отправился дальше. Шел он по безлюдным местам, питался фруктами и дичью, воду же пил из родников. Однажды одолела его сильная жажда, но воды нигде не было. Вдруг увидел Хатем вдали огромное дерево с пышной зеленью, когда же пришел он к тому дереву, никакого родника там не нашел. Усталый и истомленный жаждой, присел он под тем деревом отдохнуть. По прошествии некоторого времени прилетел орел и опустился на землю неподалеку от Хатема. Походил, походил орел и скрылся в какой-то яме, но вскоре появился снова, и, когда встряхнул крыльями, с перьев его полетели водяные брызги. Хатем тотчас направился к яме и увидел, что она полна чистой прозрачной воды. Утолил он жажду и ощутил голод. К счастью, вскоре набрел он на людей, сидевших вокруг большого костра.

«Может быть, они собираются варить еду?» — подумал Хатем и, подойдя ближе, увидел, что все эти люди с обритыми бородами и усами пребывают в глубокой печали, а некоторые даже плачут.

— Скажите, — обратился к ним Хатем, — кто вы такие и что собираетесь делать?

— О юный странник, — отвечали они, — страна, в коей ты находишься ныне, называется Индостан, мы же — ее обитатели, индусы. По нашим обычаям мужей-покойников положено сжигать вместе с их женами. Вот мы и разложили этот костер.

Хатем догадался, что они — идолопоклонники, и решил немедля покинуть это место.

По прошествии нескольких дней достиг он некоего селения и попросил напиться воды. Один

из жителей вынес ему сосуд с дугом, и едва Хатем отпил несколько глотков, как тут же почувствовал себя отдохнувшим.

— О юноша, — обратился к нему тот. — Если хочешь, я угощу тебя вареным рисом и сладким молоком.

Когда Хатем отведал вареного рису и сладкого молока, он взбодрился и, в ответ на приглашение хозяина погостить еще несколько дней, изъявил свое согласие.

И хозяин приготовил Хатему удобную постель и поставил перед ним изысканнейшие яства, и Хатем, отведав их, сказал:

— Твой гостеприимный дом подобен земному раю.

По прошествии некоторого времени, обратясь к хозяину, он спросил:

— Что за странный обычай у вас в Индостане сжигать жену вместе с умершим мужем?

И услышал в ответ следующее:

— О юноша! Узы супружеской любви вечны и нерасторжимы. Поэтому, когда один из супругов переселяется в мир иной, другой отправляется за ним следом. Если ты еще несколько дней побудешь в нашем городе, то увидишь это собственными глазами.

Вскоре умер долго болевший правитель города, у которого было четыре жены. Старшая родила ему двух сыновей, вторая — двух дочерей. Третья же и четвертая были бездетными. Когда покойника подготовили для сожжения, все они, облачившись в богатые одеяния, изукрашенные драгоценными камнями с гирляндами цветов, умастившись благовонными притираниями и распустив волосы, шествовали в начале похоронной процессии. Родственники падали перед ними ниц, умоляя, чтобы они воздержались от саможжения, однако жены и слышать о том не хотели.

— О любезные! — сказал, обратясь к ним, Хатем. — Как решаетесь вы предстать перед людьми с открытыми лицами?!

— О юноша, — отвечали они, — разве тебе неведомо, что мы уже почти покойницы. Смерть отняла у нас нашего господина, и будет несправедливо, если мы останемся жить, когда он мертв. Ведь разлука с ним обрекает нас на вечную печаль.

Сказав эти слова, они сняли с себя все украшения и, смежив веки, взошли на погребальный костер.

И Хатем увидел, как одна из них обхватила голову покойника, другая села от него справа, третья — слева, четвертая же прижалась к его ногам. И все они были счастливы последовать за мужем.

И подумал Хатем: «Должно быть, они убегут тотчас, как вспыхнет пламя». Подумав так, он подошел к ним и уселся рядом.

— О юноша, уходи, сейчас зажгут костер! — всполошились женщины.

— Никуда я отсюда не уйду, — решительно сказал Хатем.

— О юноша, — воскликнули люди, — эти женщины лишают себя жизни, чтобы последовать за своим господином, зачем же это делаешь ты? Не иначе, как какая-нибудь из них покорила твое сердце?

— У меня есть в этом деле интерес, — отвечал Хатем. И, взяв в рот ожерелье пери, стал с нетерпением ждать.

Когда разожгли костер, женщины прильнули лицами к покойнику и, вспыхнув вместе с ним, словно сухой хворост, вскоре обратились в пепел.

— Понравился ли тебе обычай нашей страны? — спросил Хатема хозяин-индус по возвращении домой.

— Обычай диковинный, — отвечал ему Хатем, — но любовь и преданность ваши истинно велики.

Отдохнув несколько дней в доме гостеприимного хозяина, Хатем стал собираться в дорогу.

— А куда ты торопишься? — спросил его индус.

— Я должен как можно скорее найти гору Нида, — отвечал Хатем.

— Гора Нида находится очень далеко, — сказал хозяин.

— Я дал другу слово не сворачивать со своего пути.

Простившись с индусом, Хатем отправился в путь. По прошествии нескольких дней пришел он в один город, жители коего были охвачены печалью и смятением: Вскоре Хатем узнал, что умерла дочь шаха, а муж ее не желает быть погребенным вместе с ней.

Приблизясь к одному из старейшин, Хатем сказал:

— Каждый волен сам распорядиться своей судьбой. Отчего не хотите вы отпустить этого несчастного?

— О юноша, — отвечал старейшина, — некогда в нашем городе появился человек, подобный тебе. Увидев дочь шаха, он влюбился в нее и просил, чтобы ему отдали ее в жены. По обычаю нашей страны, супруги неразлучны и в жизни и в смерти, и юноша тот дал клятву верности дочери шаха. Ныне же он вознамерился нарушить эту клятву. Однако, следуя нашим обычаям, мы обязаны его похоронить вместе с умершей.

— О юноша, — сказал Хатем, обратясь к овдовевшему, — коли ты дал слово, то должен его сдерживать. Ведь рано или поздно все равно придется умереть, так стоит ли тебе нарушать обычай страны?!

— О добрый юноша, у меня на родине совсем иные обычаи, — отвечал тот.

— У необходимости нет выбора. Если даже ты станешь биться головой о камень, они от своего не отступятся. Сейчас согласись с ними, а ночью я тебя вызволю из беды.

— Пока ты меня вызволишь из беды, душа у меня расстанется с телом.

Тогда Хатем, обратясь к собравшимся, сказал:

— Этот юноша согласен выполнить ваше требование, только могила, говорит, слишком мала.

В его стране принято делать могилу просторной, подобно комнате, и оставлять там еду для погребенного на два-три дня, дабы он мог по пути в потусторонний мир предаваться молениям.

Старейшины тотчас отправились к шаху и обо всем ему доложили.

Выслушал их шах и повелел исполнить все требования вдовца.

Вскоре могила была готова. Совершив подобающим образом погребальный обряд, в могилу поместили покойницу и ее мужа, оставили им немного еды и, засыпав могилу, возвратились в город.

С наступлением ночи Хатем отправился на кладбище и, когда он пришел к месту погребения шахской дочери, застал там множество мужчин. И спросил Хатем одного из них:

— Что делаете вы здесь?

— По обычаю нашего народа, — отвечал тот, — мы должны сидеть здесь три дня и три ночи и все это время не видеться со своими женами.

Волей-неволей Хатему пришлось вернуться в город. Между тем заживо погребенный на чем свет стоит ругал Хатема: «Этот негодник улестил меня лживыми обещаниями, а сам куда-то исчез. Видать, мне не выбраться теперь из беды». Подумав так, он горько заплакал и, наплакавшись вдоволь, заснул крепким сном. По прошествии трех дней и трех ночей Хатем снова пришел на кладбище.

— Эй, юноша, я пришел тебя вызволить из беды! — крикнул он.

Однако никто не откликнулся. Хатем позвал и во второй и в третий раз, и наконец погребенный проснулся и подал о себе весть.

И Хатем тотчас раскопал могилу и помог несчастному выбраться из нее, а потом сказал:

— Теперь ступай куда хочешь, только не попадайся на глаза горожанам, ибо больше не удастся их провести.

— О брат, — взмолился тот, — ты вернул мне жизнь, не дай же мне теперь умереть с голоду, ведь у меня нет денег на дорогу.

Хатем достал слиток червонного золота, вручил его спасенному, и тот, изъявив благодарность и простившись с ним, удалился прочь.

А Хатем тотчас вернулся к себе и лег спать. Поутру, едва забрезжил рассвет, он, испросив соизволения хозяина, стал собираться в путь.

Прощаясь с ним, хозяин сказал:

— О Хатем! Когда ты достигнешь развилки двух дорог, следуй той, что ведет направо, ибо она пролегает вдоль селений, и ты сумеешь там и поесть и отдохнуть.

Оставив позади много путей и дорог, Хатем по прошествии десяти дней вышел к той самой развилке. Забыв о напутствии хозяина, он пошел не вправо, а влево и спустя четыре дня и четыре ночи повстречал множество птиц и зверей, явно спасавшихся от какого-то грозного преследователя. Тут были и лев, и тигр, и слон, и медведь. Хатем забрался на высокое дерево и попытался понять, что происходит вокруг. И он увидел ничтожно-маленького зверька, который с яростно горящими глазами, задрвав хвост, бросался то за одним, то за другим зверем. Устрашился Хатем. «Стало быть, сей ничтожный с виду зверь на самом деле грозен, коли его боятся столь сильные звери», — подумал он. И Хатем вынул из ножен кинжал и стал дожидаться приближения зверька.

Вдруг тот зверек кинулся на Хатема и, сбросив его с дерева, вознамерился было с ним расправиться. Однако Хатем отсек ему часть морды смазанным ядом кинжалом. Тот пришел в еще большую ярость, но Хатем ловко засунул свой кинжал хищнику в пасть и вытащил все его внутренности наружу. Тут зверек испустил дух, хвост его упал, а изнутри полилась отвратительная жидкость, от которой возник пожар, объявший и лес и пустыню. Загорелась и одежда на Хатеме, но он взял в рот ожерелье пери, и пламя тотчас погасло. Приблизившись к мертвому зверьку, Хатем вырвал у него

четыре зуба, каждый из которых был подобен острому кинжалу. После он отрезал у него уши и хвост, уложил все это в колчан и отправился дальше. Через несколько дней он увидел прекрасный дворец, обнесенный высокой стеной. Войдя в ворота, он проник во внутренние покои дворца, хранившие следы прерванного пиршества: разнообразные яства, вареные и жареные, фрукты и пьянящие напитки — все стояло на разостланных дастарханах. Однако людей не было. Шах, визири и другие приближенные попрятались в сторожевой башне. Услышав шаги Хатема, один из визирей прикинул к оконному проему и доложил шаху, что в саду появился какой-то незнакомец.

— Позовите его сюда, — повелел шах.

Услышав окрик слуги, Хатем приблизился к окну.

Тут шах, высунув голову, спросил:

— О юноша! Кто ты такой и как удалось тебе сюда добраться?

— О шах, — отвечал Хатем, — зовут меня Хатем ибн-Тай, родом я из Йемена. Сейчас я направляюсь из Хуснабада к горе Нида.

— О бесстрашный Хатем, — молвил шах. — Эта дорога не приведет тебя к горе Нида. Тут на каждом шагу путника подстерегает смерть. Скоро твой век изойдет, и ты покинешь сей исполненный бед и страданий мир.

— Чему быть, того не миновать, однако другого пути у меня нет. Я готов к любым испытаниям. А теперь, шах, поведай мне всю правду о себе, расскажи, кто заточил тебя в эту башню?

— О юноша, да будет тебе известно, что страну, правителем коей я являюсь, постигло большое несчастье, и никто не может нас от него избавить. У нас завелся враг с виду неказистый, на деле же злой и неодолимый, и все жители города в страшной панике бежали. Лишь я и несколько моих приближенных решили укрыться в этой башне и выждать, когда он уймется. Прошло уже много времени, но каждый день приносит нам все новые и новые несчастья.

— О шах, — спросил Хатем, — а как выглядит тот, кто приносит вам столько горя?

— Зверек этот невелик, со злыми глазами и задранном кверху хвостом. Обитает он на горе Каф и ежедневно появляется в наших краях. Он хочет во что бы то ни стало пробраться в нашу башню, однако не может одолеть крепостную стену. А уж когда доберется до нас — нам недобровать!

— О шах! — молвил Хатем. — Утешь свою душу и отринь печаль. Я одолел это странное чудовище!

И Хатем рассказал шаху все, как было, и тотчас шах и его визири вышли из башни и спустились вниз. Хатем достал из колчана зубы, уши и хвост убитого зверя и показал шаху. Шах облобызал Хатема и, взяв его за руку, повел во внутренние покои дворца. И он тотчас известил властителей сопредельных стран о том, что страшный враг повергнут и все его верноподданные могут спокойно возвратиться домой. И так расположился шах к Хатему, что предложил ему в жены свою единственную красавицу дочь.

Поблагодарив шаха подобающим образом, Хатем объяснил, что жизнь свою посвятил благу других и поэтому распорядиться ею не волен до той поры, пока не выполнит всего, что ему предназначено судьбой. И он подробно рассказал историю шахзаде Мунира и просил шаха дать ему провожатого до горы Нида. И шах возблагодарил Хатема за его доброту и душевное расположение к людям и, благословив на добрые деяния, повелел одному молодому слуге проводить Хатема до горы Нида и, проводив его, вернуться с письмом, свидетельствующим о благополучном прибытии.

И слуга сказал:

— Слушаюсь и повинуюсь.

Потом шах приказал принести слиток червонного золота и драгоценные камни и вручил все это Хатему в знак благодарности за оказанную услугу. Хатем взял себе лишь небольшую часть

и вместе со слугой-проводником отправился в путь. По прошествии нескольких дней они достигли развилки двух дорог, и слуга сказал:

— Ступай по дороге, ведущей вправо, никуда не сворачивая, и придешь к горе Нида.

Отдохнув немного, Хатем написал шаху письмо и, простившись со слугой, отправился дальше. Вскоре он пришел к большому городу, обнесенному высокой крепостной стеной, и, войдя в городские ворота, направился было в караван-сарай. Однако его тотчас окружили стражники и повели к шаху. Представ пред шахские очи, Хатем согнулся в почтительном поклоне. Шах ответил ему подобающим образом и, усадив рядом с собой на троне, сказал:

— О прекрасный юноша! Со времен Искандара и до сего дня в наши края не забредал ни один странник. Что привело сюда тебя?

Хатем тотчас поведал ему о своих приключениях, рассказал историю шахзаде Мунира и малики Хуснбану и просил открыть ему тайну горы Нида.

— Поживи у нас, осмотрись. Может быть, ты сам разгадаешь эту тайну, — отвечал шах.

Поблагодарив шаха за приглашение, Хатем решил последовать его совету и вскоре обзавелся многочисленными друзьями. Однажды неподалеку от гор собрались жители города, и Хатем, обратясь к ним, спросил:

— О друзья, которая же здесь гора Нида?

— Мы и сами не знаем точно, — отвечали они, — да, пожалуй, вон та, что находится справа, ибо звуки идут оттуда.

Как раз в это время раздался глухой властный голос:

«О Хумра ибн-Харис, приди сюда!»

И тотчас вышел один юноша и устремился на тот зов. Его окружили родные и близкие, стали удерживать, однако он был неумолим.

— О друзья, — спросил Хатем, — что случилось с этим юношей? Почему он не внемлет уговорам ближних?

— Спроси об этом его самого.

Хатем догнал Хумра и стал его увещевать вернуться, но тот бежал, словно ветер. Вскоре он достиг подножья горы и куда-то исчез. Опечаленные горожане приблизились к подножью горы, опустили на колени и стали неистово молиться. Потом они возвратились домой, приготовили различные угощения и роздали их людям. Покончив со всем этим, они принялись за свои обычные дела.

— Куда канул несчастный Хумра? — продолжал дивиться Хатем.

— Ведь ты видел то же самое, что и мы. Зачем же ты спрашиваешь у нас? — услышал он в ответ.

Грустный и одинокий, слонялся Хатем по городу. Жаль ему было погибшего Хумру, да и тайна горы Нида оставалась неразгаданной. Как-то свел его случай с юношей по имени Джам ибн-Сам, и они подружились, словно родные братья.

Все время они проводили вместе, но однажды снова послышался голос с горы Нида:

«О Джам ибн-Сам, приди сюда!»

Джам тотчас устремился на тот зов. И все повторилось сызнова. Не поддался он на уговоры родных и близких и, словно ветер, помчался в сторону горы. Хатем понял, что Джам пошел на верную смерть, и подумал: «Только обрел я задушевного друга, а судьба посылает уже нам разлуку». Подумав так, Хатем решил идти вместе с Джамом к горе Нида и, разделив его участь, проникнуть в тайну загадочного голоса. Он не мешкая устремился за Джамом, и они, взявшись за руки, вместе направились к вершине говорящей горы. Вскоре они скрылись из виду, и провожавшие их люди, сотворив молитву, возвратились в город. Они долго сокрушались о гибели Хатема, шах же, узнав об этом, вознегодовал.

— О неразумные, — молвил он, обратясь к старейшинам города, — как могли вы допустить, чтобы этот юный странник без зова горы отдал ей свою прекрасную душу?

— О шах, — отвечали те, — мы удерживали его изо всех сил, однако он сказал, что Джам — самый близкий ему человек и он не может оставаться безучастным к его судьбе.

Разгневался шах и заточил всех в темницу, но они заплатили ему выкуп и освободились из-под стражи.

Между тем Хатем и Джам, карабкаясь на гору, добрались почти до самой вершины и увидели глубокую яму. Они спустились на дно той ямы и оказались в цветущем оазисе. Тут Джам отпустил руку Хатема и направился в глубь оазиса, где была небольшая ровная площадка. Едва Джам ступил на ту площадку, как земля затряслась, потом разверзлась под ним, и Джам, смежив веки, стал опускаться вниз. Когда же земля над его головой сомкнулась, на этом месте появилась густая сочная зелень.

Хатем заплакал. «Так вот где обретают вечный покой жители этого города, когда кончается срок их жизни, — подумал он, — вот в чем сокрыта тайна горы Нида!» Подумав так, Хатем решил отправиться в обратный путь. Долго ходил он по оазису, долго искал дорогу к горе, однако гора словно сквозь землю провалилась. Шесть дней и шесть ночей провел Хатем без сна и еды в бесплодных блужданиях, а к исходу шестого дня, когда он утратил всякую надежду на спасение, вышел он на берег широкой реки. Подойдя к самой кромке воды, он подумал: «Как же мне переправиться через эту реку?» И вдруг увидел, что плывет к нему какой-то корабль. Когда корабль приблизился, Хатем поднялся на палубу и обнаружил, что там нет ни живой души. Обойдя весь корабль, он нашел лишь две лепешки и жареную рыбу, однако есть их не стал, подумав, что они принадлежат корабельщикам, которые, вернее всего, попали в беду.

Вдруг поднялся сильный ветер, и корабль помчался вперед, словно стрела, и по прошествии трех дней и трех ночей достиг незнакомого берега. Хатем сошел на берег и увидел там много редкого

и диковинного. «Хорошо бы вернуться в тот город и поведать его жителям тайну горы Нида», — подумал он. Долго брел Хатем в поисках дороги и в конце концов пришел к подножью сверкающей горы, сплошь состоящей из серебряных камней. Приглядевшись, он увидел, что сквозь эти камни сочится кровь, и решил во что бы то ни стало узнать, откуда она берется. Хатем мало-помалу взобрался на вершину той горы и устранился — вся она была пропитана кровью. Пройдя еще два фарсанга, он вышел к широченной реке, в коей вместо воды текла кровь. Огромные красные валы набегали друг на друга с неистовым ревом. Устрашился Хатем и подумал: «Наверняка эта река волшебная. Как мне одолеть ее?» Однако придумать он ничего не смог и решил отправиться к ее истоку. Тридцать дней и тридцать ночей провел он в дороге, однако не было кровавой реке ни конца ни края. И подумал Хатем: «Что толку выбиваться так из сил! Если я еще десять лет потрачу на поиски, то буду так же далек от истины, как и ныне».

Вдруг Хатем увидел подплывший к берегу корабль. И он тотчас сел на этот корабль и поплыл неведомо куда. По прошествии долгого времени вдалеке показалось нечто блестящее, и Хатем увидел, что это тоже река, только вода в ней светлая. Он вознамерился было испить той воды, попытался зачерпнуть ее ладонями, но оказалось, что это вовсе не вода, а жидкое серебро, и едва окунул он руки в воду, как они покрылись слоем серебра. «Одна диковина диковинней другой, — подумал Хатем. — Стало быть, если я окунусь в ту реку, то стану серебряным с головы до ног!»

Долго сидел Хатем на берегу серебряной реки и предавался грустным думам. Положив голову на колени, он время от времени поглядывал по сторонам. И вдруг снова увидел плывущий по реке корабль, и снова сел на корабль, и снова поплыл

неведомо куда. Вскоре корабль причалил к берегу, и Хатем, покинув его, достиг подножья некоей горы, сплошь усыпанной камешками зеленого, красного и белого цвета. Приглядевшись, Хатем понял, что гора эта — жемчужная, а камешки — разноцветные жемчужины. Оглядев все вокруг, Хатем обнаружил на той горе источник с чистой и прозрачной водой. Он погрузил руки в воду, и они тотчас обрели прежний вид — только ногти остались посеребрёнными.

Когда на землю спустилась ночь, Хатем увидел, что из источника вышли два существа с человеческими головами, слоновьими ногами и львиными когтями. «Ну и чудовища!» — подумал Хатем и, достав лук, выпустил в них две стрелы. Однако те перехватили пущенные Хатемом стрелы и сказали:

— О Хатем, разве ты так дорожишь своей жизнью, что хочешь ни за что ни про что нас погубить? Ведь мы, подобно тебе, созданы всевышним и не питаем к тебе никакого зла.

Услышав такие слова, Хатем бросил лук и стрелы и, опустив голову, спросил:

— Какое у вас ко мне дело?

— О Хатем, — отвечали они, — ты славен во всем мире своей щедростью и бескорыстием, и каждый произносит твое имя с благоговением. Что побудило тебя посягнуть на чужое богатство? Ведь жемчуг этой горы тебе не принадлежит, им владеют совсем иные существа.

— Я взял то, что попросту лежало на земле. У меня и в мыслях не было зариться на чужое добро.

— Мы верим, что ты с нами не хитришь, но впредь знай — весь этот жемчуг является собственностью пери.

— Чем же человек хуже пери?! Отчего он не может обладать подобными богатствами?

— Человек — самое разумное существо на свете и способен добраться до богатств, сокрытых в глубинах земных, своим разумом. Если ты хочешь вернуться на землю людей целым

и невредимым, брось все, что ты вознамерился унести с собой!

— Будь по-вашему, — согласился Хатем. — Только с чем я вернусь к малике Хуснбану? Ведь она может мне не поверить, что я побывал в ваших пределах и разгадал тайну горы Нида.

— Об этом не тревожься. Только человек, кой исполнен добрых помыслов, способен уцелеть, попав в наши края. Ныне тебе нечего страшиться. Вск твой долог, и тебе суждено до конца дней своих вершить благие дела. Вот возьми несколько жемчужин — покажи их малике Хуснбану, дабы она уверовала в твою правоту.

Возрадовался Хатем и, изъявив свою благодарность, молвил:

— О любезные! Не поможете ли вы мне отыскать путь к дому? Денно и ночью скитаюсь я по этой пустыне, только все мои старания тщетны.

— Ступай дорогой, ведущей прямо. Там тебе встретится огненная река. Когда же ты переправишься через ту реку, то достигнешь своей родины.

Сказав так, они скрылись в источнике.

По прошествии ночи Хатем отправился в путь. Вскоре он очутился в месте, где земля была сокрыта под водой. Пройдя по той воде, он достиг наконец суши и увидел вдалеке широкую реку, в коей вода была слаще меда, ароматнее мускуса и белее молока. «Если бы эта река протекала близ города, ее выпили бы всю до единой капли», — подумал он.

Хатем переправился через реку и по прошествии нескольких дней достиг подножья горы из червонного золота и с золотым деревом на вершине. Миновав эту гору, он вышел на просторную равнину, а среди той равнины высилась крепость, выстроенная тоже из червонного золота. Войдя в ворота крепости, Хатем очутился в райском саду, полном невиданных плодов и прекрасных цветов, и услышал сладкозвучное соловьиное

пение. Посреди сада находился красивый водоем, до краев наполненный прозрачной водой. По обочинам его стояли суфы, изукрашенные жемчугом и драгоценными камнями. Хатем присел на одну из них, призадумался и не заметил, как появились четыре прекрасноликие пери. Увидев их, Хатем удивился и спросил:

— О юные красавицы, кто вы такие и кому принадлежит эта крепость?

— Этой крепостью владеет малика Нушлаб. Она вот-вот должна появиться.

Во время их разговора до слуха Хатема донеслось хлопанье крыльев, и малика Нушлаб вместе со своими прислужницами опустилась перед ним на землю. Когда Хатем увидел малику Нушлаб, он был сражен ее прелестью и, лишившись чувств, упал навзничь. Малика взглянула на него и, обратясь к прислужницам, повелела:

— Немедля принесите ароматную воду и стойку из лепестков розы!

Служанки тотчас исполнили повеление своей госпожи. Они обрызгали лицо Хатема ароматной водой и привели его в чувство. Затем, взяв Хатема за руку, малика подвела его к своему трону и усадила рядом с собой на золотом курси.

— О чарующая мир малика, — обратился к ней Хатем, — кому принадлежит эта гора и как она называется?

— О прекрасный юноша, — отвечала малика Нушлаб, — эта гора называется Заррин и принадлежит она шаху Шахбалу. Я же являюсь одной из его прислужниц.

Четыре дня и четыре ночи провел Хатем в гостях у малики. По прошествии же четырех дней малика сказала:

— О рожденный человеком, пора тебе уходить, оставаться надолго здесь тебе не пристало.

Покинув обитель пери Нушлаб, Хатем отправился в путь. Шел он шестнадцать дней и шестнадцать ночей и наконец достиг золотой реки.

И увидел Хатем, что и камни и песок на берегу той реки из чистого золота, а вода в реке подобна

расплавленному золоту. Тяжелыми волнами перекатывалась она, и шум этих волн доносился до самого неба. Присел Хатем на берегу и предался грустным размышлениям. «Как мне переправиться через эту реку?» — думал он. Вдруг видит — подплыл корабль. Сел Хатем на корабль. Сорок дней и сорок ночей плыл он по реке и наконец сошел на берег. Семь дней и семь ночей шел он берегом золотой реки и достиг небольшой пустыни, песок коей был таким горячим, словно его калили на огне. Сделав несколько шагов, Хатем упал, и не было у него сил взять в рот ожерелье пери. В это время к Хатему явились странные существа, которые некогда отняли у него жемчуг. Они напоили его водой, и он тотчас опамятовался. Открыв глаза, Хатем возблагодарил своих спасителей и спросил, нет ли другого пути, ведущего в город Хуснабад.

— Другого пути нет, — отвечали они. — Впереди тебя ждет еще и огненная река, и этот жар исходит от нее. Если ты сумеешь одолеть огненную реку, то благополучно доберешься до дому.

Тут они дали Хатему ожерелье и сказали:

— Когда достигнешь огненной реки, не забудь взять это ожерелье в рот, тогда огонь реки тебе не страшен. Одолев же реку, ты должен бросить ожерелье, не то навлечешь на себя беду.

С наступлением рассвета Хатем положил в рот волшебное ожерелье и отправился дальше. Через три дня достиг он огненной реки и увидел, что ее волны вздымаются, словно пламя, до самого неба. «Что же мне делать, — думал он, — не могу же я пуститься вплавь?» Только он так подумал, подплыл к нему корабль. Сел Хатем на тот корабль и отправился в путь. Однако огненные волны повергли его в столь глубокий страх, что он лег ничком и, зажмурив глаза, укрылся с головой. Долго плыл корабль, вдруг остановился, завертелся, словно мельничный жернов, и стал опускаться на дно. Хатем мысленно уже простился было с жизнью. Когда же шум волн стих, он осторожно открыл глаза и увидел, что нет перед ним

ни корабля, ни огненной реки, и он тотчас бросил волшебное ожерелье и пошел дальше. Оставив позади четыре фарсанга пути, Хатем увидел, что находится неподалеку от Йемена. Вскоре он повстречал крестьянина, который поливал свое поле.

— Эй, дехканин, — окликнул его Хатем, — как называется это селение?

Посмотрел крестьянин на Хатема, удивился и ничего не ответил.

— Ты что, оглох? — снова обратился к нему Хатем. — Почему молчишь?

— Мне показалось, будто ты похож на шахзаде нашей страны, — отвечал тот, — здесь проходят пределы государства Йемен. Селение же называется Сархин. Уже семь поколений Йемена находятся под шахским владычеством. Ныне нашим шахом является Хатем ибн-Тай, однако без малого девять лет прошло с той поры, как он, оставив свой трон, отправился вершить добрые дела и за все это время только один раз дал о себе знать через малику Зарринпуш. Ныне же его родители и малика Зарринпуш утратили всякую надежду увидеть его живым.

— О дехканин, — взмолился Хатем, — не найдется ли у тебя чего-нибудь поесть? Я изнемогаю от голода.

Крестьянин тут же принес еду и поставил перед Хатемом.

Утолив голод, Хатем молвил:

— Слава Аллаху, я достиг родного края.

Тут дехканин бросился Хатему в ноги и, облобызав перед ним землю, сказал:

— О шахзаде, почему ты не открылся мне сразу?

— Ты прав, дехканин, — ответил Хатем, — я действительно здешний шахзаде, но я дал обет до тех пор, пока не увижу матери и отца, никому не говорить о своем возвращении.

Дехканин сказал:

— О высокочтимый! Побудь хотя бы два-три дня моим гостем. Осчастливь меня своим присутствием! Ведь твой отец вознегодует, узнав, что я не оказал тебе должного гостеприимства.

— Нет, это неблагоприятно, — отвечал Хатем. — Как только мои родители услышат о моем возвращении, они захотят, чтобы я отправился во дворец. А мне недосуг, у меня есть важное дело. Ступай к шаху, передай ему мой поклон и скажи, что я отправился в Хуснабад.

Дехканин поспешил домой, принес сдобные лепешки и, положив их перед Хатемом, стал просить у него прощения за то, что не может угостить его подобающим образом.

— Я и так очень доволен, — утешил его Хатем.

Вскоре, простившись с радушным дехканином, Хатем отправился в путь. По прошествии месяца он пришел во дворец малики Хуснбану. Слуги тотчас проводили его во внутренние покои. Малика же, увидев его, повелела принести золотой курси и усадила на него Хатема. Потом из-за занавеса сказала:

— Добро пожаловать, отважный Хатем! Узнали ли ты тайну горы Нида?

Хатем поведал ей обо всех своих приключениях и сообщил тайну горы Нида.

— О юноша, слава тебе великая за все тобой совершенное. То, что ты мне рассказал, — сущая правда, мне сие известно доподлинно. А принес ли ты какое-нибудь свидетельство того, что побывал там?

Прежде всего Хатем показал ей свои покрытые серебром ногти, после же — цветные жемчужины с жемчужной горы.

Малика благословила Хатема, похвалив за мужество. Тем временем слуги малики расстелили богатый дастархан, уставили его всевозможными яствами и пригласили Хатема вкушать от них.

— Если будет на то твое соизволение, — сказал Хатем, обратясь к малике Хуснбану, — все эти яства я возьму в караван-сарай, и мы отведаем их вместе с шахзаде Муниром.

Сказав так, он покинул покои малики и, придя к шахзаде Муниру, нашел его ожидающим.

Слуги же по повелению малики отнесли все угощения в караван-сарай. После пышной трапезы

Хатем рассказал шахзаде Муниру обо всех своих приключениях. Шахзаде Мунир принялся благодарить Хатема за его доброту, однако тот обнял его и сказал:

— О Мунир, жизнь свою я посвятил благодеяниям, и забота о твоём счастье лишь жалкая доля того, что мне надлежит совершить.

Три дня отдыхал Хатем в обществе друга, потом отправился к малике Хуснбану и на ее вопрос, зачем он пожаловал, ответил:

— О прелестительная малика, поведай теперь мне свою шестую загадку, дабы я мог отправиться на поиски ответа.

— Отважный Хатем, — сказала малика. — Мне известно, что есть на свете летающая баня. Ты должен узнать ее секрет и рассказать о нем мне.

— О малика, — спросил Хатем, — ведомо ли тебе, в какой стороне она находится?

И малика ответила:

— Слышала я, будто искать ту баню нужно между западом и югом, однако дорога к ней мне не известна.

Выслушав шестую загадку, Хатем вернулся в караван-сарай и, простившись с шахзаде Муниром, снова отправился в путь.

Приключение шестое

Долго шел Хатем и по прошествии некоторого времени пришел к колодезю, у которого толпилось множество людей.

— Что тут у вас случилось? — спросил Хатем, обратясь к ним.

И ему рассказали следующее:

— Сын властителя нашего города, заглянув в этот колодец, лишился рассудка и бросился в него вниз головой. Мы не можем вытащить его, а потому не знаем, жив он или мертв. А так как

тайна этого колодца нам неведома, то никто не решается в него спуститься.

— Да, — задумчиво сказал Хатем, — тут кроется нечто загадочное.

Услышав это, отец и мать того юноши с громким плачем, разрывая на себе одежды, бросились к Хатему.

— О горемычные! Что проку в ваших слезах? — сказал Хатем.

— Как же нам не печалиться? Ведь мы лишились единственного сына. И нет на свете человека, который сумел бы нам помочь.

— Если у вас хватит терпения, я спущусь в этот колодец и попытаюсь разгадать его тайну. Дождитесь меня тут. Думаю, что за месяц я управлюсь.

Сказав так, Хатем набрал в легкие побольше воздуха и опустился в колодец. Когда ноги его коснулись дна, он открыл глаза и весьма удивился, не узрев ни воды, ни стен колодца. Оказался он на просторной светлой площади, а неподалеку от нее увидел прекрасный сад. Когда Хатем вошел в тот сад и стал по нему разгуливать, взору его предстал большой айван. В центре айвана стояли два богато изукрашенных трона, на одном в окружении многочисленной прислуги восседал луноликий юноша, а на другом — прельстительная красавица пери. Едва завидев Хатема, слуги пери пришли в волнение и, обратясь к своей госпоже, сказали:

— О озаряющая мир, к нам пожаловал еще один рожденный человеком.

Красавица пери, взглянув на юношу, сидящего на троне, спросила:

— О луноликий, не будет ли тебе обидно, если мы окажем незнакомцу надлежащее гостеприимство?

— Нисколько, — отвечал юноша.

И пери повелела Хатему приблизиться.

Когда слуги подвели Хатема к юноше, тот поднялся с трона, облобызал Хатема и, усадив его рядом с собой, приказал принести всевозможные угощения.

Слуги тотчас исполнили его повеление и принесли различные яства и поставили их перед Хатемом и юношей. Когда трапеза была окончена, юноша спросил:

— О брат мой! Кто ты такой и что привело тебя в эти края?

— О юноша, — отвечал Хатем, — да будет тебе ведомо, что родом я из Йемена и зовут меня Хатем ибн-Тай. Я направляюсь из города Хуснабада на поиски лежащей бани. По пути я увидел колодец и множество людей, собравшихся вокруг него.

Тут Хатем рассказал юноше о горе, постигшем шаха и его жену, и о том, что в течение месяца он обещал воротиться на землю и поведать им тайну чудесного колодца.

— О брат, — отвечал Хатему юноша. — Я и есть шахзаде — сын шаха и шахини. Заглянув однажды в колодец, я увидел эту прекраснеликую пери. Ум мой помрачился, и любовь завладела мною. Я, не размышляя, бросился в колодец, и, как видишь, мое безрассудство привело меня в объятия возлюбленной, и нет ныне на свете человека более счастливого, чем я.

— О шахзаде, — пожурил его Хатем, — ты предаешься наслаждениям, между тем как твои родители обливаются горючими слезами, не в силах вынести разлуку с тобой.

Юноша сказал:

— О брат! Отныне я себе не принадлежу — моя судьба в руках малики-пери. Я могу вернуться к родителям только с ее соизволения.

— Если ты так безволен, я сам расскажу обо всем малике, — отвечал Хатем и, устремив свой взор на красавицу пери, продолжал:

— О лунолика! В твоей власти вернуть покой родителям сего юноши, ибо разлука с ним и неизвестность повергают их в глубокую печаль. Сделай доброе дело — отпусти его, дабы они утешились, а после он снова будет с тобой неразлучен.

— О незнакомец, — отвечала красавица пери, — разве я возбраняю ему следовать твоему со-

вету? Ведь он по собственной воле бросился в этот колодец и, если хочет уйти, пусть идет!

— Ты слышишь, юноша? Малика отпускает тебя.

— О брат! В словах моей возлюбленной сокрыт двойной смысл. Если любовь ее глубока и искренна, она должна дать обещание проводить со мной две ночи в неделю.

— О царица красавиц, — сказал, обратясь к малике, Хатем, — будь, подобно своим сестрам-пери, великодушна и милостива. Мне не один раз в жизни доводилось встречаться с пери, и по доброте и благородству они намного превосходили людей.

И красавица сказала:

— О незнакомец, сладкоречивы твои слова, однако юноша скорее прикидывается влюбленным, нежели вправду любит меня.

— О красавица, — возроптал влюбленный юноша, — я люблю тебя больше жизни! Ради тебя я променял землю и все, что меня с ней родило, на этот колодец. Почему же ты мне не веришь?

— Любить меня — значит, быть покорным любому моему повелению.

— Приказывай, я готов исполнить все, что ты скажешь.

Малика-пери встала со своего места и велела прислужницам принести котел, наполнить его маслом и поставить на раскаленную печь.

Затем она взяла своего возлюбленного за руку и, подведя к котлу с кипящим маслом, сказала:

— О шахзаде, если твоя любовь ко мне истинна, ты не побоишься броситься в этот котел.

Услышав сии слова, юноша вознамерился было последовать ее приказанию, однако красавица пери остановила его, сказав:

— Теперь я узнала подлинную силу твоей любви и готова при первом твоём слове явить свою покорность.

Тридцать дней и тридцать ночей предавались шахзаде и Хатем пирам и забавам, окруженные гостеприимством и радушием пери.

Между тем люди, стоявшие у колодца, ждали возвращения Хатема и на исходе тридцатого дня вознамерились разойтись по домам. Однако, помня о данном родителям шахзаде слове, Хатем, обратясь к малике, сказал:

— О красавица! Ныне назначенный мной срок истек, и мы должны вернуться на землю. Помнишь ли ты о своем обещании навещать к возлюбленному два раза в неделю? Клянись именем великого Сулеймана, что сдержишь свое слово.

Красавица пери тотчас поклялась именем Сулеймана и повелела слугам вывести юношей из колодца наружу.

Слуги-пери взяли их за руки, подбросили кверху, и шахзаде с Хатемом оказались у колодца, где с нетерпением их дожидались все жители тамошних мест. Шах и шахиня, увидев любимого сына, возрадовались великой радостью, принялись обнимать шахзаде, благодарить Хатема за спасение их сына, и шах тотчас пригласил всех во дворец и, неустанно прославляя благородство Хатема, устроил в его честь пир, равного коему никогда доселе никто не видывал.

Хатем провел две недели в гостях у шахзаде, и он был свидетелем того, что красавица пери свое слово сдержала, являясь к шахзаде на свидания. И подумал Хатем: «Если бы люди были так же верны своим обещаниям, как эта пери, то все они давно превратились бы в ангелов. Да благословит Аллах тех, чья верность надежна!»

Вскоре, испросив соизволения шаха и шахзаде, Хатем отправился в путь. Долго шел он по безлюдным местам и безводным пустыням и пришел наконец в один город. Неподалеку от городских ворот увидел он сидящего старца. Хатем тотчас согнулся в почтительном поклоне и приветствовал его. Старец же, ответив ему подобающим образом, молвил:

— Здравствуй, здравствуй, о юноша, добро пожаловать! Не согласишься ли ты нынче вечером посетить мою бедную обитель и разделить со мной скромную трапезу?

— Да будет так, благородный отец, — отвечал Хатем.

Привел старец Хатема к себе домой, обласкал как мог и спросил:

— О юноша, как зовут тебя и в какую сторону держишь ты путь?

— О почтенный! Я шахзаде Йемена, и зовут меня Хатем. А путь мой пролегает от города Хуснабада к летающей бане.

— О юноша, какой же лютый враг послал тебя туда? Ведь ни одна душа на свете не знает, где она, эта баня, и что собой являет. Да к тому же каждый, кто когда-либо отправлялся на поиски летающей бани, исчезал безвозвратно. Неужто ты веришь, будто в деле столь каверзном возможна удача?

— О почтенный отец! Жизнь свою я посвятил счастьем других и готов ею пожертвовать, если это кому-нибудь потребуется. Расскажи мне все, что знаешь о летающей бане, и я попытаюсь ее найти.

— О благородный юноша, — молвил старец, — не многим я могу тебе помочь. Мне известно лишь, что есть на свете город по названию Каттан, и правит им шах Харис, мастера которого с помощью волшебства воздвигли летающую баню. Шах Харис установил вокруг этой бани надежную охрану, и всякого, кто туда приходит, караульщики хватают и ведут к нему. И никому неизвестно, какова судьба этих людей. По крайней мере, до сего времени еще никто не возвратился. Зачем же тебе рисковать?

— О почтенный, — отвечал Хатем, — я расскажу тебе всю правду.

И Хатем поведал старцу историю шахзаде Мунира и малики Хуснбану. А затем добавил:

— О почтенный, ради счастья этого шахзаде я и принял на себя все муки.

— О юноша, брось свою затею, возвращайся назад, ибо колдовская сила не даст тебе разгадать эту тайну, и твои старания могут лишь навлечь на тебя беду.

— Об этом не может быть и речи! Если я струшу ныне, то все мои прежние старания окажутся напрасными. Как же я взгляну в глаза шахзаде Муниру!

— Пожалей себя, — продолжал увещевать Хатема благородный старец, — послушай моего совета. Ведь ты погибнешь ни за что ни про что. Знакома ли тебе притча о сафде, который не внял мольбам своих близких и после горько в том раскаивался?

— А что с ним было? — спросил Хатем.

— О любезный юноша! — повел свою речь старец. — Неподалеку от города Шам есть река, и у реки проживало животное сафда. Вскоре ему наскучили эти места, и он задумал их покинуть. И вот однажды, обратясь к своим родичам, сафда сказал:

«Братья мои, я хочу соорудить себе жилище в новом месте, ибо новое место всегда приносит новое счастье, и, может быть, там наконец возрадуется мое сердце. Не могу я далее жить в скудости, а богатства неоткуда ждать».

Отвечали ему близкие:

«Выбрось эту мысль из головы: там хорошо, где нас нет! Стоит ли оставлять насиженное гнездо без крайней необходимости?! А живешь ты в бедности, ибо не слушаешь совета мудрых. Да будет тебе известно, опрометчивость никогда не приносит блага».

Однако сафда был неумолим. Он так уверовал в свою затею, что пренебрег разумными советами и, собрав жалкие пожитки, вместе с женой и детьми отправился на поиски новой реки. Труден и долог путь водных существ по суше, к тому же он полон непредвиденных опасностей. И сафда испытал это на себе. Шел он берегом, беззаботно распевая веселую песню. Малыши же его приплясывали в такт ей. Тем временем на поиски добычи выползла змея, та самая змея, детеныша коей сафда некогда извел. Увидав сафду, змея насторожилась и, потихоньку подкравшись, проглотила и его жену и его детей. Сафда же едва унес ноги:

он схоронился в мышиной норе, а с наступлением ночи, дрожа от страха, вернулся в прежнее жилище. Увидели его близкие, стали корить да советить. Сафда же сидел, понуриив голову, ибо нечего было ему сказать в свое оправдание.

То же самое может случиться и с тобой, Хатем. Будь благоразумен, брось свою опасную затею, ибо еще никому не удавалось достигнуть летающей бани.

— О достойнейший! — молвил Хатем. — Я питаю к тебе великое почтение и наставлениям твоим следовал бы непременно, если бы дело касалось одного меня. Не чини мне помех — помоги отыскать путь к летающей бане, ибо я тверд в своем намерении, и ничто меня от него не отвратит.

— О благородный юноша, — отвечал ему старец, — я сделал все, чтобы ты понял, сколь труден и опасен твой путь. Побудь у меня еще эту ночь, а завтра я придумаю, как тебе помочь.

Когда ночь миновала и наступил день, Хатем, обратясь к старцу, сказал:

— О почтенный отец! А теперь укажи мне дорогу к летающей бане.

Увидел старец, что Хатема никакими увещеваниями не убедить, и отправился вместе с ним. Вышли они из дома и по прошествии некоторого времени оказались у развилки двух дорог.

— Ну вот, — сказал, остановившись, старец, — ступай направо и вскоре ты достигнешь некоего города, а неподалеку от него увидишь несколько селений. Когда ты минуешь их, встанет на твоём пути большая гора, у подножья коей встретится тебе много необычного и диковинного. Одолев эту гору, ты выйдешь к бескрайней пустыне. Углубившись в пустыню, ты станешь свидетелем чудес столь невероятных, что будешь непрестанно дивиться могуществу творца. Когда же ты увидишь развилку двух дорог, а и одна и другая ведут в город Каттан, следуй непременно по той, что ведет влево, ибо дорога, ведущая вправо, хоть и короче, но полна опасностей.

— Да воздаст тебе Аллах благом за доброту твою! — поблагодарил его Хатем. — Я исполню все, что ты повелел. Однако к Каттану последую дорогой более короткой. Пути всевышнего неисповедимы, и никому не ведомо, где кого настигнет беда.

— О юноша, не будь строптив! Ведь не зря сведущие люди говорят:

Не страшись дороги незнакомой, даже если кажется опасной,
Не женись на деве незнакомой, даже если кажется прекрасной.

Если не последуешь моему совету, трудно тебе придется. А там поступай как знаешь.

Сказав так, старец простился с Хатемом и удалился.

Хатем же отправился дальше. По прошествии тридцати дней и тридцати ночей достиг он одного города, кой оглашали звуки барабана и зурны. Подойдя ближе, он увидел на площади, освещенной факелами и кострами, несколько богатых шатров, устланных шахскими коврами, а чуть поодаль пели и веселились горожане. «Должно быть, тут справляют свадьбу!» — подумал Хатем и спросил:

— О братья, что за событие празднуете вы?

— В наш город, — ответили ему, — время от времени приползает грозный волшебник в облике змеи, дабы увести с собой одну из красивых девушек. Каждый раз, ожидая его, мы устраиваем богатое угощение и прикидываемся веселыми, словно у нас день великого торжества, а в противном случае он может всех нас извести. Приблизившись, змей оборачивается луноликим юношей, выбирает девушку, которая ему по нраву, и исчезает. И тут на смену веселью приходит печаль, и родители бедной жертвы семь дней и семь ночей соблюдают по ней траур.

— Стало быть, у вас не день радости, а день скорби? — удивился Хатем. — И вы все вместе не способны одолеть это чудовище?! Возьмусь-ка за дело я: может быть, мне удастся выручить вас из беды!

Услышав такие слова, горожане рассказали обо всем старейшинам, старейшины же — шаху. И повелел шах немедля привести к нему Хатема.

Хатем, представ пред ясные очи шаха, склонился в глубоком поклоне и, выразив ему должное почтение, поведал всю свою историю.

— О благородный юноша! — сказал, обратясь к нему, шах. — Волшебная сила страшного чудовища столь велика, что одному тебе с ним не совладать. Мы же до смерти запуганы, и никто из нас помочь тебе не отважится.

— О шах, — отвечал Хатем. — Это всего-навсего джинн, а джинны всегда причиняют людям зло. Избавить вас от джинна — дело трудное, однако ради вашего блага я готов вступить с ним в единоборство. Вам же надлежит сделать для этого самую малость.

— А что надлежит нам сделать?

— Когда этот змей появится снова и захочет взять с собой какую-нибудь девушку, ее родителям следует сказать, что они готовы ему ее отдать, да только в их город вернулся некий пакостник, сын весьма почтенного человека. И без ведома этого злодея, грозящегося опустошить в случае послушания весь край, они этого сделать не смеют.

— Да будет так, — отвечал шах.

Наступил роковой день. Горожане, начиная с самого шаха и кончая последним бедняком, покинули свои жилища и устремились на площадь. Вскоре раздался грохот, собравшиеся на площади, обратив взоры в сторону пустыни, увидели страшного змея. Он двигался, задрав голову до небес, хвоста же его не было видно. И все, что попадалось ему на пути, обращалось в прах.

— Это доподлинно джинн, — сказал Хатем, — а все, что происходит, — его подлые проделки.

Змей медленно приближался, и от взмахов его хвоста люди один за другим падали навзничь. Оглядевшись по сторонам и убедившись, что все горожане повергнуты в беспамятство, змей стал извиваться и, превратившись в прекрасного юношу, направился к шаху. Шах, едва завидев его,

бросился ему навстречу и, взяв его за руки, усадил рядом с собой на троне. По прошествии некоторого времени юноша-змей встал со своего места и сказал:

— А теперь покажите мне всех девушек.

— Да будет так, — покорно ответил шах.

Когда юноша-змей оглядел всех девушек и не нашел достойной, он отправился на женскую половину шахского дворца и, увидев дочь шаха, сказал:

— О шах, мне пришлось по нраву твоя дочь, и ты должен отдать ее мне в жены.

— Я бы с радостью сделал это немедленно, только прежде я должен поведать тебе нечто неприятное. В нашем городе появился некий смутьян, и он грозит учинить расправу всякому, кто пойдет против его воли. Может быть, ему приглянулась моя дочь. Волей-неволей я должен испросить его совета.

— Где этот негодяй? — взъярился джинн. — Ведите его сюда!

Когда Хатема привели к джинну, тот, окинув его взглядом, сказал:

— О юноша, где обретался ты до сего дня и зачем пожаловал сюда? Кто дал тебе право неволи горожан, запрещая им выдавать своих дочерей замуж? Зачем ты их обманываешь? Разве способен ты одолеть всех разом?

— В этом городе, — отвечал ему Хатем, — испокон веков при составлении брачной записи существовал обычай, коий эти негодные нагло презрели. Я же того допустить не могу.

— О властелин, — сказал, обратясь к шаху, джинн, — что побуждает вас отступать от обычаев ваших предков? Негоже являть непочтение к устоям старины.

Услышав такие слова, шах повернулся к Хатему и сказал:

— О мудрый, помоги нам составить брачную запись так, как это делалось в старину.

— О благородный юноша, по обычаю мудрых старцев сие ожерелье, — сказал Хатем, показывая

джинну ожерелье пери, — нужно опустить в чашу с водой. Часть той воды жениху надлежит выпить, а в оставшейся воде искупаться. Тогда молодой семье всю жизнь будут сопутствовать мир и благополучие.

— Ну что ж, — обрадовался джинн, — ничего худого в этом обычае нет. Раз так положено — так тому и быть!

Хатем тотчас смочил ожерелье в воде и дал джинну напиток. Четвертую часть джинн выпил, а оставшуюся воду Хатем вылил в большой сосуд и сказал:

— О счастливейший из женихов. Погрузись в этот сосуд, хорошенько вымойся, и после этого дочь шаха будет принадлежать тебе. В противном случае тебе придется заплатить шаху выкуп — тысячу рубинов и тысячу алмазов размером с куриное яйцо.

Джинн, понадеявшись на свой волшебный дар, решил полезть в сосуд, но только он там очутился, как колдовская сила покинула его. Хатем тем временем крепко-накрепко закупорил отверстие сосуда и принялся читать всесильное заклинание. И по мере того, как он читал это заклинание, сосуд закупоривался все крепче и крепче и вскоре стал подобен стене Искандара. Между тем Хатем насмешливо возвестил:

— О счастливейший из женихов! Выходи! Мы ждем тебя с нетерпением!

Затем, обернувшись к горожанам, повелел:

— О друзья, принесите сюда дров, жених небось продрог в холодной воде, не худо бы его отогреть.

Люди не мешкая притащили огромную охапку хвороста, обложили им сосуд, в коем находился джинн, и разожгли огонь. И огонь тот был столь велик, что достигал до самого неба. Джинн стал молить о пощаде, однако ему никто не внял, и вскоре дух его изошел.

Горожане бросились благодарить Хатема, затем спросили:

— О спаситель! Неужто отныне нам некого бояться?

— Не беспокойтесь, друзья мои. На веки вечные избавлены вы от чудовища.

Шах повелел слугам принести золото и драгоценности и вручил их Хатему.

— О любезный шах, — сказал Хатем, — милость твоя мне бесконечно дорога, только добрые деяния совершал я не ради даров. Дозволь раздать сии богатства сирым и нищим.

— Да продлится срок твоей жизни до бесконечности, — воздев руки к небу, восклицали горожане, — да сбудутся все твои желания! Да сопутствует тебе счастье в этом и в ином мире! А коли хочешь оказать благодеяние тем, кто терпит нужду, — одари их собственноручно, дабы они до конца дней своих благословляли твою щедрость.

Семь дней и семь ночей провел Хатем в пирах и забавах, а потом испросил у шаха разрешения удалиться и отправился в город Каттан.

Оставив позади много дней пути, достиг он высокой горы, о коей ему говорил седобородый старец, и, одолев ее, вышел к пустыне. Семь дней шел он по той пустыне и увидел наконец развилку двух дорог. И подумал Хатем: «Пожалуй, разумно будет держаться совета мудрого старца». И подумав так, пошел по дороге, ведущей влево, ибо старец говорил ему, что дорога, ведущая вправо, исполнена опасностей. Однако, сделав несколько шагов, он решительно возвратился назад и свернул вправо. «Если всевышнему будет угодно помочь мне одолеть чудовищ, коими, по словам старца, изобилует этот путь, я и жителей тех мест от них избавлю и себе дорогу сокращу. Если же мне суждено распроститься с жизнью — беда найдет меня повсюду!» Пройдя немного вперед, он вдруг почувствовал сильную боль: земля, по которой он ступал, была сплошь покрыта колючками. С трудом переставляя израненные ноги, он наконец миновал это место и по прошествии некоторого времени достиг пустыни, кишмя кишевшей отвратительными тварями, каждая из которых

была размером со льва. И все они устремились на Хатема и готовы были растерзать его. Устрашился Хатем, воздел очи к небу и стал взывать к помощи Аллаха. Тут перед ним появился святой Хизр и молвил:

— О Хатем, таков удел всех, кто не внемлет советам мудрейших!

— О благородный Хизр, — отвечал ему Хатем, — содеянного не исправишь. И раскаиваться поздно. Сожалею я о содеянном, да какой прок в моих раскаяниях?!

— Брось на землю ожерелье пери, — повелел Хизр.

Хатем тотчас достал волшебное ожерелье, и едва он бросил его на землю, как земля пожелтела, потом почернела, потом стала зеленой, а под конец — красной.

И в тот же миг Хизр исчез, а твари сцепились в яростной схватке, так что Хатем только диву дался.

Три дня и три ночи дрались между собой те твари, и к исходу третьей ночи в живых не осталось ни одной. Увидев это, Хатем хотел было поднять с земли ожерелье, однако утратился, что твари оживут, и решил выждать, пока они обратятся в прах. И он провел в этом месте еще три дня, и когда все твари превратились в прах, он поднял с земли волшебное ожерелье и отправился дальше. По прошествии некоторого времени он пришел в лес, где земля была утыкана железными шипами.

Сделал он несколько шагов и почувствовал, что шипы впиваются ему в ноги, словно гвозди. Он разорвал свою одежду, обернул ею ноги, но они продолжали по-прежнему кровоточить. «Как же мог я поступить столь неразумно, — думал Хатем, — и на муки себя обрек, и в дороге застрял. Быть может, это мое последнее испытание!» Вскоре он снова достиг пустыни и увидел, что пустыня являет собою обиталище скорпионов. И были те скорпионы высотой с лису, а толщиной с мельничный жернов. Почуяли они дух человеческий,

высунули из-под камней свои головы и, увидев Хатема, тотчас на него накинулись. Устрашился Хатем и снова стал взывать к милости всевышнего. И тотчас невесть откуда появился перед ним седобородый старец.

— О Хатем, — молвил он, — не выпускай из рук узду благоразумия!

— О почтенный отец, — отвечал ему Хатем, — силы мои на исходе, а эти отвратные существа способны ядом своим извести даже слона!

— Не медли, Хатем, брось на землю свое ожерелье.

Хатем вознамерился было достать волшебное ожерелье, но был он столь слаб и немощен, что даже не мог поднять руки. Тогда старец вынул из-за пазухи у него ожерелье и бросил его на землю, и, когда оно упало на землю, цвет ее стал меняться, точь-в-точь как это случилось в пустыне тварей, и скорпионы бросились друг на друга, и вскоре все полегли замертво. А Хатем пробыл здесь три дня и три ночи и, когда увидел, что все скорпионы обратились в прах, поднял с земли свое ожерелье и отправился дальше.

По прошествии нескольких дней пути пришел он в большой город. Увидев Хатема, горожане спросили:

— О юный странник, как ты добрался в наши края?

Хатем поведал им о своих приключениях, показал израненные ноги и в заключение сказал:

— С помощью всевышнего одолел я всех тех гадов и чудовищ, по его же милости остался цел и невредим. Ныне и колючки, и мерзкие твари, и скорпионы пропали навек. Только железные шипы остались, их уничтожить мне не удалось.

Несказанно возрадовались горожане вестям Хатема, ибо открылся им путь короткий и безопасный. Когда шаху доложили, что некий юный странник уверяет, будто все могут смело следовать той дорогой, шах повелел зрителям дорог сначала проверить, правду ли говорит этот

странник. Сам же, подозвав к себе Хатема, сказал:

— О юноша, ты, должно быть, измучился, пока добирался до нашего города. Поживи у нас, отдохни, наберись сил, а после пойдешь дальше.

Шах просил Хатема задержаться, ибо хотел убедиться в правдивости его слов. Про себя же подумал, что если Хатем солгал, то ему не сносить головы.

Между тем смотрители дорог вернулись и доложили, что Хатем сказал истинную правду.

Шах немедленно разослал послания в сопредельные страны, сообщая, что путь, прежде исполненный опасностей, свободен от хищников и гадов и отныне все купцы и странники могут, не тревожась за свою жизнь, следовать по нему. И он усадил Хатема на почетное место, одарил его дорогими подарками и попросил у него прощения.

Удивился Хатем и сказал:

— О высокочтимый шах! За что же мне тебя прощать? Уж не за доброту ли твою и гостеприимство, коими ты окружил меня с превеликой щедростью!

— О юноша, — отвечал шах, — ты чист и непорочен, потому не мог и помыслить, что я велел страже следить за тобой, дабы ты не сбежал до времени. И если бы слова твои оказались ложью, я предал бы тебя повешению.

— О справедливый шах! — отвечал ему Хатем. — Намерения твои были и разумны и справедливы, ибо кто же достоин наказания более сурового, чем лжец?! Но, как видишь, я сказал правду. Милость твоя мне бесконечно дорога, но обременительны многочисленные дары — нет у меня слуги, который все это нес бы за мною.

— Не тревожься, — отвечал шах. — Я дам тебе такого слугу, и он проводит тебя до твоей родины.

— Возвращаться домой я покуда не собираюсь. Сперва я должен исполнить одно дело.

— Поведай мне, какие заботы тебя тревожат — и я охотно тебе помогу.

— О благородный шах! — отвечал Хатем. — Любезность и обходительность твои поистине безмерны, только я не вправе употребить их тебе во зло. Если можешь — укажи мне путь к городу Каттан.

— Что же прельщает тебя в Каттане? — удивился шах.

— Слышал я, — отвечал Хатем, — будто есть там летающая баня.

— О юноша, многие отправлялись на поиски той бани, — всполошившись, отвечал шах. — Иные, не найдя ее, пристыженные, возвращались назад. Те же, кому удавалось ее отыскать и в нее проникнуть, оказывались во власти злого колдовства, и до сей поры неведомо, какая судьба их постигла.

— Все это мне известно, — молвил Хатем. — Оттого-то я и не стал вовлекать тебя в сие опасное дело. Я же должен во что бы то ни стало достигнуть цели и уповаю на помощь всемогущего Аллаха.

Сколько ни уговаривал шах Хатема, сколько ни увещевал — тот оставался непреклонен. В конце концов, поняв, что все усилия его тщетны, шах повелел слугам показать Хатему путь к Каттану. Выслушав повеление шаха, слуги отвечали:

— Слушаем и повинуемся!

Вскоре, распроставшись с шахом, Хатем отправился в путь. По прошествии нескольких дней достиг он некоего места, где слуги остановились и, обратясь к нему, сказали:

— О юноша, разреши нам возвратиться домой. Отсюда до города Каттана рукой подать. Нам же следовать за тобой нельзя.

Отпустив их, Хатем отправился дальше и через два дня и две ночи пришел в одно селение.

— О юноша, — спросили его тамошние жители, — кто ты такой и откуда пожаловал?

Хатем поведал им без утайки обо всех своих приключениях. Выслушав его, жители выказали Хатему свою благосклонность и просили у них погостить. День и ночь ублажали они его и угощали различными яствами. А на рассвете про-

водили в дорогу. Оставив позади много путей и дорог, Хатем пришел в город Каттан и остановился в караван-сараях. Несколько дней провел он в отдохновении, после же, взяв с собой два рубина и алмазы, отправился во дворец к шаху Харису.

Придя во дворец шаха Хариса, он просил немедля доложить о его прибытии, дабы шах его принял.

Доложив о просьбе Хатема, слуги спросили, какова будет на то воля шаха, и шах повелел его привести.

Когда Хатем предстал пред шахские очи, он вознес шаху Харису достойную хвалу, низко поклонился и, достав из-за пазухи рубины и алмазы, положил их к ногам шаха. И, увидев бесценные дары Хатема, шах несказанно возрадовался, ибо не было в его кладовых подобных сокровищ.

Шах Харис тотчас понял, что перед ним юноша благородного происхождения, и, усадив его на богато изукрашенный курси, спросил:

— О юноша, что привело тебя в наши края?

— О могущественный шах! — отвечал Хатем. — Я следую из государства Хорасан, из города Хуснабада в твою славную страну. Всему миру давно известны твои благородство и щедрость, и возникло у меня неодолимое желание узреть мудрость твою собственными глазами.

Выслушав все эти похвалы, шах осыпал Хатема ласками и сказал:

— Добро пожаловать, о юноша! Твое появление озарило мою жизнь! Где обитаешь ты ныне?

— О шах, — отвечал Хатем, — я поселился в караван-сараях твоего города.

— Окажи мне честь, о благородный юноша, — молвил шах, — неподалеку от моих покоев пустует комната. Располагайся в ней и будь моим гостем.

— Да свершится воля твоя! — отвечал Хатем.

Вернулся Хатем в караван-сарай, собрал свои пожитки и перебрался во дворец шаха Хариса. Мудрыми словами и изысканными манерами он покори сердце шаха, и вскоре они стали нераз-

лучны. И так привязался шах Харис к Хатему, что не мыслил себе разлуки с ним.

По прошествии шести месяцев, обратясь к приближенным, шах сказал:

— О благородные, как бы сделать так, чтобы сей славный юноша навсегда остался в нашем городе? Это было бы прекрасно!

— О могущественный шах, — отвечали приближенные, — в красоте и сладкоречии Хатем не имеет себе равных, и ни в чем нет у него изъяна. Любовь к нему пробудилась и в наших сердцах.

Когда Хатем, увидев шаха обрадованным, снова положил к его стопам несколько драгоценных камней, шах удивился:

— О юноша, я твой должник за первые твои дары и ума не приложу, чем могу отблагодарить тебя. За все время, что ты гостишь у нас, ты еще ни о чем меня не просил. Я же горю желанием исполнить любую твою просьбу.

— О благородный шах! — сказал Хатем. — Доброта и радушие, коими ты меня окружил, столь редки и непривычны, что о большем я и помыслить не смею!

И шах отвечал так:

— Считаю подвластную мне страну своим владением и требуй всего, чего тебе угодно. Благоприятное мое и моих приближенных к тебе столь велико, что мы готовы выполнить любое твоё пожелание, ибо я признаю тебя разделяющим мою власть.

— Великий шах! Да будет тебе ведомо, что мирские страсти мне чужды, и только одно неодолимое желание до самого смертного часа останется в сердце моем.

— Признайся, что тебя заботит? — спросил шах. — Если тебе пришлась по душе моя дочь, я с радостью отдам ее тебе в жены. А коли ты мечтаешь о шахском троне, я готов немедленно уступить его тебе. Всякая твоя просьба для меня — закон!

— Твою дочь я почитаю своей сестрой, — отвечал Хатем. — Мое желание совсем иного рода.

Я поведаю тебе о нем, только прошу, не отрекись от своего слова — помоги мне выполнить его.

Шах взял руку Хатема и торжественным тоном изрек:

— О благородный юноша, каково бы твое желание ни было, я клянусь его исполнить!

Успокоенный ответом шаха, Хатем сказал:

— О шах, я мечтаю увидеть летающую баню и прошу на то твоего соизволения.

Услышав эти слова, шах в раздумье опустил голову.

— О могущественный шах! — взволновался Хатем. — Что повергло тебя в сомнение?

— Твоя просьба для меня весьма неожиданна, — отвечал шах, — некогда дал я зарок оберегать всех от летающей бани, ибо всякий, кто вознамерится разгадать ее тайну, обречен на верную гибель. Каково же мне посылать туда тебя, юношу столь милого моему сердцу?! Между тем вправе ли я преступить свою клятву? Ведь клятва шаха священна, и, нарушив ее, он роняет себя в глазах верноподданных! Ты же своей любезностью и обходительностью вовлек меня в эту историю, и ныне мне трудно выйти из нее с честью.

— Не тревожься за меня, — сказал Хатем, — милость всевышнего мною испытана. Я надеюсь, что злые чары летающей бани обойдут меня стороной и я вернусь целым и невредимым. Только не подумай, что желание мое проникнуть в эту тайну праздно. — И Хатем подробно поведал шаху о всех своих приключениях, а также историю любви шахзаде Мунира к малике Хуснбану.

Услышав о том, что до сего времени удача не оставляла Хатема, шах, благословив его, молвил:

— О благородный юноша! Да осуществляются твои добрые намерения, ибо все эти муки ты принимаешь ради счастья других.

И еще шах сказал:

— Жаль мне с тобой расставаться, да делать нечего. Скажи мне на прощанье, откуда ты родом и как тебя зовут.

— О великий, — отвечал ему Хатем, — зовут меня Хатем ибн-Тай, я шахзаде Йемена.

Услышав это, шах встал со своего места и заключил Хатема в объятия.

— Царское сияние, мудрость и мужество озаряют твое чело, — торжественно произнес он. — Верю, что имя твое прославится в веках и не будет равного тебе во всем мире.

И шах тотчас повелел составить указ для ратников, охраняющих дорогу к летающей бане, дабы те способствовали Хатему во всем. А содержание того указа было таково: «Шахзаде Йемена Хатем ибн-Тай возымел намерение увидеть летающую баню. Повелеваю на пути его следования оказывать ему милости и почтение, помочь лицезреть все своими глазами, а после живым и невредимым возвернуть его ко мне».

Едва писари составили тот указ, как шах вручил его Хатему и, роня горькие слезы, с причитаниями и вздохами проводил его из дворца. Когда Хатем скрылся из виду, охваченный печалью шах оставил свой трон и уединился в потайной комнате.

По прошествии пятнадцати дней и пятнадцати ночей Хатем достиг некоего места и увидел вдали высокие ворота, подобные арке царя Кира. И спросил тогда Хатем у своих провожатых:

— О друзья, куда ведут эти ворота?

— О шахзаде, — отвечали они, — эти ворота ведут к летающей бане, только до них еще семь дней пути.

Через семь дней и семь ночей пришли Хатем с провожатыми к высокой горе, у подножья которой стояло огромное войско.

— Чье это войско? — спросил у провожатых Хатем.

— Это войско, — отвечали они, — охраняет по приказу шаха Хариса ворота летающей бани. Оно столь многочисленно, что никто не может туда проникнуть.

Подойдя к главному военачальнику по имени Идрак, Хатем вручил ему указ шаха Хариса. Про-

читав тот указ, Идрак пытался убедить Хатема отказаться от его затей и уговорил его задержаться на несколько дней. Все это время Хатем был его гостем, после же сказал:

— О Идрак! Почему не выполняешь ты повеление шаха? Сколько сил я истратил, чтобы достичь летающей бани, неужто ты думаешь, что меня отвратят от моего замысла твои уговоры? Знай же, что в своем намерении я тверд, ибо у необходимости нет выбора.

Не сумев отговорить Хатема, Идрак отправил шаху Харису послание, в коем говорилось, что Хатем ибн-Тай, несмотря на все увещевания, настаивает на своем и он, Идрак, просит ему ответить, какова окончательная воля шаха.

Когда шах прочел послание Идрака, то понял, что уповать больше не на что, и повелел ему пропустить Хатема к летающей бане, дабы тот достиг желаемого.

— О Хатем, — сказал напоследок Идрак, — если тебе дорога жизнь, подумай, не лучше ли тебе отказаться от задуманного, дабы потом не пришлось раскаиваться.

И Хатем сказал ему так:

— О брат, не будь мне помехой: воля моя тверда, а желание заветно.

Сказав это, Хатем направился к воротам, на арке коих было написано: «Со времени Каюмарса ибн-Адама и до сего дня никто из проникших в мир чар и колдовства не возвращался из него назад». Увидев эту надпись, Хатем устранился, и в душе его на миг зародилось сомнение. Однако мысль о том, что он нарушит обещание, данное шахзаде Муниру, обманет надежды Хуснбану и разочарует шаха Хариса, укрепила его волю. Подумав так, он прочитал стих:

Ради славы и чести должны все дела на земле вершиться.
Хватит и пол-лепешки в день, чтоб достойному прокормиться.

А потом он простился со слугами шаха и ступил за ворота летающей бани. Сделав несколько шагов, Хатем обернулся и увидел, что слуги и во-

рота куда-то исчезли, а сам он находится среди необозримой пустыни. Страх охватил его душу. Он повернул было назад, однако не нашел и следа исчезнувших ворот. И тогда Хатем подумал: «Так вот оно что! Не зря же меня так долго утешивали да уговаривали! Всякого, кто попадет в подобную этой безводную пустыню, ждет неминуемая смерть». Оглядевшись по сторонам, Хатем никакой дороги не увидел и волей-неволей вынужден был отправиться вперед. По прошествии некоторого времени он заметил вдали человеческий призрак.

Когда Хатем приблизился к нему, призрак извлек из-за пазухи небольшое зеркало и подал его Хатему. Взяв это зеркало, Хатем посмотрел на свое отражение.

Между тем призрак сказал:

— О юноша, летающая баня сейчас где-то в пути.

— Откуда ты знаешь? — удивился Хатем. — Ты что, служитель летающей бани?

— Да, — отвечал призрак.

— А что ты здесь делаешь? — спросил Хатем.

— Каждого, кто сюда приходит, — отвечал призрак, — я доставляю к летающей бане, там его купаю, ухаживаю за ним и получаю от него за свои труды вознаграждение. Если ты отважишься зайти в баню, я обслужу и тебя.

И Хатем сказал:

— Да будет так! Я пришел издалека и хочу снять с себя дорожную усталость.

Призрак направился вперед, а Хатем последовал за ним. Пройдя целый фарсанг пути, они увидели купол, и Хатем спросил у призрака:

— Что это за купол?

— Это и есть летающая баня, — отвечал тот.

И он подвел Хатема к двери бани, плававшей на поверхности бассейна, и сказал:

— О юноша, ступай внутрь, а я подам тебе воду.

— Разве можно идти в баню одетым? Нет ли у тебя люнги? — попросил Хатем.

Призрак тотчас дал Хатему чистый люнги, и Хатем, опоясавшись этим люнги, вошел в купальню, и, как только он вылил на себя поданную призраком горячую воду, послышался страшный грохот, сделалось темно, словно ночью, так что Хатем ничего не мог различить. Когда же мрак немного рассеялся, Хатем увидел, что ни призрака, ни бани нет — все словно сквозь землю провалилось. Только бассейн стал разрастаться и разрастаться, и вскоре вся округа оказалась залитой водой. И подумал Хатем: «Какая тут кроется тайна: почему вода все время прибывает? Не лучше ли мне отсюда уйти, не то вода и меня затопит». Он огляделся вокруг, но деваться было некуда. Вскоре вода покрыла Хатема с головой, и он подумал, что эта вода погубила всех смельчаков, отправившихся на поиски летающей бани. Думая так, он мысленно взывал к помощи всевышнего. «О могущественный Аллах, — обращал он к нему свою мольбу, — не покинь меня в беде, ибо только ты властен распоряжаться судьбою смертных!»

Между тем вода поднялась уже настолько, что Хатем оказался на том месте, где прежде был купол бани. Вскоре он совсем обессилел, и больше плыть не мог, и стал искать, за что бы уцепиться, чтобы хоть немного передохнуть. И тут снова раздался страшный грохот, и Хатем увидел себя в необъятной пустыне. И в душе его зародилась надежда: «Мне удалось выйти живым из страшного водоворота, может быть, я избавился и от злых чар».

Три дня и три ночи шел он по пустыне и вдруг увидел вдали какое-то жилище. «Должно быть, там обитают люди», — подумал Хатем и направился туда. Подойдя ближе, он увидел большой, очень красивый сад. Войдя в ворота и сделав несколько шагов, он оглянулся и обнаружил, что ворота исчезли. Удивился Хатем и подумал: «Что за наваждение! Видно, я еще нахожусь в мире колдовства и чар». И он стал прогуливаться по саду. Зайдя вглубь, он увидел огромные деревья, вершинами

достигающие небес, переспелые плоды коих сплошь усыпали землю. Хатем проголодался и стал с жадностью есть их, но сколько ни ел, насытиться так и не смог, только ощутил в своем сердце покой и радость. Несколько поодаль от этих деревьев находилось небольшое святилище, сплошь изукрашенное золотом. Когда Хатем вошел внутрь, то увидел, что вдоль стен святилища стоят окаменевшие людские фигуры, а в одном углу — прекрасная дева с ликом, излучающим лунное сияние, укутанная дорогим парчовым покрывалом, казавшаяся, подобно другим фигурам, окаменевшей.

Тут раздался некий таинственный голос:

— О юноша, как достиг ты сих мест и почему, отказавшись от земной жизни, пожаловал сюда?

Услышав этот голос, Хатем осмотрелся и увидел какую-то дверцу, над коей было написано:

«О раб всемогущего Аллаха! Так или иначе тебе не миновать злых чар летающей бани, кои исходят от Каюмарса ибн-Адама. Однажды во время охоты Каюмарс ибн-Адам нашел прекрасный сверкающий алмаз размером в три мискала. И спросил он у ученых мужей и приближенных знатоков: «Попадались ли вам подобные алмазы?» И те отвечали: «Мы отроду о подобных и не слыхивали». «О знатоки, — обратился к ним Каюмарс, — столь большую редкость нам надлежит хранить в тайнике, где никто бы не мог к ней прикоснуться».

Вот он и поселил в летающей бане шаха Хариса говорящего попугая, в животе коего находится бесценный алмаз, и окружил его колдовскими чарами. О странник! Взгляни на курси, и ты увидишь на нем лук и стрелы. Если ты поразишь стрелой попугая, чары разрушатся, и, достав из его нутра волшебный алмаз, ты останешься цел и невредим. Если же тебе это не удастся, то ты окаменеешь, подобно всем, кто сюда приходил.

И понял Хатем, какая печальная участь постигла окаменевших юношей, и скорбь овладела его

душой. Вдруг эти окаменевшие фигуры разом заговорили.

— О Хатем, — сказали они, — неразумно тебе обрекать себя на верную гибель. Ведь ты и нас не освободишь и сам окаменеешь.

Услышав такие слова, Хатем схватил лук, натянул тетиву и выстрелил в попугая. Однако стрела его пролетела мимо, и он тотчас окаменел до колен.

И снова послышался таинственный голос:

— Эй, юноша, тебе здесь не место. — Это был голос попугая.

Хатем пустил в него вторую стрелу, но снова промахнулся. И на сей раз окаменел до пояса.

— Эй, юноша, тебе здесь не место, — повторил попугай.

И тут волшебная сила отбросила Хатема на триста шагов, и он очутился возле окаменевших фигур. Горькие слезы полились из глаз Хатема, будто он увидел свою смерть. Собрав все оставшиеся силы, Хатем выпустил в попугая третью стрелу, и она пронзила попугая насквозь, и он выпал из клетки. И вдруг засверкали молнии, загредел гром, и все вокруг погрузилось во тьму. Хатем же упал без чувств, а когда опаматовался, увидел, что ни сада, ни святилища, ни попугая нет, и лишь на голой земле лежит сверкающий, словно солнце, алмаз.

Едва Хатем поднялся и взял этот алмаз в руки, каменные фигуры ожили.

— О храбрый юноша, — сказали они, — как удалось тебе устоять перед этим колдовством? ..

Тут Хатем поведал им о своих приключениях. И все спасенные бросились ему в ноги, благодаря за избавление от колдовства Каюмарса. Собрались они все вместе и отправились в путь. Долго шли они и по прошествии нескольких дней достигли высоких ворот. Миновав те ворота, Хатем заметил, что они находятся неподалеку от жилища Идрака. Увидев Хатема в окружении луноликих юношей, Идрак устремился им навстречу и, вознеся хвалу Аллаху за их спасение, повел их к себе

в дом. Когда все они пришли в дом Идрака, он повелел слугам подать изысканнейшие яства и пьянящие напитки, а после трапезы попросил Хатема поведать, что с ним приключилось. Хатем подробно рассказал обо всем от начала и до конца, чем немало подивил всех, кто здесь был. Идрак также подробно описал похождения Хатема в послании шаху Харису и, вручив его гонцу, велел срочно доставить во дворец. Спустя один день Хатем со своими спутниками отправился в город Каттан. К тому времени послание Идрака сюда уже прибыло, и шах был осведомлен о том, что Хатем жив и невредим. На радостях он вместе с главным визирем и своими приближенными вышел встречать дорогого гостя.

Едва завидев шаха Хариса, Хатем склонился в почтительном поклоне. Шах же заключил Хатема в объятия, осыпал его ласками и, приведя во дворец, усадил рядом с собой на троне. И шах Харис тотчас повелел устроить великий пир. И расставили слуги на дастархане всевозможные яства, и воссели все за праздничную трапезу. После же угощения шах попросил Хатема поведать ему правду о летающей бане. Хатем рассказал обо всем от начала до конца. И шах возблагодарил Аллаха за его спасение и прославил могущественного Хатема за все его добрые деяния. А потом по просьбе Хатема пожаловал каждому из спасенных от злых чар юношей арабского скакуна и богатые одеяния, ибо им предстоял долгий путь, и они должны были вернуться домой в достойном облачении.

После того как спасенные Хатемом юноши отбыли к себе на родину, Хатем продолжал гостить у шаха Хариса, а по прошествии нескольких дней он испросил у него соизволения вернуться в Хуснабад. Шах повелел снарядить его в дорогу и приготовить припасы и все, что может потребоваться в далеком пути. Поблагодарил Хатем шаха Хариса за доброту его и сердечность и, простившись с шахом и всеми его приближенными, отправился в Хуснабад. Когда он достиг дворца мали-

ки Хуснбану и служанки доложили, что Хатем вернулся, малика возрадовалась, пригласила его во внутренние покои и, сокрывшись за занавесом, сказала:

— О юноша, пусть долог был твой путь, а вернулся ты цел и невредим. Надеюсь, ты разгадал секрет летающей бани?

Согнувшись в почтительном поклоне, Хатем воздал малике Хуснбану положенные почести, после же подробно поведал ей о чарах летающей бани и обо всех своих приключениях. И в довершение всего он положил перед маликой отнятый им у попугая алмаз. Увидев тот алмаз, малика немало удивилась и предалась глубокому раздумью.

— О прельстительная малика, — обратился к ней Хатем. — Поведай мне седьмую загадку, дабы я отыскал на нее ответ.

— О Хатем, — отвечала малика. — Ступай в караван-сарай к своему другу, сними усталость, а после вернешься ко мне, и я загадаю тебе последнюю загадку.

Хатем тотчас отправился в караван-сарай и встретился с Муниром. Мунир с восхищением слушал рассказ о приключениях Хатема. Потом он бросился ему в ноги и облобызал перед ним землю. Однако Хатем, подняв Мунира, сказал:

— О друг мой! Все, что мною содеяно, не делает тебя моим должником, ибо для меня превыше всего торжество добра, и только оно побуждает меня подвергать себя подобным испытаниям.

Между тем малика Хуснбану ежечасно присылала Хатему различные яства, и он вместе со слугами шаха Хариса и шахзаде Муниром предавался пирам и веселью.

По прошествии нескольких дней Хатем, одарив слуг шаха Хариса богатыми одеждами, проводил их в дорогу, а сам отправился к малике Хуснбану.

— О чарующая мир малика, — доложили ей слуги, — во дворец пожаловал шахзаде Хатем и ждет твоего приглашения.

Малика велела тотчас проводить Хатема к ней, усадила его на золотой курси, сама же, сокрывшись за занавесом, спросила:

— О Хатем, почему ты так мало предавался отдыху?

— О прельстительная малика, — отвечал Хатем, — какой может быть отдых, когда душа не ведает покоя?! Вот разгадаю последнюю загадку и тогда угомонюсь.

— Слушай, Хатем, — сказала малика, — есть у меня необыкновенная жемчужина, точно такая же находится неизвестно где. Ты должен ее раздобыть и принести мне.

— О малика, покажи эту жемчужину твоему покорному рабу, — попросил Хатем.

Малика тотчас повелела своему казначею принести невиданную жемчужину, и тот принес жемчужину и показал ее Хатему, и оказалась она размером с куриное яйцо.

— Я знаю, что нельзя мне взять с собой эту жемчужину. Но я должен иметь при себе хотя бы некое подобие ее, дабы не ошибиться.

Малика Хуснбану призвала искусных мастеров и повелела им изготовить из серебра копию жемчужины. А когда они ее изготовили, Хатем взял ту копию с собой и вернулся в караван-сарай. И Хатем, и шахзаде Мунир долго дивились жемчужине столь редкостной и прекрасной.

— О Хатем, — спросил шахзаде Мунир. — Как же можешь ты отправиться на поиски жемчужины, если не знаешь, где ее искать?

— Не тревожься, Мунир, — утешил его Хатем. — До сего времени всевышний был к нам благосклонен. Авось и ныне не бросит он нас в беде.

— О друг, — сказал Мунир, — побудь со мной еще несколько дней, дабы я наслаждался беседами с тобой.

— Вот когда я найду жемчужину, а ты достигнешь желаемого, тогда мы наговоримся вдоволь. А сейчас мне пора в путь!

И, простившись с шахзаде Муниром, Хатем отправился на поиски жемчужины.

Приключение седьмое

Простившись с шахзаде Муниром, Хатем отправился в путь. По прошествии нескольких дней пришел он в пустыню и, привалившись к большому плоскому камню под высоким раскидистым деревом, погрузился в раздумье. «Куда мне податься, где найти вторую жемчужину?» — сокрушался он. Когда стемнело, с берега реки Кахраман прилетели две птицы. Уселись они на ветви дерева и повели между собой разговор.

— О милый, — сказала самка, обратясь к самцу, — хоть места здесь и изобильные и есть чем поживиться, я была бы не прочь сыскать себе другое пристанище.

— О милая, — отвечал тот, — сущую правду ты говоришь. Поначалу я думал, что нам нужно оставаться здесь, однако климат здешний и мне не по нутру. Завтра же вернемся на прежнее место.

— Да, пожалуй, это будет лучше, — задумчиво молвила самка.

Поговорив так, они замолкли. Тут самка увидела сидящего под деревом Хатема.

— О шах птиц, — спросила она самца, — не знаешь ли ты, кто этот юноша и чем он озабочен?

— Это шахзаде Йемена по имени Хатем ибн-Тай, — пояснил самец. — На его долю выпала тяжкая забота, и он не знает, как ему ее одолеть.

— Отчего же у такого молодого человека такая тяжкая забота?

И самец сказал так:

— О милая, всей моей жизни не хватит, чтобы поведать и сотую долю добрых дел, свершенных этим юношей. Ныне ему осталось решить одну задачу, и он устроит счастье своего друга. Он должен отыскать вторую жемчужину по форме и размеру подобную куриному яйцу.

— А где есть такая диковинная жемчужина?

— О милая, это история длинная и поучительная, и я поведаю тебе ее на языке людей, дабы она достигла ушей славного Хатема.

И самец рассказал следующее:

— В незапамятные времена на берегу реки Кахраман обитали сказочные птицы, кои несли вместо яиц жемчужины, подобные находящейся ныне у дочери купца Барзаха малики Хуснбану. Однажды их постигла беда, и они нашли вечный покой на дне реки Кахраман. Уцелели лишь две жемчужины, одна из коих попала к шаху Шамнану, и он закопал ее под деревом вместе с другими своими сокровищами. Вскоре душа шаха Шамнана вознеслась к Аллаху, а места, которыми он владел, превратились в пустыню. И вот клад шаха Шам-

нана посчастливилось найти малике Хусибану. А вторая из жемчужин попала в руки шаха Каянидов — Бурхана. Когда шах Бурхан умер, его страна пришла в запустение, а подданные разбрелись в разные стороны. Одна из его жен, которая ждала ребенка, покинула дворец Бурхана и унесла эту жемчужину с собой. Оставив позади много путей и дорог, она присела отдохнуть и предалась печальным раздумьям. Волею судьбы той дорогой следовал богатый купец по имени Шамар. Увидев молодую женщину с лицом подобным четырнадцатидневной луне, задумчивую и грустную, он спросил, что ее печалит.

И когда жена шаха Бурхана подробно поведала ему обо всех своих бедах, в сердце купца Шамара пробудилось сострадание к ней, и он ее удочерил. Вскоре исполнился положенный срок, и жена Бурхана родила сына необычайной красоты. По прошествии двенадцати лет купец Шамар испил чашу смерти, и мальчик занял его место. На деньги купца Шамара нанял он многочисленное войско и, захватив сопредельные страны, объявил себя их правителем. Так властвовал он, а затем его потомки до той поры, пока не появился могущественный Сулейман. Тогда все богатства мира и все обитающие на земле существа стали принадлежать ему. И драгоценная жемчужина шаха Бурхана, переходя из рук в руки, попала, наконец, к Хашаму Сурхкулаху, и тот отдал ее шаху пери — Мехьяру. Ныне шах Мехьяр, являясь наместником Сулеймана — мехтаром, властвует на острове Барзах и повелевает пери и дивами тех мест. И есть у него луноликая дочь, достигшая брачного возраста. И сказал шах Мехьяр, что отдаст свою дочь в жены тому, кто узнает, откуда и когда появилась на свет диковинная жемчужина. Долго и тщетно пытались многие пери разгадать эту тайну, однако так и ушли ни с чем. А шах Мехьяр, перечитав древние рукописи, нашел эту разгадку. Вот все, что мне ведомо о драгоценной жемчужине, — добавил самец.

— О мой повелитель, — молвила самка, — как же этот достойный юноша достигнет реки Кахраман? Ведь на пути туда его будут подстерегать множество опасностей.

— На сие есть воля Аллаха, — отвечал самец. — Если Хатему суждено жить долго, то он сумеет их одолеть, в противном случае — погибнет в этой реке. Ныне ему надлежит отправиться на юг, прихватив с собой наши перья. По прошествии некоторого времени он придет к горе Каф, а за ней будут лес и пустыня, в коих обитает множество всяких тварей. Тут Хатем должен сжечь наши черные перья, пепел от них бросить в воду и той водой ополоснуться. И он тотчас обернется грозным дивом и сможет спокойно продолжать свой путь, ибо все хищники и гады, устранившись, станут обходить его стороной. Когда Хатем минует эти места, ему следует сжечь наши белые перья, а пепел от них бросить в воду. Потом ополоснуться этой водой и вернуть себе прежнее обличье. Добравшись до острова Барзах и представ пред ясные очи шаха Мехьяра, Хатем должен чистосердечно поведать обо всем, что его заботит. Тогда шах Мехьяр задаст ему свой вопрос, ответив на кой, Хатем станет обладателем прекрасноликой жены и диковинной жемчужины.

— А как попадут к этому юноше наши перья? — спросила самка.

В этот момент самец встрепенулся и взмахнул крыльями, и несколько его перьев упали на землю. Самка последовала его примеру, а Хатем, собрав эти перья, тщательно спрятал их за пазуху. -

— О дорогой, — спросила самка, — откуда тебе известно, что этот юноша пришел в наши края в поисках жемчужины?

— О царица пернатых, — отвечал ей тот, — да будет тебе ведомо, что все самцы нашего рода обладают не только даром провидения, но еще и знают обо всем, что произошло и происходит со времени сотворения мира по сей день. Самкам же нашим свойственно одно лишь пустословие. Когда мир придет в упадок, погибнет и весь наш

род, и дружба между людьми станет редкостью.

Вскоре лучезарный рассвет пришел на смену ночной тьме, и обе птицы, покинув дерево, устремились в родные места.

А Хатем, следуя совету самца, отправился на юг.

Достигнув некоего места, увидел он плачущую лису.

И спросил Хатем:

— Какая беда тебя постигла? Почему ты так горько плачешь?

— О юноша, — отвечала лиса, — некий охотник хитростью заманил моего лиса и лисенка в западню, и я взываю ко всевышнему, дабы тот ниспослал им спасителя. Уж не поможешь ли мне ты?

— О бедняжка! — сокрушенно молвил Хатем. — Хоть среди зверей и принято считать людей жестокосердными, однако многие из нас — люди душевные, желающие творить одно только добро. Я, к примеру, дал обет посвятить свою жизнь счастью других и сделаю все, чтобы тебе помочь.

— О добрый человек, — сказала лиса. — Как же можем мы думать о людях хорошо, когда охотники причиняют нам столько горя? Ну что пользы им причинять зло живым существам? Как только не убоятся они кары небес?

— Как дерево, роняя свои плоды, об них не печется, хоть и обречены те плоды на верную гибель, так и охотник, упиваясь своей страстью, не думает, какую муку приносит животным. Но если ты проводишь меня к тому охотнику, я постараюсь выволить из беды твоего лиса и лисенка.

Испугалась лиса:

— О юноша, если я с тобой пойду, меня может постигнуть судьба той обезьяны.

— А что случилось с обезьяной? — спросил Хатем.

И лиса рассказала:

— В давние-давние времена в большом дремучем лесу жила семья обезьян с детенышами,

Пришел туда однажды старый охотник, изловил самца с детенышами, отвез детенышей в город и продал. Горько плакала обезьяна, пребывая в одиночестве. Мало-помалу набралась она храбрости, пошла к властелину города и, упав перед ним на колени, взмолилась:

— О великий властелин! Твой верноподданный — охотник — разлучил меня с моими детьми. Ради Аллаха, вели ему вернуть их мне.

И властелин, обратясь к своим людям, грозно спросил:

— Кто из вас осмелился взять на душу подобный грех?

А те ему в ответ:

— Самца и детенышей этой обезьяны привез такой-то охотник.

Властелин повелел одному из своих слуг немедленно отправиться к тому охотнику и освободить самца и детенышей из неволи.

Обрадовалась самка и отправилась вместе с посланцем властелина к дому охотника. Когда они туда пришли, вызвал посланец охотника и говорит:

— Так, мол, и так. Велено тебе отпустить пойманных тобою обезьян.

— Как же я могу их отпустить, — ответил охотник, — когда я их продал тебе? Если есть на то соизволение властелина города, то дай обезьянам свободу, а я верну тебе уплаченные тобой деньги.

— Д-да, — смешался посланец, — я успел так привязаться к этим обезьянам, что мне трудно с ними расстаться. Надо найти какой-нибудь другой выход из этого положения.

— Тогда возьми себе и самку, — посоветовал охотник.

Так они и поступили. А когда властелин узнал об этом, он разгневался и повелел привести обезьян во дворец. Однако, увидев малышей-обезьян, пришел в умиление и повелел самца и самку прогнать с глаз долой, а их детенышей оставить ему. Повеление его было исполнено. А печаль самца и самки, разлученных с детьми,

приумножилась во сто крат. И подумала самка: «Сльвем мы среди зверей существами самыми разумными, однако никто так часто не попадает в охотничий капкан, как мы. Вот уж поистине «убежав от дождя, попали под мельничный желоб».

И, закончив свой рассказ, лиса спросила:

— О славный юноша, неужели ты поступишь со мной подобно тем людям?

— Успокой свое сердце, бедняжка, мои намерения честны, — отвечал ей Хатем.

Делать нечего. Не дожидаясь утра, лиса повела Хатема в селение, где жил охотник. Когда прошли они два фарсанга пути, лиса показала Хатему дом охотника, и Хатем ей сказал:

— Послушай, лиса, теперь ты спрячься где-нибудь, а я займусь этим делом сам.

Лиса тотчас схоронилась поблизости в ущелье и стала ждать. Когда сияние солнца озарило мир, Хатем отправился в селение. Придя к дому охотника, он остановился у ворот. Между тем охотник, увидев прекрасного юношу, вышел к нему и спросил:

— О юный странник! Какое дело привело тебя сюда?

И Хатем ответил так:

— Я уроженец Йемена и занемог тяжелой болезнью. А чтобы исцелиться, лекари велели мне омыть тело лисьей кровью. Люди же сказали мне, что ты охотишься на шакалов и лис. Вот я и пришел к тебе.

— Ты явился кстати, — обрадовался охотник, — я как раз изловил нескольких лис. Если они тебе нужны — можешь их у меня купить.

— Охотно, — согласился Хатем. — Веди их сюда.

Охотник тотчас отправился во двор и привел самца и шестерых детенышей. Дал Хатем охотнику несколько золотых динаров и забрал лиса с лисятами. Когда пришел он к ущелью, где его поджидала лиса, она выскочила из своего укрытия и принялась плясать от радости. Однако,

приметив, что лис ее чем-то удручен, она загрустила, а потом заплакала и стала посыпать себя пеплом.

— Что случилось? Чем ты так опечалена? — удивился Хатем.

— О добрый юноша, — запричитала лиса, — теперь я словно шах без короны!

— Какая еще тебе нужна корона? — спросил Хатем.

И лиса сказала так:

— Разве ты не знаешь, что муж для жены все равно, что корона для шаха? Голод и тоска так изнурили моего лиса, что он не нынче-завтра умрет. И если мы тотчас не отыщем средства, которое может его спасти, — он погиб!

— А что может его спасти? — взволновался Хатем.

Лиса опустила голову и погрузилась в раздумье.

— О лиса, — не унимался Хатем, — почему ты молчишь? Скажи, чем я могу помочь твоему лису?

— Совестно мне тебе говорить, — тихо молвила лиса, — но его способна исцелить только человечесья кровь. Если ты сумеешь кого-нибудь из людей убить, лис мой будет спасен.

— Видишь, сколь ты зла и несправедлива, — вознегодовал Хатем. — Прежде ты просила лишь освободить лиса из неволи, ныне же тебе потребовалась для него человечесья кровь. А ведь человек — наиболее благородное из живых существ. Однако для блага твоего лиса я готов пожертвовать собой. Скажи только, из какой части тела требуется кровь?

— Из любой, — пробормотала лиса.

Хатем тотчас пустил себе кровь из руки, и она полилась ручьем, и лиса напоила ею своего лиса, и, испив той крови, лис почувствовал, что к нему вернулись силы.

Хатем, перевязав руку, сказал:

— Ну что, лиса, теперь ты довольна?

Тут лис, лиса и лисята упали Хатему в ноги и принялись благословлять его за доброту.

— О Хатем, да воздаст тебе Аллах благом на этом и на том свете! — воскликнули они.

Затем, распроставшись с Хатемом, они отправились восвояси. Хатем же устремился в другую сторону. День он проводил в пути, а с наступлением темноты, подыскав себе укромное и безопасное место, устраивался на ночлег. Питался Хатем одними плодами. По прошествии некоторого времени достиг он некоей пустыни и, испытывая сильную жажду, стал искать какой-нибудь источник. Вдруг ему привиделся вдали родник, и он решил напиться из того родника. Когда же Хатем подошел поближе, то увидел, что никакой это не родник, а лежит там, свернувшись в клубок, огромный змей. Хатем вознамерился было вернуться назад, однако змей заговорил человеческим голосом:

— О юноша из Йемена, чего ты испугался?

Услышав эти слова, Хатем отвечал:

— Меня мучает жажда, и я принял тебя за источник, однако, увидев, что ошибся, решил не испытывать судьбу.

— Напрасно ты меня испугался! Ничего худого я тебе не сделаю. Я дам тебе все, чего только ты пожелаешь.

Змей распрямился, пополз вперед и повелел Хатему следовать за ним.

Хатем же про себя подумал: «Хоть и говорит он человеческим языком, однако мне не стоит с ним связываться, ибо змей есть змей и ждать от него добра не приходится».

Когда змей увидел, что Хатем в сомненье остановился, он сказал:

— О юноша, не думай обо мне плохо, считай меня своим другом.

Услышав такие слова, Хатем решительно последовал за ним. Вскоре змей привел Хатема в прекрасный сад. Увидев тот сад, Хатем обрадовался и подумал: «Должно быть, здесь обитают люди, ибо кто же иной способен вырастить столь великолепный сад?» Однако, взглядевшись в его дивные цветы и диковинные растения, понял, что тут не обошлось без волшебства.

— Подожди здесь, — сказал змей, усаживая Хатема на роскошный шахский ковер, расстеленный неподалеку от красивого водоема, — я скоро вернусь.

Сказав так, змей нырнул в водоем, и Хатем понял, что водоем — его обиталище.

Хатему наскучило сидеть на одном месте, и он стал прогуливаться в ожидании змея по саду. По прошествии некоторого времени из водоема вышли несколько пери, держа в руках богатые дастарханы. Остановившись перед Хатемом, они сказали:

— Мы — прислужницы господина, кой привел тебя сюда. Все эти драгоценности он посылает тебе. — И, развернув дастарханы, они положили перед Хатемом множество драгоценных камней, золота и жемчугов.

Хатем сказал:

— Ничего мне не нужно! Ведь нет со мной друзей, коих мог бы я всем этим одарить, нет и слуг, которые помогли бы мне сии дары унести.

Тем временем из водоема появились другие пери с богатыми дастарханами и, вручив их Хатему, сказали:

— Прими подношения нашего господина, о светлейший!

— О луноликые, — отвечал им Хатем. — Благодеяния вашего повелителя безграничны, однако сии драгоценности для меня значат не более ячменного зерна.

Тут из водоема вышли луноликые пери и, поклонившись Хатему, положили перед ним тканые золотом дастарханы.

И спросил Хатем:

— А что в этих дастарханах?

— Наш повелитель прислал тебе угощения, — отвечали они.

— Это другое дело, — обрадовался Хатем. — А где же сам хозяин?

Только сказал он эти слова, как из водоема появился прекрасноликий юноша-пери в окружении многочисленных воинов-пери. Он прибли-

зился к Хатему, взял его за руку и, усадив рядом с собой на золотом kursi, спросил:

— О Хатем, узнаешь ли ты меня?

— Я никогда тебя не видел, — удивился Хатем.

— О Хатем, — молвил тот, — я — змей, который привел тебя сюда.

— Что за облик принял ты прежде? — спросил Хатем. — В чем тайна твоего превращения?

— Потерпи немного, Хатем, и ты все узнаешь.

Вскоре они принялись за трапезу, а затем, утолив голод, Хатем спросил:

— О юноша-пери, не соизволишь ли ты рассказать мне свою историю?

— Охотно, — отвечал тот, — слушай. Во времена господства великого Сулеймана я, сын шаха Шама по имени Афрас, решил покинуть владения отца и спуститься на землю. Волею всемогущего я очутился в прекрасном месте, однако мне того показалось мало, и я задумал при помощи своих воинов уничтожить людей, обитателей сих краев, и объявить себя их владыкой. И я приказал моим верноподданным не мешкая готовиться к жестокой битве, в ходе которой нам во что бы то ни стало надлежало истребить всех людей. С нетерпением ждал я наступления следующего дня. В беспокойстве и тревоге провел ночь, а когда утренний рассвет разогнал тьму, я увидел, что у моих воинов-пери из крыльев выпали все перья, я же, утратив прежний облик, обернулся змеем. С той поры днем я лежу на земле, свернувшись клубком, а ночью вытягиваюсь во весь рост. Когда же я в раскаянии возносил всевышнему мольбы о прощении, некий вещий голос мне отвечивал: «Всемогущий Аллах воздал тебе должное за подлое твоё коварство, и твой удел — оставаться в обличье змея до той поры, пока появится шахзаде Йемена Хатем, кой отпустит тебе тяжкие грехи». Так, на протяжении восьмидесяти лет высматриваю я своего избавителя, нынче же ты явился, и радости моей нет предела. Я готов выполнить любое твоё повеление и на веки вечные стать твоим слугой, только яви мне

свое милосердие — избавь меня от вечных мук!

— О пери, — спросил Хатем, — в чем суть твоего коварства, которое навлекло на тебя сии беды?

— О благородный Хатем, — отвечал Афрас, — в бытность могущественного Сулеймана мой отец дал клятву, что ни он, ни его потомки до самого Судного дня не обидят ни одного рожденного человеком, а в случае если кто-нибудь из нашего рода нарушит сей обет, то он тотчас утратит облик пери.

И нарушившим обет оказался я, и меня постигла страшная кара. О мой благодетель! Будь моим заступником перед всевышним, умоли его, дабы он ниспослал мне свое прощение! Лишь только твоя благочестивая молитва дойдет до него!

Хатем поднялся со своего места, совершил омовение и, преклонив колена, воздел руки к небу. «О великий Аллах, прими раскаяние несчастного шаха Афраса, — молвил он, — верни ему свое благорасположение!» Едва только его горячие мольбы вознеслись ввысь, как страшное заклятье исчезло. Шах Афрас вместе со своими верно-подданными, облобызав перед Хатемом землю, сказал:

— О благородный Хатем, окажи милость, поведай нам свои заботы, и мы постараемся тебе помочь.

Хатем показал Афрасу жемчужину и, поведав историю шахзаде Мунира и малики Хуснбану, просил помочь ему добраться до острова Барзах.

И сказал шах Афрас:

— Дорога к тому острову трудна и опасна. Туда от роду не добирался ни один рожденный человеком.

— У необходимости нет выбора, — отвечал ему Хатем, — никакие дивы-людоеды не способны заставить меня нарушить свой обет. Ничего иного мне не остается, как вверить свою судьбу всевышнему. Он же, милостивый и благосный, явит мне свое милосердие.

— О Хатем, коли ты так решил, так тому и быть! Не тревожься, я прикажу своим слугам проводить тебя до острова Барзах.

Сказав так, он, обратясь к верноподданным, повелел:

— Эй, слуги, сей благородный юноша избавил нас от великих мук. Ныне он отправляется по другому доброму делу, и вы должны быть готовы, если это потребуется, отдать за него жизнь.

— Слушаем и повинуемся, — отвечали те, — только скажи, куда лежит его путь?

— Он следует на остров Барзах, — сказал шах Афрас.

— О повелитель! — воскликнули слуги. — Помыслить об этом и то страшно.

Сказав так, пери погрузились в глубокое раздумье. После же, подняв головы, молвили:

— О шах, без тебя нам не одолеть грозных дивов! Если ты соизволишь возглавить отряженных тобой воинов, мы готовы биться, не щадя своей жизни.

— Ваша правда, — отвечал шах Афрас. — Только могу ли я бросить на произвол судьбы свое царство? Ступайте с этим юношей, а в случае опасности пришлите ко мне гонца, и я тотчас явлюсь к вам на выручку.

Сказав так, шах приказал своим слугам принести золотой курси. Когда они принесли золотой курси, шах усадил на него Хатема, и четверо пери подняли его на воздух и в сопровождении многочисленных воинов понесли на остров Барзах.

По прошествии четырех дней и четырех ночей, ощутив голод и жажду, они спустились на землю.

— О благородный юноша, — сказали они, обратясь к Хатему. — Путь наш долог и труден — не пора ли нам немного отдохнуть?

— Пусть будет по-вашему, — отвечал Хатем.

Несколько слуг остались охранять Хатема, остальные же отправились на поиски пищи. Тем временем вышли на охоту дивы-людоеды. Увидели они Хатема, окружили золотой курси и подняли шум: что, дескать, делать здесь

человеку? Слуги-пери трусили и хотели было убежать, однако вовремя опамятовались и вступили с дивами в бой. Поначалу им удалось нескольких дивов одолеть, но вскоре к тем пришла подмога, и они взяли Хатема вместе с его спутниками в плен.

— Кто этот человек?— спросили дивы-людоеды прислужников шаха Афраса.

— Это друг шаха Афраса, — отвечали те. — Не вздумайте его трогать, не то вам несдобровать.

— Шах Афрас давным-давно сгинул, — молвили дивы, не поверив слугам-пери, и заточили их вместе с Хатемом в темницу.

После же сказали:

— Сначала насытимся как следует, а на закуску съедим этого рожденного человеком.

Тем временем вернулись слуги-пери, ходившие на поиски пищи, и, не найдя на месте оставленных ими остальных слуг, переполошились:

— Надо поскорее узнать, что тут произошло, и немедленно доложить о том шаху Афрасу.

Они приблизились к убитым дивам и увидели, что один из них еще дышит. Тогда они влили ему в рот немного воды, он опамятовался и раскрыл глаза.

— Кто ты такой и что за беда с тобой приключилась?

— О пери, — отвечал див, — я один из слуг шаха дивов Макраса. Вместе с прочими его приближенными я отправился на охоту, и, придя сюда, мы увидели рожденного человеком и нескольких пери. Мы вознамерились было их схватить, однако они не трусили, вступили с нами в битву, только было их мало, и мы их одолели и заточили в темницу.

Слуги-пери немедленно взяли раненого дива и отправились с ним к шаху Афрасу. Когда же они по прошествии двух дней и двух ночей прибыли во дворец, Афрас, услышав их рыдания, повелел хаджибам немедленно доставить их во внутренние покои. Когда они предстали пред его ясные очи, шах Афрас спросил:

— О несчастные, какая беда привела вас ко мне?

Слуги-пери молча вытолкнули вперед раненого дива, и шах Афрас, объятый великим гневом, велел своим визирям снарядить войско в поход.

Визирь тотчас бросился исполнять приказание шаха Афраса, и с наступлением утра тридцать тысяч конных воинов во главе с могущественным шахом Афрасом, покинув дворец, направились к острову Барзах. По прошествии трех дней и трех ночей шах Афрас выслал своих лазутчиков, дабы те разведали, где обретаются ныне презренные дивы.

Лазутчики же, выполнив его повеление, донесли, что дивы-людоеды вместе со своим предводителем Макрасом находятся на охоте.

И шах Афрас, обратясь к войску, сказал:

— Славные мои воины! С часу на час нам предстоит битва, жестокая и кровавая, в коей мы должны явить свою беспощадность к врагу. Верю я и в вашу силу и в вашу отвагу, однако, клянусь великим Сулейманом, тому, кто проявит милосердие к дивам шаха Макраса, не сносить головы.

Когда воины шаха Афраса услышали такие слова, кровь у них закипела. Не ожидавшие подобного напора, дивы растерялись и поддались панике. Между тем воины-пери бились, точно разъяренные львы. Кони их мелькали то тут, то там, то и дело раздавался лязг мечей, и, словно мячи, катились по земле отрубленные ими головы дивов. В конце концов дивы обратились в бегство, несколько же пленных вместе с их шахом Макрасом были доставлены к Афрасу.

— Всех пленных дивов истребить! — повелел тот и шаху Макрасу сказал:

— О презренный клятвопреступник! Разве ты не знал, что шах Афрас еще жив?! Как посмел ты поднять руку на моих верноподданных? Куда ты подевал моего друга-человека?

— О великий шах, я давно его съел, — отвечал див Макрас.

— Негодяй! — воскликнул Афрас. — Ведь ты давал великому Сулейману клятву, что никогда не станешь чинить людям зла.

— То было прежде, — продолжал Макрас. — Ныне нет ни великого Сулеймана, ни его сподвижников: кого же мне бояться?!

— Воины-пери! Притащите побольше дров, разведите костер и бросьте этого нечестивца в огонь.

Пери тотчас исполнили приказание шаха Афраса, и когда Макрас почувал, что пробил его смертный час, он истошным голосом завопил:

— О пери, пощадите меня! Я верну вам и того человека, и остальных ваших братьев!

Воины-пери тотчас погасили костер, шах же Афрас сказал:

— Если ты будешь верен своему слову, у нас не останется никакого повода для вражды, ибо мы с тобой — из одного рода.

— О Афрас! — воскликнул шах дивов. — Помянись именем Сулеймана, что исполнишь обещанное.

— Клянусь! — торжественно произнес шах Афрас.

— Рожденного человеком и воинов пери я заточил в глубокую яму там-то и там-то.

Шах Афрас тотчас направил своих слуг за пленниками, и вскоре Хатем и воины-пери предстали пред его шахские очи.

Приветливо обняв Хатема и усадив его рядом с собой на трон, Афрас сказал:

— О брат, ведь я некогда говорил тебе, что та дорога кишмя кишит дивами-людоедами.

— О благородный шах! — молвил Хатем. — Сынам человеческим свойственно испытывать свою судьбу.

— Эй, слуги, — повелел шах Афрас, — бросьте дива Макраса в огонь! Неразумно отпускать его на волю. Зло, чинимое им людям, следует пресечь! Веры же ему нет, ибо однажды он уже нарушил клятву, данную Сулейману.

— О шах пери! — взмолился Макрас. — Ведь ты только сейчас клялся именем Сулеймана сохранить мне жизнь и тут же отступаешься от своего слова, между тем как я вернул тебе и слуг твоих, и рожденного человеком.

— Не по доброй воле уступил ты моим настояниям, — молвил шах Афрас. — Только пламя костра понудило тебя пойти на попятную. Поначалу ты лгал, что съел рожденного человеком, после же стал прикидываться нашим другом. Обдумал я все это и понял, что никакой ты нам не друг и разумнее предупредить опасность, нежели поплатиться за легкоеверие.

Сказав так, шах Афрас приказал своим слугам снова развести большой костер и покончить с шахом дивов и его приближенными.

Слуги тут же исполнили повеление шаха Афраса и бросили Макраса и его приближенных в огонь, и те с криком и рыданиями отдали свои души дьяволу преисподней.

После этого шах Афрас назначил властелином страны дивов одного из высокородных пери, сказав при этом:

— Властвуй в стране дивов строго и справедливо.

— О Хатем, а чего желаешь ты? — спросил он.

— О могущественный шах, — отвечал Хатем, — мне необходимо добраться до острова Барзах.

И шах Афрас, обратясь к пери, молвил:

— Есть ли среди вас отважные и сведущие, кои взяли бы доставить сего юношу на остров Барзах?

Тотчас же поднялись со своих мест четверо пери и ответствовали:

— О господин наш! Если будет на то твое соизволение, мы доставим сего юношу на остров Барзах.

Получив благословение шаха Афраса и усадив Хатема на золотой курси, они отправились в путь.

Двадцать один день и двадцать одну ночь летели они. Вдруг Хатем услышал громкие

стенания. Он велел пери опустить его на землю, и когда они очутились на вершине горы, то увидели там юношу-пери, кой, уронив голову на колени, горько плакал.

— О юноша, — спросил, обратясь к нему, Хатем, — какая беда постигла тебя, отчего ты так горько плачешь?

Поднял юноша-пери голову и, увидев перед собой человека, удивленно сказал:

— О рожденный человеком, что привело тебя в эти края, кто указал тебе путь?

— Меня доставил сюда всемогущий Аллах, — отвечал Хатем.

— Но ведь не из праздного любопытства пришел ты сюда?

— О предающийся печали! Я должен отыскать жемчужину, снесенную некогда сказочной птицей, а жемчужина эта находится, как мне ведомо, у правителя острова Барзах.

— О рожденный человеком, — скорбно покачал головой юноша-пери, — ты говоришь сущую правду, только заполучить ее — дело нелегкое, ибо правитель того острова требует, чтобы ему сказали, когда, где и откуда взялась эта жемчужина. Однако до сего времени не сыскалось существа, которое ответило бы на этот вопрос. Вот, к примеру, я, потомок шаха острова Туман, и мне известно все на свете, но ответить на вопрос о жемчужине не могу. Как же надеешься ты это сделать?

— А какая забота одолевает тебя? — спросил Хатем. — Почему уединился ты в сем необитаемом месте?

— О рожденный человеком! История моя и печальна и безысходна. Как я уже говорил тебе, я сын Шахмира — шаха острова Туман. Зовут же меня Михравар. Однажды, сидя среди знатных путешественников, я услышал о несравненной красоте дочери шаха острова Барзах. И так превозносили они ее красоту, что, не видя ее, я подарил ей свое сердце. Снедаемый страстью и любовным томленьем, решил я отправиться на остров Барзах,

и, явившись во дворец шаха, признался ему в своем чувстве к лунолицой малике, и осмелился просить у него руки дочери. Шах милостиво усадил меня у подножья своего трона и, положив передо мной жемчужину, спросил: «О шахзаде Михравар, расскажи мне все об этой жемчужине, и я отдам дочь тебе в жены».

Однако я обнаружил полное невежество, и шах приказал своим слугам немедля гнать меня прочь. Когда я вышел из дворца, то увидел стоящую на балконе дочь шаха. Ее красота пронзила мне сердце, и я упал замертво на землю. Опамятовавшись, я устремил взор к балкону, но красавицы там уже не было, и, утратив надежду на счастье, покинул я остров Барзах и нашел уединение в сих тихих местах, где никто не мешает мне предаваться печали. В одном я остался непоколебим: либо моя душа сольется с душою моей возлюбленной, либо она покинет мое тело.

— О благородный юноша, — утешил его Хатем. — Уйми смятение своего сердца. Если будет на то воля Аллаха, я отвечу шаху острова Барзах на его вопросы, и тогда ты получишь в жены его дочь, а я обрету диковинную жемчужину.

— О рожденный человеком, — засмеялся юноша-пери, — зачем тешишь ты меня несбыточными надеждами?

И Хатем сказал так:

— О сомневающийся! Верь моему слову — я знаю все об этой жемчужине: и когда, и где, и как она появилась. Если ты последуешь за мной на остров Барзах, то услышишь все собственными ушами. А чтобы укрепить твою волю, я тебе скажу: жемчужина та появилась не из раковины, ее некогда снесла волшебная птица, и на острове том прежде жили люди. Ныне же он является обиталищем пери. Наберись терпения, и я исполню твое желание.

Услышав такие слова, юноша-пери бросился Хатему в ноги. Хатем же, обратясь к слугам-пери, спросил:

— Хватит ли у вас сил нести нас обоих?

— Хватит, — ответили те и, усадив Хатема вместе с шахзаде Михраваром на золотой курси, полетели к острову Барзах. По пути они повстречали дивов-людоедов, и их вожак, учуяв человеческий дух, всполошился:

— Негодники-пери уносят куда-то человека. Схватите их и принесите ко мне.

Дивы тотчас исполнили повеление своего властелина, и он, едва завидев Хатема, Михравара и слуг-пери, обратился к ним с такими словами:

— О пери, поведайте всю правду: кто вы такие?

— Мы — слуги шаха Афраса, — отвечали те.

— О лживые пери! — вознегодовал главный див. — Мне доподлинно известно, что шах Афрас за подлое свое коварство давным-давно утратил власть над подданными.

И сказали пери:

— Сей юный странник вернул Афрасу его могущество, а нам — прежний облик.

— Куда же несете вы этого рожденного человеком? — спросил див.

— На остров Барзах, — отвечали пери.

— А кто сидит с ним рядом? — не унимался див.

Шахзаде пери сказал:

— О див Манкал, неужели ты меня не узнаешь? Я Михравар, сын шаха острова Туман.

— Ты, Михравар, можешь возвращаться домой, а этого рожденного человеком я съем.

— О Манкал, — воскликнул Михравар, — разве тебе неведом запрет могущественного Сулеймана приносить людям горе? Хватит ли у тебя дерзости его нарушить?

— Ты меня не страши Сулейманом, — огрызнулся главный див. — Этого странника я ни за что не отпущу. Мясо человека — редкос в наших краях лакомство.

Шахзаде Михравар понял, что дива словами не убедить, и пустился на хитрость.

— О Манкал, — сказал он, — что проку тебе в одном человеке? Оставь Хатема в покое, а я дам тебе взамен десять других.

— Хорошо, — отвечал див, — только правду ли ты говоришь?

И сказал Михравар:

— Хатем останется у тебя, пока я не выполню своего обещанья. Только не вздумай его обижать, ибо он мой самый близкий друг. Проводи его в свой сад, пусть он там меня дожидается.

— Да будет так, — согласился див Манкал.

Оставив Хатема с несколькими слугами-пери в прекрасном саду главного дива, Михравар в сопровождении остальных пери отправился в путь. По прошествии некоторого времени они опустились на землю и стали совещаться, как быть дальше.

— Если я пойду к своему отцу за войском, то могу, пожалуй, опоздать, — сказал шахзаде Михравар. — Уж лучше нам немного переждать здесь и в подходящий момент выкрасть Хатема. Тогда до наступления рассвета мы сможем удалиться на несколько фарсангов.

Предложение шахзаде пришлось по душе пери, и они с ним согласились. Тем временем стражники, охранявшие сад, не подозревая о хитром замысле шахзаде Михравара, увлеклись охотой. Подстрелив выслеженных зверей, они развели огромный костер, зажарили их мясо и, наевшись до отвала, улеглись спать.

Увидев, что Хатем и другие пленники остались без надзора, Михравар и слуги-пери похитили их из сада и улетели.

— О пери, — сокрушался Хатем, — что будет, если дивы пустятся за нами в погоню?

— Не тревожься, Хатем, — отвечали те. — Стоит нам только подняться в воздух, как дивы потеряют наш след.

Пери не мешкая усадили Хатема на курси и полетели. К восходу солнца они уже пролетели сто фарсангов. Время от времени они спускались

на землю, чтобы поесть и отдохнуть, и с каждым часом улетали от дивов все дальше и дальше.

А теперь оставим на время Хатема и пери и вернемся к дивам.

Главный див Манкал, видя, что положенное время прошло, а шахзаде Михравар все не возвращается, приказал своим слугам привести Хатема к нему, дабы он мог полакомиться его мясом.

Когда слуги пришли в сад, они обнаружили, что Хатема и след простыл. Возвратясь к своему господину, они пали перед ним на колени и взмолились:

— О могущественный шах. Не подумай, что мы нарушили твою волю — человек куда-то исчез!

Разгневался Манкал и стал попрекать их, что, мол, они сами съели Хатема.

— О шах, мы ничего о нем знать не знаем и ведать не ведаем.

Тогда Манкал приказал заточить всех стражников, охранявших сад, в темницу. И как те ни молили его о пощаде, как ни клялись именем могущественного Сулеймана, что не виноваты перед ним ни в чем, Манкал оставался непреклонен. Тем временем пери вместе с Хатемом достигли берега реки Кахраман. Волею случая тут оказался один из слуг Манкала. Поняв, что пери похитили Хатема, он вознамерился было схватить его и вернуть своему господину, однако о его замысле догадался шахзаде Михравар и, выхватив из ножен меч, отрубил диву руку.

— Одной рукой мне не одолеть врагов, — сказал тогда див. — Пойду-ка я к дивам этого острова, пусть они мне помогут.

Между тем шахзаде Михравар спросил:

— Эй, див, из какого ты племени?

— Я из племени Манкала, — отвечал тот.

— Ступай скажи своему господину, что человека выкрал я. А если ему и в дальнейшем вздумается досаждать людям, я уничтожу весь его род, с ним же поступлю так, как шах Афрас поступил с Макрасом.

Выслушал див эти слова и улетел. Пери же направились в другую сторону. Вскоре они опустились на землю и, обратясь к Хатему, сказали:

— О благородный юноша! Дальше нам идти возбраняется. Позволь нам вернуться назад.

Когда Хатем разрешил пери удалиться, шахзаде Михравар, припав к его стопам, взмолился:

— О брат мой! Я не хочу с тобой разлучаться и готов делить с тобой любые невзгоды.

— Нет, Михравар, — возразил Хатем, — я не вправе подвергать тебя опасностям. Подскажи, если можешь, как мне лучше миновать эту пустыню и добраться до нужного мне места.

— О дорогой, — сказал шахзаде, — в этой страшной пустыне господствуют дивы-людоеды. Некогда пришел сюда предводитель пери с огромным войском, намереваясь сразиться со злыми дивами. И была тут большая битва, в коей погибли почти все воины и той и другой стороны. Под конец пери и дивы заключили между собой мир, пообещав друг другу жить в дружбе. Однако, когда в эту пустыню попадают мужчины-пери, коварные дивы их безжалостно убивают, когда же случается здесь оказаться пери-женщинам, дивы их насилуют, и те погибают в страшных муках. Так что рассчитывать на милость беспощадных и вероломных дивов тебе — рожденному человеком — тем паче не приходится.

Задумался Хатем и, обратясь к Михравару, спросил:

— О любезный! Как по-твоему, если я приму облик дива, поможет это мне уцелеть?

— Должно быть, поможет, — отвечал ему Михравар.

Хатем тотчас сжег черные перья, опустил их пепел в воду и, омывшись этой водой, стал покрываться темными пятнами, а вскоре и вовсе почернел, словно уголь. После же принялся кататься по земле и мало-помалу принял облик дива, на голове у него даже появились два больших рога.

Шахзаде Михравар же с почтением подумал: «Сколь всемогущ человек! Он способен одолеть

не только нас, пери, но и грозных дивов. И если бы Хатем возжелал получить в жены дочь правителя острова Барзах, то и это ему оказалось бы по силам».

Между тем от Хатема, принявшего облик дива, в страхе шарахались хищники и гады, ползучие и летающие.

— О брат, — спросил шахзаде Михравар, — где тебе удалось добыть сии волшебные перья и как ты вернешь свой прежний облик?

— О шахзаде, — отвечал ему Хатем, — эти перья принадлежат птицам, родичи которых некогда несли жемчужные яйца. Одно из них попало к могущественному Сулейману, другое — к малике Хуснбану. — И Хатем поведал шахзаде Михравару о своих приключениях.

— Слава тебе, Хатем! — воскликнул тот. — Содеянное тобою дарует мне надежду, что ты сможешь выполнить и мою просьбу.

Однако всех подробностей о диковинной жемчужине Хатем не сказал шахзаде Михравару из опасения, как бы Михравару, если он опередит Хатема в пути, не достались и дочь правителя острова Барзах, и диковинная жемчужина, ибо в этом случае все усилия Хатема пропали бы даром.

Простившись с Михраваром, Хатем отправился пешком, а шахзаде полетел между небом и землей.

Страшный облик Хатема устрасал не только зверей, обитавших в пустыне, но и грозных дивов. Шахзаде Михравар летел над Хатемом, охраняя его, словно орел. С наступлением ночи они устраивались на отдых, а рано поутру продолжали свой путь. Так минуло несколько дней и несколько ночей. Однажды, почувствовав себя уставшими более обычного, Хатем и Михравар прилегли отдохнуть и не заметили, как заснули.

Вдруг какой-то див, проходя мимо, увидел их спящими и подумал: «Захвачу-ка я их и доставлю к шаху». Однако второй див возразил:

— О брат, что худого сделали они тебе, что ты решился обречь их на муки? Ведь они из нашего рода, и их привело в наши края какое-то дело.

Тем временем проснулся шахзаде Михравар и стал прислушиваться к их разговору.

— Надо узнать, кто они такие и зачем сюда пожаловали, — сказал первый див.

— И что за надобность тебе соваться в чужие дела? — возразил второй.

— Ты что, не боишься Сулуксара? — взъярился первый. — Ведь стоит кому-нибудь из наших прознать, что мы повстречали пришлых пери и дива, как он тут же донесет обо всем шаху. Что ты скажешь тогда? Как оправдаешься?

Разбудили дивы Хатема и Михравара, и Хатем, проснувшись, гневно воскликнул:

— Эй, дивы! Как смеее вы тревожить сон подобного себе?!

— Мы хотим узнать, какого ты роду-племени, — отвечали те.

— Разве вы не слышали, — отвечал Хатем, — что шах Афрас, одолев Макраса, уничтожил и его самого, и его род, а его владения захватил и оставил там правителем одного из своих приближенных.

— А какова причина столь сильной вражды? — удивились дивы.

И сказал Хатем:

— Все это случилось из-за рожденного человеком. Слуги шаха Афраса посадили его на курси и доставили в ваши края. Вот вы и отыщите его и приведите к своему шаху, — тогда снискаете его благодарность. А какой прок вам от меня? Я сам едва ноги от Афраса унес. Дабы отыскать врага, нет необходимости тревожить друга

— Отдыхай спокойно, а мы отправимся искать того, рожденного человеком.

Когда дивы скрылись из виду, шахзаде Михравар взволнованно молвил:

— Пойдем отсюда поскорее, иначе не оберемся бед.

Не дожидаясь наступления рассвета, Михравар и Хатем двинулись в путь. По прошествии трех дней и трех ночей они достигли берега широкой реки.

— О Хатем, это и есть река Кахраман, — сказал шахзаде.

Взглянув на бурные волны широченной реки, шум коих разносился по всей пустыне, Хатем встревожился.

— О Михравар! Как же мы переправимся на ту сторону? — спросил он.

— Правда твоя. Даже птицы не могут одолеть столь большое расстояние, ибо от этого берега до противоположного семь дней и семь ночей пути.

— Давай побудем здесь немного, может быть, что-нибудь и придумаем.

— Я согласен, — отвечал Хатем, — только что можно придумать на пустом месте?

— Не печалься, брат, — утешил его Михравар. — Неподалеку отсюда находится остров, коим правит брат моего отца — шах Шахман, и есть у того шаха диковинные лошади, кои способны и бегать, и плавать, и даже летать.

Сказав так, шахзаде Михравар отправился к шаху Шахману и вскоре предстал пред его шахские очи.

— О шахзаде, — сказал, обратясь к Михравару, Шахман, — что привело тебя в наши края?

И отвечал шахзаде:

— О благородный Шахман, мне немедля нужны две летающие лошади. Если ты пожалуешь их мне, то навеки завоеешь благорасположение моего отца.

— А разве твой отец не знал, что ты отправляешься в далекий путь? Почему он не снарядил тебя подобающим образом?

— В том нет его вины, — отвечал Михравар. — Однако я тороплюсь и взываю к твоей милости. Яви мне свою благосклонность, и я буду считать себя вечным твоим должником.

— Эй, слуги! — повелел шах Шахман. — Приведите немедленно двух летающих лошадей и снабдите шахзаде всем необходимым.

Слуги тотчас исполнили его повеление, и, провожая Михравара, Шахман обнял его и сказал:

— О сын мой, если бы тебе понадобились тысячи лошадей, то и их я не пожалел бы для тебя, ибо ты — сын моего брата. — И, простившись с шахзаде, добавил:

— Возьми моих слуг провожатыми.

Поблагодарив шаха Шахмана за заботу, Михравар молвил:

— Не тревожься, дядя, у меня есть надежный спутник, и никого мне больше не нужно.

Покинув дворец шаха Шахмана, Михравар полетел между небом и землей и вскоре опустился неподалеку от Хатема.

Увидев шахзаде и двух самых обыкновенных лошадей, Хатем удивился:

— Неужели лошади умеют летать?

— Умеют, — молвил Михравар. — Садись верхом, натяни поводья и ты увидишь, что будет дальше.

Так и сделал Хатем. И только он натянул поводья, как у лошади словно выросли крылья, и, оторвавшись от земли, она стремительно понеслась по воздуху. По прошествии четырех дней и четырех ночей Хатем ощутил сильный голод и, обратясь к Михравару, сказал:

— О брат, я так проголодался, что нет моей мочи лететь дальше.

Шахзаде тотчас достал из-за пазухи несколько сладких, как мед, плодов и дал их Хатему.

— Эти плоды утоляют и жажду, и голод, — сказал он.

— О шахзаде, откуда ты достал эти чудесные плоды? — удивился Хатем.

— Мне подарил их шах Шахман.

Через несколько дней они увидели сушу, и Михравар сказал:

— А теперь помаленьку отпускай поводья, пора нам спускаться на землю.

— Разве мы уже переправились на другой берег? — спросил Хатем.

— Ну нет, — ответил ему Михравар. — Мы достигли берега острова Барзах. Это один из многочисленных островов, кои имеются на реке Кахраман.

— Что-то тут не видать обиталища пери, — удивился Хатем.

— До города, в котором живет правитель Барзаха, еще десять дней пути.

И еще шахзаде Михравар добавил:

— О Хатем, придумал я один план, не знаю только, придется ли он тебе по сердцу.

— Поведай мне о нем.

— Я надумал вернуться к себе домой и привести сюда большое войско и с ним отправиться на остров Барзах.

— О Михравар! — воскликнул Хатем. — Зачем тебе войско? Разве ты собираешься воевать с Мехьяром?

— Как мог ты такое подумать?! — отвечал Михравар. — Всякому, кто ищет встречи с Мехьяром, он чинит неодолимые препоны. Если даже нам удастся добраться до его дворца, слуги не решатся доложить ему о нашем приходе. А когда на острове Барзах появится солидное войско, весть об этом немедля дойдет до Мехьяра, и тут уж волей-неволей ему придется нас принять.

— А сколько времени тебе понадобится на дорогу? — спросил Хатем.

— Всего неделя.

Хатем задумался, после же, подняв голову, молвил:

— Как это все некстати. Мало ли что может случиться, пока тебя не будет.

— Пери острова Барзах старательно охраняют его от злых существ. Поэтому тревоги твои напрасны.

Успокоив Хатема, шахзаде Михравар отправился в путь.

По прошествии пяти дней прибыл он на свой остров. Весть о его возвращении вскоре разнеслась по всему шахству. Придя во дворец, шахзаде Михравар бросился в ноги своим родителям и, обливаясь слезами, стал просить у них прощения за доставленные им тревоги. Между тем мать и отец, несказанно обрадовавшись, прижали его к своей груди и удивленно спросили:

— О свет очей наших, ведь ты отправился к Мехьяру с большим войском, а потом его покинул. Ныне воины ищут тебя по всем странам. Где же ты пропадал до сей поры? Мы уж, грешным делом, подумали, что ты обосновался у молодой жены.

Опустив голову, Михравар ответил:

— О достопочтенные мои родители! Не послушал я вашего совета и, покинув ни с чем остров Барзах, убитый горем отправился куда глаза глядят. Однако, к великому моему счастью, всевышний внял моим молитвам и послал мне спасителя по имени Хатем, коий поклялся помочь мне в моем деле.

— О дитя несмышленное, — молвил отец, — ты еще поистине младенец! Как можешь ты вверить свою судьбу рожденному человеком? Если разум пери не способен отыскать ответ на вопрос Мехьяра, то тем более непосильно сие простому смертному! Если же твой Хатем угодит Мехьяру, так сам же и возьмет его дочь в жены, ибо не захочет он, чтобы старания его остались тщетными. Отрешишь от бессмысленных надежд, дабы не усугублять свое горе.

— О отец мой, — возразил Михравар, — сей рожденный человеком — сын шаха Йемена, а шахам не пристало лукавить. К тому же он умен и благороден и секрет диковинной жемчужины узнал из разговора волшебных птиц, ибо, помимо всего прочего, обладает способностью понимать язык всех живых существ.

— Почему же ты бросил столь достойного юношу одного? — спросил шах.

И шахзаде сказал:

— О отец, если будет на то твое соизволение, я возьму войско нашего острова и в полном боевом облачении, как подобает потомку шахов, отправлюсь на остров Барзах. Друга же своего, шахзаде Хатема, я оставил на берегу реки Кахраман, и он там ждет моего возвращения.

Шах тотчас собрал двенадцатитысячное войско, подобающим образом снарядил его и с великими почестями отправил сына в путь. На прощанье же сказал так:

— О сын! Если всемогущему Аллаху будет угодно устроить твое счастье, дай нам знать об этом, и мы немедленно приготовим все для свадьбы.

Простился Михравар с отцом и матерью и по прошествии пяти дней и пяти ночей вернулся на остров Барзах. Однако, увидев, что Хатема нет на месте, вспомнил предостережение отца, и пробудилась в его душе тревога. Он повелел своим воинам разбить шатры, а сам, прихватив с собой слуг, отправился в сад и принялся вместе с ними разыскивать Хатема.

Вдруг один из слуг Михравара заметил Хатема, который, понурившись, сидел под деревом. Он со всех ног бросился к шахзаде Михравару и привел его к тому месту, и, приблизившись, Михравар увидел, что Хатем погружен в раздумье. И сказал Михравар:

— О брат, отринь свою печаль. Я вернулся!

Хатем несказанно возрадовался, обнял шахзаде, и они немедленно отправились к войску.

И увидел Хатем, что огромное войско, разбив шатры, заволокло берег реки Кахраман.

— О шахзаде, — удивился Хатем, — неужели все это войско принадлежит тебе?

И шахзаде ответил:

— Да!

Когда они вошли в шатер шахзаде Михравара, Хатем увидел, что стены его обтянуты златоткаными материями, а посередине стоит богато украшенный позолоченный трон.

Шахзаде Михравар усадил Хатема на трон, сам же сел рядом с ним и приказал барабанщикам бить

в барабаны, дабы известить всех о радостной встрече с другом. Потом слуги принесли всевозможные яства, и друзья приступили к трапезе. Утолив же голод, они предались веселью. Тотчас появились певцы и танцовщицы, и начался пир.

Всю ночь провели они в веселье и забавах, а с наступлением рассвета под громкие звуки барабана отправились к шаху Мехьяру. И войско шахзаде Михравара растянулось на всю пустыню.

Пери шаха Мехьяра, увидевшие торжественное шествие, поторопились во дворец и сообщили, что на остров Барзах прибыло большое войско пери и движется в направлении шахской столицы, однако каковы его намерения — неизвестно.

Шах Мехьяр разгневался и повелел отправить навстречу непрошенным гостям сорокатысячное войско, дабы захватить их в плен.

И тотчас военачальники шаха Мехьяра выступили против армии шахзаде Михравара, готовые к битве.

Когда шахзаде понял, что его появление внесло сумятицу, он тотчас направил своих посланцев оповестить шаха Мехьяра, что прибыл на остров Барзах с добрыми намерениями и не преследует никакой иной цели, кроме как стать покорным его рабом.

Услышав такие слова, шах успокоился и повелел препроводить к нему шахзаде Михравара с подобающими почестями. Представ пред шахские очи, Михравар сказал, что с ним вместе находится рожденный человеком шахзаде Йемена по имени Хатем и привело их во владения Мехьяра общее дело, о коем они готовы ему тотчас поведать.

Шах Мехьяр немедленно послал за Хатемом главного визиря, и когда Хатем прибыл во дворец, слуги проводили его в покои шаха. Приблизившись к трону, Хатем согнулся в почтительном поклоне, Мехьяр же обнял его и, усадив рядом с собой на золотой курси, спросил:

— О рожденный человеком, что привело тебя в наши далекие края? Как удалось тебе одолеть

все превратности и злоключения на пути к нам?

Тут Хатем достал из-за пазухи отлитое из серебра подобие жемчужины и положил его перед шахом.

— О всемогущий шах! Да будет тебе ведомо, что в стране Хорасан живет девушка по имени Хуснбану, которая владеет точь-в-точь такой же жемчужиной. Это ее копия.

Тут Хатем подробно рассказал историю шахзаде Мунира и малики Хуснбану и закончил свой рассказ такими словами:

— Во всех краях искал я эту жемчужину и наконец узнал, что она находится среди твоих сокровищ.

— О рожденный человеком, — воскликнул шах Мехьяр, — заполучить ту жемчужину — дело нелегкое. Вряд ли я сумею тебе в этом помочь.

— О шах! Я уповаю на твою великодушие, ибо просьбы всегда исходят от слабых, и исполнить их способны только сильные.

Услышав отповедь Хатема, шах понял, что тот действительно шахского рода, и, воздав должное его уму и прекрасноречию, сказал:

— О рожденный человеком! Если ты ответишь на мой вопрос, то и моя красавица дочь и диковинная жемчужина станут твоими.

— О благородный шах! Признательности моей нет предела, и я готов выполнить любое твоё условие, только есть в моем деле одна недомолвка, с которой ты можешь, пожалуй, не согласиться.

— Что ты имеешь в виду? — спросил шах Мехьяр.

— Я явился к тебе лишь за жемчужиной. Что же касается твоей дочери, то к ней всей душой стремится шахзаде Михравар, и, если будет на то твоё соизволение, в случае удачи, я передам право на ее руку моему другу шахзаде Михравару.

— Поступай как знаешь, я не стану противиться, — отвечал Мехьяр, ласково взглянув на Михравара. — А теперь принеси драгоценную жемчужину, — повелел он своему казначею.

Когда казначей принес ту жемчужину и положил ее перед Хатемом, шах спросил:

— О рожденный человеком, скажи, когда появилась эта жемчужина?

И Хатем подробно рассказал все, что слышал об этой жемчужине от потомков птиц, некогда несших жемчужные яйца.

Выслушав речи Хатема, шах поднял голову и молвил:

— О благородный юноша, да славится твоя мудрость! Ты поведал нам истину! Отныне эта жемчужина принадлежит тебе, а право жениться на моей дочери ты волен уступить своему другу Михравару.

Встав со своего места, Хатем почтительно поклонился шаху Мехьяру, после чего спрятал жемчужину за пазуху и сказал:

— О благодетель мой! Да будет твоя дочь отныне мне сестрой! В твоем великодушии видна воля всемогущего Аллаха, ибо шахзаде Михравар так же, как и ты, — из рода пери, и твоей дочери не придется, покинув обиталище предков, удалиться в пределы людские.

Шах Мехьяр на радостях повелел своим приближенным немедля готовиться к свадьбе, сам же подвел шахзаде Михравара к золотому курси и сказал:

— О сын мой! Отныне сие место по праву принадлежит тебе.

Михравар смиренно склонился перед шахом Мехьяром и воссел на отведенный ему золотой курси. Между тем шах повелел принести богатые одежды, и, когда слуги принесли те одежды, он обрядил в них Михравара и Хатема и щедро одарил их жемчугом и драгоценными камнями.

И еще повелел шах принести прекраснейшие яства, и, когда яства и пьянящие напитки были принесены, принялись гости пировать, а вдоволь напировавшись, Хатем и шахзаде, испросив соизволения шаха Мехьяра, удалились в отведенные для них покои. Тут шахзаде Михравар бросился

в ноги Хатему и, облобызав перед ним землю, молвил:

— О друг мой! Да воздаст тебе Аллах сторицей за доброту твою и сердечность, кои ты так щедро проявил ко мне. Я же не забуду этого до конца жизни.

Потом Михравар написал отцу с матерью обо всех своих приключениях, о том, что он достиг желаемого — женился на дочери Мехьяра и попросил их по получении его послания подготовиться к свадьбе и приехать на остров Барзах.

Получив известие от Михравара, родители не мешкая собрались в путь. Они нагрузили подарками для молодоженов огромный караван верблюдов и в благоприятный день отправились на остров Барзах.

Узнав о прибытии отца и матери, шахзаде Михравар поспешил им навстречу и, поклонившись им в ноги, поверг к стопам их мольбу о прощении за все хлопоты и тревоги, которые неволью им причинил. Отец и мать со слезами на глазах обняли своего любимца и, расспросив о всем случившемся, поинтересовались, могут ли они встретиться с Хатемом.

— О светлейшие мои родители! — молвил нежно Михравар. — Только рожденный человеком способен осчастливить шаха пери столь бескорыстно и великодушно. Ныне Хатем находится во дворце и ждет вашего прибытия.

Родители Михравара тотчас отправились к Хатему и, возблагодарив его за все содеянное, сказали:

— О мудрейший из человеческого рода! Добродетель твоя поистине велика! Отныне и вовеки можешь считать нас своими рабами, ибо счастьем нашего сына мы обязаны одному тебе.

Когда весть о прибытии родителей шахзаде Михравара достигла ушей шаха Мехьяра, шах вместе со своими визирями и приближенными поспешил им навстречу.

Изъявив сиятельным гостям свою благосклонность, он почтительно пригласил их во внутренние

Покой дворца и, одарив богатыми подарками, молвил:

— Да будет благословен Аллах за то, что породил меня с вами!

Тем временем родители шахзаде Михравара положили перед шахом Мехьяром многочисленные дары и, обрядив его визирей и приближенных в дорогие шахские облаченья, ответствовали:

— О великий шах! С беспредельным благоговением приемлем мы свидетельство твоей безмерной милости. Да будет детям нашим до скончания их века сопутствовать счастливая судьба!

Когда прошла ночь и солнце озарило своим светом землю, многочисленные глашатаи по повелению шаха разнесли весть о радостном событии до самых отдаленных пределов острова Барзах. И вскоре начался невиданный доселе пир, кой длился семь дней и семь ночей. Когда же свадебное бдение кончилось, шахзаде Михравар и дочь шаха Мехьяра удалились в отведенные для них покои и предались любовным уладам.

Тем временем многочисленные гости-пери не уставали возносить хвалы благородству Хатема, сам же шах Мехьяр опечалился, ибо дорогой его сердцу Хатем в недалеком будущем должен был покинуть его шахство.

По прошествии тридцати дней и тридцати ночей Хатем явился в шахский дворец и, выказав шаху Мехьяру почтение, испросил его соизволения удалиться.

Тот, облобызав дорогого гостя, посетовал на судьбу, их разлучающую, и одарил его на прощанье дорогими подарками.

— О благородный шах!— сказал ему Хатем.— Милость твоя мне бесконечно дорога, но обременительны дары сии. Ведь и без них мне предстоит путь нелегкий. Как же сумею я одолеть его с подобным грузом?

— Не тревожься, Хатем, — утешил его шах, — я пошлю с тобой своих слуг, и они доставят тебя вместе с теми богатствами, куда ты поведишь.

И шах Мехьяр призвал многочисленных слуг-пери, и они доставили Хатема, шахзаде Михравара и его родителей на берег реки Кахраман.

Когда Хатем стал прощаться со своими друзьями, шахзаде Михравар спросил:

— О добрый мой друг! Разве ты не осчастливишь нас своим посещением? Я не могу и помыслить, что ты не побываешь на моей родине!

Увидев, сколь искренне огорчен Михравар, Хатем отвечал:

— Я охотно исполню твое желание!

Вскоре они прибыли во владения шахзаде Михравара, где почестям, оказанным Хатему, не было конца, а по прошествии нескольких дней, испросив соизволения удалиться, Хатем стал собираться в дорогу.

Усадив Хатема на золотой курси и одарив его богатыми дарами, Михравар в сопровождении двенадцатитысячного войска отправился в путь. Миновав реку Кахраман, они достигли земли дивов-людоедов. Те, прознав, что к ним прибыло большое войско, устроили живой заслон, дабы не пустить воинов-пери в свои пределы.

Шахзаде Михравар направил к дивам своего военачальника, и тот сказал им так:

— О дивы, мы и вы — дети одного племени и не собираемся с вами воевать. Мы держим путь во владения шаха Афраса, чтобы поздравить его с избавлением от злых чар.

— И в наших помыслах нет ничего дурного, — отвечали дивы, — мы желаем выразить свое почтение шахзаде Михравару.

Услышав такие слова, шахзаде пригласил к себе военачальников дивов и одарил их щедрыми подарками. В ответ на его милости дивы просили его погостить у них хоть день, однако шахзаде, опасаясь за Хатема, отказался.

— Не сочтите меня неблагодарным, — сказал он, — нынче я тороплюсь, а на обратном пути непременно буду вашим гостем.

Простившись с дивами, Михравар со своим войском отправился в путь и по прошествии некоторого времени достиг границы Макраса.

Один из слуг шаха Афраса, узнав о его прибытии, в панике прибежал во дворец и сообщил, что шахзаде Михравар с острова Туман с большим войском приближается к пределам Макраса.

Разгневался шах Афрас и, повелев снарядить свое войско, выступил в поход. Через несколько дней они встретились, и шахзаде Михравар, сообразив, что дело может кончиться худо, просил Хатема поведать шаху Афрасу о причине их прихода, дабы избежать ненужного кровопролития. Когда Хатем приблизился к воинам шаха Афраса, те сразу его узнали и тотчас сообщили во дворец, что вместе с шахзаде Михраваром пожаловал юноша, кой вернул шаху Афрасу и всем его верноподданым прежний облик.

Услышав о прибытии Хатема, шах Афрас немедля сел на коня и поскакал ему навстречу. И оба они обрадовались до крайности, а потом шах Афрас приветствовал Хатема с большим почтением и обнял, словно родного брата.

Когда шах Афрас выслушал рассказ Хатема о его приключениях, он удивился и не мог скрыть своего восхищения.

— Где же сейчас шахзаде Михравар? — спросил он.

— Он остался со своим войском, а меня послал к тебе, — отвечал Хатем.

И шах Афрас тотчас повелел своему сыну Далершаху вместе с визирями отправиться к Михравару, встретить его с подобающими почестями и вместе со всем его войском привести во дворец.

Несказанно обрадовался Михравар посланцам шаха Афраса, и после небольшого привала они отправились в путь. Когда шахзаде Михравар предстал пред ясные очи шаха Афраса, тот, встав

со своего трона, бросился ему навстречу и, заключив в объятия, проникновенно сказал:

— О шахзаде, да благословит тебя Аллах за то, что ты доставил моего друга Хатема целым и невредимым. Все это время тревога о нем не покидала меня, и я, не переставая, молил всевышнего, дабы тот ниспослал ему удачу.

По повелению шаха Афраса подали всевозможные угощения, и после веселой трапезы гости улеглись на ночлег. Сорок дней и сорок ночей предавались они в прекрасном саду шаха Афраса пирам и забавам. А по прошествии сорока дней Хатем попросил соизволения шаха Афраса и шахзаде Михравара удалиться.

— Нет на свете воздаяния, равного твоим благодеяниям,— сказал, обратясь к Хатему, шах Афрас.— Ни одно живое существо не принесло нам столько счастья, сколько ты. Позволь в знак безмерной признательности оставаться с тобой до того часа, когда ты достигнешь земли людей.

— Да будет так,— отвечал ему Хатем.

Усадив Хатема на богато изукрашенный трон и одарив его богатством, равным казне семи стран, пери полетели в сторону Хуснабада. Ночи они проводили в веселье и забавах, а с наступлением рассвета снова отправлялись в путь.

Когда же до Хуснабада оставалось четыре фарсанга пути, шах Афрас и Михравар устроили привал и приказали барабанщикам и глашатаям оповестить всех об их прибытии. Увидев многочисленное войско, жители пустыни в страхе устремились к Курданшаху и доложили:

— О господин! К твоей столице движется огромное войско, коему не видать конца. Каково будет твое высочайшее повеление?

Услышав это известие, шах обеспокоился и приказал:

— Немедля закройте все городские ворота.

И он тотчас пригласил к себе визирей и военачальников, дабы решить, как быть дальше. А потом приказал лазутчику разведать, откуда прибыло это войско и с какими намерениями.

Грозная весть дошла и до малики Хуснбану. Устрашившись, она тоже повелела закрыть городские ворота и приготовиться к отпору.

Тем временем шах Афрас и шахзаде Михравар просили Хатема успокоить встревоженных правителей Хорасана.

Когда Хатем приблизился к воротам Хуснабада, слуги малики Хуснбану тотчас его узнали и, обратясь к Хатему, спросили:

— Ведь, верно, ты — тот самый юноша, который пошел искать ответ на седьмую загадку нашей малики?

— Почему вы заперли ворота? — спросил в свою очередь Хатем.

— Мы струсили, увидев огромное войско, — отвечали те.

— Не тревожьтесь, — утешил их Хатем. — Не враги они нам, а друзья.

Слуги малики тотчас открыли ворота, бросились перед Хатемом на колени и, облобызав перед его ногами землю, взмолились:

— О светлейший! Не лишай нас счастья лицезреть тебя владыкой нашего города!

После этого они поспешили к малике и сказали:

— О чарующая мир малика, юноша, кой отправился некогда искать ответ на твою седьмую загадку, прибыл во главе того войска и смиренно ждет соизволения предстать перед тобой.

Малика несколько успокоилась и повелела просить Хатема во дворец.

Когда Хатем предстал пред ее ясные очи, малика, сокрывшись за занавесом и пригласив Хатема сесть на золотой курси, сказала:

— О юноша, я уже утратила надежду тебя увидеть! Поведай мне о своих приключениях и ответь на мой последний вопрос.

Хатем, согнувшись в почтительном поклоне, смиренно ответил:

— О лунолика я малика! Ты вернула свет моим очам! Я преисполнен счастья слышать тебя,

повергаешь в прах свое мужское достоинство и отдаешь себя на посмеяние. Откажись от своих намерений — погляди на меня, неужели я тебе неровня?!

— О свежайший плод цветника женской добродетели! Тончайший росток сада целомудрия! Ты хочешь совратить меня, посвятившего свою жизнь благим деяниям, сдержавшего клятвы и обещания, данные другу, с пути истинного, хочешь, чтобы я предстал перед людьми и всемогущим Аллахом человеком бесчестным и греховным! Как это не вяжется со свойственным тебе благородством! Не станем мы с тобой ронять своего достоинства. Такова воля всевышнего, и мы перед ней бессильны.

Опечаленная малика собрала своих приближенных и отправилась за советом к Курданшаху. Рассказала она ему о беседе с Хатемом и горько зарыдала.

— О дитя мое, — молвил шах, — ты добровольно избрала сей путь, отступать от своих обещаний тебе не пристало, ибо подданные твои лишат тебя своего доверия. Хатем же, коего ты полюбила, утратит свое к тебе благорасположение. Будь мужественна, ибо мужество — удел сильных. Готовься к свадьбе и прими в мужья шахзаде Мунира.

Малика Хуснбану вернулась в свой дворец и, повелев слугам привести Хатема, объявила:

— О Хатем, я готова сдержать свое слово, только помоги мне устроить свадьбу, если можешь, пригласи всех шахов и шахзаде и объяви о моем решении Муниру.

— О прельстительная малика, — воскликнул Хатем, — да продлится жизнь твоя! Да приумножится твое богатство! Пусть до Судного дня гремит повсюду слава о тебе! Я же, твой покорный раб, буду счастлив выполнить любое твое приказание.

Покинув дворец малики, Хатем поторопился к шахзаде Муниру и сообщил ему радостную весть.

И они стали согласно обычаям Хорасана готовиться к свадьбе, и задумали они свадьбу столь пышную и богатую, что пришлось на нее потратить все деньги, вырученные за жемчуга и драгоценности, подаренные некогда Хатему. И была эта свадьба не виданной доселе роскоши, все знатные люди Хорасана и сопредельных стран, а также народ разного звания, вознося звонкоголосые хвалы брачующимся, предались великому веселью. И луноликие танцовщицы, и искуснейшие музыканты, и певцы услаждали взоры присутствующих, и их радостные напевы разносились по всей округе.

В знак почтения и благодарности шахам малика надела на головы им короны, а остальных гостей одарила богатыми одеждами. После этого шахзаде Мунира обрядили в богатый шахский халат, а голову увенчали усыпанной драгоценностями короной. И торжественно возвестили, что отныне он является мужем малики Хуснбану.

Когда свадебные бдения кончились, шахзаде Мунир вместе с маликой отправились в покои, где стоял богато убранный стол и изукрашенное парчой и золотом брачное ложе. Любовная страсть с новой силой вспыхнула в сердце шахзаде, и, обняв свою суженую, он увлек ее в мир блаженства и наслаждений.

Поутру, выйдя из покоев, шахзаде Мунир вернулся к гостям. И те встретили его великим почетом, и, ответив им надлежащим образом, шахзаде воссел на золотой трон. Затем гости мало-помалу стали отбывать в свои страны, а по прошествии нескольких дней решил отправиться домой и Хатем. Хуснбану и Мунир повелели своим приближенным сопровождать Хатема с почестями до самого Йемена. И те отвечали:

— Слушаем и повинемся.

Вскоре, простившись с друзьями, Хатем покинул Хуснабад, и, оставив позади много путей и дорог, прибыл он к пределам Йемена. И он тотчас отправил посланцев, дабы они оповестили мать, отца и малику Зарринпуш о его прибытии.

Когда же те услышали радостную весть, шах, щедро одарив посланцев, вместе с приближенными поспешил навстречу сыну.

Отец принял сына в свои объятия и, поцеловав, спросил:

— О свет очей моих, где ты так долго пропал?

И Хатем поведал отцу подробно о своих исполненных диковин приключениях.

И по всему пути следования Хатема его поздравлял и славил простой и знатный люд шахской столицы. В честь прибытия Хатема несколько дней длился пышный пир. Всех высокородных горожан и людей простого звания одарили богатыми одеждами. В такие же богатые одежды обрядили и посланцев малики Хуснбану.

Вскоре по воле Аллаха отец Хатема испил чашу смерти, и Хатем воссел на шахский трон и стал правителем Йемена. И правил он столь мудро и справедливо, что сердца его верноподданных были исполнены приязнью к своему господину. И слава о его щедрости и беспристрастии разнеслась по всему миру, от пределов Востока до границ Запада.

*Рассказ о пророке
Сулеймане, птице Симург
и предопределении судьбы*

Сидел однажды могущественный Сулейман на троне в окружении людей и пери, дивов и джиннов, птиц и животных, и из трепетного благоговения перед его несказанной мудростью никто не решался вымолвить слово. Одна лишь птица Сар, взмахнув крылом, издала некий странный звук. Разгневался Сулейман и повелел наказать ее за непочтительность.

— О великий посланник бога! — взмолилась птица Сар. — Яви милосердие рабу твоему! В том,

что сейчас произошло, нет моей вины: ведь каждое мое движение предопределено судьбой.

Стоявшая неподалеку птица Симург вознегодовала:

— Что за вздор несет сия непристойная! Все разглагольствования о судьбе — сущие выдумки. К ним прибегают грешники, дабы оправдать свои безнравственные поступки. Вот я, например, не верю ни в какую судьбу.

Эти слова птицы Симург пришлись явно не по душе Сулейману, однако не успел он и слова вымолвить, как с небес спустился пророк Гавриил и предстал пред всемогущим владыкой.

И сказал пророк:

— О мудрый Сулейман! Не сокрушайся по поводу недостойных речей птицы Симург. Скоро ей представится случай убедиться в противном. Да будет тебе известно, что нынешней ночью у падишаха Восточных земель родился сын, а у падишаха Западных земель родилась дочь. Волею судьбы они в будущем соединятся, и у них, невенчанных, родится сын. И как бы ни стремился весь мир помешать этому предопределению судьбы, ничто уже не способно его изменить. Скажи об этом птице Симург и послушай, что она на это тебе ответит.

Сулейман призвал птицу Симург и в присутствии всей своей свиты обратился к ней с такими словами:

— Нам ведомо, что ты не веришь в судьбу. Пусть так. Но что ты скажешь по поводу такой истории: нынешней ночью у падишаха Восточных земель родился мальчик, а у падишаха Западных — девочка. Мне доподлинно известно, что, когда они достигнут брачного возраста, у них, невенчанных, родится сын. И никто и ничто в мире не может помешать этому, ибо так предопределено судьбой.

— Сущая нелепость! — воскликнула птица Симург. — Как это судьба мальчика из Восточных земель может сочетаться с судьбой девочки из Западных!

Услышав подобные речи, Сулейман до крайности разгневался.

— Неучтивая! Счастье твое, что я облек тебя властью над всеми птицами! Иначе не избежать бы тебе наказания за сии дерзкие слова! Откажись немедленно от этих нелепостей и никогда более не сомневайся в незыблемости предначертаний судьбы.

— О всемогущий владыка! — отвечала птица Симург. — Я не позабыла, что ты — наместник бога на земле, а я — всего лишь его жалкая рабыня. Однако кривить душой я не стану. Если ты пожелаешь, я готова попытаться изменить судьбу этих двух молодых людей. Вот тогда мы посмотрим, кто из нас прав.

Выслушал Сулейман Симурговы речи и в присутствии всей своей свиты предложил через пятнадцать лет, когда новорожденные достигнут брачного возраста, проверить, кто был прав: пророк Гавриил или Симург. Сей договор по приказу Сулеймана был записан золотыми буквами, и птица Симург в тот же час отправилась в путь. Вскоре она достигла Западных земель, отыскивала дворец падишаха и там, в прекрасном саду, на особом возвышении увидела в нарядной колыбели девочку. Многочисленные няньки и кормилицы хлопотали вокруг новорожденной. И так они были увлечены своими хлопотами, что не заметили, как подлетела огромная птица и, схватив колыбель с девочкой на глазах у перепуганных нянек, унесла в поднебесье.

Едва печальная весть достигла ушей падишаха, как он тотчас же созвал свое войско и повелел во что бы то ни стало вернуть ему любимое чадо. Воины старательно целились в птицу, однако посланные ими стрелы пролетали то справа, то слева от нее, и ни одна ее не задела. А птица Симург тем временем поднималась все выше и выше над облаками и вскоре совсем скрылась из виду.

Долго летела птица Симург, вот уже семь рек промелькнули внизу, и достигла она наконец высоченной горы, где никогда доселе не случалось

бывать ни одной птице. Соорудила птица Симург на дереве домик, наподобие большого скворечника, поставила туда колыбельку и стала заботливо ухаживать за девочкой. Ночью и днем она неотступно находилась при ней, всячески холила ее да лелеяла. «Пока девочке не минет пятнадцать лет, — думала птица Симург, — я буду скрывать ее от людских глаз, а когда истечет условленный срок, доставлю ее к Сулейману в целости и сохранности, пусть тогда Сулейман и его приближенные уверуют в мою правоту и перестанут утверждать, будто нельзя изменить того, что предназначено судьбой».

Шли годы. Девочка росла в полной уверенности, что она родилась от птицы и что во всем мире нет никаких живых существ, кроме нее и птицы Симург. Птица же Симург так сильно привязалась к девочке, что не могла пробыть без нее ни минуты. Когда девочке минуло пять лет, птица Симург поняла, что с годами девочка станет редкостной красавицей.

Пока прервем рассказ про девочку и птицу Симург и послушаем, что было с мальчиком из Восточных земель.

Едва мальчику исполнилось пять лет, его отец — падишах — стал брать его с собой на охоту. И мальчик так пристрастился к охоте, что она стала любимым его занятием. Шло время, и вот однажды, — а было мальчику в ту пору семь лет, — захотелось ему поохотиться. Стал он просить отца отпустить его на охоту, а падишах так любил своего единственного сына, что не нашел в себе сил ему отказать, и, повелев заpastись едой на целый месяц и поручив сына заботам своего приближенного, проводил их в дорогу. Взяли они с собой ловчих птиц и покинули дворец. Шли они без отдыха, пока не достигли реки. Тут они сели на корабль и поплыли вниз по течению к тому месту, где река была особенно широкой и над водой выступали острова, поросшие густым лесом. Шахзаде облюбовал один такой остров и, забыв об отдыхе и сне, предался охотничьей страсти.

Через пять дней на острове не осталось ни единой птицы. И тогда шахзаде решил отправиться на другой остров.

Снова сели они на корабль и поплыли дальше. Вдруг небо затянуло тучами, сверкнула молния, загредел гром, и на землю хлынули потоки дождя. Заходили по реке громадные волны, и вскоре корабль оказался разбитым в щепки, а все находившиеся на нем очутились в пучине вод. Один лишь шахзаде уцелел. Он ухватился за какой-то кусок дерева и благодаря этому спасся. Долго носило его по волнам и наконец прибило течением к незнакомому берегу.

Печальный и одинокий, сидел шахзаде на берегу реки, предаваясь своим горестным думам. Вдруг видит — плывет корабль, а на нем множество народу. Когда корабль подплыл к берегу, шахзаде вскочил на ноги и склонился перед толпившимися на борту людьми в почтительном поклоне.

Те принялись расспрашивать его:

— Ты кто такой и как сюда попал?

И шахзаде поведал им свою печальную историю:

— Корабль, на котором я плыл, потерпел крушение. Все ехавшие на нем погибли, и только одному мне посчастливилось остаться в живых. Однако спасение мое не сулит мне ничего доброго. Ведь я молод и неопытен и не знаю, как быть дальше. Если кто-нибудь из вас согласится взять меня с собой, я стану ему покорным и преданным слугой.

Сказав так, шахзаде горько заплакал. Люди изумились его благородным речам, а один из них — как выяснилось позже, бывший приближенный Сулеймана — приласкал мальчика и сказал:

— Не печалься! Я согласен взять тебя в услужение.

Шахзаде поблагодарил своего благодетеля, скинул с себя дорогие шахские одежды и, облачившись в платье простого слуги, стал старательно

прислуживать своему господину. Между тем тот так расположился к юному слуге, что полюбил его словно сына и доверил ему все свои богатства.

По прошествии длительного времени прибыли они в Египет.

— О сын мой, — молвил однажды обратясь к шахзаде благодетель, — уже два года, как ты находишься у меня в услужении. Однако до сей поры я не имел случая чем-либо тебя одарить.

Ответствовал шахзаде:

— Никакие ваши дары не способны приумножить моей благодарности к вам. Если бы у меня была тысяча жизней, то все их до единой я готов был бы отдать за вас.

И сей ответ пришелся весьма по душе господину.

Вскоре, по прибытии в Египет, шахзаде отправился на базар и, продав свой золотой пояс и единственную, сохранившуюся у него после кораблекрушения жемчужину, выручил некоторую сумму денег, и на эти деньги он время от времени делал скромные, но вместе с тем изысканные подношения своему господину, и тот не оставался к ним равнодушным.

В один сулящий удачу час шахзаде обратился к своему благодетелю с такой речью:

— Да продлится ваша жизнь, мой досточтимый повелитель! Мною овладело неодолимое желание отправиться к истоку Нила. Прошу вашего благословения на сие путешествие.

Опечалился благодетель и стал увещевать своего прислужника:

— Ты еще мал, исток же Нила находится далеко в Западных землях. Тебе одному туда не добраться.

Но шахзаде с твердой почтительностью все снова и снова повторял:

— Я обязательно должен осуществить этот свой замысел.

И тогда господин понял, что не в силах поколебать волю шахзаде, и сказал ему так:

— Поступай как знаешь, я не стану противиться. — Затем извлек из кармана какой-то белый сверточек и, вручая его мальчику, добавил:

— Возьми, это может пригодиться тебе в пути.

Шахзаде поблагодарил своего благодетеля и спросил:

— А что это такое?

И тот объяснил:

— Порошок этот достался мне из сокровищницы великого Сулеймана, а твои истинно великая честность и преданность побуждают меня отдать его тебе. Волшебное свойство порошка состоит в том, что принявший его обретает способность понимать язык всех живых существ.

Шахзаде проглотил порошок, затем, склонившись в почтительном поклоне, поблагодарил своего господина и, простившись с ним, отправился в дорогу. Продолав длинный путь, он достиг некоего города, расположенного в прекраснейшем месте на берегу Нила. Здесь он решил отдохнуть, а заодно и полюбоваться красотой природы и утолить голод плодами сказочных растений. Внезапно его взору предстали деревья с золотой листвой. Шахзаде подошел ближе и увидел, что сами деревья обернуты белой тканью. Шахзаде вознамерился было потрогать деревья, но передумал, решив, что в них кроется какая-то тайна и для разгадки ее потребуется немалое время.

Не успел шахзаде так подумать, как услышал какой-то шум и, обернувшись, увидел направлявшегося к дереву шаха в окружении своей свиты. Шахзаде решил спрятаться и посмотреть, что будет дальше.

А шах и семеро его визирей расположились неподалеку от того места, где прятался шахзаде, и принялись обсуждать свои дела. И тут шах, обратясь к визирям, молвил:

— Некоторое время тому назад я повелел вам разгадать тайну дерева, обернутого белой тканью. Однако вы до сей поры, видно, ее не разгадали. Если в ближайшее время вы не выполните этого моего повеления, я прикажу вас казнить.

Поначалу визири пришли в замешательство, но потом старший среди них осмелился заговорить. Склонившись в почтительном поклоне, он сказал:

— Да пребудешь ты владыкой всего мира, достойнейший наш повелитель! Много лет кряду служил я твоему отцу, а теперь верой и правдой служу тебе. Однако за всю свою долгую жизнь мне не довелось повстречать человека, которому была бы ведома тайна золотого дерева. Если желание твое узнать ее столь неодолимо, позволь нам удалиться из дворца на некоторый срок, дабы посвятить себя разгадке той тайны. Быть может, тогда твоя любознательность будет удовлетворена.

Подумал шах и дал визирям на разгадку тайны месячный срок и к тому же предупредил, что, в случае неудачи, им не избежать смертной казни.

Сказал так шах, сел на лошадь и ускакал. Визирю же тоже, не теряя времени, сели на лошадей и отправились исполнять высочайшее повеление.

Не успели визири отъехать от дворца на почтительное расстояние, как им повстречался шахзаде.

— Откуда ты родом и куда держишь путь? — спросили визири.

— Родом я из Восточных земель, а путь держу в Западные, — отвечивал шахзаде.

Удивились визири.

— Что заставило тебя пуститься в столь трудное путешествие? — спрашивают.

А шахзаде им в ответ:

— Меня охватило неодолимое желание узнать, откуда берет свое начало Нил.

И тогда один из визирей сказал так:

— Сей отрок одержим любопытством, подобно нашему повелителю, и задался столь же труднодостижимой целью.

— Возможно, вы и правы, — почтительно возразил шахзаде, — но я не могу вернуться домой, не исполнив задуманного.

Понравилась визирям решимость шахзаде, и они позвали его с собой.

А шахзаде согласился и отправился с ними вдоль берега Нила. Вскоре они увидели некоего

человека, который был занят тем, что косил зрелую и недозрелую пшеницу и бросал ее в реку. Подивились визири и поехали дальше. Немного погодя они увидели трех человек. Один из них черпал ковшом из колодца воду, другой — сидел, держа в руках кувшин, а третий — наливал из ковша воду в этот кувшин, не решаясь ни единым глотком утолить свою жажду. Опять подивились визири и поехали дальше. И тут повстречали они некую птицу, которая, покинув гнездо, никак не могла снова забраться в него. Потом на пути им попался уже не маленький козленок, все еще сосущий молоко матери. А спустя некоторое время дорогу преградила змея, жалившая всякого, кто проходил по этой дороге. Вслед за змеей им повстречались два мясника. Один из них продавал жирное мясо, другой — тощее, и большинство людей покупало мясо как раз у второго.

Много странного еще довелось увидеть визирям. Так, продолжая путь, повстречали они двух человек, которые, поймав газель, никак не могли поделить ее между собой, а потому, схватив один за передние ноги, а другой за задние, тянули ее каждый в свою сторону. Проехав чуть дальше, они заметили человека, набравшего огромную вязанку хвороста, которую он и так не мог уже поднять, однако ему все казалось мало. Минував еще часть пути, подъехали они к дастархану и там увидели нескольких человек, сидящих за трапезой. Они наперебой потчевали друг друга различными яствами, но сами ничего не ели. Потом они увидели группу людей, которые, сгрудившись вокруг висящего полотна белой ткани, старались разорвать его в клочья. И наконец, навстречу им попался седовласый старец, согнувшийся под бременем жизненных невзгод в три погибели.

— Какие дела привели вас в наши края? — спросил он визирей.

И те ответили ему так:

— Много странного и удивительного повстречалось нам в пути. Не объяснишь ли ты нам, что

все это означает? — И поведали визири старцу обо всем увиденном.

— Мне очень жаль, — сокрушенно сказал старец, — но я ничем не могу быть вам полезен. — Сотни лет живу я здесь, но как объяснить увиденное вами — не знаю. Вот разве что мой старший брат сможет вам помочь.

Распрошались визири со старцем и продолжили свой путь. Ехали они, ехали и повстречали еще одного старца. Выказав ему должное почтение, визири приступили к расспросам.

Выслушал старец речи визирей и сокрушенно покачал головой. Вот уже сто семьдесят лет живет он на белом свете, а все еще не может объяснить, почему так странно поступают порой люди. Потом, подумав немного, он сказал, что неподалеку от этих мест живет его старший брат, который, возможно, разрешит их сомнения.

Обрадовались визири и отправились на поиски старшего брата. Долго они искали его, а когда наконец нашли, немало удивились, ибо оказался он вполне еще бодрым и молодежавым. Визири почтительно приветствовали его, а тот в ответ спросил, кто они такие и зачем к нему пожаловали.

И тогда визири так отвечали:

— Мы едем издалека и во время своего долгого пути видели много странного и удивительного. Объясни нам все это, если можешь.

— Поведайте же мне обо всем, что вас беспокоит, — сказал тогда старец.

И визири приступили к рассказу:

— Видели мы, например, золотое дерево, ствол коего обернут белой тканью, а плоды излучают сияние. Не известно ли тебе, что это за диковинное дерево?

Старец охотно принялся объяснять:

— Слышал я еще от своего отца, будто в незапамятные времена городом, в коем произрастают диковинные деревья, правил некий шах, славившийся своей справедливостью во всем мире. Во времена его царствования один человек арендовал

у другого землю, а когда принялся ее пахать, обнаружил зарытый там большой клад. Не долго думая, отправился человек тот к владельцу земли и рассказал о своей находке. Однако владелец земли, человек не менее безупречной честности, ответил ему так:

— Этот клад твой. Ведь я сдал землю тебе в аренду, и теперь то, что ты в ней найдешь, по праву тебе и принадлежит.

Однако арендатор все еще проявлял нерешительность. Тем временем история эта достигла ушей шаха, и шах повелел немедленно привести к нему владельца земли и арендатора, а когда те явились и поведали шаху о чудесной находке, один из приближенных выступил вперед и сказал, что клад должен принадлежать шаху, ибо шах является единственно неоспоримым его владельцем. Сам же шах с этим не согласился. Он поинтересовался, есть ли у владельца земли и у арендатора дети, а когда узнал, что у одного есть сын, а у другого дочь, повелел тотчас же доставить их во дворец и поделил клад между ними поровну. И настолько справедлив и милостив был тот шах к своим подданным, что по прошествии недолгого времени из каждого зерна, которое посеял арендатор на своем участке, выросли деревья с золотыми стволами и золотыми листьями. Весть об удивительных деревьях дошла до шаха, и он пожелал увидеть их собственными глазами. Шах был изумлен великолепием деревьев, а сопровождавшие его приближенные стали убеждать своего повелителя в необходимости собрать с деревьев золото для пополнения казны.

Однако шах воспротивился.

— Аллах всевышний! Стану ли я брать то, что мне не принадлежит?!

Подумали приближенные и решили, что коли шах не желает принять золото в казну, оно должно принадлежать владельцу земли, ибо золотые деревья выросли на его земле. Но тот в свою очередь сказал, что плоды по праву принадлежат не ему, а тому, кто пахал и поливал землю. Арендатор

тоже не счел себя вправе завладеть золотом, объяснив это тем, что он сеял лишь пшеницу, а в золото она превратилась благодаря справедливости и мудрости всемогущего шаха, и поэтому его надлежит отнести в шахскую кладовую. Шах возрадовался подобной честности своих верноподданных и повелел обернуть стволы всех этих деревьев белой тканью, дабы они всегда напоминали людям о справедливости и бескорыстии.

Теперь я объясню вам второй случай. Некий человек, косивший зрелую и недозрелую пшеницу и бросавший ее в реку, был не кто иной, как ангел смерти. По воле Аллаха он безжалостно губит и молодых и старых, никого не щадя. В третьем случае человек, который сидел у колодца, подставив другому пустой кувшин, олицетворял собой людей, которые обогащаются за счет других, а богатство, нажитое таким путем, как известно, не идет впрок, и потому они не могут передать его по наследству своим детям.

Случай с птицей, которая покинула гнездо, а забраться в него снова не может, напоминает о том, что сказанного не воротишь, ибо слова подобны пущенной из лука стреле.

Далее случай, когда не маленький уже козленок продолжает сосать молоко матери, а та при этом все больше тощает и теряет силы, напоминает неразумного шаха, обирающего своих подданных, думая, что сила его в богатстве. Только он ошибается, ибо не может быть сильным правитель, нещадно грабящий свой народ.

Случай со змеей, лежавшей посреди дороги и жалившей проходивших по ней путников, должен напомнить о пагубности земных страстей. И все-таки люди продолжают бездумно им предаваться.

В случае с двумя мясниками под жирным мясом подразумевается своя жена, под тощим — чужая. И мужчины добродетелям своей жены неизменно предпочитают пороки чужой. Случай с газелью, которую два человека, ухватившись один за передние, а другой за задние ноги,

тянули каждый в свою сторону, напоминает алчность людей, старающихся урвать себе хоть малую толику богатства.

Дальше. Человек с вязанкой хвороста подобен грешнику, который и так уже не может разогнуть спину под тяжестью своих грехов, однако и остановиться не в силах, и к прежним своим грехам добавляет все новые и новые.

Люди, сидевшие у дастархана и наперебой потчевавшие друг друга различными яствами, — не кто иные, как ученые-мудрецы, которые любят поучать других, сами же этих поучений не приемлют.

Вот вам толкование всех ваших загадок.

Визири поблагодарили старца и спросили:

— Вы ведь старший из трех братьев. Почему вы кажетесь моложе всех остальных?

И тот вот как им ответил:

— Старше всех выглядит самый младший из нас, потому что у него жена сварливая и бестолковая. Дома у него ссоры да беспорядок, вот почему он поседел и состарился прежде времени. Жена второго брата переменчива нравом. То она заботлива и ласкова, то зла и лжива, поэтому часть волос у него на голове черная, а часть — седая. Я же черноволосый и бодрый потому, что жена моя — любящая и добрая да к тому же еще и отменная хозяйка.

Выслушали визири ответы старца, поблагодарили его надлежащим образом и собрались в обратный путь. Шахзаде же, распрощавшись с ними, отправился дальше.

Долго брел он по незнакомым дорогам и достиг наконец ворот большого города. Шахзаде вознамерился было войти в ворота, однако внезапно дорогу ему заступил незнакомец.

— Откуда ты родом и куда держишь путь? — спросил он.

И шахзаде ответил:

— Родом я из Восточных земель, а следую в Западные. Хочу добраться до истока Нила.

— Тебя ждет трудный и далекий путь, — учтиво сказал незнакомец. — Окажи мне честь, заночуй в этом городе, а завтра пойдешь дальше.

Незнакомец привел шахзаде к себе в дом и перво-наперво предложил вымыться в бане. Шахзаде охотно согласился — помылся, выстирал свою одежду, надел чистое платье и, довольный, вернулся к своему хозяину. Тот же оказался столь гостеприимным, что шахзаде с удовольствием пробыл у него целую неделю. А надо сказать, что комната, отведенная шахзаде, выходила окнами на лужайку, где паслись осел да буйволица. И однажды шахзаде подслушал их разговор (дело в том, что, проглотив порошок, полученный некогда в дар от благодетеля, он стал понимать язык живых существ).

А осел с буйволицей вели вот какой разговор.

— Как ты поживаешь? — спрашивает осел.

— И не спрашивай, — отвечала буйволица. — На мою долю выпали такие тяжкие муки, каких не довелось испытать ни одному живому существу. Ума не приложу, как мне быть. Работать я не могу, а не работать хозяин мне не позволит. Нет больше никаких сил! Чуть свет меня выгоняют в поле и заставляют пахать, и так мне приходится трудиться до поздней ночи. Да к тому же еще меня и не покормят досыта.

Выслушал осел жалобы подруги и говорит:

— Надо что-нибудь придумать, чтобы ты могла отдохнуть хоть несколько денечков.

Обрадовалась буйволица:

— Именно на твой ум я и рассчитываю.

Буйволицыны слова придали ослу уверенности, и в голове у него тотчас созрел план.

— Нынешней ночью, — заговорил он наставительным тоном, — воздержись от еды. Поутру увидит хозяин, что ты не притронулась к корму, и решит, что ты заболела. Вот ты и сможешь отдохнуть.

Обрадовалась буйволица и принялась благодарить осла за мудрый совет.

Разговор осла с буйволицей немало позабавил шахзаде. Дослушав его до конца, он весело рассмеялся. А молодой хозяин решил, что шахзаде смеется над его бедностью, и очень огорчился.

Шахзаде поспешил исправить неловкость и принялся его утешать.

— Ты ко мне так добр, — сказал он, — как же я могу себе позволить подобную неблагодарность?! Мне попросту вспомнился смешной случай, который произошел со мной еще в детстве.

На следующее утро слуга собрался было выгнать буйволицу в поле, но увидев, что заданный с вечера корм остался нетронутым, отправился за советом к хозяину.

Выслушал хозяин рассказ слуги и велел вместо буйволицы взять осла.

Тогда осел понял, что допустил оплошность — услужил буйволице, зато себе причинил зло. Однако делать нечего, пришлось ему самому идти в поле. Вечером осел вернулся чуть живой. Едва слуга привязал его, как обычно, по соседству с буйволицей, та подступила к нему с расспросами.

— Ну, как ты провел день?

— Сегодняшним днем я доволен, — отвечал осел. — Ведь мне не часто выпадает удача с утра до вечера пастись на лугу.

— А хозяин ничего не говорил обо мне?

— Как же, говорил. Сказал, если ты и сегодня не станешь есть, придется тебя зарезать, не то ты совсем отощaeшь.

Заволновалась буйволица.

— Что же мне делать? — спрашивает.

А осел ей в ответ:

— Я думаю, тебе не следует больше прикидываться больной, и тогда ты легко избежишь беды. Уж лучше жить и работать, чем не работать и умереть.

А буйволица, она и есть буйволица. Где уж ей разгадать хитрость осла! И она снова принялась благодарить осла за мудрый совет.

Шахзаде опять рассмеялся, чем немало смутил своего гостеприимного хозяина.

— О любезный гость, над чем ты сейчас смеешься? — спросил он.

И шахзаде сказал ему следующее:

— Аллах свидетель, я смеюсь не над тобой. Мне вспомнилась одна смешная история.

Тут жена хозяина пожелала во что бы то ни стало узнать, какую историю вспомнил шахзаде, и пригрозила мужу, что, если он ее не выведает, она повесится.

И озабоченный хозяин повел такой разговор:

— О любезный гость! Надеюсь, тебе хорошо известно, сколь любопытны женщины. Вот и моя жена ничем других не лучше. Ради Аллаха скажи, что тебя давеча так насмешило?

Призадумался шахзаде, а потом говорит:

— Стоит мне рассказать вам; над чем я смеялся, и меня тотчас же настигнет смерть. Однако, если вместо того, чтобы рассказывать, напишу я все на бумаге, смерть меня минует.

Хозяйка тотчас же отправилась за чернилами, а тут как раз из-за хлебной корки повздорили петух и собака.

— И не стыдно тебе! — сказала в сердцах собака. — Тебя кормят как следует, а мне лишь изредка выпадает счастье утолить голод отбросами. Видать, ты такой же бессовестный, как твой хозяин.

— Как же умный человек может быть бессовестным? — возразил петух. — Нет на свете человека умнее моего хозяина!

— Вот уж умным его никак не назовешь, — огрызнулась собака. — Ради каприза этой глупой женщины он готов погубить такого славного юношу! Ведь если тот расскажет, почему смеялся, его тотчас настигнет смерть. Но, даже зная об этом, хозяин не сумел унять свою любопытную жену.

Слышавший весь этот разговор шахзаде снова рассмеялся, а хозяин рассердился уже не на шутку.

— Любезный гость! — воскликнул он. — Долго ли ты будешь меня морочить?

— Как же мне не смеяться над смешным! — отвечал шахзаде. — Если ты дашь клятву свято хранить тайну, то я открою ее тебе.

Хозяин поклялся, и тогда шахзаде сказал:

— Я выпил снадобье, которое помогло мне обрести способность понимать язык птиц и животных, но я должен скрывать это от женщин. Если же какая-нибудь женщина узнает мой секрет, то я тотчас умру. Сейчас, пока мы вдвоем, я могу рассказать тебе, что меня так насмешило. Знай же, о брат, сначала я смеялся, когда осел давал советы буйволице, а потом, когда собака поносила тебя, ссорясь с петухом.

Выслушал хозяин рассказ своего гостя, схватил толстую палку и бросился на жену, крича: «Какое тебе, женщине, дело до того, над чем смеются мужчины?»

Жена испугалась, заплакала и стала просить у мужа прощения.

На следующий день шахзаде простился с добрым хозяином и отправился дальше. Путь его снова пролегал вдоль берега Нила. Ехал он, ехал и наконец увидел часовню, а у дверей часовни благообразного старца. Шахзаде почтительно приветствовал старца, тот же в свою очередь полюбопытствовал, откуда шахзаде родом и куда держит путь.

И шахзаде ответил так:

— Родом я из Восточных земель, а путь держу в Западные. Хочу узнать, откуда берет свое начало Нил.

— Что же побудило тебя предпринять столь трудное путешествие? — снова полюбопытствовал старец. И юноша признался, что следует велению своего сердца.

Старец пожелал ему доброго пути и на прощанье сказал.

— О юноша, спустя два-три дня ты выйдешь на берег реки и увидишь там огромную птицу.

Уцепись покрепче за ноги этой птицы, и она понесет тебя над горами и реками прямо к железной земле. Там ты расстанешься с птицей и дальше пойдешь пешком. Когда ты оставишь железную землю позади, путь тебе преградит золотая гора, увенчанная куполами и зубцами, словно стены крепости. Зубцы те из чистого золота, а кроме того изукрашены жемчугами и бриллиантами. В той горе есть четыре отверстия, и из каждого течет прозрачная вода. Омойся в той воде и сотвори молитву. И проси всевышнего, дабы он помог тебе достигнуть желаемого. Только не забудь помянуть в своей молитве меня. Когда ты исполнишь все, как я тебе велю, отправляйся в обратный путь той же дорогой. Достигнув железной земли, ты увидишь ту же самую птицу, и она опять принесет тебя сюда. Однако меня уже не будет в живых. Ты захорони мои останки, совершив все положенные обряды, а потом отправляйся дальше.

Простился шахзаде со старцем и пошел по дороге, им указанной. А когда пришел к берегу реки, то, как и говорил старец, увидел огромную птицу. Уцепился шахзаде покрепче за ноги той птицы, и она понесла его над горами и реками к железной земле. Тут он отпустил птицу и дальше пошел пешком. А когда железная земля осталась позади, путь ему преградила золотая гора, увенчанная куполами и зубцами. Шахзаде вознамерился было подняться на эту гору, но вдруг до его ушей донесся некий таинственный голос: «Не пытайся достигнуть вершины горы, в противном случае тебя ждет гибель. Эта гора не простая, а волшебная, и высятся на ней купола рая, в коих вертится колесо судьбы. Нет тебе надобности туда стремиться, ибо ты уже достиг, чего хотел».

Шахзаде скинул одежду, совершил омовение и вознес молитву Аллаху, прося его о помощи. Когда же он окончил молитву, то увидел, как с вершины горы к нему спускается гроздь винограда. А затем снова послышался таинственный голос: «Перед тобой фрукты из райских кущей,

и стоит тебе их вкусить, как тебе никогда больше не понадобится пища земная».

Шахзаде собрался уже в обратный путь, но тут его одолело сомнение. «Так я и не узнал, что за вода течет из отверстий в горе».

Не успел он об этом подумать, как таинственный голос возвестил: «И вода эта течет из райской обители и дает начало четырем рекам: Нилу, Фуроту, Дажлалу и Джайхуну».

Шахзаде мысленно возблагодарил старца, ибо все свершилось так, как тот предсказывал. Когда он вернулся на железную землю, там его уже поджидала огромная птица. Она перенесла его через горы и реки и опустила на землю неподалеку от знакомой часовенки. Шахзаде поспешил взглянуть на старца и нашел его мертвым.

Захоронил юноша останки старца, совершив все положенные обряды, и отправился дальше. По прошествии недолгого времени встретил он одного человека. Был тот человек дьяволом, принявшим человеческий облик. Поздоровался дьявол с шахзаде и спрашивает:

— О юноша, откуда ты держишь путь и благоприятны ли были твои странствия?

А шахзаде ему в ответ:

— Благодаря милости Аллаха я достиг желаемого и вернулся целым и невредимым. — И шахзаде показал дьяволу гроздь райского винограда.

Взглянул дьявол на гроздь и увидел в ней виноград четырех цветов — белый, словно молоко, черный, зеленый и красный. Опустил дьявол руку за пазуху, достал большое красивое яблоко и, протягивая его шахзаде, сказал:

— Это яблоко меня просил передать тебе благочестивый старец.

Взял юноша яблоко и только откусил кусочек, как виноград куда-то исчез.

Дьявол со смехом сказал:

— Я тот самый дьявол, который изгнал Адама из рая. Мне важно было не допустить, чтобы ты съел райский виноград. А теперь можешь отправляться на все четыре стороны.

Горько сожалел шахзаде о случившемся, однако исправить ничего не мог.

Опечаленный, пошел он дальше и вскоре достиг берега реки. В течение семи дней ему не встретилось ни одного обиталища людей, питаться приходилось только сушеной рыбой. И вот на исходе седьмого дня он увидел плывущий по реке корабль и стал взывать к корабельщикам о помощи. Те услышали его призыв и приняли в свою компанию. Потом корабельщики приступили к нему с расспросами, кто он такой да откуда, и шахзаде вот что им рассказал:

— Отец мой был купцом, и я отправился с ним в плаванье, но в пути нас постигло кораблекрушение, и все погибли. В живых остался один только я.

Корабельщики отнеслись к его судьбе участливо и предложили юноше оставаться с ними.

Возрадовался шахзаде.

— Да будет так, — весело воскликнул он.

По прошествии нескольких дней внезапно разыгралась буря, корабль разбился о скалу, и все корабельщики погибли. Уцелел один лишь шахзаде да еще три лошади. Вскоре одна из лошадей расшиблась, и шахзаде ее прирезал. Он содрал с нее шкуру, мясо же высушил на солнце и стал им питаться. Шли за днями дни, шахзаде обошел все окрестности, однако ничего необычного не обнаружил. «Не подняться ли мне на эту гору? — подумал он однажды. — Может быть, там я найду что-нибудь интересное?»

Преодолев множество препятствий, карабкаясь с камня на камень, шахзаде достиг наконец вершины горы и увидел, что гора эта возвышается до небес, а на вершине ее растет огромное дерево. Однако день уже клонился к вечеру, а шахзаде так устал, что улегся прямо на земле под тем деревом да и заснул.

А как раз на этом дереве в домике, подобном скворечнику, жила дочь падишаха Западных земель со своей названной матерью-птицей.

Увидела дочь падишаха спящего шахзаде, и столь юным и прекрасным показался он ей, что она полюбила его в тот же миг и, снедаемая страстью, пригнувшись к нему, нежно прошептала: «Что за прекрасное создание!» Ведь она никогда доселе не видывала ни одного живого существа, а тем паче людей, и думала, что на свете существует только эта гора да она со своей матерью-птицей. Она сорвала с дерева плод и осторожно бросила его в юношу. Тот встрепнулся, открыл глаза и сквозь густую листву увидел прекрасную девушку, способную своей красотой затмить сияние луны. И шахзаде полюбил ее с первого взгляда.

— О красавица, — спросил он, обратясь к девушке, — как ты здесь очутилась?

— Я дочь птицы Симург, — отвечала ему девушка, — и я здесь живу.

Удивился шахзаде.

— Симург — это птица, а ведь ты из человеческого рода.

— А что такое человеческий род?

— Взгляни на себя, ведь ты совсем не похожа на птицу.

— Никогда доселе я не видела ни одного живого существа и всегда считала, что птица Симург — моя мать.

— Пусть Симург достанет тебе зеркало, — посоветовал шахзаде, — и ты в него поглядишься.

— А что такое зеркало? — спросила она.

— Как тебе объяснить? Вот когда ты увидишь зеркало, тогда поймешь.

— Не можешь ли ты подняться ко мне? — попросила девушка.

— Среди тысячи таких, как я, не сыскать человека, который смог бы одолеть столь высокое дерево! — возразил шахзаде.

— В таком случае, — сказала девушка, — укройся где-нибудь на время. Сейчас должна прилететь птица Симург, и если она тебя увидит, то, чего доброго, погубит.

Шахзаде отправился на берег реки, залез в лошадиную шкуру, однако мечты о прекрасной девушке не давали ему покоя.

Когда прилетела птица Симуург, девушка сказала:

— Мне скучно одной, достань мне хотя бы зеркало.

Птица Симуург тут же принесла ей зеркало. Всю ночь проплакала девушка от любви к шахзаде. Птица Симуург же с наступлением утра улетела на поиски пищи.

Оставим пока девушку и птицу Симуург, а тем временем расскажем о шахзаде. Итак, снесдаемый страстью, шахзаде долго бродил по пустыне, а потом снова отправился на вершину горы. Несказанно обрадовалась девушка, увидя шахзаде. Она показала ему зеркало, и шахзаде сказал:

— Взгляни в зеркало, и ты увидишь свое отражение.

Посмотрела девушка в зеркало и поняла, что ничего общего с птицей Симуург у нее нет, а, скорее, похожа она на шахзаде. И тогда она подумала: «Видать, все, что говорил шахзаде, — истинная правда».

Шахзаде уже не мог совладать с охватившей его любовной страстью.

— Моя любимая! — воскликнул он. — Судьбе угодно, чтобы были мы вместе. Когда прилетит Симуург, скажи, что тебе здесь тоскливо, и попроси отнести тебя к реке якобы для того, чтобы ты могла полюбоваться ею и побродить по берегу.

Предложение шахзаде пришлось девушке по душе. Так до позднего вечера вели они любовную беседу, а когда наступила пора вернуться птице Симуург, отправился шахзаде на берег реки, залез в лошадиную шкуру и снова провел всю ночь в мечтах о любимой.

Девушка же стала с нетерпением ждать возвращения птицы Симуург.

Едва птица опустилась возле их жилища, девушка бросилась к ее ногам со словами:

— Сегодня я взглянула в зеркало и впервые увидела свой облик. И сердце мое охватила тоска. Ведь я — существо земное, а провела всю жизнь на дереве. Прошу тебя, когда ты полетишь к Сулейману, отнеси меня на берег реки, чтобы я могла немного развлечься.

Птица согласилась исполнить просьбу девушки и, когда наступило утро следующего дня, сказала:

— Подожди немного, я только слетаю к реке и выберу подходящее для тебя место, а потом вернусь за тобой.

Прилетела птица Симуург к подножью горы, где паслись две лошади шахзаде. Увидела она лошадей и удивилась: «Откуда взялись здесь эти существа? Уж не из реки ли они вышли?» Она привязала лошадей к дереву и полетела за девушкой.

Оставшись одна, девушка робко приблизилась к лошадям и стала гладить их по шее.

Обратясь к девушке, птица Симуург сказала:

— Побудь здесь до моего возвращения.

Когда птица Симуург улетела, шахзаде вылез из лошадиной шкуры и подошел к девушке. И он обнял ее и поцеловал. Это был счастливый день, равного которому он не знал в жизни. Так свершилось предопределение судьбы. Шахзаде соединился с девушкой. Любовным утехам предавались они до позднего вечера. Когда же пришло время возвратиться птице Симуург, шахзаде снова спрятался в лошадиную шкуру, а девушка пошла к лошадям.

Дома птица Симуург спросила:

— Ну, как ты развлекалась?

И девушка радостно ответила:

— За всю прежнюю жизнь я ни разу не испытала подобного наслаждения. Прошу тебя завтра отнести меня туда опять.

И прошла ночь, и девушка не сомкнула глаз. А утром птица Симург снова отнесла ее к реке. И не успела улететь, как шахзаде тотчас же вылез из лошадиной шкуры, и влюбленные снова предались любовным утехам.

Между тем в душе птицы затаилась тревога.

Девушке вот-вот минет пятнадцать лет, и скрывать ее здесь все эти годы от людей стоило птице Симург больших хлопот. Не худо бы увезти ее в другое место, дабы не случилось какой-нибудь беды и не пропали даром все ее многолетние старания. А куда решила птица Симург подготовить под деревом место для лошадей, чтобы девушка могла услаждать ими свой взор, не покидая своего жилища.

Вечером птица Симург повела с девушкой такой разговор:

— О дитя мое, я думаю, тебе не следует отправляться завтра к реке.

Опечалилась девушка, загрустила, но делать нечего, пришлось ей повиноваться. Осталась она одна дома и весь день провела в слезах. А шахзаде понапрасну прождал свою любимую, и, так и не дождавшись ее, взобрался на вершину горы, где жила девушка, и приблизился к дереву, и стал шептать:

— О лунолика, неужели тебе наскучило со мной? Почему ты покинула меня?

Тут девушка поведала ему обо всем, что сказала птица Симург.

— О красавица, пленившая мое сердце! Когда вернется птица Симург, пади к ее стопам и моли, уж, если не хочет она отпускать тебя к реке, пусть позволит хотя бы гулять под деревом.

Опечаленный, воротился шахзаде к подножью горы. Тем временем прилетела птица Симург и, увидев девушку в слезах, пожелала узнать, что повергло ее в печаль. Тогда девушка сказала так, как велел шахзаде, и попросила снова отнести ее к реке.

— О свет очей моих, — молвила птица Симург, — поверь, я пекусь лишь о твоём счастье.

Успокойся. Завтра поутру я привяжу лошадей к этому дереву, и ты снова сможешь любоваться ими, а один раз в неделю я позволю тебе с ними поиграть.

Птица Симуург привела лошадей, привязала их к дереву, а сама улетела. Шахзаде, увидев под деревом привязанных лошадей, спросил у девушки, что это означает, и, выслушав ее ответ, сказал:

— Покуда ничего не говори птице Симуург, а по прошествии некоторого времени я что-нибудь придумаю.

С той поры девушка раз в неделю спускалась вниз, и они с шахзаде предавались любовным утехам. Так минуло сорок дней и сорок ночей, и однажды девушка, обратясь к шахзаде, молвила:

— О любимый! Когда тебя нет со мной, мне кажется, все вокруг окутано мраком. Не можешь ли ты сделать так, чтобы мы никогда не разлучались?

Задумался шахзаде, а потом сказал:

— В этом деле возможен лишь один выход: я зарежу лошадь, залезу в ее шкуру и брошусь в реку. А когда прилетит Симуург, ты попроси ее достать лошадь из воды и принести в твоё гнездо. И тогда мы всегда будем вместе.

Шахзаде сделал все так, как они условились. Когда же птица Симуург вернулась домой, девушка заплакала и поведала ей о своей печали.

Выслушала птица Симуург ее рассказ и говорит:

— Не печалься. Утро вечера мудренее. Завтра я что-нибудь придумаю.

И когда наступило утро, птица Симуург отправилась к реке и, вытащив из воды лошадиную шкуру, отнесла ее девушке. Печаль девушки словно рукой сняло.

Оставив девушку в гнезде, птица Симуург полетела к могущественному Сулейману, а шахзаде тем временем сбросил с себя лошадиную шкуру, и они предались любовным утехам. Но

вот минул положенный срок, и пришла пора девушке родить. И по милости Аллаха она родила сына.

Аллах послал к Сулейману пророка Гавриила, и тот велел Сулейману спросить птицу Симуург, как та распорядилась судьбой дочери падишаха западных земель.

И могущественный Сулейман, обратясь к птице Симуург, сказал:

— Ну, как распорядилась ты судьбой той девушки?

— Я сделала все, как обещала, — отвечала ему птица Симуург.

Тогда Сулейман повелел доставить девушку во дворец, а сам в окружении людей и пери, дивов и джиннов, птиц и животных воссел на престол. Птица Симуург завернула девушку в лошадиную шкуру и принесла во дворец. Сулейман же усадил птицу Симуург на отведенное для нее место и спросил:

— Удалось ли тебе изменить судьбу дочери падишаха Западных земель и сына падишаха Восточных земель?

— О посланник Аллаха! — отвечала птица Симуург. — Пятнадцать лет тому назад я унесла эту девушку на гору Каф и поселила ее на самом высоком дереве, где она пребывала в полном одиночестве.

Тогда Сулейман сказал:

— Разверни лошадиную шкуру и ты увидишь, кто из нас прав.

Когда птица Симуург развернула лошадиную шкуру, там оказались дочь падишаха Западных земель, сын падишаха Восточных земель и еще их ребенок.

Склонясь в почтительном поклоне, шахзаде обратился к Сулейману с приветствием:

— Мир тебе, о посланник Аллаха!

— Да будет мир с вами! — отвечивал Сулейман.

Тут могущественный Сулейман обернулся к птице Симуург и молвил:

— Ну, теперь ты видишь, Симург, что предопределение судьбы неотвратимо. Следуя нашему уговору, я волен тебя так наказать, чтобы это послужило уроком для всех моих подданных.

Услышав эти слова, птица Симург затряслась от страха, а потом, расправив крылья и жалобно крича, воспарила ввысь.

А мудрый и великодушный Сулейман соединил подобающим образом судьбу шахзаде и девушки. И известил о том их родителей...

*История султана
Санджара*

Рассказывают, будто правил в одной стране некий благочестивый и мудрый султан по имени Санджар, с необыкновенным тщанием вникавший в дела государства и подданных, не полагаясь в сем на своих приближенных. Сменив богатое облачение на простые одежды бродяги, ходил он ночью по улицам города, днем же в платье каландара отправлялся на базар, где собиралось множество народа, и там, неузнанный, вникал во всякие распри, дабы суд его был правым, а величье прославленным.

Сидя однажды на суфе возле продавца жареных фисташек, он увидел прекрасного юношу в одежде каландара. Это был луноликий красавец, в облике которого без труда угадывалось благородство. И каждый, кто смотрел на него, не мог сокрыть своего восхищения. Однако чело юноши было отмечено глубокой печалью, и понял султан смятение его души и мужество, с коим он преодолевал страдания. Султан подозвал к себе юношу и сказал:

— О странник, ты столь молод и красив! Что побудило тебя облачиться в одежды каландара и отречься от всего мирского?

И султан прочитал стих:

Может друг понять, что таится в душе у друга-страдальца,
Если связан с ним неразрывно, будто ноготь с мякотью
пальца.
Чтоб отвергнуть мирские богатства, очень трудно силы
найти,
Как избравшему цель скитальцу очень трудно свернуть с пути.

— О таящийся под обличьем каландара, — молвил юноша, — зачем ты бередишь мои раны? Какой прок тебе во мне, бедном страннике, коий никак не может унять свою боль?! Уже прошло много времени с тех пор, как злой рок лишил меня милосердия Аллаха, однако до сей поры объят я печалью и снедаем душевной горечью. Пришел я в этот город, никому не ведомый, надеясь сокрыть свое горе от других, а ты вынуждаешь меня снова вспоминать о моих страданиях.

Султан изъявил к нему свою благосклонность и ласково молвил:

— Успокойся, о юноша, и поведай мне свою историю. Если к тому же ты расскажешь о том, что видел в жизни и в чем ты усматриваешь ее смысл, я буду тебе премного благодарен.

И юноша начал свой рассказ.

— История моей жизни грустная и тягостная, а рассказ о ней длинен и утомителен.

И он прочитал стих:

Очень долгая, тихая лунная ночь мне нужна,
Чтоб историю жизни моей я поведал сполна.

— В таком случае, — молвил султан, — соблаговоли сказать, где твое пристанище, и вечером я за тобой пришло.

Юноша назвал обитель каландаров, и тогда султан сказал продавцу фисташек:

— Нынешней ночью я буду твоим гостем.

Продавец фисташек приготовил всевозможные яства и прекрасно убранное сиденье для почетного гостя. Султан Санджар пришел к нему, и сел на почетное место, и повелел привести юного каландара. Едва юноша переступил порог дома продавца фисташек, он сразу же понял, что перед ним не кто иной, как султан. Он приветствовал султана с должным почтением и уселся на отведенном для него месте. По завершении трапезы султан, обратясь к юноше, молвил:

— Умерь, о юноша, печаль и смятение души и поведай мне всю свою историю.

— Охотно, — отвечал юноша. — Но для этого ты должен либо покинуть свое почетное место и сесть рядом со мной, либо позволить мне приблизиться к тебе.

Султан сел рядом с юношей, и тот повел свой рассказ.

— О султан, владыка вселенной! Да будет тебе известно, что отец мой был удачливым купцом. Богатства его были несметны. Однажды он позвал меня к себе и сказал: «О дитя мое, ты уже достиг дозволенного возраста, и я решил взять тебя с собой в далекое путешествие. Я хочу, чтобы ты постиг добро и зло, изведал все жизненные тяготы, ибо после моей смерти ты останешься в одиночестве и бремя забот может оказаться для тебя непосильным». Мы покинули пределы города и отправились в далекий путь, и одолели много дорог, и миновали множество городов и селений. Но однажды наш караван сбился с пути. В ожидании

утра мы вынуждены были устроить привал. Ночью на нас напали разбойники. Я проснулся от громких криков и к своему ужасу увидел, что отец мой убит. Опасаясь, что меня постигнет участь отца, я вскочил на коня и умчался в пустыню. В конце долгого дня я достиг ворот некоего города, но было уже темно, ворота города оказались запертыми. Я умолял сторожей впустить меня в город, но они оставались глухими к моим мольбам. А неподалеку от городских ворот был невысокий холм, и у его подножья лежал огромный камень. Вот за этим-то камнем я и устроился на ночлег. Ночь, однако, была безлунная, и от пережитого страха я никак не мог уснуть. Вдруг я увидел, как через городскую стену перелез человек с зажженным фонарем в руках. За ним последовали еще двое. Они несли что-то тяжелое! Не успел я подумать, что, должно быть, это воры и что они, видно, хотят здесь разделить добычу, как внезапно они исчезли, словно сквозь землю провалились, но вскоре ненадолго появились снова и уже исчезли окончательно. Я подумал, что они припрятали где-нибудь неподалеку награбленное, и принялся осторожно исследовать окрестности. Вдруг я нащупал неглубокую яму, а в ней какого-то человека.

— О безжалостные, — со стоном сказал человек, — чего вам от меня надобно? Дайте мне спокойно умереть.

Я стал его успокаивать:

— Не тот я, кого тебе следует опасаться.

Тогда человек простонал:

— О друг, если ты хочешь мне помочь — унеси меня поскорей отсюда в безопасное место и попытайся залечить мои раны. Мое воскресение принесет тебе счастье, а если я умру, твоя совесть будет спокойна, ибо твой благородный поступок будет служить ей утешением.

Узнав, что человек тот нуждается в помощи, я взвалил его на плечи и с наступлением утра вошел в город. Вскоре я увидел маленький убогий домишко и почему-то решил, что в нем живет оди-

нокая вдова. В ответ на мой стук дверь открыла бедно одетая старушка.

— Ты кто такой? — спросила она меня.

— Странник, ищущий приюта, — отвечал я.

Старушка проводила меня в дом и, сказав:

— Располагайся здесь, — удалилась.

Я развернул ковер, в который был завернут раненый, и моему изумленному взору предстало некое очаровательное создание.

Узрев сию неземную красоту, я едва не лишился сознания. Но постепенно придя в себя, я тяжело вздохнул и сказал:

— О лунолика, о жемчужина красоты! Кто причинил тебе такое зло? Почему судьба столь немилостива к тебе?

Девушка с трудом подняла веки.

— О благородный юноша, — прошептала она, — если Аллаху будет угодно сохранить мне жизнь, я без утайки поведаю тебе свою историю. А коли мне суждено умереть — пусть моя тайна уйдет со мной в могилу.

Я осмотрел девушку и обнаружил у нее на теле несколько ножевых ран. Омыв раны, я смазал их целебными снадобьями и принялся ухаживать за ней с превеликим тщанием. Однако здоровье ее час от часу становилось хуже. В один из дней, взглянув на меня полными мольбы глазами, девушка сказала:

— О благородный юноша, ты мучаешься со мной, не ведая, есть ли в том прок. Выполни мою просьбу, и это облегчит и мою и твою участь.

— Слушаю и повинуюсь, — ответил я.

— В этом городе, — продолжала она, — есть прекрасный лекарь. Только он способен точно сказать, что ждет больного. Однако ходит он не к каждому. Если у тебя есть немного золота, ступай к этому лекарю и умоли его ко мне прийти. Может быть, он соблазнится деньгами, а может, в нем пробудится чувство сострадания, и он сумеет меня исцелить. Лекарю объясни, будто разбойники до полусмерти избили твоего брата, а ты отыскал его и принес домой. Если лекарь скажет,

что я поправлюсь, то ты будешь меня выхаживать. В противном случае бросишь меня на произвол судьбы, чтобы быстрее пришло мое избавление.

Выслушав сии слова, я отправился к лекарю. Придя к его жилищу, я увидел множество народу — это больные ждали его появления. По прошествии долгого времени лекарь вышел из дому и, не сказав никому ни слова, отправился в шахский дворец. Мы молча последовали за ним. Закончив ежедневный осмотр шаха, лекарь покинул дворец. Тут к нему ринулись все страждущие и стали наперебой рассказывать о своих болезнях. Поведал ему о своей беде и я. Мои мольбы и стенанья возымели действие, лекарь окинул меня сочувственным взглядом и сказал:

— Ладно. Сначала я схожу к тебе, а уж потом отправлюсь по другим делам.

Осмотрев больную, лекарь дал мне три пилюли и при этом сказал:

— Одну пилюлю пусть она проглотит сейчас, вторую — перед сном, а третью — на рассвете. После этого ты должен прийти ко мне и рассказать, какое действие возымели пилюли на больную.

С этими словами он удалился.

Я сделал все, как велел лекарь, однако поутру, когда надо было дать последнюю пилюлю, у больной из горла хлынула кровь. Я тотчас побежал к лекарю и сказал ему об этом. Лекарь остался чрезвычайно доволен моим известием и, объяснив, будто из больной вышла застоявшаяся кровь, посулил, что вскоре она поправится.

Возблагодарив Аллаха за милость, я возвратился домой, и, едва завидев меня, девушка спросила:

— О благородный юноша, нет ли у тебя чего-нибудь поесть?

Я принес ей еду, и она отведала ее, и на лице ее проступил румянец.

Мало-помалу она начала поправляться, а в один благоприятный день и вовсе выздоровела.

Вскоре у девушки пробудился интерес к нарядам и украшениям, и стала она столь прекрасна, что я не в силах был оторвать от нее глаз. Потрясенный и изумленный, я утратил дар речи и не находил в себе мужества признаться ей в своем чувстве. А она, будто почуяв, что я попал в любовные сети, молвила:

— О благородный юноша, мне ведомо охватившее твою душу желание, однако прошу тебя потерпеть еще немного. Я буду принадлежать тебе одному, ибо ты спас меня от верной смерти и пробудил во мне горячую любовь.

— О редчайшая из красавиц, — ответствовал я ей, — не тешь меня своими посулами, ибо одному Аллаху известно, что ждет меня завтра. — А в сердце своем помыслил, что все же лучше пребывать в надежде, чем изведать безнадежность.

В благоприятный день, покупая лекарство для больной, я познакомился с одним знахарем. Я частенько навещался в его лавку, и вскоре мы стали близкими друзьями. Однажды он пригласил меня в гости. И меня одолели сомнения, как я смогу провести целый вечер в разлуке с любимой. Когда я сказал ей об этом, она, улыбувшись, ответила так:

— Если ты пойдешь к знахарю, постарайся там не задерживаться больше трех дней.

— Аллах всемогущий! — воскликнул я. — Каждый час разлуки с тобой для меня подобен смерти.

— Ну что ж, ступай, — молвила она. — Только сначала исполни одну мою просьбу.

Девушка попросила меня принести бумаги и чернил и, написав записку, велела отнести ее на базар и вручить высокому седобородому старику, хозяину лавки золотых украшений, а затем, получив от него нужную ей вещь, вернуться домой.

Я взял записку и отнес ее в ювелирный ряд и отдал седобородому старику. Узрев некую печать на той бумаге, он согнулся в почтительном поклоне и вручил мне маленький ларец. Когда

я принес его девушке, она вынула из-за пазухи ключ, отперла этот ларец, и я увидел, что ларец полон удивительных драгоценностей. Выбрав несколько жемчужин, она протянула их мне и молвила:

— Ступай в город, купи богатое имение. Найми слуг и позаботься, чтобы и им, и их семьям нашлось в том имении жилье. Когда все это сделаешь, отвези туда меня...

По прошествии недели все было готово: богатое имение, внутренние покои коего были убраны коврами и уставлены дорогими вазами, раскрыто свои двери перед моей солнцеликой возлюбленной.

— А теперь ты свободен и можешь идти в гости к знахарю, — сказала она.

И я отправился в лавку знахаря. Когда я пришел туда, знахарь повелел слуге привести двух лошадей, и мы сели на них и поехали к его жилищу. Когда мы приехали туда, я увидел, что знахарь сказочно богат. Конюшня полна арабскими скакунами, слуги одеты в дорогие платья и подпоясаны золотыми кушаками. «Как же я приглашу его к себе, — опечалился я, — ведь и он и его слуги станут смеяться над моей бедностью». Итак, мы вошли в дом. Вскоре появились музыканты, певцы и красивые луноликие танцовщицы. Они играли и пели, а потом виночерпий подал чаши с пьянящими напитками, и были те чаши пущены по кругу. Хмель ударил мне в голову, я потерял счет времени. Мне казалось, будто я пробыл здесь всего только сутки, на самом же деле пир продолжался сорок дней и сорок ночей. Когда же опьянение прошло, я, испросив разрешения хозяина, отправился домой. Девушку я застал опечаленной. Воззрившись на меня сукором, она сказала:

— О прикинувшийся влюбленным, изгони меня из своего сердца! Для тебя равны шипы и роза, соловей и ворон, огонь и дым. И она прочитала бейт:

Дела благие отличать умеи от дел недобрых, скверных,
Ведь много в жизни есть людей неискренних и лицемерных.

Я припал к её стопам и стал молить о прощении.

— О возлюбленная! Душа моя принадлежит одной тебе! Я готов пожертвовать ради тебя жизнью. Пусть очи мои взирали на других, однако в сердце у меня одна только ты. И я прочел стихи:

В ярких чашечках тюльпанов, пламенеющих вокруг,
Чернота печали скрыта — посмотри, мой нежный друг.
За года, что как в тумане я провел, прости меня, —
Буду жить я, днем и ночью в сердце образ твой храня!

Так после долгих страстных просьб я с трудом вымолил у нее прощение.

Я у капризницы в руках — в ее жестокой власти:
Не гонит прочь, но не дает и умереть от страсти.

По прошествии нескольких дней красавица, пленившая мое сердце, взглянула на меня вопрошающе и сказала:

— О благородный юноша, знаешь ли ты, что обычай повелевает на гостеприимство отвечать гостеприимством. Ты гостил у знахаря сорок дней и сорок ночей, и твое угощение в его честь должно быть не менее богатым.

— О прекраснейшая из прекрасных! — отвечал я. — Могу ли я после его сказочно богатого дома звать его к себе? Ведь он станет смеяться над моей бедностью!

— Пусть это тебя не тревожит, — утешила меня девушка. — Твое дело — пригласить, а все прочее я беру на себя.

Выслушав эти слова, я отправился к знахарю и просил его вечером пожаловать ко мне в гости. Знахарь ответил согласием. Я дождался его в лавке, а с наступлением сумерек мы уселись на лошадей и двинулись в путь.

По дороге мы увидели прекрасный, подобный раю, дворец и хотели было проехать мимо, но слуги в богатых одеждах остановили нас и сказали:

— Вы приехали, господа, ибо вас ждут в этом дворце.

Когда я спешил, ко мне подбежали несколько человек и, отдав надлежащие почести, пригласили следовать за ними. Роскошное убранство дворца повергло меня в изумление. Мы с знахарем уселись на прекрасном ковре, облокотились на шелковые подушки. И тут же заиграли музыканты, запели певцы и закружились в танце луноликие красавицы. Сладкоголосые звуки танбура сжигали мое сердце. Более нежных мелодий я никогда нигде не слышал. Моя возлюбленная устроила такой пир, что сами перы были бы повергнуты в изумление. И на память мне пришел стих:

Если хочет Аллах дать богатство рабу своему,
Даже камень обычный приносит богатство тому.

Так пировали мы допоздна, и я уснул рядом с моим другом — знахарем. На рассвете, едва пробудившись от сна, я обнаружил, что лежу в своем прежнем бедном доме, а многочисленные слуги и служанки исчезли вместе с райским дворцом. В изумлении я поднялся на ноги и увидел на полу мертвого знахаря с отрезанной головой на груди. Я стал звать на помощь, однако в доме никого не оказалось. Тогда я бросился на улицу. Тут меня остановили несколько всадников, они спешили и, воздав мне положенные почести, обратились ко мне с такими словами:

— Слава тебе, о достойнейший юноша! Отныне прекрасная малика принадлежит тебе. Тебя озарило солнце счастья, ты купаешься в лучах луны, твоя печаль обернулась радостью. Тебе суждено стать зятем шаха.

Они облачили меня в богатые одеяния, водрузили мне на голову корону, усадили на чистокровного арабского скакуна и с большими почестями доставили в шахский дворец. Войдя в покои шаха, я увидел его восседающим на троне. Он горячо обнял меня и прижал к своему сердцу.

— Отныне ты будешь мне сыном, — ласково молвил он. — Моя дочь по праву принадлежит тебе.

С этими словами он усадил меня рядом с собой и, обратясь к визирям, приказал:

— Готовьтесь к свадьбе: украшайте город, угощайте всех, как положено.

Только он успел это вымолвить, как несколько визирей приблизились к трону и, склонясь в почтительном поклоне, доложили:

— О всемогущий шах! Из государства Зангбар прибыли посланцы. Они требуют, чтобы ты принял их немедленно.

Шах вынужден был ответить согласием. Тут вошли посланцы из Зангбара. Они должным образом приветствовали шаха и передали ему дары от своего владыки и запечатанное письмо. Испросив соизволения шаха, визирь сломал печать и прочел: «Сим посланием я, шах Зангбара, желаю известить шаха Сулеймана о том, что есть у меня сын, коего я люблю больше жизни. Прослышав о несравненной красоте твоей дочери, мой сын полюбил ее всей душой. Ее прекрасные ресницы, словно стрелы, пронзили его сердце, и он ни днем ни ночью не ведает покоя. По получении даров и сего послания прошу тебя без промедления отправить свою дочь в Зангбар, не то я пойду на тебя войной и сровняю с землей твои владения, а дочь твою увезу силой».

В зале воцарилось смятение. Шах обратился за советом к мудрейшим из мудрых, и те ответствовали:

— О высокородный государь! Благополучие страны находится в зависимости от твоей воли. Разум повелевает, чтобы ты отправил свою дочь в Зангбар, а этому юноше возместил утрату богатыми подношениями.

Шах внял их совету, и начались приготовления к отъезду. Недаром говорил поэт:

Никогда рожденных друг для друга злое небо не соединяет, —
Колесо судьбы с дороги сбилось, и душа пылает и страдает.

По прошествии трех дней, ту, которая похитила мое сердце, усадили на золотые носилки, чтобы отправить в Зангбар. И никто не справился о моей печали и не вспомнил о моей утрате. Я убедился,

что за добро не всегда воздается добром, что стоит кому-нибудь выбраться из беды, как он тотчас забывает своего благодетеля. Счастье отвернулось от меня, и я горько зарыдал. Меня охватила печаль, и я выбежал из дворца и увидел, что сейчас унесут шахскую дочь. Слезы сами собой хлынули у меня из глаз, но тут ко мне подошел некий эфиоп и сказал:

— Хочешь ли отправиться с нами в Зангбар? Я сделаю тебя другом моего шахзаде.

И я сказал:

— Хочу.

Он подвел ко мне скакуна, и мы отправились в путь. Когда мне удавалось приблизиться к носилкам, до моего слуха доносились рыдания моей возлюбленной. И тогда моя душа разрывалась на части.

По прошествии долгого времени мы достигли Зангбара. Сопровождающие занялись своими делами, малику увели во дворец. Я же остался в одиночестве. Вдруг неподалеку от отведенных малике покоев я узрел маленький домик. В ответ на мой стук дверь отворила некая старуха.

— Кто ты такой? — спросила она.

— Я бедный странник и прошу тебя дать мне приют.

Она пригласила меня в дом и сказала:

— О юноша! Нынешней ночью во дворце состоится свадьба шахзаде и малики. Я пойду туда, а тебя оставляю дома с моей дочерью, ибо готова считать тебя своим сыном.

Мир померк в моих глазах, и, снедаемый страстью к возлюбленной, я пал перед старухой ниц.

— О матушка, молю тебя, возьми меня с собой во дворец, я мечтаю насладиться лицезрением свадебного пира.

— Ты что, лишился разума! — воскликнула она. — Ведь это дворец шаха, он окружен многочисленной стражей, и без высочайшего соизволения туда попасть невозможно.

С воплями и рыданиями я стал лобызать ей ноги.

— О матушка, я подарю тебе драгоценную жемчужину. — Я достал из-за пазухи жемчужину и дал ее старухе.

На ее лице отразилась алчность, и она сказала:

— О сын мой! Оденься в платье моей дочери, на голову накинь чадру и ступай за мной. Уж как-нибудь я проведу тебя во дворец. Ведь я все же кормилица шахзаде, я для него — вторая мать. Думаю, никто не решится меня остановить. — Она усадила меня перед зеркалом и принялась румянить мне щеки и сурьмить глаза, будто девушке.

Щедростью можешь ты все грехи заранее искупить,
Хитростью можешь ты даже льва заставить себе служить.

Наконец мы отправились во дворец. Когда у старухи спрашивали, кто с ней пришел, она отвечала, что я — ее дочь, которая издавна мечтает побывать в шахском дворце. А так как нынешней ночью исполнится желание шахзаде, то она, старуха, хотела бы, чтобы давнишняя мечта ее дочери тоже сбылась сегодня. Некоторые служанки, поверив измышлениям старухи, обнимали и целовали меня и при этом говорили:

— О матушка, оказывается, у вас такая прекрасная дочь!

Вскоре я вместе с несколькими служанками проник в покои малики. Я увидел ее сидящей на богато убранном троне под пологом. Однако лик ее был печален, и я чуть не лишился разума от горя.

Сжалось сердце мое, пронзенное болью разлуки,
Будто клад предо мною, но не дается в руки.

Я оглядел комнату, выискивая место, где можно было бы спрятаться. И тут я заметил лестницу, ведущую на балкон. Я поднялся по той лестнице и притаился на балконе. Тем временем в комнату вошла служанка и велела всем удалиться, ибо с минуты на минуту сюда должен был пожаловать жених. И в самом деле спустя некоторое время

появился жених. Безобразный, как див, он к тому же был пьян и едва держался на ногах. Когда его подвели к трону малики, он приказал слугам удалиться, а сам запер дверь на ключ и, обняв малику, вознамерился было поднять чадру. Малика оттолкнула его и с чувством гадливости сказала:

— О мерзкий негодяй, не смей ко мне прикасаться!

Тогда эфиоп страшно разгневался:

— Многие красавицы мира были бы счастливы изведать мою благосклонность, ты же называешь меня негодяем. Раз так, я буду действовать по-иному.

Сказав это, он привлек малику к груди. Малика же, собрав все силы, вырвалась из его объятий. Тут эфиоп разъярился и стал рвать на ней одежды.

— О Касым! — вскричала малика. — Услышь мой зов, приди ко мне на помощь.

Я не мог больше сдержаться, бросился с балкона в комнату и, выхватив кинжал, вонзил его в грудь эфиопа. Тот упал замертво. Я отрубил эфиопу голову, положил ее ему на грудь и воскликнул, обратясь к малике:

— Я здесь, дорогая.

Малика широко раскрыла глаза:

— Откуда ты явился?

— Не спрашивай меня об этом, — отвечал я. Потом поспешно завернул малику в ковер, взвалил себе на плечи и второпях покинул комнату. Находившийся во дворе люд был занят своим делом, и никто не заметил, как я прошел к дворцовой стене и, перебравшись через нее, покинул дворец. Придя в дом старухи, я развернул ковер и увидел свою лунолицую.

— О Касым, — молвила малика. — Они непременно нас разыщут здесь! Что же делать?

— Мы во власти судьбы, — отвечал я и повел возлюбленную на балкон. Там мы и провели ночь.

Наступило утро. Во дворце ждали появления жениха, но его все не было и не было, а в комнату малики войти никто не осмеливался. По проше-

ствии продолжительного времени прислуга все-таки отважилась отпереть дверь, и тут увидели, что жених мертв, а невесты и след простыл. Поднялась страшная суматоха. Пришлось рассказать о случившемся шаху. Шах повелел у городских ворот выставить стражу, обшарить дороги, обыскать все дома города.

Услышав о высочайшем повелении, старуха принялась рвать на себе волосы.

— О юноша, — бросилась она ко мне, — я знаю, что в этом деле повинен ты. Если малику найдут в моем доме, то не сносить головы ни мне, ни тебе. Уж лучше я сразу выдам тебя шаху, может быть, хоть меня тогда пощадят.

Я пал перед старухой ниц и, рыдая, стал молить ее о пощаде. Однако все мои мольбы были тщетны. Тут я понял, что могут помочь только деньги, и я отдал ей горсть жемчужин и увидел, как алчность вспыхнула в ее лице, и она сказала:

— Чему быть, того не миновать. Дело сделано, и нам не следует поднимать шум. Лучше я стану караулить у двери, чтобы в дом не проникли те, кто ищет тебя и малику.

Она исцарапала себе лицо и, растерев докрасна глаза, уселась на пороге. И горестный вид ее вызывал сочувствие всех прохожих.

Тем временем люди шаха обыскали дома горожан и, не обнаружив следов малики, направились к дому старухи. Старуха же, изобразив глубокую печаль, сказала:

— Да осудит вас Аллах! Вы намереваетесь искать убийцу в моем доме? Разве способна мать быть соучастницей в убийстве своего сына? Или вы просто хотите посыпать солью мои раны?

Печаль ее была столь величава и естественна, что стражники, испытав раскаяние, прошли мимо. А старуха, обрадовавшись, побежала к нам и сообщила, что опасность миновала. Мы возблагодарили всевышнего и, переждав, пока в городе все утихнет, стали собираться в путь.

— О Касым, — молила меня малика, — уедем с тобой в чужие края. Пусть мы будем бедны, но зато счастливы, оттого что вместе.

О силе наших чувств узнал весь город, вся округа, Лишь лучшее, что в людях есть, мы видим друг у друга. Пусть упрекают, мучат нас, но вместе мы с тобою, Закон любви навек связал мою с твоей судьбою. «В чём счастье жизни?» — я спросил на пире страсти нашей. «Храни святой секрет любви!» — ответ был винной чаши.

Сердце мое склонилось к ее сердцу и, не теряя понапрасну времени, я добыл двух арабских скакунов, запасся мужской одеждой для малики, приготовил припасы и все, что требуется в долгом пути, и с наступлением сумерек мы покинули пределы города. Оставив позади много путей и дорог, мы достигли пустыни, и я сказал возлюбленной: ---

О жизнь моя, свет радости земной —
Твоя печаль и день и ночь со мной!

— До сей поры мне неведома твоя тайна. Расскажи, кто тебя ранил, кому я обязан встрече с тобой? Почему ты советовала мне пригласить в гости знахаря и каким образом он оказался убитым? Открой мне причину того, чем я снискал благорасположение твоего отца?

И малика рассказала мне такую историю:

— О мой возлюбленный! Да будет тебе известно, что я дочь шаха, что отца моего зовут Сулейман, и что я росла во дворце, и было у нас множество слуг. И среди тех слуг был человек, самый близкий мне и моему отцу. Я дала ему денег, чтобы он открыл лавку и занялся торговлей лекарствами. А шах, мой отец, пригласил ему в наставники мудрейших лекарей. Вскоре тот человек стал знахарем, и все состояние, какое тебе довелось у него видеть, пришло к нему с моей помощью. Так он стал богат и всеми почитаем и продолжал оставаться моим другом. Однажды, навестив меня, он принес с собой сосуд с вином. Отведав того вина, я сделалась веселой и радостной. Тут он потерял голову и, обратясь ко мне,

сказал: «О прекрасная малика! Молю тебя, осчастливь меня любовным свиданием! Вот уже много дней я снедаем любовной страстью к тебе. И теперь я не в силах совладать с ней. Если же ты ко мне не питаешь благосклонности, то найди в себе хоть каплю сострадания». Сказав все это, — продолжала малика, — он вознамерился было меня обнять, но я резко отбросила его руку и пригрозила немедля рассказать обо всем отцу, дабы он достойным образом его наказал. Той же ночью знахарь с двумя своими слугами тайком проник в мои покои, избил меня и, решив, что я скончалась, завернул в ковер и бросил в том месте, где ты меня нашел. Аллах в твоём лице послал мне спасителя, и я навеки твоя раба. Теперь слушай об убийстве знахаря. Когда ты пригласил его в гости, я пошла к отцу и обо всем ему рассказала. Он повелел своим стражникам знахаря немедля убить, а тебя доставить во дворец и награждать подобающим образом.

Долго пребывали мы в пути, но не ведали, где найдем свое пристанище. Когда мы подъехали к безлюдному месту, малика удалилась за большой камень, и я тут же услышал ее истошный крик. Я бросился туда и увидел, что ее ужалила змея. Ту змею я убил, но малике помочь не смог. Вскоре, изнемогая от боли и страданий, она скончалась. Сердце мое разрывалось от горя. Я стал биться головой о землю. Я отпустил на волю лошадей и, рыдая, похоронил свою возлюбленную. Однако человек крепче железа, и ему суждено вынести все. И пока срок моей жизни не изошел, любовь к малике и мое горе будут всегда во мне.

Султан Санджар, выслушав исповедь юноши, проникся к нему сочувствием и сказал:

— Сними одеяния каландара и скажи, что ты желал бы получить из моих богатств. Я готов подарить тебе что угодно. Теперь я вижу, что в жизни господствует зло. Мир, словно караван-сарай, куда приходят и откуда уходят. Радость и горе в нем неразлучны.

*Рассказ о Хабубе
Аммаре и об Адеме*

Уста сказителей доносят до нас повесть, рассказанную некогда Абдаллахом Аббасом о том, как однажды к нему в дом пришел обезображенный шрамом человек, на лице которого был четкий след пощечины. И вот что произошло дальше.

Увидев этого человека, гости Абдаллаха Аббаса ощутили неловкость и стеснение, прервали свою беседу и, обратясь к пришельцу, спросили:
— Кто ты такой и что с тобой приключилось?

— Я бедный странник, — отвечал человек, — и со мной приключилось много удивительного.

И Абдаллах Аббас спросил:

— Не поведаешь ли ты нам свою историю?

— Со мной приключилось целых три истории, — отвечал странник, — если вы способны поверить в диковину, я готов их вам рассказать.

— Изволь, мы тебе верим.

— Да будет ведомо вам, — начал тот, — в прежние времена я был владельцем большого каравана верблюдов. Однажды ночью в двери моего дома постучался некий человек и попросил меня выйти к нему. Выйдя на улицу, я увидел перед собой вооруженного всадника на арабском скакуне. Обратясь ко мне, он сказал:

— О достойнейший муж! Мне немедля нужны несколько верблюдов. Я готов тебе щедро заплатить за них.

— Ныне все мои верблюды в расходе, — отвечал я. — Не знаю, хватит ли тебе той малости, что осталась.

Окинув меня нетерпеливым взглядом, он вынул из-за пазухи тугой кошель и, протягивая его мне, приказал:

— Возьми верблюдов и следуй за мной.

Поначалу я изрядно струсил, однако динары пересилили страх, и я отправился к своей матери за советом. Мать, заподозрив недоброе, стала упрашивать меня держаться подальше от этого человека.

— О матушка, — возразил я, — мне за всю жизнь не удалось заработать столько денег, сколько дал мне этот человек.

Снарядив верблюдов, мы отправились в дорогу. Мы ехали без отдыха и наконец достигли подножья высокой горы, вершина которой касалась луны. Тогда мой спутник остановился и сказал:

— Подожди меня со своими верблюдами здесь, а когда минует полночь — я вернусь.

Устрашившись, я взглянул на гору и увидел там много разных хищников. Однако делать не-

чего, пришлось мне превозмочь охвативший меня страх и продолжать ждать. По прошествии полночи он вернулся, держа на спине набитый чем-то мешок. Он велел мне подойти поближе и, когда я приблизился, сказал:

— Наконец я достиг своей цели. Поднимай своих верблюдов, — нам пора отправляться в обратный путь.

Я исполнил его приказание, и вскоре мы достигли другой горы.

— Оставь своих верблюдов здесь, — строго повелел он, — а сам ступай дальше. Однако не вздумай оборачиваться назад.

Пройдя некоторое расстояние, я стал потихоньку за ним подглядывать и увидел, что он вытащил из мешка девушку, прекрасную и лунолицую, и что эту девушку он ударил раз двадцать мечом. После же он стал тем мечом рыть могилу. Когда он закопал девушку и, догнав меня, обнаружил, что я плачу, он пришел в ярость и влепил мне сильную пощечину, будто рассек мне лицо камнем. Мир сокрылся от моих глаз, а когда я опамятовался, уже наступил рассвет, и я увидел, что, кроме верблюдов, никого поблизости нет. Тогда я направился к могиле девушки, и я разрыл ее и увидел, что девушка еще дышит. И было на той девушке много золота и много дорогих камней. Сердце мое сильно забилося. Я тщательно промыл и перевязал ее раны. Тут девушка открыла глаза, и я поспешил ее успокоить.

— Не бойся, твоего врага здесь нет.

Но она сказала:

— Пощади меня, юноша, увези поскорее отсюда, не то он может вернуться и тогда убьет нас обоих.

Я поспешно заровнял могилу, сняв с себя одежду, облачил в нее девушку, и мы отправились в путь. По прошествии некоторого времени здоровье к ней вернулось, и красота ее приумножилась и засияла сильнее прежнего. Мое сердце обратилось к ней, и она ответила мне любовью. Стоило, однако, мне спросить, в чем причина того,

что юноша пытался ее убить, как она начинала плакать и молить, чтобы я оставил ее в покое. Однажды, когда мы с ней предавались любовным утехам, шрамы на ее теле напомнили мне, что я до сей поры не постиг ее тайну, и я принялся просить, чтобы она открыла ее мне.

Тогда девушка сказала:

— Я боюсь, что, узнав о моем прошлом, ты поступишь со мной, подобно моему мучителю.

— Побойся Аллаха! — воскликнул я. — При одном воспоминании о твоей беде сердце мое готово остановиться. Однако я предпочитаю горькую правду сладкой лжи.

— Воля твоя, — сказала она. — Только помни, что ты сам вынудил меня открыть тебе свой позор, а я твоя раба и должна тебе повиноваться. Да будет тебе известно, что тот юноша — мой законный супруг. Он и красив, и силен, и благороден, и во всем мире для него существовала только одна я. И он видел, что никто, кроме него, мне не нужен. Мы никогда не расставались. И не было случая, чтобы луну и солнце я встречала без него. Однажды он решил отправиться на охоту. Однако, не желая со мной разлучаться, он построил для меня загородный дом, и было в том доме все необходимое: и припасы, и одежды, и все прочее. В один из дней я вышла на балкон и увидела примостившегося у дверей одноглазого старика. Тот, видимо, проделал далекий путь, и был он столь неопрятен и отвратителен, что даже сам сатана отвернулся бы от него. Я немедленно позвала своих служанок и велела им пойти к старику и сказать, что место, избранное им для отдыха, неудачно, ибо, если мой муж, вернувшись, застанет его здесь, то изрубит в куски. Прищурился свой единственный глаз, старик отвечал:

— Я торговец зельями и благовонными растираниями и прибыл сюда со своим товаром.

Сказав это, он достал бутылочку с мускусом, произнес над ней какое-то заклинание и попросил служанок передать ее мне. Понюхав содержимое

той бутылочки, я утратила над собой власть и велела привести того старика в дом, чтобы я могла выбрать лучшие из его товаров. Когда привели старика в дом, он показался мне молодым и красивым. Он произнес еще одно заклинание, и тут на меня нашло затмение, и я забыла и о долге жены, и о каре Аллаха, и о своей любви к мужу. Однако явилась моя кормилица и сказала:

— Разве тебя не страшит гнев твоего мужа? Не пристало тебе предаваться беседе с этим грязным и отвратительным стариком.

Тут старик обратил заклинание к кормилице, и лицо ее просветлело, и она сменила гнев на милость.

— Да поможет тебе Аллах, — залебезила она, — да сопутствует тебе удача во всем. Поступай с ней по своему разумению.

В ответ на эти слова старик, обратясь ко мне, сказал:

— О почтеннейшая, да будет тебе известно, что я могущественный колдун и зовут меня Хабиб Аттар. Одного моего заклинания достаточно, чтобы разлучить тебя с мужем и навлечь на твою голову всякие беды. Однако если ты явишь мне свою благосклонность, то я готов сделать для тебя все, чего ты пожелаешь.

Вскоре мой ум совсем улетучился, и я устремилась в объятия к тому старику. И мы предались любовным утехам.

— Скажи, какого воздаяния ты желаешь своему мужу? Если хочешь, я лишу его рассудка, а не то могу и вовсе изничтожить. Выбирай, что тебе любо — участь его в твоей власти.

— Я не хочу его гибели, — отвечала я старику, — однако устрой так, чтобы он не был нам помехой.

Старик сказал:

— Так я и сделаю.

Он дал мне флакон с мускусом и велел вручить этот флакон мужу. Когда муж понюхает мускус, — наставлял он меня, — и спросит, откуда взялся этот флакон, я должна сказать, что купила

его у торговца благовонными притираниями. После же мне было велено бросить немного мускуса в огонь, дабы муж, едва вдохнув аромат горелого мускуса, тотчас превратился в ворона. Когда я выполнила все повеления Хабиба Аттара и когда он убедился в том, что я сделала все так, как он велел, он вошел в комнату и обернувшегося вороном мужа выбросил в окно. Ворон тот уселся в саду на дереве и не спускал с нас глаз. Когда мы сидели за трапезу, он прилетал к нам в поисках крошек. В иных случаях я кормила его из своих рук. И всегда он был свидетелем того, как мы предавались любовным утехам. Так прошел целый год, а моя любовь к Хабибу Аттару разгоралась все сильнее и сильнее. Благодаря заклинаниям он казался мне молодым и красивым. Между тем сестра моего мужа, добрая и преданная женщина, время от времени нас навещала, и Хабиб Аттар всегда являлся ей в облике моего мужа, а ее брата, и потому ей в голову не приходило, что с братом ее страшась беда. По прошествии года и еще четырех месяцев сестра мужа, творя молитву из Корана, заснула на коврике для намаза, и тут ей открылась правда, и она узнала, что брат ее превращен в ворона, жена же брата предается любовным утехам со старым колдуном. И вдруг ей послышался вещий голос: «Спасение твоего брата в твоих руках. Ступай помоги ему». И она тотчас пробудилась ото сна и подумала: «Не иначе, как меня одолело дьявольское наваждение. Подобное может привидеться только во сне. Всего лишь вчера я беседовала со своим братом!» Однако вещий сон приснился ей снова, и тогда она уверовала в него, и, свершив омовение, она вознесла молитву творцу, в коей просила его вернуть ее брату человеческий облик. Тут откуда ни возьмись появилась красавица пери, она поздоровалась с сестрой моего мужа и молвила:

— О добрейшая из добрых, не пугайся меня! Я твоя родная сестра и готова помочь в твоей беде.

И она рассказала ей следующее:

— Брат, которого ты ныне лицезреешь в доме невестки, — не кто иной, как изменивший обличие злой колдун Хабиб Аттар. Истинный же брат твой превращен Хабибом в ворона и изгнан в сад. Если ты хочешь убедиться в правдивости моих слов, ступай туда и увидишь, что будет.

Сестра моего мужа поблагодарила пери и на другой день, вознеся молитву творцу, отправилась к нам. Взглянув на преображенного в брата Хабиба Аттара, она снова подумала: «Дьявольская сила внушает мне сии нелепые мысли. Подобное может привидеться только во сне».

Стоило ей, однако, войти в сад, как ворон подлетел к ней и стал рыдать и ласкаться.

— Неужели ты мой брат? — спросила сестра, и ворон утвердительно кивнул головой.

Между тем мы с Хабибом Аттаром тоже пошли в сад. Ворон ринулся ко мне и все норовил клюнуть меня в глаз. Хабиб Аттар произнес какое-то заклинание, и ворон тотчас успокоился. Тут моя невестка обратилась к Хабибу:

— О брат, не ведомо ли тебе, почему сей ворон плачет и рыдает?

А тот ей в ответ:

— О свет очей моих, знай, что прежде он был вороном говорящим, однако утратил дар речи и ныне, едва завидев человека, начинает ему жаловаться.

Невестка вернулась к себе домой и сорок дней и сорок ночей беспрестанно предавалась молитвам. Обливаясь слезами, она просила Аллаха открыть ей истину. Спустя сорок дней и сорок ночей к ней снова явилась красавица пери и молвила:

— О сестра моя, да будет тебе ведомо, что, расставшись с тобой сорок дней назад, я объявила войну злым пери и ныне их одолела. Давай подумаем, как освободить твоего брата от злого заклятья.

— Я вверяю нашу судьбу тебе, — отвечала ей моя невестка, — только будь добра, устрой все побыстрее.

Пери тотчас отправилась к своему супругу и поведала ему печальную историю черного ворона. В конце же повествования она припала к его стопам и стала молить, чтобы он помог моему мужу снова обрести человеческий облик.

И тот сказал:

— Утешь свое сердце и умерь печаль! Секрет того превращения мне известен, и я уповаю на то, что при помощи самого мудрого из дивов мне удастся исполнить твою просьбу. Теперь же я отправлюсь к нему и спрошу хорошенько о Хабибе и вороне.

Сказав так, Адеш (так звали мужа красавицы пери) отправился к главному из дивов, и пришел к нему, и рассказал о колдовстве Хабиба Аттара, и при сем упомянул, что сестра того ворона доводится сестрой его жене.

— О Адеш, — отвечал ему мудрейший из дивов, — ты явился ко мне из далеких краев, одолев много невзгод, однако знай, что в мире нет колдуна, более могущественного и коварного, чем Хабиб Аттар. Тайну его колдовства не может разгадать никто. Я всегда готов тебе помочь, но Хабиб сильнее меня, и вряд ли наше дело увенчается успехом.

— О властитель, — взмолился Адеш, — неужели ты трусишь перед этим негодником и мне придется уйти ни с чем?

Помолчал главный див, а потом сказал:

— Ну что же. Если решимость твоя неколебима и ты настаиваешь на своем, я тебе скажу, что делать. Пройдя шестьдесят фарсангов, ты достигнешь леса, где растут различные деревья и текут чистейшие воды. Потом ты пойдешь в глубь леса и через два дня и две ночи увидишь родник, окруженный деревьями столь высокими, что длина их тени равна длине двух расстояний полета стрелы. В тени одного из этих деревьев есть деревянный желоб. Вот от этого-то дерева ты отлومي ветвь и отправляйся дальше. Когда ты пройдеши лес, ты окажешься в пустыне. Там увидишь много хищников, однако пусть это тебя

не страшит; пока у тебя в руках будет ветка того дерева, ни один из них не посмеет к тебе приблизиться. Когда же ты оставишь позади еще часть пути, тебе встретится лев. Тут ты должен явить и мужество и осторожность, ибо сей лев служит Хабибу Аттару. Скажи тому льву, что ты выполняешь волю главного дива, и, если он не уймется, ударь его по голове той веткой, и он тут же исчезнет. Ты же ступай дальше. По пути встретится тебе волк. Знай, что и он твой враг, поэтому ударь его палкой, и он тоже исчезнет. Когда же ты приблизишься к подножью горы, ты увидишь стоящего на голове чернокожего человека, у которого из боков хлещет кровь. Он попросит у тебя помощи, но ты в ответ ударь его веткой и иди своей дорогой. По прошествии сорока дней тебе повстречаются колдуны. Все это будут люди Хабиба Аттара. Что бы они тебе ни говорили, не внемли им, а с теми, кто преградит тебе дорогу, расправься при помощи ветки. Тем временем ты достигнешь пустыни, а в той пустыне увидишь родник, вода коего подобна молоку. Неподалеку от родника возвышается трон из слоновой кости, а на троне том спокойно восседают двое луноликих рабов, между тем как в роднике тонет старик и молит их о помощи. Помогни старику выбраться из воды и усади его на трон, рабов же тех убей, и пусть спасенный тобой старик изопьет их кровь. После он возблагодарит тебя и облагодетельствует. Имя того старика — Марьям, и он является главным колдуном того края. Передай ему от меня поклон и тогда можешь быть уверен, что он тебе во всем поможет. Но только помни: все, что я сказал, ты должен исполнить в точности.

Выслушал Адеш эти слова и отправился в путь. Оставив позади все дороги, о коих ему говорил див, он дошел до того дерева и отломил от него ветвь. И когда он исполнил все, как велел ему див, и достиг родника, и спас старика, и убил двух рабов, и дал старику испить их крови, старик возблагодарил его и сказал:

— Да будет тебе ведомо, Адеш, что два раба, которых ты извел, были ифритами — слугами Хабиба Аттара. Я же знаю, зачем ты ко мне пожаловал, и постараюсь тебе помочь.

С наступлением ночи старик воссел на троне и бросил клич. И тотчас со всех сторон прибежали к нему многочисленные дивы и пери, готовые немедля исполнить любое его приказание. Они поведали ему обо всем, происходящем на земле, в воде, в горах и в пустынях. А после — рассказали о злых кознях Хабиба Аттара и о том, что он заколдовал благородного юношу.

— Хитер и коварен Хабиб Аттар, и людям нет от него покоя, — добавил Адеш. — Если ты, о благородный Марьям, хочешь воздать мне добром за добро — спаси бедного юношу-ворона, верни ему человеческий облик.

Тогда сказали многочисленные дивы:

— Всех сил всех дивов на свете не хватит, чтобы развеять злые чары Хабиба Аттара. Может быть, о Марьям, ты обратишься с посланием к вождю дивов и он сумеет чем-нибудь помочь?

Подумал Марьям и, взглянув на Адеша, сказал:

— О Адеш, трудно помочь юноше-ворону, это может стоить тебе жизни.

— Долгий и опасный путь выпал на мою долю, — возразил Адеш, — и твое предостережение меня не пугает. Я не могу возвратиться домой, не исполнив желания моей любимой супруги.

— Ну что ж, — сказал Марьям, — если решимость твоя непоколебима и ты настаиваешь на своем, я тебе скажу, как быть дальше. Ступай, о Адеш, вперед, и по прошествии двух дней пути ты увидишь лошадь и осла. Ударь осла волшебной веткой, а лошадь оседлай и скачи на ней что есть духу. Когда за твоей спиной останется еще часть пути, тебе встретится старик. Он даст тебе письмо и скажет: «Прочти это письмо». Ты возьми у него письмо и скачи дальше. По дороге ты увидишь родник, а возле родника — двух красивых женщин, затеявших ссору. Это служанки Хабиба Аттара.

Они попросят тебя их помирить. Однако ты с лошади не слезай и с ними не связывайся. Ударь их веткой и скажи: «Я выполняю волю главного дива».

Когда ты минуешь пустыню, перед тобой вдруг возникнет пышный сад. У ворот того сада будет стоять каменная скамья, а на скамье будут сидеть люди и попивать из чаш шербет. Увидев тебя, они предложат тебе разделить с ними трапезу. Возьми ту чашу, которую тебе подадут справа, у остальных же выбей чаши из рук и скажи: «Я выполняю волю главного дива». Пока ты будешь ехать по саду, бей веткой всех, кто встретится тебе на пути. Затем ты достигнешь наконец высокой горы. Поднявшись на нее, увидишь двух верблюдов и на них — двух висящих вниз головой человек, в руках у коих будет по мечу. Они приветливо здороваются с тобой и попросят, чтобы ты им помог. Ты же ответь лишь на приветствие белолицего и следуй своей дорогой. Вскоре ты достигнешь реки, на берегу которой увидишь каменный дом. У его порога будет сидеть высокая уродливая старуха, обросшая волосами и похожая на волка, с безобразным о четырех глазах лицом. На затылке у нее зияет еще один рот, подобный пещере. Это мать юноши, к которому ты должен обратиться от моего имени. Зовут того юношу Хаварш. Он во сто крат безобразнее своей матери. Завидев тебя, он скажет: «Мир тебе, о благородный Адеш. Я знаю, что привело тебя ко мне». Ты отвесь ему низкий поклон и не отходи от него ни на шаг, ибо ему суждено сделать тебе много добра. Однако сам ты не должен говорить ему ни слова. Все, что нужно, за тебя скажет его мать.

Выслушал Адеш эти слова и отправился дальше. Оставив позади много путей и дорог, достиг он ворот сада, выпил шербет из чаши, поданной ему справа, и в саду том на него налетели две птицы и выклевали ему глаз. Тогда он ударил их веткой и закричал: «Я выполняю волю главного дива!» И они испугались и тотчас исчезли, потому что они тоже были слугами Хабиба

Аттара. Адеш же продолжал свой путь. Вскоре он вышел к реке, забрался на вершину горы, увидел двух верблюдов и наконец встретил безобразную старуху, мать Хаварша, и они вместе отправились к Хаваршу.

— Хвала тебе, о храбрый юноша, — воскликнул Хаварш. — Твое появление здесь свидетельствует о том, сколь ты смел и отважен. Тебе подобный всегда одолеет трудности и достигнет желаемого. Завтра я займусь твоим делом, и ты убедишься в моем благорасположении.

С наступлением утра Хаварш привел Адеша и свою мать на реку и, обратясь к Адешу, сказал:

— Посиди здесь, отдохни и успокойся.

Сам же он вошел в воду и принялся играть с рыбами. И рыбы стали сами выпрыгивать из воды, и Хаварш ловил их ртом и выбрасывал на берег. Одна же из рыб, выброшенных на берег, без конца металась из стороны в сторону и била хвостом о землю.

— Ну вот ты и достиг желаемого! — обрадовался Хаварш.

Он вспорол рыбе живот, и достал оттуда тоненький волосок, и завязал его тугим узлом. Обратясь к Адешу, мать Хаварша сказала:

— Это тот волосок, с помощью которого Хабиб Аттара превратил юношу в ворона, и без этого волоска ничто не способно снять с него это страшное заклятие. Возьми, Адеш, этот волосок, а когда наступит ночь, брось его в огонь. Тогда юноша-ворон вновь обретет человеческий облик. А для того, чтобы люди навсегда избавились от Хабиба Аттара, нужно вырвать с корнем это дерево.

Адеш тотчас обхватил дерево руками и вытащил его из земли. Тогда мать Хаварша прочитала над деревом заклинание и предала его огню.

Вот что поведала своему второму мужу жена юноши, коего Хабиб Аттара превратил в ворона. А потом, помолчав немного, продолжала:

— Случилось это ночью. Хабиб Аттара лежал рядом со мной, вдруг он вскочил и закричал:

«Враг меня одолел!» — и велел мне принести его корзину с колдовскими снадобьями. И когда я принесла ту корзину, то увидела, что он лежит мертвый и весь совершенно черный.

Уста сказителей доносят до нас весть, будто с деревом, уничтоженным по воле Адеша, покинули сей мир все злые дивы и колдуны. Потом мать Хаварша велела Адешу торопиться домой и освободить юношу-ворона от злых чар. И при этом она сказала:

— Смотри, не потеряй волосок, ибо на этом волоске держится судьба человека. Если же ты потеряешь его, юноша-ворон никогда не сможет вновь обрести человеческий облик. К тому же ты должен возвращаться домой другой дорогой.

Когда настала ночь, Хаварш принес лодку, усадил в нее пери Адеша, и тот отправился в путь. По прошествии недели он благополучно вернулся домой. Когда он увидел свою жену, он обнял ее, и она сказала: «Добро пожаловать». Адеш поведал жене обо всех своих приключениях и велел ей сообщить сестре юноши-ворона о его возвращении и удаче. Когда красавица пери к ней пришла, то застала ее в слезах, сидящей лицом к стене, в траурном одеянии. Тогда красавица пери спросила:

— О достойнейшая, почему ты облачилась в траурные одежды?

— Я утратила надежду на спасение брата, — отвечала сестра юноши-ворона.

— О Аллах! Как ты нетерпелива! Ведь муж мой целый год пребывал в странствиях и искал средство, способное вернуть твоему брату человеческий облик. На его долю выпали невзгоды и мучения, и он одолел многих врагов и лишился одного глаза. Ему посчастливилось уничтожить злого колдуна Хабиба Аттара и обрести способность освободить юношу-ворона от злых чар. Наконец и для тебя настал благодный день.

Моя невестка низко поклонилась красавице пери, и они отправились в сад. Едва ворон их

увидел, он подлетел к ним и стал ласкаться и рыдать. Тут пери достала волшебный волосок, положила его рядом с вороном и подожгла. И волею Аллаха ворон тотчас принял человеческий облик. Увидев это, моя невестка громко вскрикнула, и мир сокрылся от ее глаз. Когда же она опамятовалась, она обвила руками шею брата и разразилась громкими рыданиями. Тем временем красавица пери рассказала ему обо всем, что с ним приключилось. Вскоре пришел Адеш, и все они радовались избавлению юноши.

Адеш и красавица пери удалились, а юноша со своей сестрой отправился в дом. По пути сестра просила его не говорить мне о случившемся.

Когда юноша вошел в комнату, он увидел меня в трауре, но не выказал удивления, а только сказал:

— Нынешней ночью приснился мне страшный и удивительный сон. Однако сколько я ни силюсь, вспомнить его не могу.

Я недоумевала, как мне быть: верить в истинность его слов или считать их хитростью.

— Что я могу сделать, чтобы ты пришел в себя? — спросила я.

А он сказал:

— Подойди и покажи мне свои глаза. Я видел во сне, будто ты была неподалеку от меня, но изменила мне с одним мужчиной.

Услышав такие слова, я смешалась. Трудно было понять, знает ли он, что произошло. Желая отвлечь его от разговора, я занялась своим туалетом. Прежде всего я сняла траурные одежды, нарядилась в праздничное платье, умастилась благовонными притираниями и после подошла к нему. Он поцеловал меня, как то бывало между нами прежде, и мы принялись за трапезу. С наступлением ночи он попросил вина, выпил сам и меня напоил, а в те времена пить женщине вино было дозволено. И так продолжалось, пока вино заиграло в моей голове. Потом он крепко связал

мне руки и ноги и засунул меня в мешок. Дальше ты все знаешь.

Сказав это, странник продолжал:

— Я успокаивал ее как мог. И первый день, и второй день, и потом много-много дней подряд успокаивал я ее своими ласками. Когда моя мать узнала обо всем случившемся, она сильно разгневалась на мою жену и принялась меня донимать.

— Как можешь ты связывать свою судьбу с подобной нечестивицей? Раз она однажды предала любимого человека, то не пощадит и тебя. Оставь ее, пока не поздно.

Я никак не мог расстаться с женой, однако назойливые укоры матери в конце концов возымели действие, и любовь моя пошла на убыль. Однажды мать прогневалась на жену и выгнала ее из дому. Тогда мы поселились в другом месте. Однако мать не оставляла меня в покое, и я вынужден был покинуть город. Уселись мы с женой на верблюда и отправились в Таиф. Однажды к нам явился какой-то юноша и, обратясь ко мне, сказал: «О несчастный! Как можешь ты терпеть эту негодницу? Уж я покараю вас достойным образом!»

Он выхватил меч и отрубил моей жене голову. Когда я это увидел, я в страхе выпрыгнул из окна на крышу соседнего дома. Мир сокрылся от моих глаз, а по прошествии часа я опамятовался, и спустился вниз, и увидел мою мертвую жену, и похоронил ее, и вернулся к своей матери.

Вот и вся моя история. С той поры минуло двенадцать лет, однако слезы мои не просыхают, и образ моей красавицы жены не покидает меня.

Абдаллаху Аббасу понравился рассказ странника, он щедро одарил его и повелел, чтобы эту историю записали. Что же касается того юноши, сказывают, будто это был юноша-ворон.

Да послужит сие повествование назиданием для каждого!

*Рассказ о шахе Аурангзебе
и Ходже Махди*

Рассказывают, будто в царствование великого Аурангзеба некий богатый купец по имени Ходжа Махди отправился из Бухары в Индию. Там он познакомился с Мусалламханом, одним из семи тысяч эмиров, и так они пришлись по сердцу друг другу, что были всегда неразлучны.

Объятые завистью приближенные Аурангзеба донесли своему повелителю, якобы Мусалламхан замышляет против своего шаха что-то недоброе

и посему не является пред его светлые очи. Между тем Муссаламхан все свое время проводил в обществе Ходжи Махди, и разгневанный Аурангзев приказал отнять у него все богатства и лишить его почестей. Сам же Муссаламхан едва-едва сберег свою жизнь.

Узнав о постигшей друга беде, Ходжа Махди не мешкая отправился к нему и застал его погруженным в глубокие думы.

— О друг мой, — молвил Ходжа Махди, — твои знатность и богатство и дружба твоя с шахом были столь велики! Отчего же ныне в скорби и печали сидишь ты на старой циновке, и нет рядом с тобой преданных друзей, кои утешили бы тебя в твоём горе?

— О брат мой, — отвечал ему Мусалламхан, — благорасположение шаха подобно свету и теплу яркого пламени; оно способно не только обласкать, но и сжечь! Причина же моих бед в злых кознях завистников.

Услышав эти слова, благородный и щедрый Ходжа Махди сказал:

— Нет моих сил лицезреть твое горе. Возьми все мое богатство и пользуйся им. Если же Аллаху будет угодно вернуть тебе бывшее величие, надеюсь, ты не забудешь, что являешься моим должником.

Возблагодарил Мусалламхан своего друга за великодушие и принял его дар.

По прошествии некоторого времени судьбе было угодно, чтобы один из эмиров Аурангзеба восстал против своего шаха. Шах снарядил огромное войско и послал его усмирять мятежника. Однако мятежник-эмир оказал войску шаха достойное сопротивление и разбил его наголову. Весть о поражении повергла шаха в отчаяние, и тут один из его приближенных сказал:

— Воздаяние за несправедное деяние неотвратимо. Если бы твои приближенные не погубили Мусалламхана, не случилось бы того, что случилось.

Услышав эти слова, Аурангзеб понял свою ошибку. Он тут же пригласил Мусалламхана во дворец, обласкал его, вернул ему все богатства и титулы и назначил главным военачальником. Мусалламхан не мешкая выступил против вражеского войска и, явив смелость, мужество и великую искусственность, вскоре одержал над ним победу. А когда он вернулся во дворец, Аурангзеб возблагодарил его и прибавил к его богатствам новые.

Вскоре весть об удаче Мусалламхана достигла ушей Ходжи Махди, и он решил напомнить ему о долге. Отправился Ходжа Махди к своему другу и пришел к нему, и просил вернуть хоть малую толику того, что когда-то ссудил ему, ибо его снедала тоска по дому, а денег на дорогу не было.

Поначалу Мусалламхан прикинулся, будто ничего не понимает, затем настойчивость Ходжи Махди привела его в ярость, и он сказал, что никакого богатства не получал, знать ничего не знает и ведать не ведает, а что касается затруднений Ходжи Махди, то они его не интересуют, и тот волен поступать по своему разумению.

Тяжко вздохнул Ходжа Махди и отправился с жалобой на Мусалламхана к шаху. Однако шах Аурангзеб отказал ему в благодеянии, и тогда Ходжа Махди испросил совета у его приближенных.

— Рады бы тебе помочь, да не можем, — отвечали ему приближенные. — Ныне Мусалламхан у шаха в большой милости, и хлопоты наши будут тщетны.

Утратив надежду на справедливость, долго бродил Ходжа Махди по городу и повстречал однажды на пути своем старца, кой привлек его внимание. И тот старец ему сказал:

— Поведай мне свои печали, авось я сумею тебе помочь!

Ходжа Махди рассказал ему все, как было: и о дружбе своей с Мусалламханом, и о его

предательстве, и о том, что надоел Ходже Махди чужеземный край, в коем он столь долго пребывает, да не судьба, видать, ему отсюда выбраться.

— Умерь смятение своей души, — молвил старец. — Дело твое не безнадежно. Неподалеку от дворца Аурангзеба есть мечеть. В маленькой келье той мечети живет сапожник-суфий. Ступай к нему, все ему расскажи и сделай так, как он тебе поведит.

Выслушал Ходжа Махди старца и отправился к сапожнику. И он пришел туда и приветствовал суфия подобающим образом. А после поведал ему свою печальную историю. Взял суфий кусочек кожи, положил ее на чурбан и ударил по ней деревянным молотком. Кожа стала тонкой и пятнистой. Отдал суфий эту кожу Ходже Махди и при этом сказал:

— Вот тебе кожа, снеси ее Мусалламхану и скажи, что ее посылает ему сапожник-суфий. Проси его снова, чтобы он выполнил твою просьбу. Если же он откажет тебе в этом, пусть пояснит, что является тому причиной.

Едва Ходжа Махди вручил Мусалламхану кожу, как того словно перевернуло. Он стал учтив и любезен и тотчас испросил у Ходжи Махди прощения и повелел слугам вернуть ему долг в двойном размере. Возрадовался Ходжа и решил отблагодарить сапожника-суфия за помощь. Взял он слиток червонного золота и отправился в хануку.

Пришел Ходжа Махди в хануку и, завидев сапожника-монаха, сказал:

— Да вознаградит тебя Аллах, добрый человек, а моей благодарности нет предела. — С этими словами он положил перед суфием слиток золота.

— Возьми свое золото назад, — отвечал ему суфий, — смысл бытия я вижу не в деньгах, а в добрых делах и чаяниях. Жизнь свою я посвятил творцу и на пути служения ему паче всего дорожу свободой. Что же касается людских богатств, то

они не вечны и то и дело меняют своих владельцев. Ты же отправился в странствие с целью обогащения, и мои заботы тебе чужды.

— О благородный суфий! — молвил Ходжа Махди. — Открой мне свою тайну: в чем причина твоего могущества? Ведь не могли мне помочь ни эмиры, ни вельможи! Одному только тебе это оказалось по силам.

И суфий сказал:

— Да будет тебе ведомо, что мои предки из поколения в поколение были муэдзинами здешней мечети. Я, подобно им, продолжаю этот обычай. Однако замкнутость отшельника мне не по нутру, я не могу ограничить свой мир кельей. Однажды мне случилось бродить по городу. С наступлением сумерек я свернул на базар и увидел там всадницу на коне, коего держал за поводья красивый и благообразный юноша-раб. Неподалеку от них стоял какой-то вельможа. Судя по всему, он с первого взгляда влюбился в ту всадницу. Оттолкнув раба, он потащил коня за собой. Женщина поначалу молила его о пощаде. После же, узрев его непреклонность, стала, взывая о помощи, сопротивляться. Однако люди боялись остановить вельможу, ибо в руках он держал обнаженный меч. Великий гнев объял мою душу. Побуждаемый жалостью к несчастной, я подскочил к обидчику и воскликнул:

— Негоже тебе, достойный человек, обижать слабых! Отпусти ее, ведь у нее к тебе нет благорасположения.

— Это невозможно, — отвечал он.

Тогда та женщина, обратясь ко мне, сказала:

— Мой муж зол и ревнив и никогда доселе не выпускал меня из дому. Ныне же тяжко занемог мой отец, и я вымолила разрешение его навестить. Однако муж мой велел мне вернуться домой этой же ночью. В противном случае он грозитя меня прогнать.

Сказав такие слова, женщина зарыдала.

Слезы ее были столь трогательны, что уговоры

мой сменились угрозами. Однако вельможа был непреклонен по-прежнему.

— Я отпущу ее до рассвета, и она успеет вернуться домой затемно. Другого быть не может. — Он стеганул коня и, угрожая мне мечом, покинул базар.

Вернувшись домой, я не мог обрести покоя. Что, если сей недостойный не сдержит своего слова и не отпустит женщину до наступления утра? По прошествии полночи терпение мое иссякло, и я решил взобраться на минарет и оповестить людей о часе утренней молитвы, дабы напомнить безжалостному вельможе об его обещании. Так я и сделал.

Между тем шах Аурангзеб как раз в это время принялся за вечернюю трапезу. Услышав голос муэдзина, он удивился.

— Ведь сейчас только полночь, — строго молвил он. — Может ли муэдзин не знать времени молитвы? — И он повелел слугам немедленно доставить меня во дворец. Едва я спустился с минарета, как шахские слуги меня схватили и, осыпая ударами, потащили за собой. Когда я предстал пред шахом, Аурангзеб взглянул на меня и молвил:

— Экий неразумный! Я почитал тебя за лучшего из муэдзинов, а ты не знаешь, когда надлежит сзывать людей на утреннюю молитву.

Устрашившись шахского гнева, я вынужден был поведать ему всю правду. Сердце Аурангзеба исполнилось ярости, и он приказал привести к нему недостойного вельможу. По шахскому велению вельможа тот был наказан примерным образом, а меня шах поблагодарил и сказал:

— Если впредь тебе доведется увидеть, что сильный обижает слабого и беспомощного, поступай подобным же образом. Тогда мне будет ясно, что есть в подвластных мне пределах недостойные, кои причиняют зло моим верноподанным.

С той поры так и повелось. Стоит шаху услышать мой клич, как он тут же бросает все дела и принимается вершить правый суд. И если бы Мусалламхан не внял моему предостережению, его тоже постигла бы заслуженная кара... Да пошлет нам творец побольше справедливых шахов, и да простятся мне заодно с ними все преи решения.

*Рассказ о малике
Нушафарин Гавхартадж
и ее невероятных
приключениях*

Рассказывают, будто давным-давно правил в Дамаске падишах по имени Джахангиршах. Был он и знатен и богат, и только одно омрачало ему жизнь — не дал всевышний ему детей. И вот однажды, совсем отчаявшись, он облачился в рубище бедняка, тайком покинул дворец и, уединившись в мечети, стал молиться о ниспослании ему наследника.

Так прошел один день, потом другой. Визири и прочие приближенные в положенное время

явились во дворец и были премного удивлены отсутствием падишаха. Когда минуло несколько дней, обеспокоенные визири приступили с расспросами к его ближайшим прислужникам, и те поведали им, что падишах, уйдя от мирских забот, сделался отшельником. Визири немедленно отправились на поиски своего повелителя, а когда наконец его отыскали, стали умолять его поведать им, что заставило досточтимого падишаха покинуть дворец.

И тогда падишах сказал:

— О мои визири, уже много лет я правлю своей державой, денно и ночью заботясь об укреплении ее величия и могущества. Много ратных подвигов совершил я со своим войском, во сто крат приумножил свои богатства. И вот теперь я словно очнулся от сна, и обуял меня неумемный ужас — кому же я оставлю свои несметные богатства и трон, коли нет у меня наследников.

И, почтительно склонившись перед повелителем, визири вот как ему отвечали:

— О наш великий падишах, да будет на то высочайшее соизволение, и мы осмелимся подать тебе свой совет.

Падишах жестом выразил согласие выслушать их, и тогда визири сказали:

— О повелитель, неподалеку отсюда есть крепость, а в крепости той есть часовня. В часовне же обитает некий мудрый старец по имени Файяз-абид. Он наверняка знает, как помочь твоему горю.

Внял падишах речам своих визирей и вместе с ними немедленно отправился к крепости. Достигнув крепости, падишах и его свита устремились к часовне и, едва ступив в нее, увидели мудрого старца. Падишах и его визири преклонили колена в знак глубокой почтительности к мудрому старцу. Старец в свою очередь выказал уважение падишаху и его визирям, а потом спросил, что их к нему привело.

И тогда Джахангиршах поведал старцу Файяз-абиду о своем горе. Выслушал старец, что сказал

ему падишах, достал из-за пазухи два зернышка пшеницы и, подавая их ему, сказал:

— Одно зерно ты должен съесть сам, а второе пусть съест твоя жена. И тогда волею Аллаха ты станешь отцом.

Поблагодарил Джахангиршах мудрого старца Файяз-абида и обрадованный вернулся во дворец. Одно зерно, как велел ему старец, он съел сам, а второе отдал своей жене Камарталат. А потом они провели вместе ночь.

Прошло девять месяцев, девять дней и девять часов, и Камарталат родила дочь. Новорожденную тотчас же отнесли к источнику, находившемуся в парке по соседству с дворцом, и омыли ее прозрачной водой. А так как источник тот назывался Нуш, то девочку нарекли Нушафарин.

Счастью падишаха не было предела, на радостях он даровал свободу всем томившимся в темницах, щедро одарил бедняков и освободил своих подданных от налогов на семь лет вперед. По приказу падишаха во всех уголках его обширных владений целых семь месяцев продолжались торжества в честь появления на свет долгожданной наследницы. А потом Нушафарин отнесли к Файяз-абиду. Мудрый старец увенчал малютку жемчужной короной, и теперь ее звали уже не просто Нушафарин, а Нушафарин Гавхартадж. Потом падишах пожелал узнать, какая судьба уготована его дочери, и вот что ответил ему мудрый старец:

— О высокочтимый повелитель, да не падет твой гнев на мою голову, волею всевышнего твоей дочери суждено испытать много мук и страданий, а тебе — провести долгие годы в разлуке с ней. Однако в конце концов ты снова обретешь любимую дочь, и продлятся ваши дни в радости и счастье. А пока запомни: каждые семь дней надлежит купать малютку в источнике Нуш.

Загоревал падишах, закручинился, слезы полились у него из глаз. Старец же Файяз-абид стал утешать его:

— Не печалься, о падишах! Ведь судьбу изменить невозможно.

Возвратившись во дворец, Джахангиршах поручил дорогую малютку заботам кормилицы и прислужниц, и сам все свободное время проводил в забавах с нею. А когда Нушафарин минуло два года и она научилась говорить, не было для падишаха музыки сладожнее ее речей. Он позабыл о государственных делах и целыми днями готов был слушать ее милый лепет. Когда же Нушафарин исполнилось двенадцать лет, Джахангиршах распорядился построить для нее прекрасный дворец, где она проводила дни в радости и веселье, окруженная искусными музыкантами и танцорами. Красота Нушафарин была столь совершенной, что всякий раз, когда она выходила из дворца, жители Дамаска замирали от восторга. Они специально собирались у дворцовых ворот, дабы лицезреть ее необычайную красоту, способную сравниться лишь с сиянием солнца. Когда же Нушафарин исполнилось четырнадцать лет, весть о ее красоте разнеслась по всем странам, и сыновья правителей тех стран поспешили в Дамаск, чтобы просить у падишаха руки его дочери. И так много наехало в Дамаск женихов, что жителям его стало тесно в своем собственном городе.

Оставим на время повествование о прекрасной Нушафарин и перенесемся в страну, где правил Султан Ибрагим, юноша несравненной красоты.

Отец Ибрагима, Адилшах, пресытившись властью, передал бразды правления государством своему любимому сыну, а сам удалился на покой и проводил дни в молитвах.

Однажды к юному правителю страны Чин пожаловали с подарками вернувшиеся из дальних странствий купцы. Они рассказали ему о диковинах, которые им довелось увидеть на чужбине. Рассказали они ему и о необычайной красоте Нушафарин. И так ярко живописали они ее красоту, что в сердце Султана Ибрагима возникла неутолимая жажда во что бы то ни стало увидеть эту красавицу. Купцы же, заметив улыбку на лице

Султана Ибрагима, подумали, что он не поверил их рассказу, и тогда один из них сказал так:

— Если будет на то твое соизволение, я тотчас же велю своему слуге принести сюда ее портрет.

Султан Ибрагим согласился, а купец велел слуге быстро сбегать к нему домой, достать из сундучка портрет Нушафарин и принести его Султану Ибрагиму. Увидев этот портрет, Султан Ибрагим лишился дара речи и, не отрывая глаз, любовался портретом красавицы, позабыв о присутствующих здесь купцах.

И так долго смотрел Султан Ибрагим на портрет прельстительной Нушафарин, что в конце концов упал без чувств. Купцы тотчас подняли его, покропили ароматной водой, и с большим трудом Султан Ибрагим пришел в чувство, но до самого утра не мог он уснуть, снедаемый любовной страстью.

А когда наступило утро, пришли к нему визири и приближенные и, увидев, как изменился их повелитель за одну лишь ночь, чрезвычайно взволновались. Пуще же всех обеспокоился главный визирь Ханмухаммад. Посмотрел он, как спал с лица Султан Ибрагим, и понял, что, если его страдания продлятся еще хоть один день, не ровен час — умрет его повелитель.

Едва наступила ночь, Ханмухаммад направился к покоям Султана Ибрагима, и вот что он там увидел: держа перед собой портрет, Ибрагим обращает к нему такие стихи:

О любовь, мою грудь ты заставила кровоточить,
О терпенье, меня ты покинуло, — как же мне быть?

Сердце преданного Ханмухаммада дрогнуло при виде такого зрелища, и уже не в силах больше скрывать свое присутствие он бросился в ноги своему повелителю с мольбой:

— О господин мой! Я вижу, как тяжело ты страдаешь от любви. Прошу тебя, доверься мне и открой свою тайну.

И тогда Султан Ибрагим сказал так:

— О визирь! Я должен немедля попасть в Дамаск и увидеть эту красавицу. Не можешь ли ты помочь мне?

И отвечал ему Ханмухаммад:

— Здесь возможен только один выход. Мы сделаем вид, будто отправляемся на охоту, а сами сядем на корабль, идущий в Дамаск, и уплывем. А когда прибудем в Дамаск, то оттуда известим о себе твоего отца.

Султану Ибрагиму пришелся по душе план Ханмухаммада, и они тотчас же приступили к сборам, а когда со сборами было покончено, они явились пред светлые очи Адилшаха и испросили у него разрешения отбыть на охоту.

Выслушал Адилшах их просьбу и молвил, обратясь к сыну:

— О мой славный сын, возвращайся поскорее, мне тягостно быть с тобой в разлуке.

Преданнейшему же из визирей он сказал так:

— О Ханмухаммад, я очень тревожусь о своем любимом сыне и согласен отпустить его при одном лишь условии, что ты неотлучно будешь находиться при нем.

А Ханмухаммад только об этом и мечтал.

На следующий день, едва занялась заря, Султан Ибрагим со своим верным визирем Ханмухаммадом покинули дворец.

Через семь дней и семь ночей добрались они наконец до моря и увидели причаливший к берегу корабль. Сели они на корабль и поплыли в Дамаск.

Теперь мы оставим на время Султана Ибрагима и Ханмухаммада и вернемся к Адилшаху.

Через день после того, как Султан Ибрагим со своим визирем отбыли на корабле в Дамаск, верные Адилшаху прислужники сообщили, что Ханмухаммад с его сыном отправились вовсе не на охоту и посоветовали тотчас же послать погоню, дабы убить на месте коварного Ханмухаммада, а Султана Ибрагима доставить во дворец связанным. И в тот же час пятьсот слуг Адилшаха ринулись в погоню. Когда они достигли моря, то

с огорчением узнали, что трое суток назад Султан Ибрагим и Ханмухаммад отбыли в Дамаск. Вернулась погоня ни с чем. Адилшах же так опечалился, что прогнал из дворца всех своих приближенных, а сам облачился в рубище дервиша и предался молитвам.

Теперь оставим на время Адилшаха и вернемся к Султану Ибрагиму. Тем временем Султан Ибрагим со своим преданным визирем Ханмухаммадом десять дней благополучно плыли по направлению к Дамаску. Однако на одиннадцатый день разразилась буря, страшная тьма окутала все вокруг, потом сверкнула молния, загремел гром, и с неба хлынули потоки дождя. Вскоре вода затопила корабль. Все стали молить творца о спасении. Корабельщики побросали в море вещи и груз, чтобы хоть как-нибудь продержаться на воде. Однако корабль пошел ко дну, и все находившиеся на нем пассажиры погибли. Чудом уцелел лишь Султан Ибрагим, Ханмухаммад да еще двое каких-то людей. Через два дня всех четверых прибило к незнакомому острову. Поели они разных трав и кореньев и побрели вдоль берега в поисках какого-нибудь жилища. Долго бродили они, и наконец повстречался им всадник. Всадник спешился и радушно приветствовал их:

— Добро пожаловать! Я счастлив вам служить.

И Ханмухаммад, возрадовавшись, спросил:

— О брат, как зовут тебя и что делаешь ты на этом острове?

Юный же всадник ответил так:

— Прошу вас, будьте моими гостями, и я поведаю вам свою историю.

Султан Ибрагим поблагодарил за приглашение и вместе со своими спутниками отправился к юному всаднику. Пройдя почтительное расстояние, они увидели перед собой богатый шахский дворец и обомлели от восторга. Но еще удивительнее было то, что, кроме их юного хозяина, во всем дворце не было ни души. Гостеприимный хозяин усадил Султана Ибрагима на трон и воздал

ему надлежащие почести. И тогда Султан Ибрагим, обратясь к хозяину, спросил:

— Скажи мне, о друг мой, откуда ты родом, какими судьбами попал сюда и как удалось тебе обрести такие богатства?

Юноша же принялся потчевать их всевозможными яствами.

— Сначала отведайте, пожалуйста, моих угощений, а потом я вам все расскажу.

И когда окончилась богатая трапеза, вот что поведал владелец дворца своим гостям:

— Да будет вам известно, что зовут меня Хамид-корабельщик. Три года тому назад недалеко отсюда захватили меня в плен вместе с певицей шаха Камарии по имени Нахида и доставили к здешнему шаху. Шах приказал Нахиду бросить в темницу, а меня погубить. Слуги немедленно кинулись выполнять его приказание, связали мне руки и ноги, чтобы утром лишить меня жизни. Когда наступила ночь, ко мне явился какой-то человек в черном. Лица его я не мог разглядеть, ибо оно было сокрыто под черной повязкой. Но как только ступил он в темницу, он что-то прокричал зычным голосом, и от его крика стража растерялась и бросилась врассыпную. Незнакомец в черном воспользовался этим и нескольких из них убил тут же на месте, остальные же в страхе попрятались кто куда. Тогда незнакомец подошел ко мне и освободил меня от пут. Я стал его расспрашивать, как его имя и почему он меня спас. И вот что услышал в ответ:

— О Хамид, да будет тебе известно, что я — дочь шаха Искандарии, а зовут меня Джахансуз. Я давно уже пылаю к тебе любовной страстью, но никогда никому не открывала своей тайны, ибо боялась отца. Как только наступит утро, собери все свои вещи и немедленно отправляйся в Дамаск. Там ты укроешься где-нибудь на некоторое время, чтобы отец о тебе забыл. А я что-нибудь придумаю.

И я сделал все так, как велела мне Джахансуз. Поселился в Дамаске и стал ждать от нее вестей.

Вскоре она дала мне знать, что тоже находится в Дамаске и приглашает меня той же ночью к себе. Тайком пробрался я в ее богатый дом, а она, едва завидев меня, бросилась мне навстречу и нежно обняла.

— О Хамид, — зашептала она, — знаешь ли ты, как Нахида опозорила меня перед моим отцом?

Я, разумеется, стал расспрашивать ее, что произошло, и она рассказала следующее:

— Когда я освободила тебя из темницы, в тот же миг об этом стало известно моему отцу, и он снарядил погоню и по всему городу объявил, что разыскивается человек в черном, который помог бежать заключенному Хамиду. Нахида донесла отцу, что человек в черном — я. Когда отец услышал об этом, он впал в страшную ярость, но мне удалось его убедить, что Нахида — клеветница.

К счастью, отец поверил мне и, рассердившись, приказал немедля ее убить. Теперь, Хамид, ты должен быть особенно осторожен. Не приведи Аллах попасть в руки отца, он немедля велит тебя казнить.

— Я умолял ее не покидать меня, — продолжал рассказывать Хамид, — ибо теперь я не мог уже дня прожить без нее. Она сжалилась надо мной и сказала:

— Ладно, отправляйся на такой-то остров и живи там, пока не скончается мой отец. Только тогда мы сможем соединиться с тобой навсегда. А пока я обещаю хранить тебе верность.

Мне ничего не оставалось, как согласиться с нею и поселиться на этом острове. Вот уже три года, как я живу здесь в ожидании Джахансуз. Все богатство, которое ты здесь видишь, принадлежит ей.

Выслушал Султан Ибрагим рассказ Хамида, заключил его в объятия и сказал:

— О Хамид, я клянусь тебе, что не успокоюсь до тех пор, пока не устрою твое счастье с Джахансуз.

Поблагодарил Хамид своего нового друга за добрые слова и в свою очередь попросил Султана

Ибрагима рассказать ему о себе. И когда Султан Ибрагим рассказал обо всем, что с ним приключилось, Хамид бросился ему в ноги и поклялся сделать все, что в его силах, дабы помочь Ибрагиму найти счастье с возлюбленной. Султан Ибрагим был несказанно рад обрести верного друга и попросил Хамида доставить его со своими спутниками в Дамаск.

Хамид же был счастлив услужить ему, и на следующий день, захватив с собою побольше драгоценностей, они все вместе отправились в путь.

Через сорок дней и ночей достигли они некоей горы. Хамид взобрался на ее вершину и остановился словно завороченный. Султан Ибрагим сильно взволновался и воскликнул:

— О Хамид, почему ты остановился?

И Хамид ответил:

— Вот и Дамаск. Только бы не умереть нам от радости.

Султан Ибрагим проворно взобрался на вершину горы и увидел вдали очертания большого города. Он наклонился и поцеловал землю. А потом, обратясь к Хамиду, сказал:

— О дорогой брат, придется тебе одному отправиться в город и подыскать подходящее для нас пристанище.

Хамид поскакал в Дамаск и вскоре возвратился с сообщением, что для их приезда все подготовлено. Устроившись на новом месте, друзья до утра отдыхали и пировали.

Когда же наступило утро, Хамид, Султан Ибрагим и их спутники отправились в баню, а помывшись в бане, решили осмотреть город. Долго бродили они по городу и наконец набрали на великолепный дворец. Сердце Султана Ибрагима тревожно забилося.

— Чей это дворец? — спросил он у Хамида.

— О друг мой, — ответил Хамид, — дворец этот построен Джахангиршахом, а живет в нем его дочь Нушафарин Гавхартадж со своими служанками, певцами и танцорами.

Султан Ибрагим пришел в неопиcуемый восторг и на радостях сложил такие стихи:

Знает мир немало влюбленных, но такого, как я, не знал,
И сегодня такой влюбленный во дворце пред тобой предстал.
Ничего я не видел чудесней, чем твой райский, пышный дворец,
Но увы, в его каждом камне — кровь любивших тебя сердец.

По случайному стечению обстоятельств пристанище Султана Ибрагима и его друзей оказалось поблизости от дворца, и взор Султана Ибрагима день и ночь был обращен к дворцу, в котором обитала Нушафарин Гавхартадж. Он непрерывно читал стихи, изливая в них свою любовь к ней и боль разлуки.

Однажды, когда Султан Ибрагим со своими спутниками, как обычно, прогуливались возле дворца, послышался некий голос, повелевавший им посторониться с дороги. Они взглянули в ту сторону, откуда слышался голос, и взору их предстало двухтысячное войско на конях во главе с прекрасным юношей в шахских доспехах.

— Кто этот военачальник? — поинтересовался Султан Ибрагим.

И Хамид вот что ему ответил:

— Этого юношу зовут Туфан. Он — сын падишаха Египта и прибыл сюда, чтобы просить руку малики Нушафарин.

Не успел Хамид это сказать, как появилось еще какое-то войско. И во главе этого войска был юноша, одетый еще красивее и богаче, чем Туфан. И Султан Ибрагим снова спросил у Хамида:

— А кто этот юный военачальник?

И Хамид ответил:

— Это шахзаде Бахман, сын падишаха из Алеппо. Он тоже прибыл просить руку малики.

Затем прибыли просить руки малики еще двое шахзаде — Ильяс из страны Чин и Мухаммад из Западных земель.

И наконец появились из неведомых стран двое четырнадцатилетних красивых юношей в богатых

одеждах. Они остановились у самого входа во дворец малики, сбросили короны на землю и начали читать стихи:

Мы те, что твоих напевов отныне рабами стали,
Мы пленники страсти, мы птицы, что в клетку твою попали,
Мы в жертву любви безумной свой разум отдать хотим,
Мы радостными мотыльками в пламя любви летим!

Услышав эти стихи, исполненные любви и отчаяния, Султан Ибрагим поинтересовался у Хамида, кто такие эти юноши.

И Хамид объяснил:

— Это Саид и Масуд, сыновья падишаха из Восточных земель.

Султана Ибрагима поразили сложенные ими стихи, и он глубоко опечалился, понимая, что не может превзойти их в искусстве стихосложения. И как раз в то время, когда он предавался своим печальным думам, во дворце малики открылось окошечко, а потом появилась и она сама. Увидев множество прекрасных юношей, стоявших под окном и с любовью взиравших на нее, она опустилась на стул и стала слушать посвященные ей стихи. Юноши наперебой восхваляли красоту Нушафарин в изящных стихах, и Султан Ибрагим, воспользовавшись короткой паузой, решительно выступил вперед и прочитал такое стихотворение, что все собравшиеся вокруг дворца жители Дамаска замерли в оцепенении. И никто не знал, кто этот юноша и откуда он прибыл. А закончив чтение стихов, Султан Ибрагим упал на землю без чувств. Когда же он пришел в себя, его спутники отвели его во временное пристанище, и Султан Ибрагим сказал так:

— О друзья мои, я допустил оплошность, прибыв сюда без всякой свиты и богатства, а все эти шахзаде, явившиеся просить руки Нушафарин, предстали перед ней во всем блеске своих шахских богатств.

И горько заплакал Султан Ибрагим от досады, что не может соперничать с этими богатыми женихами. Но преданный ему Ханмухаммад стал его успокаивать:

— О повелитель, не печалься и не плачь. Ты одержим любовью, а в любовных делах все решают не сила и не богатство. Как говорится в мудрых дастанах, кого выберет сердце возлюбленной, тот и победит. Но тебе необходимо во что бы то ни стало сообщить малике, что ты здесь и что ты всем сердцем любишь ее. И когда она узнает об этом, то — я уверен — она тоже ответит тебе любовью. И тогда сбудутся все твои мечты о любви и счастье.

Хамиду пришлось по душе мудрые слова Ханмухаммада, и он сказал:

— О друг мой, если ты хочешь, я укажу тебе еще один путь к малике Нушафарин.

И в ту же ночь Хамид и Султан Ибрагим, переодевшись ночными гуляками, пришли ко дворцу Нушафарин.

— Ну, — сказал Хамид, — теперь можно проникнуть в покои малики.

С помощью веревочной лестницы они взобрались на высокую ограду и проникли в парк, окружающий дворец. Потом осторожно подкрались к дворцу и стали искать покои малики, а когда наконец их нашли, Султан Ибрагим заглянул внутрь и увидел, что его возлюбленная спит на богато убранном ложе. При виде ее ногтей, накрашенных ярко-красной краской, на память ему пришли стихи:

Красны ее длинные ногти, как будто они в крови
Тех доблестных, что погибли, не добившись ее любви.

Султан Ибрагим поднес свечу к изголовью спящей малики, чтобы лучше разглядеть красавицу. Ее лик был подобен прекрасной луне, а пышные одежды напоминали цветы райского сада. И он стал читать пришедшие ему на память любовные стихи. Долго читал он стихи, любуясь спящей красавицей Нушафарин, и неотрывно думал о том, как ему открыть малике тайну своего влюбленного сердца. И наконец придумал. Он осторожно снял перстень с пальца малики и заменил его своим. Потом нежно коснулся губами

ее щеки и вышел. Друзья похвалили его за разумный поступок, и все вместе отправились восвояси.

Теперь на некоторое время оставим Султана Ибрагима и его друзей и послушаем, что было с Нушафарин Гавхартадж.

Совершая утреннее омовение, Нушафарин заметила, что ее собственный перстень куда-то исчез, а вместо него появился какой-то другой.

Удивилась Нушафарин и стала с любопытством разглядывать камень на перстне. Каково же было ее удивление, когда она заметила на нем сделанную мелкими буквами надпись: «Ибрагим», и тотчас в ее сердце вспыхнула любовь к человеку, носящему это имя. Только одного не могла понять Нушафарин — как сумел он проникнуть в ее покои, никем не замеченный.

Нушафарин призвала кормилицу Сарвиазад и, рассказав ей историю с перстнем, попросила помочь ей узнать, кого из прибывших, кто ищет ее руки, зовут Ибрагимом.

И кормилица вот что ей ответила:

— О луноликая малика! Мне доподлинно известно, что среди шахзаде, которые прибыли просить твоей руки, нет человека по имени Ибрагим. Это, наверно, кто-то другой.

— А как же нам разыскать его? — не унималась малика.

И тогда кормилица сказала:

— О малика, если он приходил сюда однажды, то непременно придет еще раз. И тогда ты сможешь его увидеть.

— Ты права, — согласилась Нушафарин, — но я прошу тебя этой ночью находиться где-нибудь поблизости и разбудить меня, как только он явится.

На следующую ночь Султан Ибрагим снова проник в покои малики. Но судьбе было угодно, чтобы как раз в это время кормилица уснула глубоким сном. Султан Ибрагим, опустившись на колени перед ложем Нушафарин, написал ей

любовное послание, а в конце послания сделал приписку, из которой следовало, что это он приходил в покои малики и заменил ее перстень своим. Он очень просил ее не сердиться на него за дерзость.

В разлуке с тобой ноет сердце, томится тоской,
И снять эту боль может только слиянье с тобой!

А потом он поведал Нушафарин о том, как, будучи правителем своей страны, узнал однажды от приезжих купцов о ее сказочной красоте и даже увидел ее прекрасный портрет, и как с того самого дня он лишился покоя и, покинув свой трон, отправился ее искать. «И покуда я буду жить, — писал он, — я буду любить тебя».

Пусть пыль, по которой ступаешь ты, превратится в мою сурьму,
Пусть взор мой угаснет, если тебя уже не увидит ему.

Оставим теперь Султана Ибрагима, который благополучно выбрался из покоев малики и возвратился к своим друзьям, и послушаем рассказ о малике.

Нушафарин проснулась на рассвете, позвала свою кормилицу и стала ее корить:

— Ах, Сарвизад, ты все на свете проспала! Ведь он снова этой ночью сюда приходил и снова ушел незамеченным.

Смущенная Сарвизад робко возразила:

— О прекраснейшая, сегодня ночью сюда никто не приходил. Я всю ночь не спала, и если бы он сюда пришел, я непременно увидела бы его.

Однако позднее, когда кормилица застилала ложе малики, на пол упало письмо. Малика проворно подняла его и прочитала. И сказала она кормилице:

— Я ведь говорила тебе, что сегодня ночью он приходил.

— Видать, я сплеховала, — отвечала кормилица. — Прости меня. Тот, кто приходит два раза кряду, наверняка придет и в третий раз.

Малика читала и снова перечитывала письмо и с каждым разом убеждалась в том, что всем сердцем полюбила Ибрагима. Когда наступил вечер, она сказала кормилице:

— Ты приготовь мое ложе и уходи спать к себе. Я сама буду его караулить.

Кормилица так и сделала. Малика легла и притворилась спящей, на самом же деле она не спала, а с нетерпением ждала прихода Ибрагима.

Когда наступила ночь, Ибрагим со своими друзьями снова отправился ко дворцу малики и снова проник в ее покои. Он приблизился к ложу малики, и стал читать стихи, и говорить ей о своей любви. Малика же только притворилась спящей, на самом деле она вовсе не спала, а незаметно следила за Ибрагимом. И оказался он прекрасным юношей, краше которого не сыскать во всем мире.

После этого малика встала со своего ложа и приветствовала Ибрагима. Когда Султан Ибрагим услышал ее добрые, приветливые слова, у него от счастья закружилась голова, и он упал без чувств. Малика в испуге склонилась над ним, обняла и поцеловала его прекрасное лицо. Потом кликнула Сарвизад и велела принести ароматную воду. И едва побрызгала она этой водой лицо Ибрагима, как он пришел в себя и увидел, что лежит в объятьях малики, и тогда он тоже обнял ее, и оба они успокоились...

И малика приказала подать вино и жареную птицу, и за трапезой она стала расспрашивать шахзаде:

— О прекрасноликий, скажи мне, пожалуйста, в каком саду ты взращен? Откуда явился ты сюда? Какого ты рода и племени?

И шахзаде с радостью поведал ей все о себе. Малика же, выслушав его, сказала:

— Прочитав твое письмо, я поклялась, что не променяю тебя на все богатства мира.

И они в радости и веселье провели остаток ночи, а утром с великим сожалением расстались.

Шахзаде вернулся к своим друзьям, и те, узнав о его удаче, порадовались вместе с ним.

Теперь оставим на время их всех и перенесемся к шахзаде Мухаммаду.

В тот самый момент, о котором идет речь, шахзаде Мухаммад беседовал со своим визирем, и когда они, как обычно, заговорили о малике Нушафарин, Мухаммад сказал:

— О визирь, минуло уже три года, как мы прибыли в этот город, но ни разу еще не видел я малику, и никому не ведомо, кому отдаст ее отец в жены, кого из пяти шахзаде выберет он ей в мужа.

— О шахзаде, — отвечал ему верный визирь, — у меня возник один замысел. Если ты согласишься меня выслушать, я готов тебе его изложить.

Получив соизволение шахзаде, визирь продолжал:

— Нам следует переодеться и ночью во что бы то ни стало проникнуть в покои малики, дабы ты мог увидеть ее и рассказать ей о своей любви.

Мухаммаду понравился этот замысел, но он опасался, что малика, застав в своих покоях незнакомца, закричит, и позор падет на его голову, и он уже не сможет показаться на глаза не только малике, но и другим шахзаде.

— Нет, — сказал визирь, — она этого не делает. Ну, а если все-таки произойдет то, чего ты опасаться, ты должен немедленно отрубить ей голову.

Мухаммад согласился и в ту же ночь, переодевшись и захватив с собой меч, отправился во дворец. И в тот самый момент, когда он, одолев дворцовую ограду, крадучись направлялся к покоям малики, она уже приветствовала Султана Ибрагима.

— О любимый мой, — сказала она, — я приготовила для тебя угощение. Сбрось эту дервишскую одежду и облачись в шахское платье.

И она протянула ему узел с одеждой. Султан

Ибрагим же исполнил ее волю и облачился в богатое шахское платье.

После трапезы малика взяла Ибрагима за руку и повела в огромный зал, где их ожидало множество людей, среди коих находились певцы и танцоры. Шахзаде встревожился. Неужели все эти люди знают его тайну? Что он им ответит, если его спросят, кто он такой и как сюда попал?

В какой-то момент он даже хотел убежать, но малика удержала его за руку, препроводила Султана Ибрагима на почетное место, и все, кто был в зале, приветствовали их. Шахзаде по-прежнему пребывал в смущении и недоумевал по поводу оказанного ему почета, малика же тем временем подала знак виночерпию, чтобы он наполнил чаши вином.

Виночерпий наполнил первую чашу и подал ее малике, но малика в знак особого почтения передала ее шахзаде. Султан Ибрагим выпил залпом всю чашу до дна.

А в это самое время Мухаммад, блуждавший по дворцу в поисках покоев малики, услышал звуки музыки и решил полюбопытствовать, откуда они исходят. Вскоре он увидел ярко освещенный и богато убранный зал, а в зале том — великое множество гостей. Он пробрался на балкон и, притаившись там в темноте, стал наблюдать за тем, что происходило в зале. Тут-то он и увидел, что в противоположном конце зала на почетном месте восседают малика и какой-то юноша в пышных шахских одеждах и что время от времени они обнимают и целуют друг друга. Увидев это, Мухаммад впал в гнев и отчаяние и так укусил себе палец, что из него пошла кровь. Он готов уже был выхватить меч и броситься с ним на соперника. Однако смирил свой гнев, разгадав храбрый характер юноши, сидящего возле малики. И все-таки подумал, что не будет лишним выяснить, кто сей юноша и откуда он появился. Тем временем неподалеку от него проходила одна из прислужниц малики, и Мухаммад, осторожно окликнув ее, спросил:

— Кто этот юноша?

Прислужница же решила, что вопрос исходит от кого-нибудь из приближенных малики, а потому нет надобности таиться. И она чистосердечно ответила:

— Этот юноша — шахзаде Султан Ибрагим, сын Адилшаха, правителя страны Чин. Вот уже несколько дней он неразлучен с маликой.

Услышав все это, Мухаммад пришел в еще большую ярость. Одержимый ревностью и завистью, он стал измышлять, как бы вывести влюбленных на чистую воду, и, озабоченный, отправился восвояси. Разбудив своего визиря, он рассказал ему все, как есть, и тогда визирь, выслушав рассказ своего повелителя, погрузился в тягостное раздумье.

— Чем так печалиться, — воскликнул Мухаммад, — лучше попытаться отыскать какой-нибудь выход. Пока жив этот шахзаде, малика не выйдет замуж ни за кого другого.

— О шахзаде, — рассудительно начал визирь, — если ты вздумаешь очернить малику в глазах ее отца, он ни за что тебе не поверит, а может быть, наоборот, даже и разгневается на тебя. И тогда ты уже никогда не сможешь увидеть малику.

— Так что же нам делать? — в отчаянии воскликнул шахзаде Мухаммад. — Прошу тебя, придумай что-нибудь!

И визирь продолжал:

— Лучше всего тебе пойти во дворец малики и постараться выследить того шахзаде пьяным. Тогда ты доставишь его в бесчувственном состоянии к отцу малики Джахангиршаху и расскажешь, что сей нечестивец давно повадился по ночам ходить в покои малики и предаваться с нею любовным утехам. Шах, конечно, разгневается и прикажет казнить того шахзаде. И ни у кого не возникнет сомнения, что первым претендентом на руку малики можешь считаться только ты.

Мухаммаду пришлось по душе выдумка визиря, и несколько ночей подряд он ходил во дво-

рец малики в надежде улучшить момент, когда Султан Ибрагим окажется пьяным.

А теперь вернемся к Султану Ибрагиму.

Каждую ночь он проводил с маликой, а на рассвете с большой неохотой покидал ее и всякий раз при этом читал такое двустишие:

Отвести глаза нет силы от прекрасной чаровницы,
Взор с подобной красотой не заставишь разлучиться.

Еще одним женихом, явившимся в Дамаск просить руки малики Нушафарин, самым богатым и знатным, был шахзаде Ильяс. И Джахангиршах считал его самым достойным из всех. Однажды Ильяс пригласил прибывших шахзаде к себе и устроил пир. В самый разгар пира шахзаде Мухаммад приблизился к Ильясу и попросил у него разрешения удалиться пораньше. Однако Ильяс решил во что бы то ни стало задержать Мухаммада и стал его просить:

— О шахзаде, побудь еще немного с нами.

Мухаммад же проявил настойчивость и сказал:

— О великий шахзаде, прости меня, но я не могу оставаться здесь дольше. Я очень устал, и мне необходимо отдохнуть.

Ильясу ничего не оставалось, как согласиться.

Мухаммад же поспешил к своему визирю и сказал:

— Я вернулся пораньше, ибо намерен отправиться во дворец малики. Может быть, сегодня мне удастся наконец осуществить свой замысел.

Тем временем Султан Ибрагим со своими друзьями тоже отправился ко дворцу малики. Малика, как всегда, обрадовалась его приходу, и в пирах и веселии они проводили время. В полночь же Султан Ибрагим распрощался с маликой и вернулся к друзьям, поджидавшим его в том месте, где была прилажена веревочная лестница. Не успел Султан Ибрагим подняться по ней на дворцовую ограду, как услышал громкий окрик Мухаммада:

— О негодный вор! Ты совершенно лишился совести и повадился каждый вечер лазить в шахский дворец! Теперь тебе не уйти от меня живым!

Султан Ибрагим, однако, не испугался и потребовал, чтобы Мухаммад назвал свое имя, но, не получив ответа, он бросился на шахзаде Мухаммада с мечом. Некоторое время слышался лишь лязг железа. А потом Султан Ибрагим рассек Мухаммаду голову, и тот, истекая кровью, повалился на землю. Тут подоспели слуги Мухаммада и унесли своего раненого господина.

Ханмухаммад и Хамид, наблюдавшие за этим поединком, бросились на слуг шахзаде Мухаммада, а слуги подняли такой крик, что его услышали все шахзаде, пребывавшие в гостях у Ильяса. Они переполошились и выбежали на улицу, дабы узнать, что происходит, и тут увидели Султана Ибрагима и все вместе напали на него. Султан Ибрагим приказал Ханмухаммаду и Хамиду защищать его сзади, а сам вступил в поединок с Ильясом. Долго длился их поединок, но в конце концов Султан Ибрагим одержал верх. Одолев Ильяса, Султан Ибрагим принялся за шахзаде Туфана. Но на помощь Туфану пришел шахзаде Бахман. Султан Ибрагим только успевал поворачиваться, нанося удары то вправо, то влево. И Туфан и Бахман замертво повалились на землю. Тогда выступили вперед молодые шахзаде, братья Саид и Масуд. Султан Ибрагим схватил их за шею и ударил головами друг о друга, и те тотчас же лишились сознания. Тем временем подоспели многочисленные слуги всех тех шахзаде и тоже бросились на Султана Ибрагима. Однако он бесстрашно расправился с ними, нескольких основательно поколотил, остальные же в страхе разбежались кто куда.

— О дорогой шахзаде! — сказали Ханмухаммад и Хамид. — Нам нельзя больше здесь оставаться.

На следующее утро обо всем этом было доложено Джахангиршаху, и он приказал своим визирям выяснить все подробности дела.

А Султан Ибрагим и его друзья вполне разумно решили не выходить пока на улицу, а посмотреть, как будут развиваться события дальше.

Оставим их здесь и послушаем, что происходило с другими шахзаде.

Когда слуги вернулись восвояси, они рассказали визирям шахзаде все как было, и те поспешили им на помощь. Через день шахзаде пришли в себя и, припомнив случившееся, не могли взять в толк, почему они все вместе оказались бессильными перед одним-единственным человеком. Больше всех негодовал шахзаде Ильяс.

— Эй, негодяй, — воскликнул он, обратясь к Мухаммаду, — я очень сожалею, что ты сын шаха Египта, а не то я наказал бы тебя как следует. Если ты задумал пойти во дворец для того, чтобы каким-либо способом завоевать благорасположение Джахангиршаха, тебе следовало бы сначала посоветоваться со мной. Смотри, какой скандал ты затеял!

Шахзаде Мухаммад испытал угрызение совести, но ничего не сказал в свое оправдание. И тогда шахзаде Ильяс, обращаясь ко всем шахзаде, предложил:

— Давайте сохраним в тайне случившееся этой ночью. А если Джахангиршах станет у нас допытываться, мы представим дело так, будто выпили лишнего и, опьянев, затеяли между собой драку.

Шахзаде согласились с Ильясом.

Утром один из визирей Джахангиршаха обошел всех и спросил, не ведомо ли им, что произошло прошлой ночью. И шахзаде Ильяс, как было решено накануне, сказал так:

— Вчера ночью мы действительно учинили драку. Но виновник этой драки — вино, которого мы выпили больше, чем следовало.

Визирь поспешил к шаху и сообщил ему все, что выяснил у Ильяса, и Джахангиршах, узнав, что кое-кто из шахзаде пострадал в потасовке, послал им целебную мазь Сулеймана.

Ну, а что же происходило дальше с Султаном Ибрагимом?

Целый день он никуда не выходил из дому, а когда наступила ночь, он снова отправился в покои малики. Малика усадила его на ложе, села рядом с ним и спросила:

— Что случилось с тобой вчера ночью? Я слышала твой крик.

Шахзаде рассказал ей обо всем случившемся. Она нежно обняла его и сказала:

— Я знаю силу твоих рук и все-таки прошу: береги себя. Ведь твои враги ходят за тобой по пятам. Я опасаясь, как бы кто-нибудь тебя не сглазил.

Шахзаде поспешил успокоить малику.

— Не бойся, если даже тысячи воинов нападут на меня, я все равно их одолею.

Пусть погibelью мне грозя, наступает вражья орда,
Не страшны мне сотни врагов, если будешь со мной всегда!

А теперь оставим малику с Султаном Ибрагимом и вернемся к остальным шахзаде.

Когда они немного оправились после ночной потасовки, они стали думать о том, как отомстить своему обидчику. И надумали они испросить совета Ильясa. И сказал им шахзаде Ильяс следующее:

— Пусть шахзаде Мухаммад изыщет способ подружиться с нашим обидчиком, и тогда мы с его помощью сможем устроить так, чтобы он оказался в наших руках. И мы отрубим ему голову.

Тогда поднялся со своего места визирь шахзаде Мухаммада и сказал:

— Я знаю в лицо того обидчика и знаю, где он живет. Я сам без труда выкраду его и доставлю к вам.

Ильяс поблагодарил его и пообещал щедро наградить, если тому удастся исполнить задуманное.

Когда наступила ночь, тот визирь, переодевшись, отправился к дому, где жил Сулган Ибра-

гим. Он проник внутрь и притаился в кухне. Улучив момент, он подсыпал в кушанья принесенное с собой зелье. Не успели шахзаде и его друзья отведать тех кушаний, как точас же заснули мертвецким сном. Тогда визирь завернул Султана Ибрагима в ковер, взвалил себе на плечи и отправился к Ильясу.

Теперь оставим его в дороге и вернемся к малике Нушафарин Гавхартадж.

В ту ночь она долго ждала Султана Ибрагима и, не дождавшись, позвала свою кормилицу Сарвиазад.

— Почему опаздывает шахзаде? — без конца вопрошала она и, не в силах унять беспокойство, решила выяснить, в чем дело.

И сколько Сарвиазад ни отговаривала ее, она не послушалась, переделалась мужчиной, прихватила с собой кинжал и меч и в сопровождении Сарвиазад покинула дворец. Когда они достигли жилища Султана Ибрагима, малика велела Сарвиазад поджидать ее где-нибудь поблизости, а сама с помощью веревочной лестницы перебралась через забор во двор. А в тот самый момент какой-то человек в черном с огромной поклажей на плечах крадучись выходил из дому. Малика подумала, что это вор, и, преградив ему дорогу, крикнула:

— Эй, что ты несешь?

Визирь увидел в руке незнакомца кинжал и решил, что это кто-то из слуг шахзаде Ильяса пришел ему на помощь, и сказал:

— Я — визирь шахзаде Мухаммада. А несу я шахзаде Ибрагима. Все шахзаде собрались у шахзаде Ильяса и ждут, когда я доставлю его туда.

Малика страшно вознегодовала и обрушила на визиря гневную тираду:

— Ах, негодяй, как посмел ты, недостойный, лицезреть шахзаде Султана Ибрагима даже одним глазом, проникнуть в его дом и похитить его самого?

И малика, не раздумывая, бросилась на визиря и пронзила его кинжалом насквозь. Потом развер-

нула ковер и увидела шахзаде Ибрагима, пребывавшего в беспамятстве. Она вознамерилась было унести его, как вдруг появились факельщики, и главный из них приказал остальным окружить малику и никуда ее не пускать, сам же выхватил из ножен кинжал и устремился к ней. Малика тотчас же изготовилась к бою, и поединок начался. Вскоре факельщик выбился из сил, ему показалось, что с ним сражается сам Рустам. И тогда он сказал:

— Эй, человек в черном, скажи, кто ты такой. Если ты скажешь мне правду, я обещаю даровать тебе жизнь.

— Грязный негодяй! — воскликнула малика. — Разве ты меня не знаешь? Так знай, что я — Азраил и явился сюда, чтобы забрать твою жизнь.

Тогда факельщик, которого звали Афрасиаб, вынужден был снова продолжить этот поединок. Но малика не давала ему передышки и наконец вонзила кинжал ему в самое сердце. Слуги Афрасиаба тотчас же разбежались кто куда. Малика возблагодарила Аллаха, взвалила Султана Ибрагима себе на плечи и отправилась во дворец. Следовавшая за ней неотступно Сарвиазад спросила, что случилось с шахзаде.

— Сейчас не время говорить об этом, — ответила малика.

Когда они вернулись во дворец, Сарвиазад приготовила ложе для шахзаде.

Малика дала ему понюхать ароматный порошок, и он сразу же проснулся. И немало подивился, увидев себя в покоях малики.

— Как я здесь оказался? — спросил он.

И малика рассказала ему обо всем случившемся. А потом они принялись за трапезу и оставшуюся часть ночи предавались любовным утехам. На рассвете шахзаде, простившись с маликой, покинул дворец. Вернувшись домой, он нашел всех своих друзей в беспамятстве. Он привел их в чувство и поведал о том, что с ним приключилось. И друзья сказали так:

— О шахзаде, те шахзаде — наши враги, они прознали дорогу в наш дом, и теперь нам надо быть очень осторожными.

Услышав о смерти Афрасиаба, все другие шахзаде погрузились в раздумье.

Оставим их с этими раздумьями и вернемся к Джахангиршаху.

Когда Джахангиршах узнал о гибели Афрасиаба и визиря одного из шахзаде, он страшно огорчился, ибо из-за этих влюбленных шахзаде горожане окончательно лишились покоя, а вместе с ними и он сам. Призвал Джахангиршах своих верных визирей и стал с ними держать совет — как лучше поступить в данном случае.

И визири вот что ему ответили:

— Знай, о повелитель, что все это происходит из-за малики. Лучше всего обратиться к отшельнику Файяз-абиду и поступить так, как он велит.

Джахангиршаху пришлось по нраву такой совет визирей. А так как это происходило в пятницу, то он и порешил: пусть малика омоется в источнике Нуш, а потом он отведет ее к мудрому отшельнику.

Итак, малика в сопровождении прислужниц отправилась к источнику Нуш, омылась в нем и стала расчесывать волосы. Тем временем неизвестно откуда появилась какая-то огромная рука и унесла малику. Среди прислужниц поднялся переполох, они стали кричать и плакать, в отчаянии рвать на себе одежды. Едва эта печальная весть достигла ушей Джахангиршаха, как он вскрикнул и тотчас упал без чувств. Рыдания и причитания обитателей дворца разносились далеко окрест, и вскоре о случившемся узнал весь Дамаск. Влюбленные шахзаде сникли от тоски, а Султан Ибрагим излил свою печаль в таких стихах:

Не в силах даже плакать я — душа истерзана любовью,
О сердце, кровью изойди — пускай и слезы станут кровью.
Изранен я, душа моя на части рвется без любимой,
Болит не тело — дух горит от этой боли нестерпимой.

Его друзья, не в силах смотреть, как убивается он по своей возлюбленной, всячески его утешали:

— О шахзаде, не печалься, рано или поздно ты узнаешь, где находится малика, и мы вызволим ее из беды. Сейчас же надо набраться терпения, ибо терпение — это то, что прежде всего требуется в сем деле.

Однако подобные речи были не способны утешить шахзаде Ибрагима. Он не мог пережить разлуку с возлюбленной и был на грани помешательства.

А Джахангиршах тем временем призвал во дворец огромное множество мудрецов, дабы испросить у них совета, как ему следует поступить.

Теперь оставим их всех в печали и в раздумье и расскажем о том, что приключилось с маликой Нушафарин Гавхартадж.

Когда неведомая рука схватила ее у источника Нуш, она потеряла сознание. А придя в себя, обнаружила, что находится в некоем дворце, со всех сторон окруженном водой. Малика обошла дворец, немало подивившись его богатому убранству, но нигде не встретила ни одной живой души. И тогда она невольно подумала: «Неужели падишах воздвиг этот дворец специально для меня?» И едва она так подумала, как появились трое дивов. Они почтительно приветствовали малику, но малика вскрикнула и лишилась чувств. Когда же она пришла в себя, один из дивов сказал:

— О малика, не бойся нас. Мы — трое братьев. Одного из нас зовут Заим, другого — Дайлам, а третьего — Алкандив. Дворец же этот принадлежит Сулейману. А эта река называется Мухит. Отсюда до тех мест, где живут люди, надо добираться целых три года, и со времени Сулеймана до сей поры человеческая нога не ступала в этот дворец. Вот уже десять лет я лелею в своем сердце любовь к тебе. Здесь все приготовлено для тебя. Поэтому ты и оказалась здесь.

Горько заплакала малика, а потом, успокоившись, сказала:

— Послушай, Алкандив, я согласна быть с тобой только при одном условии, если в течение года ты не посмеешь прикоснуться ко мне. Когда же минет год, я удовлетворю твое желание.

Алкандив бросился ей в ноги:

— О красавица, если ты согласишься просто посидеть и побеседовать со мной, то я готов ждать не один, а целых три года.

Малика успокоилась и стала беседовать с Алкандивом.

Теперь оставим малику с Алкандивом и расскажем о Джахангиршахе.

Джахангиршах вместе со своими приближенными, безвыходно находясь во дворце, проплакал целых три дня и три ночи. А на четвертый день явился ему Файяз-абид. Все приближенные шаха поднялись со своих мест и приветствовали мудрого отшельника подобающим образом.

Джахангиршах же усадил его рядом с собой, и Файяз-абид повел такую речь:

— Не тревожься о судьбе своей дочери. Один из влюбленных в нее шахзаде через три года вызволит ее, и ты увидишь свою любимую дочь целой и невредимой.

— О высокочтимый, — воскликнул Джахангиршах, — скажи мне, где сейчас находится малика.

И Файяз-абид продолжал:

— О шах, да будет тебе известно, что дочь твою похитил Алкандив. А он обитает во дворце, воздвигнутом Сулейманом посредине реки Мухит.

— А как я узнаю, кто именно из этих шахзаде спасет малику? — спросил Джахангиршах.

И Файяз-абид пообещал:

— Я сделаю так, чтобы ты его узнал.

И он достал из-за пазухи попугая с ожерельем на шее и шепнул ему что-то на ухо, а потом отдал его шаху, сказав при этом:

— Посади этого попугая в клетку и имей в виду, что спасителем малики будет тот из шахзаде, кто заговорит с попугаем и сумеет снять с его шеи это богатое ожерелье. А когда он вернет тебе дочь, ты должен отдать ее ему в жены.

Джахангиршах обрадовался, тотчас посадил попугая в клетку и повелел глашатаю объявить, что сзывает всех шахзаде, чтобы выбрать из них одного, которому надлежит отправиться на поиски малики.

На другой день все шахзаде явились на шахский зов. Ханмухаммад и Хамид нарядили Султана Ибрагима в богатые шахские одежды, увенчали голову короной и препроводили его во дворец.

Узрев его, другие шахзаде струсили. А Ханмухаммад приблизился к Джахангиршаху, почтительно приветствовал его и сказал:

— О повелевающий миром! Да будет тебе ведомо, что сей шахзаде является сыном Адилшаха, падишаха страны Чин, и зовут его Султан Ибрагим. Он прибыл сюда, дабы получить твое соизволение на поиски малики.

Шах выказал Ибрагиму уважение и усадил его по правую руку от себя, а потом обратился ко всем шахзаде с такими словами:

— О почтенные! Этого попугая мне подарил Файяз-абид, и тот из вас, кому удастся заговорить с попугаем и снять с его шеи ожерелье, будет наречен женихом малики, и именно он отправится на поиски своей невесты.

Все шахзаде изъявили желание попытаться счастья. Первым к клетке подошел шахзаде Ильяс. Он вынул из клетки попугая, но снять с него ожерелье так и не смог. Смущенный и опечаленный, он передал попугая шахзаде Бахману. Но и того постигла неудача. Один за другим подходили шахзаде к попугаю и, посрамленные, возвращались на свое место. Ни один из них не добился чести назваться женихом малики. Наконец настала очередь Султана Ибрагима. Беря попугая в руки, он вознес молитву Аллаху, дабы тот помог ему

и не дал опозориться перед другими шахзаде и дабы именно ему шах вверил судьбу малики. А потом он без всякого труда снял с попугая ожерелье, и попугай заговорил с ним человеческим голосом и прочитал такой стих:

О повелитель мира! Вся земля твои желанья исполнять готова.
Ты — всей державы прочная основа.

Все присутствовавшие при этом облегченно вздохнули, и отовсюду понеслись восторженные возгласы. Только незадачливые шахзаде — соперники Ибрагима не разделяли всеобщей радости, они готовы были его убить.

Возрадовался Джахангиршах и, обратившись к Султану Ибрагиму, сказал:

— О сын мой, если ты отыщешь и вернешь во дворец мою дочь, я отдам ее тебе в жены, тебя же провозглашу своим преемником.

Ибрагим, смущенный от счастья, скромно поблагодарил шаха. Все же другие шахзаде, расстроенные и злые, покинули дворец.

На другой день Джахангиршах вместе с Султаном Ибрагимом отправились к Файяз-абиду. И тот сказал:

— О шахзаде, тебе предстоит отыскать дворец Сулеймана и вызволить отсюда томящуюся в неволе Нушафарин Гавхартадж. Но знай, что на пути тебя подстерегает много всяких опасностей и тяжелых испытаний. Тебя будут сопровождать три человека, один из коих окажется подлым предателем, а это еще больше усугубит твои трудности. Однако предателю не удастся достигнуть желаемого. Ты возьмешь с собой это ожерелье, и, когда тебе придется туго, достань его и, загадав желание, пристально посмотри на него — и твое желание непременно исполнится.

Сказав все это, Файяз-абид прочел Султану Ибрагиму на ухо, счастливое заклинание, чтобы тот, когда потребуется, мог к нему прибегнуть.

Султан Ибрагим поцеловал ему руку и, прощавшись с ним, поспешил вместе с Джахангиршахом во дворец, чтобы поскорее собраться в путь.

Напутствуя Султана Ибрагима, Джахангиршах сказал:

— Есть у меня к тебе только одна просьба: возьми с собой моего верного слугу Амирсалима.

Итак, Султан Ибрагим, Хамид, Ханмухаммад и Амирсалим покинули Дамаск и отправились в дальний путь. Оставив позади много дорог, вышли они к реке и увидели плывущий по ней корабль.

Они сели на тот корабль и отправились в Магриб.

Когда минуло три месяца, вдали показался остров. Султан Ибрагим спросил у своих спутников, как называется остров. И те рассказали, что остров тот называется Гуя, что значит «Говорящий», что он густо порос деревьями, вдоль и поперек изрезан реками и населяют его звери, которые немедленно истребляют любого человека, осмелившегося ступить на него хоть одной ногой.

Выслушал Султан Ибрагим рассказ своих спутников и, решив испытать судьбу, попросил причалить к острову. Воспротивились корабельщики, стали увещевать шахзаде отказать от безумной затеи, но шахзаде оставался непреклонным, и корабельщикам волей-неволей пришлось исполнить его просьбу.

Когда Султан Ибрагим и его спутники сошли на землю, они увидели посреди острова небольшую полянку в тени деревьев и решили расположиться там на отдых. Внимание Султана Ибрагима привлекло одно любопытное дерево с желтым стволом и красными листьями. Пока он разглядывал диковинное дерево, к нему прилетели красные и зеленые птицы, и одна из красных принялась клевать кору этого дерева, а зеленая у нее спросила:

— Почему ты не ешь плоды?

И красная птица ответила:

— Если ты этого не знаешь, то я тебе скажу, что дерево это называется авсанг. Тот, кто от-

ведает его листьёв, станет неуязвимым ни для какого оружия, тот же, кто отведаёт коры, — никогда не попадетя в силок. А если носить при себе веточку этого дерева, то не будут страшны никакие вредные насекомые. Ну, а уж коли отведасть его плодов, то непременно исполнятся все твои желания. И, наконец, если сжечь плоды этого дерева и их золой посыпать раны, они тотчас же заживут и даже следа от них не останется.

Султан Ибрагим запомнил все, о чем говорили птицы, и как только они улетели, нарвал плодов и листьёв, наломал веток, отодрал несколько кусочков коры. И, отведав всего понемногу, остальное спрятал себе за пазуху. Потом лег под деревом и уснул. Пробудился он от страшного крика и, открыв глаза, увидел перед собой чудовище с бычьей мордой, верблюжьей шеей и слоновыми ногами. Султан Ибрагим немедля выхватил меч и бросился на чудовище, и чудовище, учуяв запах дерева, исходивший от Султана Ибрагима, тотчас повернуло назад и устремилось к спящим спутникам Султана Ибрагима. Однако Султан Ибрагим поспешил им на помощь и одним ударом меча отсек страшную голову чудовища. Поняв, от какой беды уберег их шахзаде, они возблагодарили его и тоже отправились к тому чудодейственному дереву. Амирсалим съел несколько плодов дерева и посоветовал Ханмухаммаду и Хамиду последовать его примеру. Но Султан Ибрагим подал им знак, запрещающий это делать.

Через три дня они снова сели на корабль и продолжили свой путь. Ровно через месяц они опять увидели вдали какой-то остров, и Султан Ибрагим спросил корабельщиков:

— Как называется этот остров и что он собой представляет?

И корабельщики ответили:

— О шахзаде, остров, который ты видишь впереди, представляет собой огромную пустыню, которой нет ни конца ни края.

Султан Ибрагим и его спутники попрощались

с корабельщиками и высадились на острове. Десять дней и десять ночей без отдыха шли они по пустыне, а на одиннадцатый день увидели вдалеке гигантские факелы. И так ярко горели те факелы, что в пустыне было светло, как днем. И они пошли в направлении тех факелов, а когда подошли к ним вплотную, то увидели людей с туловищами, похожими на стволы толстых деревьев. На шее у каждого из этих людей висел жернов, а за спиной — большое тяжелое дерево. А то, что Султану Ибрагиму и его спутникам издали показалось факелами, на самом деле было глазами этих людей — эфиопов. И они спросили у Султана Ибрагима и его спутников:

— О люди, откуда пришли вы и куда держите свой путь?

И Ханмухаммад ответил:

— Мы прибыли сюда из Магриба и решили остаться тут с вами.

И тогда главный среди эфиопов сказал:

— Да будет вам известно, что мы не причиним вам никакого зла, но за это вы должны построить нам такой большой дом, чтобы в нем могли разместиться сорок тысяч подобных нам. А после этого вы сможете построить дом для себя и жить в нем спокойно, сколько пожелаете.

— Хорошо, — согласился Ханмухаммад, — мы готовы исполнить ваше требование.

Потом главный среди эфиопов приказал подать для гостей угощение. И когда угощение было подано, он обратился к гостям с такими словами:

— Вам надлежит как следует подкрепиться, ибо вы должны будете построить для нас дом всего за один день.

Ханмухаммад только улыбнулся и ничего не ответил. Оставшись наедине со своими спутниками, Султан Ибрагим стал журить своего визиря Ханмухаммада:

— О визирь, как посмел ты сказать такое? Ведь мы никак не сможем построить огромный дом за один день.

— Если бы я повел себя иначе, то нас бы уже и в помине не было.

Не успели Султан Ибрагим и его спутники окончить трапезу, как явился посланец властителя пустыни и сообщил, что его господин желает срочно их видеть.

— Скажи нам, как зовут твоего повелителя и как называется эта пустыня?

И посланец ответил:

— Нашего повелителя зовут Каликут, а эта пустыня называется Каликутта.

Султан Ибрагим и его спутники отправились к властителю пустыни, и, когда предстали перед ним, он грозно спросил:

— Почему вы до сих пор не исполнили моей воли и не приступили к постройке дома? Завтра все должно быть готово.

Тогда Ханмухаммад выступил вперед и сказал:

— О повелитель, разреши нам хорошенько осмотреться в пустыне, чтобы выбрать для дома подходящее место.

Такое разрешение они получили. И тогда побрели они по пустыне и стали молить Аллаха, чтобы он помог им избавиться от напасти. Вдруг увидели они огромную птицу, обессиленную от ран и истекающую кровью. И та птица заговорила с ними человеческим голосом:

— О рожденные людьми, что привело вас сюда? Почему вы добровольно обрекли себя на муки в этой пустыне?

И Султан Ибрагим в свою очередь спросил:

— О птица, что случилось с тобой? Как ты оказалась здесь и кто тебя ранил?

И птица рассказала следующее:

— Да будет вам известно, что меня называют птицей Рух, а живу я со своими птенцами на берегу реки Мухит. Сюда же я прилетела за кормом для них. И здесь со мной приключилась беда. Некий эфиоп перебил мне палкой крыло, и вот уже второй день я не могу тронуться с места и не знаю, что там с моими птенцами.

— Если я исцелю твою рану, обещаешь ли ты помочь нам выбраться с этого проклятого острова? — спросил Султан Ибрагим.

Обрадовалась птица и поклялась не только вызволить их отсюда и отнести на берег реки Мухит, но и до конца дней служить им верой и правдой.

И Султан Ибрагим достал из-за пазухи плоды дерева, сжег их, собрал пепел и посыпал им птицину рану. И птица тотчас же ощутила силу в крыле и, обрадованная, сказала:

— О добрые люди! Садитесь мне на спину, покрепче держитесь за мои перья да зажмурьте глаза, чтобы не было страшно.

Султан Ибрагим и его спутники исполнили все в точности, как велела им птица Рух, и отправились в путь. А когда на рассвете Рух опустилась на землю, она окликнула их и сказала:

— О уважаемые, теперь можно открыть глаза.

Открыли они глаза и увидели, что находятся в великолепном саду у высокого раскидистого дерева, на котором помещалась со своими птенцами птица Рух. И был тот сад так велик, что достигал реки Мухит.

Подумал, подумал Султан Ибрагим и предложил своим спутникам заняться охотой на дичь, дабы немного подкрепиться.

И добыча их была столь велика, что они не только сами утолили голод, но еще и накормили птицу Рух с птенцами.

Когда же птица Рух поведала своим птенцам о приключившейся с ней беде и о том, как Султан Ибрагим спас ее от неминуемой гибели, птенцы попросили мать отвести их к шахзаде, дабы они могли засвидетельствовать благодарность и почтение спасителю своей матери, и птица Рух охотно исполнила их просьбу.

А потом Султан Ибрагим поведал птице Рух всю свою историю и попросил ее помочь ему добраться до дворца Сулеймана.

На следующий день, дав некоторые наставления своему визирю Ханмухаммаду, Султан Ибра-

гим опять сел на спину птице Рух, и она понесла его в сторону острова.

Долго летели они над лесами и горами и наконец достигли острова, на котором был дворец Сулеймана.

— Теперь, — сказала птица Рух, — разреши мне удалиться. Стоит Алкандиву узнать, что это я сюда тебя доставила, как он немедля погубит моих птенцов. Я буду здесь неподалеку, и, если увижу, что Алкандив творит тебе зло, я тотчас же приду на помощь.

Султан Ибрагим проворно одолел дворцовую ограду и, проникнув внутрь дворца, стал искать малику.

Вдруг в одной из комнат он нашел малику, которая с громкими рыданиями рвала на себе волосы. Едва завидев друг друга, они лишились чувств. Когда же Султан Ибрагим пришел в себя, он принялся хлопотать вокруг малики. И к ней тоже вернулось сознание, и она бросилась в объятия Султана Ибрагима, а потом спросила:

— Как удалось тебе попасть сюда?

И тогда Султан Ибрагим рассказал малике, как ему удалось ее отыскать, а малика — о своих злоключениях. Тем временем возвратился с охоты Алкандив и, увидев незнакомого юношу, страшно вознегодовал.

— Эй, рожденный человеком, как ты здесь оказался и кто позволил тебе явиться в покои моей возлюбленной?

С этими словами он бросился на Султана Ибрагима и вступил с ним в схватку. На беду у шахзаде сломался меч, и, воспользовавшись этим, Алкандив сгреб его в охапку и потащил к реке. Малика в отчаянии металась из стороны в сторону и молила Аллаха о помощи. Шахзаде же не растерялся. Он так крепко уцепился за рога Алкандива, что тот никак не мог сбросить его в реку. Долго возились они на берегу, а потом оба упали в реку. Но и там продолжался поединок — каждый старался утопить другого. В конце

концов шахзаде изловчился и сел Алкандиву на шею. В тот же момент откуда ни возьмись появился громадный кит. Но это успела заметить Рух, она камнем ринулась вниз, подхватила шахзаде и улетела.

Малика, с тревогой следившая за всем происходящим, очень обрадовалась.

А теперь оставим на время малику и Султана Ибрагима, спасенного птицей Рух, и поведем речь о Дайламдиве и Заимдиве — братьях Алкандива.

Когда они узнали, что Алкандива проглотил кит, они решили во что бы то ни стало вызволить его из чрева кита. Малику же они побоялись оставить дома одну, взяли ее с собой и спрятали в роще на берегу реки. А Султан Ибрагим стал просить свою спасительницу Рух слетать во дворец и принести к нему малику Нушафарин. Рух так и сделала. Полетела она во дворец Сулеймана, но малику найти не могла и вернулась ни с чем. Тогда шахзаде стал просить Рух разузнать, где находится малика. Вскоре Рух вернулась и поведала шахзаде Ибрагиму, что малика — в роще и ее зорко стерегут дивы. Шахзаде сел на Рух, и они полетели к роще. Когда братья Алкандива заметили шахзаде, они страшно разгневались.

— Эй, рожденный человеком, — грозно крикнули они, — как посмел ты уничтожить нашего брата! Теперь тебе от нас не уйти!

И Заимдив бросился на шахзаде. А шахзаде опять изловчился и вцепился ему в рога. Долго длился поединок, но наконец шахзаде швырнул дива на землю, уселся ему на грудь и собрался уже отрубить ему голову. Однако Заимдив взмолился о пощаде и поклялся до конца дней быть покорным рабом шахзаде.

— О шахзаде, — сказала птица Рух, — лучше убей этого злого дива, ибо

От рожденных в грехе не добра дожидайся, а зла.
Сколько черную кожу ни три — не отмыть добела.

Но шахзаде, поверив клятвам Заимдива, все-таки пообещал освободить его, если он согласится принять мусульманскую веру. И Заимдив согласился.

Шахзаде снова увидел малику.

И он так ей сказал:

— О дорогая, я люблю тебя больше жизни!

Потом шахзаде попросил птицу Рух отнести малику к его верным спутникам, а сам сел на Заимдива и полетел вслед за Рух с маликой. Через некоторое время они благополучно опустились в том месте, где обретались спутники шахзаде. Три дня они провели все вместе, а на четвертый день шахзаде сказал птице Рух:

— Теперь ты должна нас доставить в страну людей.

И Рух пообещала сделать это на следующий день.

Услышал все это Заимдив, и в голове у него созрел коварный замысел выкрасть малику, унести ее в заколдованный дворец Зангула и поручить заботам своей матери. А потом, погубив шахзаде и птицу, целиком завладеть маликой.

В полночь, когда все крепко спали, Заимдив подкрался к малике, схватил ее и отнес во дворец Зангула к своей матери-колдунье по имени Араиш. И когда старая колдунья узнала о гибели своих сыновей, она пригрозила сжечь малику на костре, а потом отыскать шахзаде и сурово его покарать.

Заимдив заплакал и стал умолять мать:

— О матушка! Не губи малику, я люблю ее, и если ты намерена ее извести, то можешь вместе с нею уничтожить и меня.

Тогда колдунья Араиш бросила малику в темницу.

Малика горько рыдала от отчаяния и страха, но потом постепенно успокоилась, огляделась по сторонам и увидела, что в темнице она не одна, а еще с какой-то девушкой. Они тотчас разговорились, малика поведала ей о своих злоключениях, а та в свою очередь рассказала следующее:

— О сестра, да будет тебе известно, что я — дочь шаха Гулистан Ирама по имени Абдурахман. Меня же зовут Маймуна. Однажды, когда я гуляла со своей кормилицей, Алкандив похитил меня и заточил в этой темнице. Мой отец прибыл сюда с огромным войском, но потерпел поражение, и вот уже три года томлюсь я в заключении.

Малика постаралась ее утешить.

— О сестра, успокойся, — сказала она, — не пройдет и двух дней, как явится Султан Ибрагим и вызволит нас отсюда.

Теперь оставим на время двух юных затворниц и вернемся к шахзаде Султану Ибрагиму.

Султан Ибрагим проснулся очень рано и поспешил к покоям малики, но, не найдя ее там, страшно встревожился. Когда же он узнал, что Заимдив тоже исчез, он встревожился еще больше и стал в отчаянии рвать на себе одежды. Тут птица Рух посетовала на то, что он не послушал ее совета и не уничтожил Заимдива, и вызвалась отправиться на поиски малики. Через несколько дней она возвратилась и сообщила, что малика находится в заколдованном дворце.

Шахзаде попросил птицу Рух отнести его к заколдованному дворцу, чтобы он мог вызволить из темницы свою возлюбленную малику. Рух немедленно исполнила его просьбу, вытащила два пера у себя из крыла и, вручая их шахзаде, сказала:

— Теперь я улетаю. А когда понадобится тебе, сожги одно из перьев, и я сразу же явлюсь на помощь.

Возле заколдованного дворца шахзаде попрощался с птицей Рух и направился к воротам. Ворота оказались открытыми, и он без труда проник внутрь огромного прекрасного сада. Отдохнув немного в этом саду, он достал из-за пазухи ожерелье попугая. И тотчас же предстала перед ним надпись: «Тот, кому откроется тайна дворца Зангула, услышит некие странные звуки. Пусть он не пугается их, а идет дальше, и пусть отыщет глав-

ное строение. Там будет огромный черный камень. Надо подняться на этот камень, и тогда появятся два существа, с которыми придется вступить в единоборство. Однако этого не следует опасаться. А что будет дальше, увидишь сам!»

Шахзаде, прочитав эту надпись, успокоился, проверил, на месте ли его меч, прочел заклинания и смело ступил в заколдованный дворец. И тотчас же его оглушил многоголосый вопль эфиопов: «Быть тебе здесь до Судного дня!» А потом со всех сторон послышалось грозное рычание львов, тигров и драконов. Шахзаде даже глазом не моргнул, и смело подошел к черному камню, и влез на него. И тотчас же появилось множество хищников, но шахзаде, читая заклинания, продолжал стоять на камне. Вдруг, расталкивая зверей, к нему устремился див с огромным бревном на плече.

— Эй, рожденный человеком, — воскликнул див, — хорошо, что ты явился сюда. Наконец-то я отомщу тебе за гибель Алкандива и Дайламдива.

И, сказав так, он швырнул бревно в шахзаде. Однако шахзаде увернулся, выхватил меч и бросился на дива. Вскоре див с отрубленными ногами беспомощно рухнул на землю. Однако тотчас же появился второй див. И прямо на глазах у изумленного шахзаде он превратился в огромного дракона. И снова шахзаде вступил в поединок и после жестокой схватки отрубил дракону голову, и голова эта упала на землю с таким грохотом, будто обрушилась горная лавина. Все вокруг окутала густая пыль, так что некоторое время ничего не было видно.

А когда пыль улеглась, шахзаде увидел, что сад полон диковинных птиц. А под одним из деревьев он заметил старушку, читавшую заклинания по книге. И вдруг рядом со старушкой появилась надпись: «О сын, знай, что главное ты уже совершил. Теперь ты должен вооружиться луком и стрелами и выстрелить в эту злую колдунью. И если ты не поразишь ее одной стрелой, то быть

тебе в этом заколдованном саду до самого Судного дня».

И Султан Ибрагим тотчас взял лук и стрелу и выстрелил так, что старуха-колдунья отправилась в ад. Он вознес благодарственную молитву Аллаху и тут с удивлением обнаружил, что все диковинные птицы попадали с деревьев и неподвижно застыли на земле. И сад куда-то исчез, словно его и не бывало, и только дворец остался стоять, как и прежде. Султан Ибрагим вошел внутрь и увидел перед собой горы жемчуга и драгоценных камней. А чуть поодаль один на другой было свалено огромное множество человеческих скелетов. В тыльной стороне дворца Султан Ибрагим обнаружил колодец со свисающей в него цепью. По этой цепи он спустился на дно колодца и там застал связанных девушек — малику Нушафарин и Маймуну. Султан Ибрагим не мешкая развязал их и вынес из колодца.

Маймуна, поблагодарив своего избавителя, отправилась в страну Гулистан Ирам, и шахзаде с маликой пожелали ей счастливого возвращения домой. Вскоре шахзаде отлучился по какому-то делу, а малика осталась ждать неподалеку от колодца. Вдруг на небе появилось темное облако, из него протянулась какая-то рука и похитила малику. Вернувшись, шахзаде не нашел малики и очень опечалился, не зная, что ему делать. На счастье, он вспомнил о пере, которое ему дала птица Рух. Он сжег его, и в тот же миг птица Рух предстала перед ним. И шахзаде ее спросил:

— О птица Рух, не знаешь ли ты, что случилось с маликой и куда она исчезла?

И птица Рух сказала:

— Успокойся, ее следует искать на горе Каф. Садись ко мне на спину, и я отнесу тебя к твоим спутникам, сама же тем временем слетаю к горе Каф и узнаю, что с маликой.

Так они и сделали.

А теперь вернемся к Маймуне.

Когда она предстала перед изумленным взором Абдурахмана, он спросил:

— О душа моя, поведай, как удалось тебе обрести свободу.

Маймуна рассказала обо всем, что с ней произошло, и добавила, что если бы шахзаде Султан Ибрагим не любил Нушафарин Гавхартадж, то она не мечтала бы о лучшем муже.

Абдурахман немало подивился тому, что шахзаде сумел развеять злые чары колдуньи Араиш, в то время как он сам со своим стотысячным войском оказался совершенно бессильным перед ними. И пожелал Абдурахман отправиться к реке Мухит, дабы лицезреть Султана Ибрагима и поблагодарить его за избавление Маймуны. И не раздумывая долго, он собрался в путь, а вместе с ним и Маймуна.

Шахзаде, восседая на спине у Рух, внимательно осматривал местность, над которой они пролетали, надеясь узреть малику. А в то же самое время унося куда-то малику, Заимдив говорил ей так:

— О красавица, из-за тебя я лишился двух братьев и матери, и в отмщенье я казню тебя такой лютой казнью, что птицы при виде этого зрелища будут плакать.

Малика взглянула вниз и увидела, что под ними находится огнедышащий вулкан, и вдруг ее осенила догадка — сейчас он бросит в огонь и ее и двух птенцов птицы Рух, которые каким-то образом попали ему в руки. Однако судьбе было угодно послать им спасение в облике Маймуны и ее кормилицы. Когда Заимдив разжал пальцы и его несчастные жертвы стали стремительно падать вниз, Маймуна успела на лету подхватить малику, а ее кормилица — двух птенцов птицы Рух.

Тут откуда ни возьмись появились шахзаде с птицей Рух, и, настигнув Заимдива, шахзаде отрубил ему голову.

Маймуна унесла малику и птенцов птицы Рух с собой в Гулистан Ирам, а появившийся вскоре

в окружении дивов и пери Абдурахман воздал Султану Ибрагиму должные почести и сказал:

— О шахзаде, у меня во дворце малика быстро избавится от страха и забудет о пережитых страданиях. Тебя я тоже прошу отправиться с нами в Гулистан Ирам, чтоб я мог отблагодарить тебя за содеянное тобой добро, а потом вместе с маликой ты вернешься восвояси.

Султан Ибрагим с радостью принял приглашение Абдурахмана, и они отправились в путь. А вскоре птица Рух доставила в Гулистан Ирам и спутников Султана Ибрагима, остававшихся на берегу реки Мухит.

Когда малика оправилась от пережитого ею потрясения и узнала, что Султан Ибрагим жив и здоров и тоже находится здесь, она успокоилась. И радостной была их долгожданная встреча.

Десять дней гостили они у Абдурахмана и Маймуны, а на одиннадцатый день шахзаде испросил у Абдурахмана разрешение покинуть его гостеприимную страну. С неохотой и сожалением отпустил Абдурахман шахзаде и малику. А на прощание сказал Султану Ибрагим так:

— О сын мой, я поклялся отдать свою дочь в жены тому, кто ее освободит. Поэтому знай, что Маймуна принадлежит тебе.

— А я поклялся, — отвечал Султан Ибрагим, — что женюсь только на малике Нушафарин.

— Тогда обещай, — продолжал настаивать шах, — что после того, как женишься на малике, ты вернешься к Маймуне.

Шахзаде пообещал, поцеловал руку шаха, а шах поцеловал его в лоб. Затем Султана Ибрагима и малику усадили на трон, и дивы понесли их по воздуху. Маймуна в знак особого уважения сопровождала их до стены Искандара. У границы владений шахзаде пери и дивы распрощались с Султаном Ибрагимом и маликой и попросили разрешения удалиться. Птица Рух, со своими птенцами летевшая следом, тоже попрощалась и при этом дала шахзаде несколько своих перьев.

Когда Султан Ибрагим с маликой и свитой прибыл в страну Сарандиб, он решил отдохнуть здесь несколько дней, а Ханмухаммаду повелел позаботиться о лошадях, чтобы можно было продолжать путь уже по земле.

Оставим их здесь, а пока расскажем об Амирсалиме.

Амирсалим был сыном визиря шаха Джахангира. И визирь, и его сын всегда мечтали породниться с шахом. Однако судьба малики складывалась так, что надеяться на это было трудно, и тогда визирь, отправляя своего сына вместе с шахзаде, дал ему такое напутствие:

— О дитя мое! Если шахзаде развеет злые чары и освободит малику, ты любым способом погуби шахзаде, а малику постарайся благополучно доставить к отцу. Тогда я все устрою так, что ты получишь ее в жены. — И он вручил сыну пузырек с ядом.

И вот Амирсалим, все это время неотступно следуя за шахзаде, постоянно искал случая исполнить свой коварный замысел. Поэтому, когда они прибыли в Сарандиб, Амирсалим решил, что долгожданный момент наступил.

Однажды поздно вечером Амирсалим тайно проник в покои малики, воспользовавшись отсутствием прислужниц, бросил яд в кушанье, предназначенное для шахзаде, и тотчас удалился. Вскоре вернулся шахзаде и, не желая будить спящую малику, приступил к трапезе. И сразу же лишился чувств. Тогда Амирсалим напоил малику усыпляющим зельем, взвалил ее на плечи и поспешил на конюшню. Там он выбрал самую резвую лошадь и отправился прямо в Алеппо.

Тем временем на какое-то мгновение к шахзаде вернулось сознание, и он стал звать на помощь. Вскоре прибежали Ханмухаммад и Хамид и принялись тормозить шахзаде, пытаясь выяснить, что произошло с ним и куда девалась малика, но он уже не мог вымолвить ни слова. И тут Хамида осенила мысль сжечь перо птицы Рух.

Так они и сделали. И прилетела птица Рух и, узнав о случившемся, немедля отправилась к Маймуне. И Маймуна явилась со множеством врачей, и принялись они врачевать шахзаде. Однако он по-прежнему пребывал без чувств. Тогда Маймуна повелела доставить лекаря Насруллу. А когда тот явился и осмотрел шахзаде, он сказал, что надо достать шахское ожерелье. И шах Абдурахман вынул из-за пазухи свое ожерелье. Лекарь положил это ожерелье в рот шахзаде, велел срочно наполнить бассейн молоком, и, когда это было сделано, шахзаде осторожно погрузили в тот бассейн и держали там десять дней. На одиннадцатый день шахзаде открыл глаза, увидел перед собой Маймуну и сказал:

— О Маймуна, да будет тебе известно, что меня пытался отравить Амирсалим. Это он похитил малику. Очень прошу тебя разыскать ее и вызволить из беды.

Маймуна стала успокаивать его:

— Не беспокойся, где бы ни была малика, я непременно найду ее и доставлю к тебе.

Таким образом еще сорок дней лечили шахзаде, а на сорок первый день повели его в баню, потом одели в чистую одежду. Маймуна и ее отец в честь выздоровления шахзаде щедро одарили бедных и страждущих.

Теперь вернемся к Амирсалиму. Отправился он в путь и непрерывно скакал на лошади сорок дней и сорок ночей, а на сорок первый день остановился отдохнуть у родника. И дал он малике выпить снадобье, помогающее от беспамятства.

— Где я и как я сюда попала? — спросила малика, очнувшись. — Почему ты здесь со мной?

И отвечал Амирсалим:

— Да буду я твоей жертвой. Знай, что я отравил шахзаде, и вот уже сорок дней, как нет его на свете, а тебя я везу в Дамаск, чтобы жениться на тебе.

Свет померк в очах малики, когда она услышала эти слова.

— О бездушный негодяй! — вскричала она. — Как смеешь ты помышлять о женитьбе на мне?

Амирсалим решил пуститься на хитрость и для начала припугнуть малику. Он схватился за меч и сказал:

— Ради тебя я оставил богатство и дом! Ты знаешь, что я из знатного рода!

И Амирсалим для устрашения малики снова схватился за меч. Тут малика уже не выдержала и в гневе закричала:

— Ничтожный негодяй, все равно ты ничего от меня не добьешься! — И она бросилась на Амирсалима, и отняла у него меч, и отрубила ему голову. Отрубленную голову своего обидчика она привязала к седлу, переделалась в одежду Амирсалима и, расстроенная и опечаленная, отправилась в путь. И тут откуда ни возьмись появилась птица Рух. Она приняла переодетую малику за Амирсалима и стала требовать, чтобы он признался, что стряслось с маликой.

Малика, увидев птицу Рух, очень обрадовалась, но решила не подавать виду и, изменив голос, сказала:

— Я убил малику. А теперь собираюсь убить шахзаде.

Рассвирепела птица Рух, хотела своим сильным клювом поднять Амирсалима повыше над землей, а потом с размаху бросить его на камень, чтобы он разбился насмерть. Но тут птица Рух заметила привязанную к седлу голову истинного Амирсалима и сразу же все поняла.

— Я должна немедленно доставить тебя к шахзаде, — сказала она.

И она подняла малику вместе с конем на воздух и в мгновение ока доставила ее в Сарандиб.

Когда малика в платье Амирсалима явилась к шахзаде, он немедля схватил кинжал и занес его над головой малики, но на счастье вмешалась птица Рух, и сразу же все выяснилось.

И снова встретились шахзаде с маликой и Маймуной, Ханмухаммадом и Хамидом. Вскоре,

однако, Маймуна распрощалась со своими друзьями и отправилась восвояси.

Оставим Маймуну в пути, а малику — с шахзаде Ибрагимом и вернемся к шахзаде Мухаммаду.

Заходит солнце каждый день, но знаем: будет вновь сиять, — Те, что в живых остались, друг, должны увидеться опять.

Шахзаде Мухаммад обошел весь Дамаск, но так и не нашел малику. Он разослал своих верных слуг в разные концы на поиски малики, но все их усилия оказались напрасными. Прошло некоторое время, и однажды один из слуг доложил, что малика с шахзаде Султаном Ибрагимом только что покинула Сарандиб и направляется в Алеппо. Шахзаде Мухаммад очень обрадовался, собрал многочисленное войско, вышел на пять фарсангов из Алеппо и там разбил свой лагерь. Через несколько дней верные люди донесли ему, что малика и Султан Ибрагим не сегодня-завтра появятся в Алеппо, и он приготовился к решительным действиям.

Едва увидев Султана Ибрагима, шахзаде Мухаммад бросился к нему со своим войском.

— Это я — шахзаде Мухаммад! — грозно провозгласил он. — Если ты желаешь сохранить свою жизнь, то оставь малику, а сам немедленно убирайся отсюда, не то я спущу с тебя шкуру.

Султан Ибрагим обратился к своим спутникам:

— Вот и настало время показать нам свое мужество и храбрость. Пришла пора взяться за мечи.

— Мы всюду пойдем с тобой, — воскликнул Ханмухаммад, и с этими словами они бросились на войско шахзаде Мухаммада. И началась битва, и продолжалась она до полночи. И наконец Ханмухаммад сказал Султану Ибрагиму:

— О шахзаде, этому нет конца. Давай воспользуемся темнотой и покинем это место.

Так они и сделали. Шахзаде с маликой пошли в одну сторону, а Ханмухаммад с Хамидом — в другую.

А когда наступило утро, шахзаде Султан Ибрагим увидел перед собой бескрайнюю пустыню и страшно опечалился оттого, что не было с ним рядом Ханмухаммада и Хамида.

Четыре дня и четыре ночи провели Султан Ибрагим с маликой в пустыне, но так и не нашли своих верных спутников. Кони уже совсем обессилели, и шахзаде с маликой вынуждены были идти пешком. Безжалостно палило солнце, раскаленный песок обжигал ноги. Изнуренные долгой дорогой и жаждой, оба они упали без чувств. А когда пришли снова в себя, они увидели перед собой шаха Абдурахмана и Маймуну и поняли, что находятся в Гулистании Ираме. И шах Абдурахман сказал:

— О дети мои, я посылал одного дива по делу в некое место, и когда он вернулся, то рассказал, что увидел в пустыне двух измученных людей, лишившихся чувств. Я тотчас заподозрил, что это вы, и мы с Маймуной поспешили к вам на помощь.

По просьбе шахзаде и малики шах Абдурахман отправил Фархангдива на поиски Ханмухаммада и Хамида.

Оставим теперь на время Фархангдива и расскажем о Ханмухаммаде.

В битве с шахзаде Мухаммадом Ханмухаммад был тяжело ранен. Истекая кровью, он в бессилии прильнул головой к шее своего коня и опустил поводья. Конь, почуяв неладное, принес его к обители людей, и, когда они проезжали мимо некоего прекрасного сада, Ханмухаммад свалился с коня. А это был сад, где после охоты отдыхала прекрасная дочь шаха государства Антакия по имени Махи Зарафшан. Она вернулась с охоты как раз в тот момент, когда истекающий кровью Ханмухаммад без сознания упал на землю. Махи Зарафшан, едва взглянув на несчастного молодого человека, догадалась о его благородном

происхождении и повелела своим слугам доставить его во дворец. Там она сама омыла его раны и распорядилась приготовить для него пышное ложе. Весь день он проспал, а вечером, когда на столике возле него поставили жареную курицу, он тотчас же пробудился и был немало удивлен, обнаружив, что оказался в роскошном дворце, да еще в обществе такой красавицы. И стрела любви пронзила его сердце. А Махи Зарафшан тоже всем сердцем полюбила его. Однако, опасаясь дурной молвы, она не решилась рассказать о своих чувствах. Так провела она у постели раненого Ханмухаммада десять дней и десять ночей. А потом он поправился, окреп, и они много времени проводили вместе, подолгу беседуя между собой. А еще через несколько дней Махи Зарафшан повелела отвести Ханмухаммада в баню, вымыть его и нарядить в шахские одежды.

Когда же Ханмухаммад предстал пред Махи Зарафшан в шахском облачении, она спросила:

— О юноша, скажи мне, кто ты такой и откуда пришел?

И Ханмухаммад поведал ей всю свою историю. И тогда Махи Зарафшан сказала:

— О юноша, я сейчас же пойду к моему отцу Хисравшаху и расскажу ему о тебе.

И когда отец выслушал ее рассказ, он повелел немедленно привести Ханмухаммада к нему. И Хисравшах проникся симпатией к Ханмухаммаду, и усадил его на трон рядом с собой, и сказал ему:

— О Ханмухаммад, однажды мне довелось встретиться с Адилшахом, и я не допущу, чтобы шахзаде Мухаммад обидел его сына. Завтра же я пошлю против шахзаде Мухаммада войско, которое возглавит Махи Зарафшан.

И действительно, на следующий день собрал он сорокатысячную армию и отправил ее в Алеппо. И через несколько дней та армия прибыла в Алеппо. И тотчас же барабанщики возвестили о начале сражения. Шах Алеппо выставил

тридцатитысячную армию во главе со своим сыном шахзаде Мухаммадом. Первым на поединок вышел Ханмухаммад и сказал:

— Кто знает меня, тот пусть знает, а кто не знает, тому я скажу, что зовут меня Ханмухаммадом и являюсь я визирем шахзаде Султана Ибрагима.

Когда шахзаде Мухаммад услышал имя Султана Ибрагима, лицо его исказилось от страха. Ханмухаммад вызывал его на поединок, и шахзаде Мухаммад вынужден был принять этот вызов. Долго длился поединок, но в конце концов Ханмухаммад вышел победителем, а шахзаде Мухаммад, поверженный, свалился наземь. Когда слуги унесли шахзаде, все его войско обратилось в бегство. А Махи Зарафшан приказала своим воинам преследовать врага до тех пор, пока ни одного из них не останется в живых. В этот момент с облака спустился некий див, которого Султан Ибрагим прислал на выручку Ханмухаммаду. Однако Ханмухаммад отказался покинуть Махи Зарафшан в столь ответственный момент и просил дива рассказать все как есть. Султану Ибрагиму. Тем временем части алеппских воинов удалось уйти от преследования, и, достигнув Алеппо, они успели скрыться за городскими воротами.

Тогда Ханмухаммад со своим войском бросился на штурм, и, сокрушив стену, они ворвались в город. Ханмухаммад сразу же направился во дворец и, взяв в плен Мухаммада и его отца, вознамерился строго покарать их. Но в это время подоспели малика Нушафарин с шахзаде Султаном Ибрагимом и Маймуна.

— О Ханмухаммад, — сказала Маймуна, — я сама накажу их по заслугам.

Приказав строго охранять пленных шаха и шахзаде, Ханмухаммад и Маймуна вошли в шахский дворец и увидели Махи Зарафшан, радостно бросившуюся им навстречу.

— Кто это? — спросила малика у кормилицы.

И кормилица рассказала малике всю историю Махи Зарафшан.

Потом Султан Ибрагим повелел немедля привести к нему Мухаммада. И когда его привели, он положил к стопам Султана Ибрагима множество золота и драгоценностей, надеясь этим искупить свою вину. И Султан Ибрагим великодушно простил его и даже одарил шахской одеждой.

Вскоре Маймуна вернулась к себе в Гулистан Ирам. А Махи Зарафшан известила своего отца о том, что алеппский шах побежден и она вместе с маликой и Султаном Ибрагимом отправляется в страну Чин.

А теперь оставим Султана Ибрагима и его спутников на пути в Чин и вернемся к шахзаде Ильясу.

Возвратившись из Дамаска, Ильяс поспешил в Чин. А вместе с ним и шахзаде Туфан. Они сговорились выследить Султана Ибрагима с маликой, напасть на них и выкрасть малику. Но когда верные люди донесли Ильясу о случившемся в Алеппо, он понял, что не одолеть ему шахзаде Султана Ибрагима, и решил прибегнуть к хитрости: притвориться другом Султана Ибрагима, войти к нему в доверие, а потом уже действовать.

Когда Султан Ибрагим со своими спутниками приблизился к границам Чина, Ильяс и Туфан встретили их с большими почестями и богатыми подношениями. Они всячески старались показать шахзаде Султану Ибрагиму свою преданность и расположение, и шахзаде Султан Ибрагим уверовал в искренность их симпатии и даже пренебрег предостережениями Ханмухаммада.

Прервем на время рассказ о Султани Ибрагиме и вернемся к Хамиду.

В ту печальную ночь, когда шахзаде Султан Ибрагим бился с Мухаммадом, Хамид всю ночь провел в пути, а утром очутился у некоей реки. Здесь, в тени под деревом, он решил отдохнуть. И приснился ему сон: будто плывет он по кровавой реке и, выбившись из сил, того и гляди, утонет.

И он проснулся в холодном поту. Огляделся по сторонам, видит — к нему направляется множество народу. Окружив его плотным кольцом, они связали его и увезли с собой. И доставили его к какому-то человеку, который при виде Хамида громко закричал:

— Подлый вор! Ты похитил все мои богатства! Но тебе этого оказалось мало, и ты еще убил моих детей! Говори немедленно, где твои друзья и сообщники?

Хамид тяжело вздохнул и сказал:

— О Аллах, ведь ты знаешь, что мне ничего не ведомо обо всем этом. Мне достаточно и своего горя.

И тогда тот человек сказал:

— В таком случае расскажи мне свою историю.

Хамид рассказал обо всем, что с ним приключилось, и человек повелел отвезти Хамида к шахзаде Султану Ибрагимму. И если Султан Ибрагим узнает его и подтвердит правильность его слов, тогда Хамида отпустят.

И Хамида снова связали и повезли в страну Чин.

А Султан Ибрагим тем временем надумал покинуть Чин и отправиться дальше. Прознав это, Ильяс с Туфаном решили, что пора осуществить свой коварный замысел.

Улучив момент, они опоили Султана Ибрагима и Ханмухаммада зельем, и те заснули крепким сном. Обрадовались Ильяс с Туфаном и собрались уже их удавить, но не тут-то было: Султан Ибрагим и Ханмухаммад вдруг очнулись и сказали коварным обманщикам:

— За что вы решили учинить над нами злодейство?

— Ты опозорил нас перед Джахангиршахом, — ответили Ильяс и Туфан.

И тогда Ханмухаммад так сказал Султану Ибрагимму:

— Не бойся, эти нечестивцы не смогут причинить тебе никакого зла. Вот увидишь, что

сейчас нам на помощь явятся птица Рух и Маймуна.

Не успел он это сказать, как появилась огромная толпа, в окружении которой шагал Хамид. Увидев Ильяса и заподозрив недоброе, Хамид всполошился:

— Что ты вознамерился сделать с шахзаде Султаном Ибрагимом?

Взъярился Ильяс и повелел подвести Хамида к дереву, дабы повесить его вместе с Султаном Ибрагимом и Ханмухаммадом. Но в этот самый момент из облака простерлась какая-то таинственная рука и унесла Султана Ибрагима. Ильяса охватил страх, и он распорядился отменить казнь, а Ханмухаммада и Хамида бросить в темницу.

Очугившись в воздухе, Султан Ибрагим лишился чувств, а когда опамятовался, то обнаружил, что находится в незнакомой стране, а перед ним сидит какая-то страшная женщина.

— Кто ты такая и как я сюда попал? — спросил Султан Ибрагим.

— Я — колдунья Парваришджаду, — отвечала женщина, — а когда ты убил мою мать, меня не было рядом, но теперь я расправлюсь с тобой так, чтобы твои муки были устрашением для всех прочих людей.

Несколько дней она подвергала скованного цепями шахзаде страшным пыткам.

Потом шахзаде вспомнил, что некогда ему довелось отведать коры дерева авсанг, и поэтому ему не страшны никакие цепи. И едва он коснулся цепей, как они тотчас же упали. Освободившись от оков, он бросился к находившейся рядом суфе, на которой лежало много различного оружия. Он выбрал острый меч и стал ждать появления колдуньи. Когда же она появилась, он бросился к ней и отрубил ей голову. Потом заглянул в жилище колдуньи и увидел там страшную-престрашную старуху.

— Как называется эта земля и кто здесь правит? — спросил Султан Ибрагим.

И старуха отвечала:

— Это — Фаранг.

Султан Ибрагим сжег перо птицы Рух, и она тотчас же явилась к нему и спросила:

— Как ты здесь оказался?

Шахзаде рассказал обо всем, что с ним приключилось, и попросил ее доставить его в страну Чин. Так отправились они в Чин.

Тем временем малика Нушафарин Гавхартадж и Махи Зарафшан три дня ожидали появления Султана Ибрагима, но, так и не дождавшись его, послали слугу узнать, что с ним случилось. Слуга встретил Ильяса, и тот сказал, будто шахзаде отправился на охоту и скоро вернется. Но в этот самый момент из темницы донесся голос Ханмухаммада:

— Не верь этому нечестивцу и обманщику! Три дня назад он вознамерился было повесить шахзаде Султана Ибрагима, и только какая-то таинственная рука уберегла нашего шахзаде от гибели.

Слуга поспешил к малике и поведал ей обо всем, что ему удалось узнать, и малика стала горько плакать. Махи Зарафшан как могла успокаивала ее. Ильяс же приказал закрыть все двери и не выпускать малику и Махи Зарафшан из дому.

А вскоре птица Рух с Султаном Ибрагимом на спине опустилась на крышу того дома, в котором томилась малика. Увидев несчастную малику, Султан Ибрагим в душе поклялся жестоко отомстить Ильясу за страдания своей любимой. И он попросил птицу Рух доставить его в покои Ильяса. На рассвете, едва Ильяс открыл глаза, показалось ему, будто все небо сплошь покрыто перьями. Это пролетела над ним птица Рух.

— Поздравляю тебя, шахзаде Ильяс: ты замышлял повесить меня и завладеть маликой. В действительности же повешенным окажешься ты.

И, покарвав Ильяса, Султан Ибрагим снова улетел на птице Рух.

А шахзаде Туфан и его приближенные поспешили в темницу к Ханмухаммаду и Хамиду, попросили у них прощения и выпустили их на волю.

Так встретились наконец малика, Султан Ибрагим, Ханмухаммад и Хамид. В знак благодарности шахзаде Ибрагим даровал птице Рух нескольких баранов.

Через некоторое время они все вместе покинули Чин и направились в Фаранг. Когда по пути в Фаранг они достигли подножья какой-то горы, увидели они огромное войско. Это войско под предводительством сипахсалара готовилось к битве с фарангцами. Вскоре между предводителями враждующих сторон завязался поединок. Сипахсалар тяжело ранил шаха фарангцев, и тогда фарангское войско обратилось в бегство. Султан Ибрагим разгневался на сипахсалара и так ему сказал:

— Я пришел, чтобы сразиться с тобой, сипахсалар. Готовься к поединку.

Увидев Султана Ибрагима в сопровождении двух юношей с закрытыми лицами, сипахсалар удивился и спросил:

— О незнакомец, откуда ты явился, почему ты изъявил готовность пожертвовать жизнью ради фарангцев?

И Султан Ибрагим ответил:

— Это тебя не касается. Знай одно: ты мне враг, — и, схватив меч, пронзил сердце сипахсалара. И когда воины сипахсалара увидели, как их предводитель замертво упал на землю, они обратились в бегство. Султан Ибрагим повелел своим людям и фарангским воинам преследовать воинов сипахсалара, а сам поспешил к шаху фарангцев — Каниязу — и повелел Ханмухаммаду перевязать его раны, а потом отправить во дворец.

Когда раненого Канияза доставили во дворец, его дочь Хуршеди Аламгир осведомилась у визиря, что произошло, и визирь отвечал:

— Да будет тебе известно, что твоего отца тяжело ранил сипахсалар и наши войска обратились в бегство, но в это время появился некий юноша, который убил сипахсалара и тем самым спас твоего отца.

Когда Канияз пришел в себя и узнал обо всем случившемся, он повелел разыскать того юношу и доставить его во дворец.

Визири разыскали Султана Ибрагима и сообщили ему, что его хочет видеть шах Канияз. И шахзаде в сопровождении Ханмухаммада и Хамида отправился к Каниязу.

Канияз с должными почестями принял гостей, а потом изъявил желание подробнее узнать о своем спасителе. И когда Султан Ибрагим рассказал ему всю свою историю, Канияз заплакал и сказал, что обязательно должны сбыться все желания такого благородного юноши, как Султан Ибрагим. Хуршеди Аламгир, сидевшая за занавесом, слышала этот разговор и, растрогавшись, послала в дар гостям яблоки, гранаты и прочие фрукты. Канияз повелел приготовить для гостей богатые покои, а вечером опять пригласил к себе Султана Ибрагима и его спутников.

И тогда Канияз повел такую речь:

— Я желал бы должным образом отблагодарить тебя за спасение и очень прошу быть моим гостем до тех пор, пока я выздоровею и смогу устроить в твою честь пир. Если же мне суждено умереть от ран, я хочу, чтоб в последний путь проводил меня именно ты.

— Благодарю тебя, — сказал Султан Ибрагим, — но твоему покорному рабу предстоят еще важные дела. А кроме того, меня с нетерпением ждут мои родители.

В это время находившаяся за занавесом Хуршеди Аламгир сказала грустным голосом:

— О шахзаде, пожалуйста, погости у нас.

Когда шахзаде услышал этот голос и узнал, что просьба исходит от дочери Канияза, он, не раздумывая, принял приглашение шаха.

На одиннадцатый день к Султану Ибрагиму явились опечаленные визири и сообщили, что шах Канияз при смерти. Шахзаде Султан Ибрагим и его спутники поспешили в покои Канияза, и Султан Ибрагим сказал:

— Да продлится твоя жизнь, но если ты желаешь изъявить свою последнюю волю, то я готов тебя выслушать и клянусь в точности выполнить твое завещание.

Канияз, плача, отвечал ему:

— Вот и пришел мой смертный час. Есть у меня к тебе одна просьба: после похорон ты должен с моими визириями отслужить молебен по случаю возведения на престол моей дочери, Хуршеди Аламгир. Когда же она начнет править, ты можешь уехать.

И только сказал это Канияз, как тут же отдал душу творцу. Султан Ибрагим в точности исполнил завещание шаха Канияза. На третий день после того, как отслужили молитву в честь Хуршеди Аламгир, Султан Ибрагим увенчал ее голову короной и возвел юную шахиню на престол. А потом был устроен пир, который длился три дня и три ночи. На четвертый день Хуршеди Аламгир пригласила Султана Ибрагима, малику, Махи Зарафшан и их друзей в церковь, дабы показать великолепные росписи на стенах.

— У нас принято изображать на стенах церкви покойных шахов и членов их семей. Это делается для того, чтобы будущие правители помнили своих предшественников и учились у них доброму отношению к своим подданным.

Часть этой стены была сокрыта под занавесом. Там находились изображения Канияза и Хуршеди Аламгир. Султан Ибрагим попросил священника показать ему эти росписи, и когда тот исполнил его просьбу, присутствующие, взглянув на портрет Хуршеди Аламгир, пришли в восхищение.

— О Ибрагим! — вздохнула малика. — Я никогда еще не видела подобной красавицы!

— О любимая! — отвечал ей шахзаде. — Разве может кто-нибудь на свете сравниться с тобой!

— Не лукавь, — отвечала малика, — если даже я, женщина, считаю ее непревзойденной красавицей, то что уж говорить о мужчинах!

Тем временем Хуршеди Аламгир, возвратившись из церкви, не переставая думала о Султане Ибрагиме.

А когда наступило утро и Султан Ибрагим вместе с друзьями пришел в шахский дворец, Хуршеди Аламгир там не оказалось. На их вопрос, где она, приближенные ответили:

— По обычаям нашей страны после возведения на престол молодая шахиня семь дней не должна появляться во дворце.

И на восьмой день дворцовый глашатай возвестил, что нынче в шахском саду будет устроен большой пир, во время которого никто не волен покидать своего дома. А нарушившего сие приказание ждет смертная казнь. Однако Султан Ибрагим и его друзья были одержимы желанием увидеть Хуршеди Аламгир, и тогда малика предложила:

— Когда стемнеет, мы по крышам домов проберемся в сад и, сокрывшись в укромном месте, станем наблюдать за происходящим.

Султану Ибрагиму такое предложение пришлось по душе, однако Ханмухаммад проявил осторожность.

— О шахзаде, — возразил он, — мы, конечно, не пойдем против твоей воли, но не забывай, что в стране фарангов свои обычаи, и если нас уличат в том, что мы их нарушаем, то это может вызвать гнев шахини.

— Что же в таком случае нам делать? — растерянно спросил шахзаде Ибрагим.

— Если ты не в состоянии отказаться от своей затеи, тебе придется прибегнуть к помощи птицы Рух.

Обрадовавшись совету друга, шахзаде сжег одно перо, и перед ним тотчас появилась птица Рух. И сказал ей шахзаде:

— Будь добра, передай Маймуне, что я прошу ее прибыть сюда, дабы сопроводить меня в сад,

где будет устроен пир в честь Хуршеди Аламгир.

Между тем Маймуна, вот уже целый месяц пребывающая в Гулистане Ираме, так истосковалась по шахзаде Султану Ибрагиму, что обратилась к своей кормилице с просьбой, чтобы та слетала в Фаранг и принесла ей от него весточку. Кормилица не мешкая отправилась в путь, однако на глаза шахзаде Султану Ибрагиму решила не показываться, а стала разыскивать его по городу и в конце концов попала в шахский сад. И она увидела там девушку красоты несравненной, — то была Хуршеди Аламгир, — и, возвратясь в Гулистане Ирам, рассказала обо всем Маймуне. В это время появилась птица Рух, и они вместе с Маймуной полетели к шахзаде Султану Ибрагиму.

Увидев Маймуну, Ибрагим спросил:

— О Маймуна, знаешь ли ты, зачем я тебя пригласил?

— Знаю, — отвечала та, — ты хочешь, чтобы я помогла тебе сблизиться с Хуршеди Аламгир, — и добавила: — Я согласна. Только мне нужно сначала найти для тебя подходящее укрытие, потом мы отправимся к Хуршеди Аламгир. — С этими словами она улетела.

Вскоре птица Рух возвратилась без Маймуны, взяла шахзаде, малику и Махи Зарафшан и доставила их в сад, где та их ждала.

— Вы подождите меня здесь, — сказала Маймуна, — я постараюсь привести Хуршеди Аламгир.

— Смотри не напугай ее! — встревожился Султан Ибрагим. — Самое главное, чтобы она ни о чем не догадалась.

Когда Маймуна пришла к Хуршеди Аламгир, то, прикинувшись опьяневшей, прочитала такие стихи:

Я горько плачу, пригвоюсь, что от вина пьяна,
Чтобы никто не мог узнать, в кого я влюблена.

Маймуна осторожно приблизилась к Хуршеди Аламгир, и они несколько мгновений в растерянности смотрели друг на друга. Затем, вспомнив

о гостеприимных обычаях своей страны, Хуршеди Аламгир пригласила гостью к трапезе. Воспользовавшись тем, что прелестная хозяйка, испив вина, опьянела, Маймуна, не испросив ее согласия, понесла ее к своим друзьям. Когда Хуршеди Аламгир немного протрезвилась, она увидела рядом с собой шахзаде Султана Ибрагима, который учтиво протягивал ей чашу с вином. Краска стыда залила лицо Хуршеди Аламгир, и, не внемля просьбам и увещаниям Маймуны и Махи Зарафшан, она низко опустила голову. Видя, что все его усилия тщетны, Султан Ибрагим взволнованно вскочил с места и, сорвав со своей головы корону, бросил ее оземь. Сам же, обливаясь слезами, упал в ноги Хуршеди Аламгир и лишился сознания. Когда он пришел в себя, то увидел, что голова его покоится на коленях у Хуршеди Аламгир. От избытка чувств он обнял ее, поцеловал, и она ответила ему тем же. Немного погодя Хуршеди Аламгир, обратясь к Ибрагиму, сказала:

— О свет моих очей, теперь прошу твоего соизволения удалиться, дабы никто из моих слуг не видел нас рядом.

Возвратясь к приближенным, Хуршеди Аламгир объяснила, что все это время находилась в обществе Маймуны, дочери шаха Гулистан Ирама, и те несказанно обрадовались знакомству своей госпожи с маликой-пери.

На следующий день Султан Ибрагим снова стал просить Маймуну устроить ему свидание с возлюбленной.

Узнав от Хуршеди Аламгир, что та, объясняя свое отсутствие, сослалась на встречу с ней, Маймуна сказала:

— Ты хорошо придумала! Теперь Султан Ибрагим может находиться у тебя.

Маймуна немедленно вернулась к шахзаде, рассказала ему обо всем подробно и, усадив своих друзей на летающий трон, понесла их во дворец Хуршеди Аламгир. Там они веселились и пировали до утра, а с наступлением рассвета Ханмухаммад, обратясь к Султану Ибрагиму, сказал:

— О господин, нам пора!

Тогда Султан Ибрагим, склонясь в почтительном поклоне, молвил:

— О прельстительная Хуршеди Аламгир! Разреши нам удалиться, ибо нас ждет долгий путь.

Однако та стала просить их остаться еще на пять дней, да и сам шахзаде никак не мог с ней расстаться, и обратился он за советом к Ханмухаммаду.

И Ханмухаммад сказал:

— Мы простимся с шахиней и отправимся в дорогу, а она на следующий день догонит нас на летающем троне. Своим приближенным пусть Хуршеди Аламгир скажет, что едет в гости к Маймуне в Гулистан Ирам, и те из страха перед ее дружбой с дивами и пери не выйдут у нее из повиновения, если она будет отсутствовать даже несколько лет.

Выслушав разумные речи Ханмухаммада, Хуршеди Аламгир несказанно возрадовалась и, одарив дорогих гостей богатыми подарками, проводила их за ворота сада.

Тем временем Султан Ибрагим, обратясь к Маймуне, сказал:

— О лунолика, куда отправляйся домой, а тотчас по прибытии в Чин я снова тебя призову.

— Да будет по-твоему, — отвечала ему Маймуна. — Только оставь на всякий случай при себе Фархангдива. Если я тебе понадобится или ты захочешь мне что-нибудь сообщить, он немедленно выполнит твое поручение.

Простились друзья с Маймуной и отправились в дорогу.

По прошествии тридцати дней и тридцати ночей, одолев большую часть пути, они достигли подножья высокой горы, у которой остановились на отдых.

Между тем высокородные приближенные Хуршеди Аламгир задумали свергнуть ее с престола, а шахскую власть передать родственнику покойного шаха Канияза — Каянушу. Сам же Каянуш с войском подошел к Фарангу и остановился

у городской стены. Когда слух об этом дошел до Хуршеди Аламгир, собрала она своих придворных и строго спросила:

— Почему Каянуш задумал против нас недоброе?

— Так всегда бывает, когда правитель страны, пренебрегая интересами верноподданных, предаётся порочным страстям, — отвечали те.

Тогда Хуршеди Аламгир сказала:

— Теперь с этим покончено, и мы должны подумать о безопасности нашего государства.

— Поздно, — возразили придворные. — Всю нашу казну ты отдала Султану Ибрагим, а теперь обращаешься к нам за помощью, печешься о безопасности государства.

Услышав такую отповедь, Хуршеди Аламгир, опечаленная, удалилась. Позвала она в свои покои самых близких и верных людей, и они, не колеблясь, согласились оказать Каянушу сопротивление.

Поутру Хуршеди Аламгир доложили, что Каянуш направился к городским воротам, и она тотчас приказала своим военачальникам готовиться к битве. Внимательно оглядев собравшееся войско, Хуршеди Аламгир облачилась в военные доспехи и заняла место под боевыми знаменами. Приняв ее вызов, Каянуш вышел на поле боя, и напряженный поединок продолжался до вечера. А когда стемнело, барабанный бой возвестил о том, что поединок прерван.

Между тем Султан Ибрагим недоумевал, ибо прошло уже два дня и две ночи, а Хуршеди Аламгир все еще их не догнала. Испытывая все нарастающую тревогу и непреодолимое желание ее увидеть, он поручил малику Нушафарин заботам Ханмухаммада, а сам, усевшись на Фархангдива, полетел в Фаранг. И появился он на месте поединка именно в тот момент, когда Каянуш бросил аркан на Хуршеди Аламгир. Заметив это, Султан Ибрагим грозно закричал, и воинов Каянуша,

увидевших спускающихся с неба человека и дива, объял дикий страх. Султан Ибрагим вступил в поединок с Каянушем, Фархангдив же, хватая по нескольку воинов противника одновременно, подбрасывал их в воздух, так что те, падая на землю, разбивались насмерть. А когда Султан Ибрагим отрубил Каянушу голову, остатки войска обратились в бегство. Воины Хуршеди Аламгир, воспрянув духом, бросились их преследовать. С ненавистью взглянув на труп поверженного врага, Ибрагим поспешил на помощь к Хуршеди Аламгир.

Вдруг откуда ни возьмись появилась Маймуна. Удивился Султан Ибрагим.

— Почему ты здесь? — спросил он у нее.

И Маймуна сказала:

— Я направлялась к тебе и решила по пути повидаться с Хуршеди Аламгир и вдруг увидела все, что тут происходит.

Когда же Султан Ибрагим выслушал рассказ Хуршеди Аламгир о том, как покинула ее часть приближенных в отместку за ее любовь к нему, он воспылил негодованием и, отправив Хуршеди Аламгир и Маймуну во дворец, вошел в город. Придворные, убедившись, что их черные замыслы рухнули, поспешили к нему навстречу и, бросившись ему в ноги, стали слезно просить о пощаде. Однако Султан Ибрагим был неумолим. Он повелел Фархангдиву покончить с предателями, сам же поторопился во дворец, дабы утешить обеспокоенных женщин. Допоздна пировали они в честь одержанной над врагом победы, а с наступлением утра Маймуна испросила его соизволения вернуться домой.

Между тем Султан Ибрагим, нарядив Хуршеди Аламгир в шахские одежды и украсив бесчисленными редкостными драгоценностями, усадил ее на трон и пригласил высокородных придворных, дабы те собственными глазами узрели, сколь неисчислимы богатства сокровищницы их госпожи.

— Да будет известно вам, — возвестил он, стоя неподалеку от трона шахини, — что с нынешнего

дня ваша страна объединяется со страной Чин, правителем коей являюсь я. Властвовать же над вами будет по-прежнему Хуршеди Аламгир. Если вы не согласны с моим решением, я тотчас уничтожу вашу страну.

До смерти перепуганные придворные не стали возражать. Тогда Султан Ибрагим назначил одного из фарангцев визирем и, поручив страну его заботам, вместе с Хуршеди Аламгир отправился в Магриб.

А теперь послушаем о шахзаде Магриба по имени Бахман.

Когда Бахман возвратился из Дамаска и привез с собой шахзаде Масуда, лазутчики донесли ему, что шахзаде Султан Ибрагим остановился в Магрибе. Узнав об этом, он выступил против Султана Ибрагима с сорокатысячным войском. Между тем Султана Ибрагима в Магрибе еще не было, ибо он задержался в Фаранге. Услышав о приближении огромного войска во главе с Бахманом, Ханмухаммад обеспокоился, ибо мог противопоставить ему всего двенадцатитысячную армию, однако про себя решил, что скорее умрет, чем уступит малику врагу. И они сошлись в поединке. Шахзаде Магриба Бахман выступил вперед и сказал:

— Эй, трусливый шах! Где ты притаился? Выходи на поле боя и ты увидишь, на что я способен.

Услышав сей наглый окрик, Ханмухаммад ответил Бахману так:

Того великим ни один мудрец не назовет,
Кто памяти великих душ не чтит, не признает.

И еще добавил:

— Как смеешь ты называть трусом благородного шахзаде Султана Ибрагима!

— А ты передай своему шахзаде, чтобы он не прятался за спинами других, — дерзко заявил Бахман.

Разгневался Ханмухаммад:

— А кто ты такой, что смеешь так неуважительно говорить о шахзаде страны Чин?

С этими словами Ханмухаммад, подняв меч, бросился на Бахмана. Завязалась жестокая схватка, и, когда Ханмухаммад нацелился на голову шахзаде Бахмана, тот успел увернуться, и удар Ханмухаммада пришелся по голове лошади. Ханмухаммад хотел покончить и с Бахманом, но на него набросились воины противника, его оттеснили, а шахзаде Бахмана увели.

Вскоре наступила ночь, битва прекратилась, и Ханмухаммад принялся подсчитывать свои потери. Выяснив, что на поле брани полегло более шести тысяч воинов, он впал в глубокое уныние и вместе с Хамидом стал думать о предстоящем сражении. Прежде всего он повелел малику и ее служанок укрыть в безопасном месте за высокой горой, а всем воинам готовиться к бою.

С наступлением утра войска противников встретились вновь, и, едва завидев Ханмухаммада, шахзаде Бахман язвительно сказал:

— Теперь мне ясно, что Султан Ибрагим, бросив вас на произвол судьбы, трусливо бежал! Лучше отдай мне малику добровольно и ты сохранишь свою жизнь.

Ханмухаммад пришел в неистовую ярость.

— Подлый негодяй! — вскричал он. — Ты не достоин не только малики, но и пыли из-под ее ног!

Услышав такие слова, Бахман разгневался и ринулся на Ханмухаммада.

Долго продолжался поединок. Поначалу Ханмухаммад одолевал противника, даже выбил из рук Бахмана меч, однако тот, явив совершенно неожиданную прыть, поднял его с земли и, изловчившись, ударил Ханмухаммада по голове так, что тот, обливаясь кровью, упал навзничь.

— Я его убил! — возликовал Бахман и принялся неистово разить воинов Ханмухаммада. Освободив себе путь к горе, он стал пробираться к крепости. Между тем оказалось, что Ханмухам-

мад не убит, а только ранен. Он наскоро перевязал свою рану, вскочил на коня и бросился вдогонку за Бахманом. Однако ему на каждом шагу приходилось преодолевать яростное сопротивление воинов Бахмана.

Бахман же, не взирая на то, что с горы на него бросали огромные камни, дабы преградить ему дорогу в крепость, тем не менее мало-помалу приближался к цели.

Увидев это, малика и находившаяся с ней Махи Зарафшан упали на колени и, воздев руки к небу, обратили свои молитвы к Аллаху, дабы тот помог им спастись от преследования. Вдруг они увидели летящего Фархангдива с Султаном Ибрагимом на спине. Когда те опустились на землю и обнаружили раненого Ханмухаммада и приближающегося к малике Бахмана, Султан Ибрагим понял, что тут произошло. Он смело устремился навстречу врагу и издал призывный клич, от коего содрогнулись все воины Бахмана. А потом он схватил меч и так стал разить врага, что за короткое время изрубил триста вражеских воинов. И сказали магрибцы своему предводителю:

— О Бахман, оглянись назад.

Оглянулся Бахман, увидел движущегося на него Султана Ибрагима и волей-неволей вынужден был пойти ему навстречу.

Тогда Султан Ибрагим громким голосом сказал:

— Может быть, тебе неизвестно, кто я такой? Так знай, я — сын Адилшаха, шахзаде Чина Султан Ибрагим.

С этими словами Султан Ибрагим рассек туловище Бахмана пополам. Увидев, что их предводитель повергнут в прах, воины-магрибцы разбежались кто куда.

Счастливые малика и Махи Зарафшан спустились с горы к Султану Ибрагиму. К нему же доставил Фархангдив и шахзаде Масуда, и шахзаде Саида. Оба они бросились Ибрагиму в ноги и стали молить его о прощении. И в честь одер-

жанной победы он их простил, подарил им по коню и назначил Масуда шахом Магриба.

По прошествии месяца Султан Ибрагим повелел снарядить двух верблюдов с паланкинами и подготовить все необходимое для длительного путешествия и, усадив в те паланкины малику Нушафарин и Махи Зарафшан, отправился в Дамаск. Два месяца провели они в дороге, а в начале третьего, приблизясь к Дамаску, известили Джахангиршаха о своем скором прибытии.

Джахангиршах несказанно возрадовался и приказал слугам подобающим образом украсить город, зажечь повсюду факелы и светильники, а своим верноподданным облачиться в праздничные одеяния. Он выслал навстречу Султану Ибрагиму и малике Нушафарин тридцать тысяч высокогородных граждан Дамаска, и в двадцати фарсангах пути от Дамаска они разбили большой лагерь из нарядных шатров, в коем находились и танцоры, и певцы, и музыканты.

После нескольких дней ожидания вдали показались знамена Махи Зарафшан, и первым под ними выступал Султан Ибрагим. Едва завидев торжественное шествие, Джахангиршах устремился к нему с великим нетерпением.

Тем временем шахзаде Султан Ибрагим, Ханмухаммад, Хамид и все их военачальники спешили, отдавая честь прославленному падишаху, тот же в свою очередь обласкал их, словно родных, и с великими почестями препроводил во дворец. Когда малика Нушафарин предстала пред ясные очи Джахангиршаха и он увидел ее целой и невредимой, то от радости лишился чувств. Его тотчас обрызгали ароматной водой, и он опамятовался и, обливаясь слезами, прижал к своему сердцу долгожданную и ненаглядную Нушафарин, с коей на много лет разлучила его судьба. Затем, несколько успокоившись, спросил у Султана Ибрагима, как удалось ему ее найти. Шахзаде Султан Ибрагим подробно поведал Джахангиршаху о всех своих приключениях.

Когда же Ибрагим рассказал о коварной измене Амирсалима, Джахангиршах строго взглянул на своего визиря и при этом сказал:

— Так вот кто оказался предателем, от коего предостерегал нас некогда Файяз-абид!

Сказав так, он приказал негодяя-визиря казнить.

Джахангиршах просил шахзаде Султана Ибрагима уговорить Ханмухаммада, дабы тот изъявил согласие стать его визирем. Однако шахзаде почтительно отказался, сказав, что не в силах разлучиться со своим лучшим другом, которому он обязан жизнью и счастьем, и при сем стал так расхваливать Хамида, что Джахангиршах счел его достойным занять пост визиря. И Хамида тотчас облачили в богатые одеяния и усадили на визирский курси рядом с Джахангиршахом.

Потом Джахангиршах, Султан Ибрагим, Ханмухаммад и Хамид отправились к Файяз-абиду. Едва завидев мудрого старца, шахзаде Ибрагим бросился ему в ноги, остальные же склонились в почтительном поклоне. Файяз-абид, выразив свое радушие, принял их с большими почестями. После обильного угощения, обратясь к шахзаде Ибрагиму, Файяз-абид сказал:

— О сын мой, много испытаний и мук выпало на твою долю, однако в награду Аллах послал тебе любовь прекраснейшей из прекрасных. Да возглавит имя твое книгу о верных влюбленных!

В довершение ко всему он научил шахзаде Султана Ибрагима заклинанию, которое поможет ему впредь одерживать победу над любым врагом, и благословил его брак с маликой Нушафарин Гавхартадж. После же Файяз-абид сказал:

— О великий Джахангиршах! Теперь ты достиг желаемого. Передай свою корону достойному преемнику — шахзаде Султану Ибрагиму, сам же удались от мирских дел и предайся молитвам о благополучии твоих детей.

Затем, воздав должное Ханмухаммаду, Файяз-абид сказал так:

— Ты молодец, о сын мой! Ты постоянен и надежен в дружбе, и да будет имя твое вписано в книгу о дружбе благородных людей. Что же касается очаровательной Махи Зарафшан, то лучшей подружки жизни тебе и желать нечего!

И последнее напутствие-предсказание относилось к Хамиду.

— О благородный Хамид. Скрестил всемогущий Аллах твою судьбу с судьбой Султана Ибрагима, и благодаря этому ты стал знатным и богатым. А вскоре он соединит тебя с дорогой твоему сердцу маликой Джахансуз.

Поблагодарив мудрого старца и испросив его соизволения, почетные гости вернулись во дворец. По прошествии месяца Султан Ибрагим послал Фархангдива за Маймуной и, когда та появилась, просил ее подготовить Нушафарин Гавхартадж к свадьбе.

Когда свадебные бдения закончились, Джахангиршах и высокородные придворные с почестями проводили шахзаде Ибрагима в покои малики Нушафарин и оставили их наедине.

Поутру шахзаде Султан Ибрагим пришел к Джахангиршаху, воздал ему подобающие почести, тот же усадил его рядом с собой на троне. И оба они светились радостью, и было видно, что они достигли своих желаний. Тогда, обратясь к Ибрагиму, Хамид сказал:

— О дорогой друг! Теперь мое счастье зависит от твоей помощи.

— Ты прав, — отвечал ему шахзаде. — Я забылся. Пора мне подумать и о друзьях.

И он тотчас написал послание шаху Искандару, прося у него руки малики Джахансуз для своего друга Хамида.

Вручая послание верному Ханмухаммаду, Ибрагим сказал:

— Ты поедешь в Камарин и привезешь сюда малику Джахансуз. Если же отец ее воспротивится, можешь прибегнуть к помощи меча.

И Ханмухаммад не мешкая в сопровождении двухтысячного войска отправился к шаху Искан-

дару. Узнав о прибытии посланца Султана Ибрагима, шах Искандар выслал ему навстречу своих придворных, и принял его с надлежащими почестями, и поместил неподалеку от своих покоев. С наступлением утра Ханмухаммад вручил шаху Искандару послание шахзаде Ибрагима, и, прочитав то послание, падишах, разгневавшись, сказал:

— Моя дочь шахских кровей, и я не могу позволить, чтобы она стала женой простолюдина Хамида. Если же Султану Ибрагиму нужна моя голова, я готов пожертвовать ею ради счастья своей дочери. Ступай и передай своему шахзаде, что другого ответа он от меня не услышит.

— Без Джахансуз, — сказал Ханмухаммад, — я не могу вернуться. И если ты не отдашь ее добровольно, мне придется прибегнуть к силе.

Услышав такие слова, один из военачальников шаха Искандара пришел в ярость и, выхватив меч, бросился на Ханмухаммада. Однако Ханмухаммад, отразив ловким движением удар противника, разрубил его на две части.

Тут завязалась жестокая битва между войском Ханмухаммада и шаха Искандара, в результате коей все воины шаха Искандара погибли. И тогда шах Искандар струсил, ибо почувствовал, сколь силен шахзаде Султан Ибрагим, и сообщил Ханмухаммаду, что согласен пойти на уступки.

Ханмухаммад не мешкая взял Джахансуз и отправился в Дамаск. Когда они прибыли в шахский дворец, Джахансуз проводили к малике, и та от всего сердца приветствовала гостью.

— Вот и пришла, Хамид, пора твоего счастья! — возрадовался Султан Ибрагим.

— О друг мой! — сказал ему Хамид. — У меня к тебе еще одна просьба. Испроси у Джахангиршаха для меня разрешение отправиться вместе с тобой в Чин, дабы мы отпраздновали наши свадьбы одновременно.

— Да будет по-твоему, — ответил ему Султан Ибрагим, и, заручившись согласием Джахангиршаха, они стали собираться в путь.

Простившись с Джахангиршахом и всеми придворными, шахзаде Султан Ибрагим, малика Нушафарин Гавхартадж, Ханмухаммад, Махи Зарафшан, Хамид и Джахансуз в сопровождении приближенных и слуг отправились в Чин.

По прошествии некоторого времени они достигли берега какой-то реки и решили немного отдохнуть. Фархангдиву Султан Ибрагим поручил охранять их покой.

Оставим их на берегу реки, а сами послушаем о братьях колдуни Парваришджаду, Пульфане и Заркаме, кои в момент расправы Султана Ибрагима с их сестрой находились на горе Каф.

Сейчас, проходя мимо спящих, они узнали шахзаде Султана Ибрагима и вознамерились было его убить. Однако он вовремя проснулся, схватился за меч, и между ними разгорелся бой. Долго бились они, и в конце концов одному из братьев-колдунов — Пульфану — удалось выбить меч из рук шахзаде и повалить его на землю. Но как раз в этот момент проснулась малика. Увидев, что Ибрагим попал в беду, она вскочила и, подняв его меч, отрубила Пульфану голову. С Заркамом же Ибрагим расправился за одну минуту.

И приказал шахзаде Фархангдиву, чтобы тот бросил трупы колдунов в реку. Написав своему отцу послание, шахзаде отправил его с нарочным и вскоре вместе со своими спутниками снова двинулся в дорогу.

Прочитав послание сына, Адилшах одарил нарочного богатыми подарками, щедро наградил бедных и нищих, а потом приказал своим слугам украсить все города и селения, мимо коих будет следовать Султан Ибрагим. На радостях он выпустил из темниц заключенных и на семь лет освободил своих подданных от поборов. И еще повелел Адилшах всем высокородным придворным облачиться в праздничные одежды и выйти навстречу шахзаде Султану Ибрагиму. Дорожным же мастерам приказал привести в порядок дорогу, по которой проследует шахзаде.

И тотчас двенадцать тысяч рабочих принялись разравнивать дорогу. После же вышло двенадцать тысяч водоносов, которые должны были полить ту дорогу.

Тем временем на возвышенности установили богатый шатер Адилшаха, дабы отец смог первым увидеть караван сына.

По прошествии некоторого времени вдали показался шахзаде со своими спутниками, и великая радость охватила Адилшаха и всех его подданных.

Когда отец и сын бросились друг к другу в объятия, одни кричали от восторга, прочие плакали от радости. И все тотчас отправились в столицу. Прибыв во дворец, Султан Ибрагим прежде всего поспешил к своей матери, повелев прислужницам отправить малику Нушафарин, Махи Зарафшан и Джахансуз на женскую половину дворца.

Через несколько дней шахзаде, обратясь к Ханмухаммаду, сказал:

— А теперь ступай к моему отцу и скажи ему, что пора готовиться к свадьбе.

Ханмухаммад отправился к Адилшаху и, получив его согласие на свадьбу шахзаде Ибрагима, повелел глашатаям объявить по всей стране о предстоящем бракосочетании шахзаде Султана Ибрагима и малики Нушафарин Гавхартадж.

Шахзаде позвал к себе Фархангдива и велел ему немедля лететь к Маймуне, дабы доставить ее во дворец. Затем шахзаде Ибрагим сжег перо птицы Рух, и та тотчас предстала перед ним.

— Лети за Хуршеди Аламгир, — повелел Ибрагим.

Когда же Рух и Фархангдив доставили Маймуну и Хуршеди Аламгир, их с подобающими почестями приняла малика Нушафарин.

Шахзаде Ибрагим велел пригласить на свадьбу Ильяса, Туфана, Саида и Масуда. И все они прибыли с многочисленными дарами, достойными шаха и шахзаде. Из страны Камарин приехал Искандаршах, из Антакии — Хисравшах, а из Дамаска — Джахангиршах. Маймуна приказала своим

дивам и пери в день свадьбы летать над городом с факелами. Искусные танцоры, музыканты и певцы не уставали развлекать гостей.

Семь дней и семь ночей продолжалось пышное празднество. А после свадебного бдения малику Нушафарин Гавхартадж проводили к брачному ложу. И показалась она шахзаде Султану Ибрагиму во сто крат прекраснее. И страстное желание охватило его пуще прежнего, и, казалось, во всем мире нет существ более любящих и более счастливых, чем они. Трое суток провели молодые наедине.

Потом шахзаде совершил омовение и, облачившись в шахские одеяния, отправился во дворец. Вскоре устроили пышную свадьбу Ханмухаммада и Махи Зарафшан, а затем Хамида и малики Джанхансуз. Так, преодолев много невзгод и трудностей, трое влюбленных обрели наконец счастье.

КОММЕНТАРИИ

СЕМЬ ПРИКЛЮЧЕНИЙ ХАТЕМА

Перевод осуществлен по критическому тексту: «Саргузашти Хотам» («Приключения Хатема»), в серии: «Образцы художественной персидско-таджикской прозы», Душанбе, изд-во «Ирфон», 1967, 300 с. (на тадж. языке).

Текст составлен Дж. Азизкуловым и С. Давроновым на основе двух бухарских рукописей середины XIX в. и одного индийского литографированного издания 1894 г. Произведение именуется по-разному: кроме двух упомянутых в предисловии названий, также: «Повесть о Хатеме Тайском» и др.

Стр. 19. *Хатем* — имя доисламского арабского поэта (V–VI вв.) Хатема Тайского (из племени тай). Поскольку в сказочной книге он «превратился» в царевича, а впоследствии — в шаха страны Йемен (в романе это — некая сказочная страна), ему присвоена и иная, фантастическая генеалогия: «Хатем, сын Тая, внук Кахлана, правнук Сина» (см. «Начало книги»).

Стр. 24. *Шахзаде* — царевич, принц.

Стр. 25. *Хорасан* — область, расположенная между Ираном и Средней Азией.

Стр. 26. *Ходжа Барзах*. — Ходжа — почтительная приставка к имени: «хозяин», «почтенный, досточтимый господин».

Хуснбану — имя, означающее «обладательница красоты», «прекрасная госпожа».

Малика — царица, принцесса.

Стр. 29. *Дастархан* — скатерть, на которой ставилось угощение, отсюда: угощение.

Курпача — ватное одеяло, служившее подстилкой для сидения.

Стр. 30. *Хаджиб* — страж, привратник.

Стр. 31. *Есаул* — посыльный.

Визирь — министр.

Стр. 37. *Кульзум* — здесь: сказочная огромная река.

Стр. 39. *Мисвак* — зубочистка, сделанная из твердого растительного корня; обычно такими зубочистками пользовались дервиши.

Стр. 42. *Кутвал* — начальник ночной стражи.

Стр. 45. *Мюрид* — последователь «святого» (шейха), его безропотный послушник, о котором пословица говорит: «Мюрид в руках шейха должен быть подобен трупу в руках омывателя трупов».

Муршид — то же, что шейх, предводитель братства дервишей.

Стр. 46. *Харам* — гарем.

Стр. 47. *Фарсанг* — мера длины, ок. четырех английских миль.

Стр. 51. *Каландар* — дервиш, бродячий нищенствующий монах, мюрид какого-либо муршида, шейха.

Стр. 60. *Пери* — сказочное человекоподобное существо необычайной красоты, доброе или злое, чаще женского пола.

Стр. 70. *Суфа* — невысокая тахта.

Стр. 81. *Айван* — крытая галерея.

Див — звероподобный демон, обычно злой, обладавший сказочным могуществом.

Стр. 88. *Миришаб* — то же, что кутвал, начальник ночной стражи.

Стр. 89. *Газ* — мера длины, ок. аршина.

Стр. 93. *Чин* — китайский Туркестан (Синьцзян), здесь: сказочная страна на Дальнем Востоке.

Стр. 96. *Курси* — невысокий стул.

Стр. 109. *Хуснапери* — имя, означающее «пери красоты», «прекрасная пери».

Стр. 124. *Муваккал* — слуга, подававший угощения.

Стр. 144. *Каф* — легендарная высокая гора (от названия «Кавказ» — Кавказ).

Стр. 152. *Хауз* — бассейн.

Стр. 166. *Ходжа Хизр* — господин Хизр — пророк-чудо-

творец, облаченный в зеленое одеяние; попечитель странников.

Стр. 187. *Бутемар* — легендарная птица, символ печали.

Стр. 188. *Кебаб* — жареное мясо, шашлык.

Стр. 193. *Нуда* — здесь: название сказочной горы.

Стр. 196. *Дуг* — кислое молоко, творог.

Стр. 203. *Искандар* — восточное именование Александра Македонского.

Стр. 209. *Нушлаб* — имя, означающее «сладкоустая».

Стр. 218. *Сулейман* — царь Соломон Мудрый. См. коммент. к следующей повести.

Стр. 225. *Стена Искандара* — сказочный вал, воздвигнутый якобы Искандаром для защиты от нападений диких племен; в переносном смысле: непреодолимая преграда.

Стр. 235. *Каюмарс* — легендарный первоцарь-первочеловек (о нем подробно повествуется в «Шах-наме» Фирдоуси).

Стр. 236. *Люнги* — полотенце для обтирания.

Стр. 238. *Мискал* — золотник.

Стр. 245. *Каяниды* — легендарная, самая древняя иранская династия, воспетая в «Шах-наме».

РАССКАЗ О ПРОРОКЕ СУЛЕЙМАНЕ,

ПТИЦЕ СИМУРГ И ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИИ СУДЬБЫ

Перевод осуществлен по тексту в рукописи № 167 (повесть за № 29).

Стр. 289. *Сулейман* — библейско-коранический образ реального исторического лица — царя (до н. э.) Соломона Мудрого, знавшего, по преданию, язык растений, птиц и зверей.

Стр. 290. *Западные земли* — сказочное название стран Европы.

ИСТОРИЯ СУЛТАНА САНДЖАРА

Перевод осуществлен по тексту в рукописи № 167 (повесть за № 25).

Стр. 319. *Султан Санджар* — вошедший в предания и сказки образ великого государя, имеющий прототипом реальное историческое лицо, шаха Санджара (XII в.). Шах

Санджар — наиболее прославленный представитель династии Сельджукидов, создавших великую державу, включавшую в себя земли Ирана и Средней Азии.

Стр. 329. *Зангбар* — Абиссиния; здесь: полусказочная страна.

РАССКАЗ О ХАБИБЕ АТТАРЕ И ОБ АДЕШЕ

Перевод осуществлен по тексту в рукописи № 167 (повесть за № 35).

Стр. 339. *Абдаллах Аббас* — идеализированный образ реального исторического лица — царя (халифа) из арабской династии Аббасидов (VIII в.), покровительствовавшей иранской (персидско-таджикской) аристократии.

Стр. 343. *Аттар* — аптекарь, торговец зельем; здесь: Хабиб Аттар — колдун, пользовавшийся волшебными средствами.

Стр. 346. *Адеш* — пери мужского пола, добрый дух.

РАССКАЗ О ШАХЕ АУРАНГЗЕБЕ И ХОДЖЕ МАХДИ

Перевод осуществлен по тексту в рукописи № 167 (повесть за № 24).

Стр. 360. *Суфий* — последователь мистического учения и член братства дервишей.

Ханака — часовня суфийского шейха.

РАССКАЗ О МАЛИКЕ НУШАФАРИН ГАВХАРТАДЖ И ЕЕ НЕВЕРОЯТНЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЯХ

Перевод осуществлен по тексту в рукописи № 167 (повесть за № 13). Текст представляет собою более раннюю (но не раньше XVII в., о чем свидетельствует путешествие к фарангам, т. е. в Европу) и «малую» версию повести, в отличие от более поздней, — и составленной на ее основе.

Стр. 369. *Нушафарин* — женское имя, означающее «происходящая из источника сладости», «сладкорожденная». *Гавхартадж* — женское имя, означающее «жемчужный венец».

Стр. 377. *Алеппо* — название города в Сирии; здесь: сказочный город.

Стр. 391. *Рустам* — прославленный иранский богатырь, воспетый в «Шах-наме».

Азраил — ангел смерти.

Стр. 397. *Магриб* — западные арабские земли в Африке (Тунис, Марокко, Алжир).

Стр. 405. *Гулистан Ирам* — сказочный райский сад, букв. «цветник Ирама».

Стр. 410. *Сарандиб* — остров Цейлон; здесь: сказочный остров.

Стр. 414. *Антакия* — сказочная страна.

Стр. 420. *Фаранг* — европеец (от слова «франк»); также — Европа.

Стр. 421. *Сипахсалар* — военачальник, главнокомандующий.

Канияз — искаженное: «князь»; сказочное имя «европейских» царей.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. Брагинский. Об «Иранской сказочной энциклопедии»</i>	5
--	---

ИРАНСКАЯ СКАЗОЧНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ СЕМЬ ПРИКЛЮЧЕНИЙ ХАТЕМА

Начало книги	19
Рассказ о шахе Хорасана и дочери купца Ходжи Барзаха	25
<i>Приключение первое</i>	58
<i>Приключение второе</i>	78
<i>Приключение третье</i>	127
<i>Приключение четвертое</i>	163
<i>Приключение пятое</i>	191
<i>Приключение шестое</i>	214
<i>Приключение седьмое</i>	243
Рассказ о пророке Сулеймане, птице Симург и пред- определении судьбы	289
История султана Санджара	319
Рассказ о Хабибе Атгаре и об Адеше	339
Рассказ о шахе Аурангзебе и Ходже Махди	357
Рассказ о малике Нушафарин Гавхартадж и ее неве- роятных приключениях	367
<i>Комментарии</i>	441

И 77 Иранская сказочная энциклопедия. Пер. с фарси А. Дуна и Ю. Салимова. Сост., предисл. и коммент. И. Брагинского. М., «Худож. лит.», 1977.

446 с.

«Иранская сказочная энциклопедия» представляет собой сборник сказок, исполнявшихся в течение веков народными сказителями на базарах и площадях.

В сборнике представлено два основных сказочных жанра: народный роман о благородном юноше Хатеме, совершающем чудесные подвиги во имя справедливости, а также пять фантастических повестей любовного и дидактического характера.

И $\frac{70700-216}{028(01)-77}$ 193-77

И (Иран)

**Иранская сказочная
энциклопедия**
СБОРНИК

Редактор
Л. Урицкая

Художественный редактор
Ю. Коннов

Технический редактор
Г. Лысенкова

Корректор
Л. Коншина

ИБ № 640

Сдано в набор 5/1—1977 г. Подписано
в печать 14/VII—1977 г. Формат 84 ×
× 100^{1/32}. Бумага типогр. № 1. 14 печ. л.
21,784 усл. печ. л. 20,593 уч.-изд. л.
Заказ 1015. Тираж 50 000 экз. Цена 2 руб.

Издательство «Художественная литера-
тура». Москва, Б-78. Ново-Басманная, 19

Ордена Трудового Красного Знамени
Ленинградское производственно-техни-
ческое объединение «Печатный Двор»
имени А. М. Горького Союзполи-
графпрома при Государственном комите-
те Совета Министров СССР по делам
издательств, полиграфии и книжной
торговли. 197136, Ленинград, П-136,
Гатчинская ул., 26

